

Министерство образования и науки РФ
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

**НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО**

**Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ**

№ 1 (41)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского госуниверситета
2016

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.**
№ 1 (41). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2016. – 198 с.

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

А.О. Грудзинский – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:

- Б.И. Бедный (*зам. главного редактора*) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Ю.И. Александров – д.психол.н., проф. (Институт психологии РАН);
В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва);
Х.В. Боссонг – PhD, Prof., Dr. (Университет Дуйсбург-Эссен, Германия);
Ю.Р. Вишневский – д.филос.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); Е.Н. Волкова – д.психол.н., проф.
(НГПУ им. К. Минина); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПбУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab., Associate Prof.
(Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.В. Кузнецов – д.э.н., чл.-корр. РАН
(Институт мировой экономики и международных отношений РАН); Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф.
(ННГУ им. Н.И. Лобачевского); С.В. Ледеява – PhD, Assistant Prof. (Университет Аалто, Финляндия);
М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М. Помпелла – PhD, Prof.
(Университет г. Сиена, Италия); А.В. Мудрик – д.пед.н., проф. (МПГУ);
В.В. Николина – д.пед.н., проф. (НИРО); Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф.
(Институт социально-политических исследований РАН); Л.М. Попов – д.психол.н., проф. (КФУ);
Н.С. Пурешева – д.пед.н., проф. (МПГУ); М.А. Родионов – д.пед.н., проф. (ПГУ);
З.Х. Саралиева – д.и.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Г. Стартиене – к.э.н., проф. (Каунасский технологический университет, Литва);
О.В. Трофимов – д.э.н., доц. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф.
(НИУ ВШЭ, г. Москва); С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
<http://www.vestnik-soc.unn.ru/>

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

VESTNIK
OF
LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNI NOVGOROD
SOCIAL SCIENCES

No. 1 (41)

Nizhni Novgorod
Nizhni Novgorod University Press
2016

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Social Sciences. No. 1 (41). – Nizhni Novgorod: Nizhni Novgorod University Press, 2016. – 198 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief

A.O. Grudzinskiy – D.Sc. (Sociology), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.;
Yu.I. Alexandrov – D.Sc. (Psychology), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.;
H.W. Bossong – PhD, Prof. Dr.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.;
E.N. Volkova – D.Sc. (Psychology), Prof.; I.V. Grebenev – D.Sc. (Pedagogy), Prof.;
I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.;
L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.;
A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS;
Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; S.V. Ledyeva – PhD, Assistant Prof.;
M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.; M. Pompella – PhD, Prof.;
A.V. Mudrik – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.;
G.I. Osadchaya – D.Sc. (Sociology), Prof.;
L.M. Popov – D.Sc. (Psychology), Prof.; N.S. Puryшева – D.Sc. (Pedagogy), Prof.;
M.A. Rodionov – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; Z.H. Saralievа – D.Sc. (History), Prof.;
G. Startienė – Prof., Dr. of Social Sciences (Economics);
O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; A.Yu. Chepurensko – D.Sc. (Economics), Prof.;
S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:

<http://www.vestnik-soc.unn.ru/>

**ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО**

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 1 (41)

2016

Главный редактор
д.соц.н., проф. А.О. Грудзинский

Формат 60×84 1/8.

Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. 27,1. Усл. печ. л. 23. Тираж 100 экз. Заказ № 223.

Издательство Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского.
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Оригинал-макет подготовлен к печати отделом дизайна
РИУ ННГУ им. Н.И. Лобачевского
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Компьютерная верстка: М.Л. Тимошенко, В.В. Шеина

Отпечатано в типографии
Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-59595 от 10.10.2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

<i>Вильданов В.К., Липин А.С., Маркова С.Е., Мичасова О.В.</i> Имитационное моделирование процесса замещения технологий	9
<i>Горбунова М.Л., Овчинников В.Н., Апыхтина А.Ю.</i> Анализ китайских прямых инвестиций в субъекты Российской Федерации.....	16
<i>Трифонов Ю.В., Шестерикова Н.В.</i> Моделирование стратегии развития предприятия на основе системы сбалансированных показателей	22
<i>Дружиловская Э.С.</i> Современные проблемы оценки активов в российском бухгалтерском учете	29
<i>Суворова Л.В., Суворова Т.Е., Куклина М.В.</i> Анализ моделей оценки стоимости капитала.....	38
<i>Ефимова О.Ю.</i> Адаптивная модель управления качеством городского пассажирского транспорта.....	48
<i>Борисова С.П., Гришунина И.А., Яшина Н.И.</i> Оценка эффективности бюджетных расходов в образовательных организациях.....	55
<i>Аллард Ван Рил, Трофимов О.В., Новикова Д.С., Наконечный Н.И.</i> Особенности отбора инвестиционных проектов с использованием матрицы оценки рисков.....	62

Социологические науки

<i>Зборовский Г.Е.</i> Общностный подход как методология социологического исследования.....	71
<i>Филипова А.Г.</i> Детство в фокусе отечественных социологических исследований	80
<i>Козырьков В.П.</i> Социокультурная концепция семьи: факторы, формы и механизмы ее становления.....	88
<i>Вишневский С.Ю., Вишневский Ю.Р.</i> Опыт реформирования системы социальной работы в Польше	97
<i>Мальцев К.Г., Зайцева Е.А.</i> Неолиберальный дискурс терроризма: исследование обоснованности замены «дискурса войны» «дискурсом ненависти»	104
<i>Птицына Н.А.</i> Следование профессиональным стандартам.....	113
<i>Чеглакова Л.М., Кабалина В.И.</i> Вовлечённость персонала: теоретические подходы, эмпирические результаты	121
<i>Чилипенко Ю.Ю., Осипова О.С.</i> Современный работник малого и среднего бизнеса как субъект социально-трудовых отношений.....	129
<i>Мигунова А.В.</i> Студенческий исследовательский проект «Трудоустройство выпускников специальности/направления подготовки «Социальная работа».....	138
<i>Серафимов М.М.</i> Теория элит и проблема кадрового потенциала системы муниципального управления.....	145
<i>Казакова А.Ю.</i> Улучшение жилищных условий в надеждах и планах калужан: итоги опроса.....	151

Педагогические науки

<i>Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А.</i> Обучение детей мигрантов в Западной Европе: существующие подходы и их эффективность	158
<i>Деревянченко Е.А.</i> Проблемы межкультурного взаимодействия в педагогических исследованиях.....	168
<i>Акутина С.П., Щелина Т.Т.</i> Современные модели кураторства в высшем образовании	173
<i>Мичасова О.В.</i> Применение проектного метода и методик активного обучения для развития системного мышления у студентов	179
<i>Казарин П.В., Полушкина С.В.</i> Алгоритм конструирования учебного процесса на основе учебного физического эксперимента	185

Симонов А.В., Антонюк А.В. Реализация междисциплинарного подхода при подготовке студентов учебного военного центра гражданского вуза	191
Авторы	196

CONTENTS

Economic sciences

<i>Vildanov V.K., Lipin A.S., Markova S.E., Michasova O.V.</i> Simulation of the technology replacement process	9
<i>Gorbunova M.L., Ovchinnikov V.N., Apykhtina A.Yu.</i> Analysis of Chinese direct investments in the Russian regions	16
<i>Trifonov Yu.V., Shesterikova N.V.</i> Modeling the development strategy of an enterprise on the basis of balanced scorecard	22
<i>Druzhilovskaya E.S.</i> Current problems of asset valuation in Russian accounting	29
<i>Suvorova L.V., Suvorova T.E., Kuklina M.V.</i> Analysis of models for assessing the cost of capital	38
<i>Efimova O.Yu.</i> Adaptive model of quality management for urban passenger transport	48
<i>Borisova S.P., Grishunina I.A., Yashina N.I.</i> Assessing the effectiveness of budget resources management in educational organizations	55
<i>Riel van Allard, Trofimov O.V., Novikova D.S., Nakonechniy N.I.</i> Specifics of selection and approval of investment projects using a risk assessment matrix	62

Sociological sciences

<i>Zborovsky G.E.</i> Community approach as a methodology for social research	71
<i>Filipova A.G.</i> Childhood in the focus of Russian sociological research	80
<i>Kozyrkov V.P.</i> Sociocultural concept of family: factors, forms and mechanisms of its formation	88
<i>Vishnevsky S.Yu., Vishnevsky Yu.R.</i> The experience of reforming the system of social work in Poland	97
<i>Maltsev K.G., Zaitseva E.A.</i> Neoliberal discourse of terrorism: a study into the validity of replacing the “discourse of war” with the “discourse of hatred”	104
<i>Ptitsyna N.A.</i> Adherence to professional standards	113
<i>Cheglakova L.M., Kabalina V.I.</i> Employee engagement: theoretical approaches, empirical results	121
<i>Chilipenok Yu.Yu., Osipova O.S.</i> Modern employee in small and medium-size businesses as an actor of social-labor relations	129
<i>Migunova A.V.</i> Student research project “Employment of social work graduates”	138
<i>Serafimov M.M.</i> Elite theory and the problem of HR potential in the municipal government system	145
<i>Kazakova A.Yu.</i> Improvement of housing conditions in the hopes and plans of Kaluga residents: poll results	151

Pedagogical sciences

<i>Zborovsky G.E., Shuklina E.A.</i> Migrants' children in Western Europe: the situation in education and social issues	158
<i>Derevyanchenko E.A.</i> Problems of cross-cultural interaction in pedagogical research	168
<i>Akutina S.P., Shchelina T.T.</i> New models of tutorship in higher education	173
<i>Michasova O.V.</i> Application of the project method and active learning techniques to develop students' systems thinking	179
<i>Kazarin P.V., Polushkina S.V.</i> The algorithm for designing the learning process based on the classroom physics experiment	185

<i>Simonov A.V., Antonyuk A.V.</i> Implementation of interdisciplinary approach in preparing students at the military training center of a civilian institution of higher education.....	191
Authors	196

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 338.1

ИМИТАЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ЗАМЕЩЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ

© 2016 г.

В.К. Вильданов, А.С. Липин, С.Е. Маркова, О.В. Мичасова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

michasova@iee.unn.ru

*Статья поступила в редакцию 06.12.2015**Статья принята к печати 18.01.2016*

Исследуется процесс замещения технологий. При внедрении инноваций старые технологии могут быть полностью вытеснены ими или они могут сосуществовать в течение достаточно длительного промежутка времени. Математические модели позволяют лучше понять и прогнозировать тенденции развития процесса замещения или вытеснения технологий. Для его представления используется математическая модель Лотки–Вольтерры, применяемая для моделирования динамики популяций в биологии. Модель реализована в пакете имитационного моделирования iThink, который обладает хорошими возможностями для наглядного представления сложных динамических систем. Для определения параметров модели использовались статистические данные по количеству пользователей коммутируемого и широкополосного доступа к сети Интернет. Применение программных средств имитационного моделирования делает возможным подробный анализ альтернатив развития событий путем задания параметров имитации и несложных преобразований потоковой диаграммы модели.

Ключевые слова: имитационное моделирование, системная динамика, инновации, научно-технологический прогресс, модель Лотки–Вольтерры, модель хищник–жертва.

Введение

Технологический прогресс может быть описан как замена одного материала, процесса или технологии другими. Обычно процесс внедрения инновационной технологии описывается S-образной (логистической) кривой: сначала процесс развивается очень медленно, так как количество пользователей инновации достаточно мало, а количество тех, кто ее не принимает или ничего о ней не знает, очень велико. Постепенно количество пользователей растет, причем с ростом количества происходит и ускорение темпов роста. Через некоторое время темпы роста начинают замедляться, а количество пользователей новой технологии становится близко к уровню насыщения. При этом старая технология, от которой пользователи отказывались при внедрении новой, может исчезнуть вообще (как произошло с аудио- и VHS-кассетами при появлении CD и DVD), а может сохранить некоторое количество приверженцев, которые не перестанут ее использовать (стационарная телефонная связь или грампластинки). Вопрос о степени насыщения рынка пользователей новой технологии и о целесообразности

продолжения поддержки пользователей старой технологии остается весьма важным для менеджеров различных уровней. Вопросы о продолжительности жизненного цикла товаров и услуг – это одна из наиболее интересных тем для изучения с точки зрения менеджмента и экономической теории. Ситуация, когда на смену старой технологии или товару приходит новая, может быть исследована с точки зрения математического моделирования экономических процессов.

Также вопрос смены технологий представляется весьма актуальным с точки зрения макроэкономики, поскольку именно научно-технологический прогресс является фактором экономического роста. Замедление темпов экономического роста – это одна из основных современных проблем развитых стран, и, без сомнений, с точки зрения теории экономического роста, именно развитие существующих технологий и создание новых позволит ее преодолеть. Информационно-коммуникационные технологии являются сегодня именно тем сектором экономики, в котором смена технологий наиболее очевидна и наглядна. Кроме того, в рамках этого сектора существует огромное поле для

создания инноваций, в том числе и вследствие заинтересованности частного бизнеса в исследованиях и внедрении новых разработок.

Целью данной работы является исследование рынка передачи данных на основе имитационного моделирования процесса замещения технологий. В качестве базовой математической модели используется модель Лотки–Вольтерры динамики взаимодействия двух биологических популяций, существующих в одном ареале обитания и конкурирующих между собой. Такое предположение позволяет симитировать взаимодействие двух последовательных поколений новой технологии. Процесс диффузии инноваций и его представление с помощью модели Лотки–Вольтерры описываются в работах [1–6].

Имитационное моделирование проводилось с помощью пакета iThink. Эта программа реализует потоковое представление моделей, которое является основной концепцией системной динамики. Системная динамика представляет одно из направлений системного подхода, в рамках которого предполагается, что мир вокруг нас представляет собой совокупность сложных социальных систем с нелинейным поведением и не всегда очевидной динамикой взаимодействия (в силу существования обратных связей). Более подробные сведения об этом направлении имитационного моделирования можно найти в [7, 8].

Математическая модель процесса замещения технологий

Повсеместное использование ресурсов глобальной сети Интернет делает вопрос исследования технологий доступа с различных точек зрения весьма важным и актуальным. С точки зрения экономистов и маркетологов-аналитиков значимой является проблема определения перспектив развития рынка, определения его емкости и близости к насыщению. На рынке услуг провайдеров по обеспечению доступа в Интернет сначала существовала только одна технология – коммутируемый доступ (КД) через телефонную сеть, по мере развития оптоволоконных сетей появилась возможность широкополосного доступа, который быстро приобретал сторонников в силу большей скорости передачи данных и того факта, что телефонная линия оставалась свободной. Ограниченность скорости распространения новой технологии объяснялась тем фактом, что прокладка оптоволоконной сети требует определенных трудо-временных и материальных затрат. В настоящее время популярность приобретает также мобильный доступ в Интернет, в связи с чем перед интернет-провайдерами встает вопрос о близости

рынка широкополосного доступа (ШПД) к насыщению.

Таким образом, на рынке доступа в Интернет наблюдается замещение одной технологии другой, что может быть представлено математически с помощью модели Лотки–Вольтерры (также известная как модель «хищник–жертва»). Для описания численности двух конкурирующих технологий может быть использована система уравнений, которая является обобщением логистического уравнения [9]:

$$\begin{aligned} \frac{dN_1}{dt} &= r_1 N_1 \left(1 - \frac{N_1}{K_1} - \varepsilon_1 \frac{N_2}{K_2} \right), \\ \frac{dN_2}{dt} &= r_2 N_2 \left(1 - \frac{N_2}{K_2} - \varepsilon_2 \frac{N_1}{K_1} \right). \end{aligned} \quad (1)$$

Здесь N_1 и N_2 – численности пользователей технологии коммутируемого доступа и технологии широкополосного доступа, соответственно; K_1 и K_2 – емкости рынков соответствующих технологий, r_1 и r_2 – темпы роста количества пользователей при малых численностях (здесь можно пренебречь внутривидовой борьбой, потому что пользователи друг на друга никак не влияют), а $\varepsilon_1 > 0$ и $\varepsilon_2 > 0$ – характеристики конкуренции между технологиями. Установлено, что при $\varepsilon_i \in (0, 1)$, $i = 1, 2$, рассматриваемая модель описывает динамику конкурентного *сосуществования* технологий (или поколений инновационного товара), а при $\varepsilon_1 \in (1, \infty)$, $\varepsilon_2 \in (0, 1)$ описывает динамику конкурентного *вытеснения* первой технологии второй.

Для моделирования были использованы статистические данные [10] по количеству пользователей широкополосного и коммутируемого доступа в Интернет с 2000 по 2011 год по полугодиям (рис. 1).

Более подробно анализ математической модели, а также построение эконометрической модели и идентификация параметров представлены в работе [1]. На основе результатов оценки коэффициентов регрессионной модели были рассчитаны параметры системы (1): $r_1 = 0.5393$; $K_1 = 2.714$; $\varepsilon_1 = 1.3889$; $r_2 = 1.3895$; $K_2 = 11.8870$; $\varepsilon_2 = 0.4163$ [2]. Эти значения использовались для дальнейшего моделирования.

Имитационная модель процесса замещения технологий

Имитационное моделирование предполагает, что система заменяется моделью, на которой и

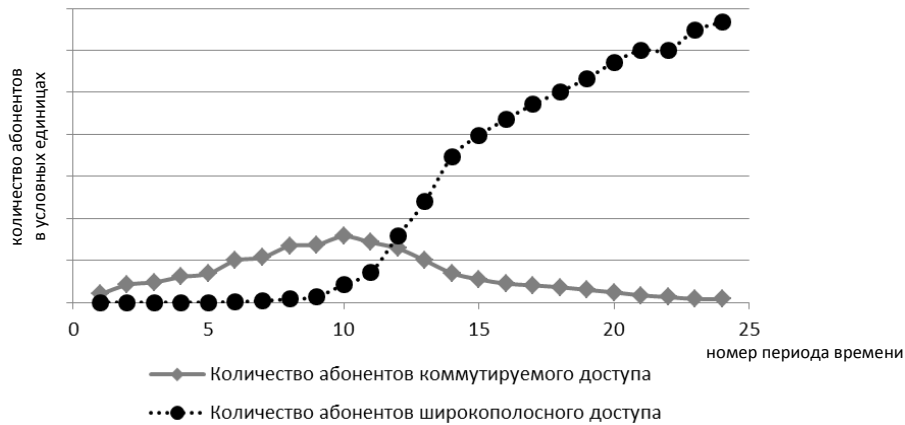

Рис. 1. Количество пользователей различных технологий доступа в Интернет

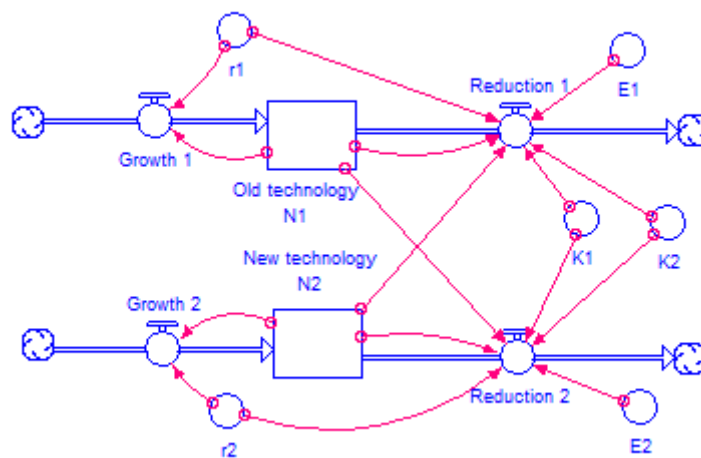

Рис. 2. Потокная диаграмма модели замещения технологий

проводятся эксперименты [11–13]. В настоящее время имитационное моделирование чаще всего подразумевает создание не опытных образцов, а компьютерных моделей, на основании которых и проводятся испытания. Повсеместное развитие информационных технологий существенно расширило возможности для применения имитационных моделей. Очевидным их достоинством является то, что такие модели можно использовать даже в тех случаях, когда численные и аналитические методы невозможно применить в силу значительной сложности и запутанности реальных систем.

Одним из видов имитационного моделирования является системная динамика, основы которой были заложены в 60-х гг. прошлого века в работах Дж. Форрестера. На основе теории систем, аппарата дифференциальных уравнений и компьютерного моделирования он разработал основную методологию и принципы данного подхода. Основной идеей системной динамики является существование обратной

информационной связи [7, 8, 14]. Контур (цикл, петля) обратной связи – это замкнутый маршрут, который отражает циркуляцию причин и последствий [15]. Обратная связь существует всякий раз, когда решения, принимаемые агентами в системе, влияют на последующие состояния системы, таким образом предоставляя новую информацию, которая учитывается при принятии будущих решений [16].

При создании математических моделей эффект обратных связей учесть достаточно сложно, а применение потокового представления (в виде взаимосвязи запасов и потоков) в рамках системно-динамического подхода позволяет это сделать. Это является существенным преимуществом рассматриваемой концепции, поскольку позволяет лучше понять структуру и взаимозависимости между цепочками событий, а значит, лучше представлять динамику сложных систем.

При моделировании использовалась программа iThink [17], которая реализует системно-динамический подход и позволяет суще-

```

□ New_technology_N2(t) = New_technology_N2(t - dt) + (Growth_2 - Reduction_2) * dt
INIT New_technology_N2 = 0.00008
INFLOWS:
  ↳ Growth_2 = r2*New_technology_N2
OUTFLOWS:
  ↳ Reduction_2 =
    r2*New_technology_N2*New_technology_N2/K2+r2*New_technology_N2*Old_technology_N1*
    E2/K1
□ Old_technology_N1(t) = Old_technology_N1(t - dt) + (Growth_1 - Reduction_1) * dt
INIT Old_technology_N1 = 0.392
INFLOWS:
  ↳ Growth_1 = Old_technology_N1*r1
OUTFLOWS:
  ↳ Reduction_1 =
    r1*Old_technology_N1*Old_technology_N1/K1+r1*New_technology_N2*Old_technology_N1*E1
    /K2
○ E1 = 1.3868
○ E2 = 0.4233
○ K1 = 2.6786
○ K2 = 12.2531
○ r1 = 0.5393
○ r2 = 1.4002

```

Рис. 3. Программный код модели замещения технологий

ственно упростить процесс моделирования, заключающийся в создании комбинаций из встроенных блоков программы (своеобразных «кирпичиков» при построении компьютерной модели). Полученная потоковая диаграмма является наглядным и удобным представлением реальной системы, с которым можно проводить компьютерные эксперименты для различных значений параметров. Пример приложения принципов системной динамики к популяционной модели Лотки–Вольтерры можно найти в [18, 19].

Для представленной ранее модели замещения технологий была построена компьютерная имитационная модель в программе iThink. Потоковая диаграмма представлена на рис. 2.

Модель состоит из двух запасов (прямоугольники), которые отображают количество пользователей коммутируемого доступа (Old technology N1) и широкополосного доступа (New technology N2). Люди могут становиться пользователями того или иного вида интернет-соединения (за это отвечают потоки Growth 1 и Growth 2) или прекращать пользоваться указанными технологиями (потоки Reduction 1 и Reduction 2). Кружочки (конвертеры) обозначают параметры модели: r1 и r2 – темпы роста численностей пользователей технологий, E1 и E2 – параметры, характеризующие конкуренцию между технологиями и, соответственно, влияющие на отток пользователей для каждой технологии, K1 и K2 описывают емкости рынка для коммутируемого и широкополосного доступа в Интернет. Стрелки показывают направление влияния параметров. Также модель следует дополнить графиком и двумя автономными конвертерами (OT1 и NT1), в

которые вносятся сведения о фактических значениях численностей пользователей двух технологий, для сравнения с результатами имитационного эксперимента.

При создании модели программный код генерируется автоматически (рис. 3).

Таким образом, применение пакета iThink не требует знания специальных языков программирования, а визуальное представление модели упрощает понимание механизмов взаимодействия между технологиями в системе. После того как будут заданы параметры модели, вычисленные ранее, и указаны элементы модели, отображаемые на графике, можно осуществлять запуск модели. Результаты имитационного эксперимента представлены на рис. 4.

Из рисунка видно, что построенная системно-динамическая модель чистой конкуренции двух технологий доступа в Интернет весьма хорошо описывает исходные данные. Также можно сказать, что количество пользователей широкополосного доступа в Интернет близко к уровню насыщения. Однако, с точки зрения практического использования, полученные результаты могут быть подвержены одному, очень важному, критическому замечанию, что расчетный уровень насыщения для широкополосного доступа в Интернет меньше, чем реально наблюдаемое количество пользователей. Этот недостаток модели может быть вызван тем фактом, что рассматриваемые емкости рынков каждой из технологий являются постоянными величинами. На самом деле емкость рынка определяется численностью населения, а численность населения во времени демонстрирует возрастающий тренд.

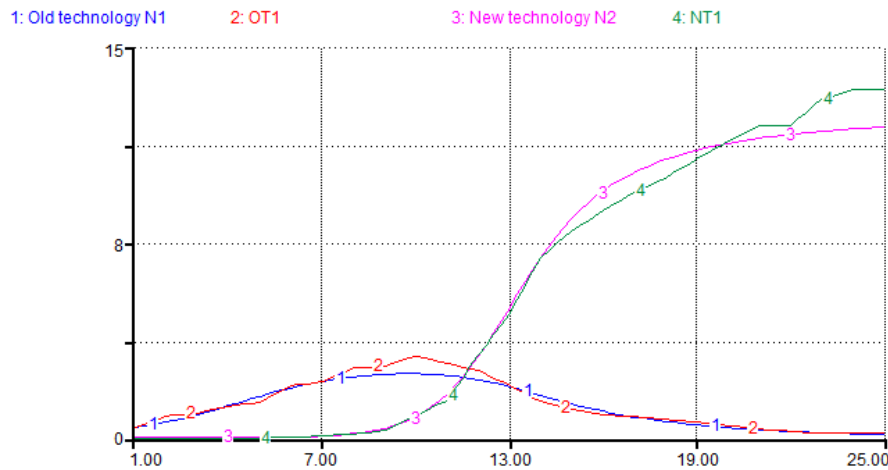

Рис. 4. Результаты имитационного эксперимента для модели замещения технологий

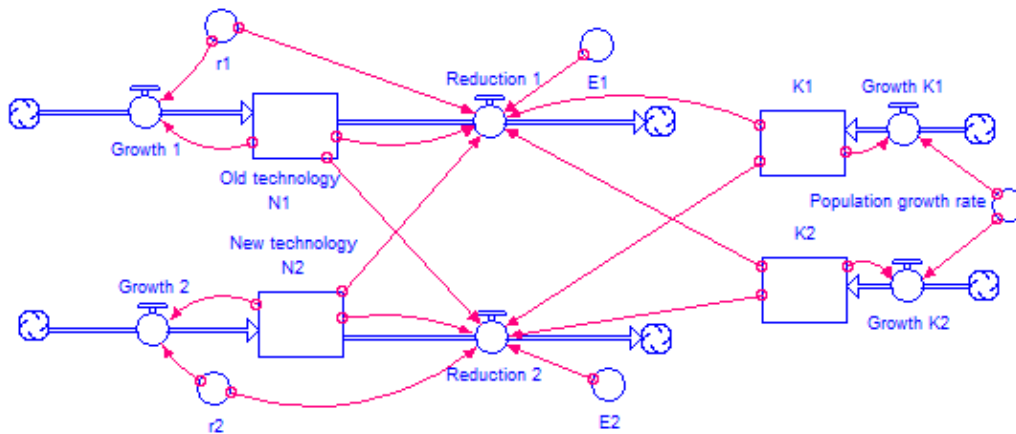

Рис. 5. Потокная диаграмма для модели замещения технологий с учетом роста емкости рынков

Имитационная модель процесса замещения технологий с учетом роста емкости рынков технологий

Внесем изменения в имитационную модель, которые позволят учесть рост емкости рынков для каждой технологии. Пусть темп роста одинаков для обеих технологий и постоянен во времени (в качестве значения возьмем средний темп прироста населения России, в тех годах, когда наблюдается некоторое расхождение траекторий). Емкость рынка для каждой технологии теперь описывается запасами K_1 и K_2 , прирост объясняется соответствующими потоками и определяется конвертером Population growth rate (0.11%). Потокная диаграмма представлена на рис. 5, результаты имитационного эксперимента – на рис. 6.

Из рис. 6 видно, что рост емкости рынка со скоростью роста населения в стране не дает желаемого результата. Отсюда, вероятно, следует, что емкость рынков технологий, может быть, растет быстрее, чем численность населения, потому что темп роста населения определяется изменением численности населения любого возраста, а потенциальными пользователями сети Интернет являются в основном молодежь и люди среднего возраста. В результате серии имитационных экспериментов было получено, что увеличение емкости рынка пользователей двух рассматриваемых технологий доступа в Интернет происходит с темпом приблизительно 0.75% за период (рис. 7). Причем следует отметить, что увеличение емкости рынка практически не влияет на динамику численности пользователей коммутируемого доступа, которая сохраняет убывающий тренд.

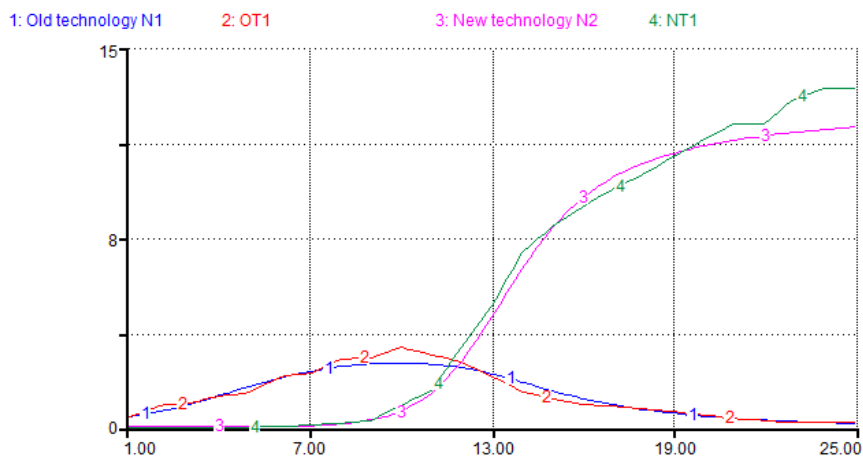

Рис. 6. Результаты имитационного эксперимента для модели замещения технологий с учетом роста емкости рынков (темп роста – 0.11%)

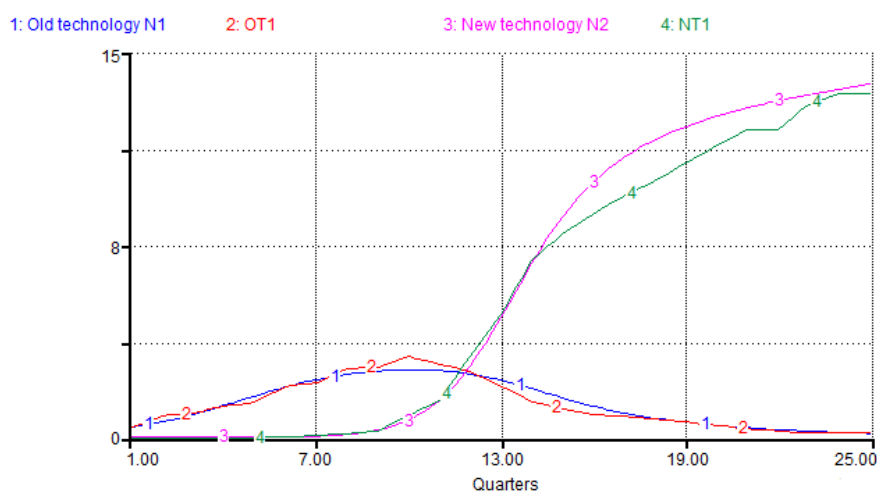

Рис. 7. Результаты имитационного эксперимента для модели замещения технологий с учетом роста емкости рынков (темп роста – 0.75%)

Заключение

В работе построена имитационная модель процесса замещения двух технологий на примере доступа в Интернет. Научно-технологический прогресс, в результате которого происходит диффузия инноваций и вытеснение старых технологий новыми, является важным объектом исследования, поскольку служит одним из определяющих факторов экономического роста. Применение имитационных моделей позволяет проводить численные эксперименты там, где это практически невозможно, а использование средств системной динамики существенно облегчает процесс построения и корректировки моделей. В работе было показано, что модель Лотки–Вольтерры вполне адекватно описывает процесс смены технологий, а учет изменения

емкости рынков существенно повышает точность модели. В качестве направления для дальнейших исследований следует отметить возможность включения в модель третьей технологии доступа в Интернет – мобильного Интернета (например, 3G или LTE).

Список литературы

1. Кузнецов Ю.А., Маркова С.Е., Мичасова О.В. Математическое моделирование динамики конкурентного замещения поколений инновационного товара // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2 (1). С. 170–179.
2. Кузнецов Ю.А., Маркова С.Е., Мичасова О.В. Экономико-математическое моделирование динамики смены поколений телекоммуникационных услуг // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2014. № 34 (220). С. 43–55.

3. Кузнецов Ю.А., Маркова С.Е. Некоторые качественные особенности развития российского рынка информационных и коммуникационных технологий // Экономический анализ: теория и практика. I. 2013. № 29(332). С. 2–12; II. 2013. № 30 (333). С. 12–21.
4. Morris S.A., Pratt D. Analysis of the Lotka – Volterra competition equations as a technological substitution model // Technological Forecasting & Social Change. 2003. Vol. 70. № 2. P. 103–133.
5. Wang Y., Wu H. Dynamics of a cooperation–competition model for the WWW market // Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. 2004. Vol. 339. № 3–4. P. 609–620.
6. Chiang S.-Y. An application of Lotka – Volterra model to Taiwan's transition from 200mm to 300mm silicon wafers // Technological Forecasting and Social Change. 2012. Vol. 79. № 2. P. 383–392.
7. Каталевский Д.Ю. Основы имитационного моделирования и системного анализа в управлении: Учеб. пособие. М.: Издательство Московского университета, 2011. 304 с.
8. Sterman J. Business Dynamics: Systems Thinking and Modeling for a Complex World. Boston: McGraw-Hill Companies, 2000.
9. Базыкин А.Д. Нелинейная динамика взаимодействующих популяций. М.–Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003. 368 с.
10. Ежегодный отчет группы компаний «Связь-инвест», 2011. URL: <http://www.svyazinvest.ru/invest/reports/> (дата обращения: 15.10.2011).
11. Карпов Ю. Имитационное моделирование систем. Введение в моделирование с AnyLogic 5. – СПб.: БХВ-Петербург, 2005. 400 с.
12. Максимей И.В. Имитационное моделирование сложных систем: Учеб. пособие. В 3 ч. Ч. 1. Математические основы. Минск: Изд. центр БГУ, 2009. 264 с.
13. Нейлор Т. и др. Машинные имитационные эксперименты с моделями экономических систем: Пер. с англ. М.: Издательство «Мир», 1975. 500 с.
14. Лычкина Н.Н. Ретроспектива и перспектива системной динамики. Анализ динамики развития // Бизнес-информатика. 2009. № 3 (9). С. 55–67.
15. Сидоренко В.Н. Системная динамика. М.: ТЕИС, 1998. 200 с.
16. Thygesen H.H. System dynamics in action. Copenhagen: Copenhagen Business School, 2004. 247 p.
17. <http://www.iseesystems.com/Softwares/Business/ithinkSoftware.aspx>.
18. Поздеев А.Г., Сапцин В.П., Кузнецова Ю.А. Обобщение модели экологии популяции Лотки–Вольтерры на основе принципов системной динамики // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия: Лес. Экология. Природопользование. 2011. № 2. С. 94–101.
19. Романов В.П., Ахмадеев Б.А. Моделирование инновационной экосистемы на основе модели «хищник–жертва» // Бизнес-информатика. 2015. № 1. С. 7–17.

SIMULATION OF THE TECHNOLOGY REPLACEMENT PROCESS

V.K. Vildanov, A.S. Lipin, S.E. Markova, O.V. Michasova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article investigates the process of technology replacement. Old technologies may be completely replaced by innovations or they may coexist for a long enough period of time. Mathematical models allow a better understanding and prediction of trends in the development of the process of technology replacement or displacement. The Lotka-Volterra mathematical model is used to represent the process. It is usually applied for modeling populations dynamics in biology. The model is realized using the iThink simulation software, which has good potentialities for visual representation of complex dynamic systems. The statistical data on the number of users of dial-up and broadband access to the Internet are used to determine the parameters of the model. The application of simulation software enables detailed analysis of alternatives of events development by setting the simulation parameters and simple transformations of the model stocks-and-flows diagram.

Keywords: simulation, system dynamics, innovations, technological change, Lotka-Volterra model, predator-prey model.

УДК 332.14

АНАЛИЗ КИТАЙСКИХ ПРЯМЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В СУБЪЕКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2016 г.

М.Л. Горбунова, В.Н. Овчинников, А.Ю. Апыхтина

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

gorbunova@iee.unn.ru

*Статья поступила в редакцию 28.12.2015**Статья принята к печати 22.01.2016*

Исследуются особенности финансирования прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в регионы РФ китайскими хозяйствующими субъектами. Авторы тестируют серию гипотез с помощью методов параметрической и непараметрической статистики. На основании полученных результатов сформулированы следующие основные выводы: при выборе места локализации своего капитала китайские инвесторы не руководствуются такими факторами, как потребительский потенциал и темпы роста внутреннего рынка, а также наличие сырьевой составляющей в экономике субъекта РФ. Не наблюдается связи между числом мигрантов из КНР, прибывших в регион, и объемом ПИИ КНР. Выявлена значимая негативная связь между территориальной удаленностью региона от КНР и объемами инвестиций из КНР.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, валовый региональный продукт (ВРП), китайская миграция, регионы РФ, коэффициент линейной корреляции Пирсона, коэффициент ранговой корреляции Спирмена, статистическая связь, статистическая значимость.

Введение

Проблематика привлечения прямых иностранных инвестиций в целях регионального развития является междисциплинарной по своей природе, и поэтому ей посвящены работы, выполненные и регионаловедом, и международниками. Исследователи региональной экономики в большей степени сфокусированы на роли инвестиций в экономике территориальных образований, а также на причинах возникновения межрегиональных различий в инвестиционном процессе эндогенного типа. Экономисты-международники исследуют международные, экзогенные факторы привлечения инвестиций из-за рубежа в субъекты Российской Федерации, связанные с мотивацией и офшорным происхождением инвесторов.

В целом, основные аспекты исследований привлечения иностранных инвестиций в экономику регионов России касаются:

- общих тенденций привлечения иностранных инвестиций в регионы России [1–7];
- классификации регионов по типу инвестиционного климата [8–10];
- анализа факторов, обуславливающих приток иностранных инвестиций в экономику регионов РФ [11–18]. Наиболее часто учеными тестировались гравитационные модели межтерриториального потока ПИИ по аналогии с внешнеторговыми контактами. Любо-

пытно, что применение данных моделей в отношении анализа факторов притока ПИИ в регионы РФ приводило авторов к противоречивым результатам. В работе И. Ивасаки и К. Суганумы [18] отрицается гипотеза о том, что крупнейшими инвестиционными партнерами регионов РФ являются страны, находящиеся в непосредственной близости от данного региона. При этом ключевая роль отводится таким объясняющим переменным, как обеспеченность региона сырьевыми товарами и размеры потребительского рынка. С другой стороны, путем эконометрического моделирования Т. Буцеллато и Ф. Сантанджелло [19] получили доводы в пользу статистической значимости экзогенной переменной – расстояния до места приложения инвестиций, однако не находят положительной корреляции между объемами ПИИ в регион и размерами его потребительского рынка, а также обеспеченностью углеводородами;

- исследования влияния иностранных инвестиций на развитие регионов РФ [20–23];
- проблем инвестирования нерезидентов из офшорных зон. В исследовании С. Ледяевой, П. Кархунен, Р. Косонен, Д. Уолли [24] выдвигаются и подтверждаются гипотезы, в соответствии с которыми уровень инвестиций в регионы РФ из офшорных зон положительно коррелирует с уровнем коррупции в том или ином территориальном образовании.

Несмотря на широкое разнообразие исследований, посвященных общим и частным вопросам привлечения ПИИ в регионы России, ученые зачастую обходят стороной проблематику инвестиционного взаимодействия субъектов РФ с отдельно взятой страной – донором ПИИ. Авторы настоящего исследования акцентируют свое внимание на анализе и развитии механизмов инвестиционного сотрудничества КНР и регионов РФ. В работе Д.А. Изотова [25] дается описание ключевых инвестиционных проектов, реализуемых в рамках Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг., а также подчеркивается несбалансированность интересов российских и китайских партнеров. В частности, для китайской стороны интерес представляет географическая диверсификация поставок сырьевых товаров и сбыт готовой продукции на российском рынке, для российской – глубокая переработка сырья на территории восточных регионов России. М.В. Потапенко [26] исследует растущий интерес со стороны КНР к африканским регионам в контексте потенциальных рисков такого рода инвестиционного сотрудничества для России. Географическая структура прямых инвестиций Китая в Африку отличается его повышенным вниманием к странам, богатым природными ресурсами (Нигерия, ЮАР и Судан). В отдельных случаях речь идет о таких условиях сотрудничества, как «инфраструктура в обмен на ресурсы». Таким образом, Китай решает, с одной стороны, задачу выхода своих государственных и частных компаний на развивающийся рынок Африки и загрузки их производственных мощностей, с другой стороны – в качестве платы получает бесперебойные поставки сырьевых товаров для целей развития своей быстрорастущей экономики. Наконец, автор отмечает, что Россия, пытаясь переформатировать логику торговых и инвестиционных взаимоотношений с Китаем, теряет в его лице крупнейшего внешнеэкономического партнера.

Учитывая вышесказанное, авторами выдвигается серия гипотез, с помощью статистической проверки которых определяются показатели, тесно и разнонаправленно связанные с объемами потока прямых инвестиций из Китая в регионы России.

Гипотеза 1. Одной из ключевых детерминант привлечения ПИИ в региональную экономику является ее производственный потенциал, количественным измерителем которого служит

валовой региональный продукт (ВРП). Последний символизирует собой и потребительский потенциал регионального рынка и, соответственно, саму перспективу извлечения прибыли в его границах. Более того, ученые зачастую в качестве экзогенной переменной при построении эконометрической модели используют ВРП, скорректированный на численность населения региона, иначе говоря, производительность труда.

Таким образом, предполагается, что иностранный инвестор, обладающий аналитической информацией о результатах функционирования региональных экономик и стремящийся к максимизации прибыли на вложенный капитал, принимая решение о финансировании инвестиций за рубежом, будет исходить из следующей экономической логики: чем выше уровень ВРП на душу населения территории – тем больше ПИИ будет локализовано в ее границах, и наоборот.

Гипотеза 2. Развивая идею о потенциальной положительной связи показателя производительности труда и потока ПИИ, справедливо также предположить, что темпы роста первого, иначе говоря, быстрорастущий рынок способен повысить привлекательность финансирования инвестиций из-за рубежа, поскольку генерирует большую величину прибыли на вложенный капитал инвестора, нежели чем стагнирующий рынок.

Гипотеза 3. Широко используемый в макроэкономике гравитационный подход к оцениванию детерминант ПИИ подразумевает, что взаимный инвестиционный поток не только положительно связан с валовым продуктом региональных экономик, но и отрицательно коррелирует со степенью территориальной удаленности инвестора и объекта вложений. Дело в том, что расстояние олицетворяет собой трансакционные издержки, подрывающие мотивацию к осуществлению хозяйственной деятельности экономическим агентом.

Гипотеза 4 относится уже скорее не к общей методологии, объясняющей международные потоки ПИИ, а к отдельным или страновым моделям инвестиционного поведения. Увеличение прямых китайских инвестиций в соседних государствах подчас обуславливается направлением на совместные предприятия китайских рабочих, что порождает трения во Вьетнаме и Индии, где заинтересованы в первоочередном трудоустройстве местного населения. Иными словами, речь идет о положительной корреляции между притоком прямых инвестиций из Китая и перемещением китайской рабочей силы в соответствующий регион РФ.

Таблица 1

Дескриптивный анализ показателей

Переменная	Обозначение	Среднее значение	Стандартное отклонение	Источник
1. Поступило прямых инвестиций в субъекты РФ из Китая, долларов США	$FDI_{per\ capita}$	9.92	20.56	ЕМИСС
2. ВРП на душу населения, руб.	$GDP_{per\ capita}$	358448.5	253472.3	Росстат
3. Индекс физического объема ВРП на душу населения, %	$InGDP_{per\ capita}$	100.714	4.67	ЕМИСС
4. Расстояние между столицей субъекта РФ и Пекином по прямой, км	Dis	3829.566	1805.538	http://ru.distance.to/
5. Число прибывших мигрантов в субъекты РФ из Китая, чел.	Mig	29	64	ЕМИСС
6. Доля продукции ТЭК и металлов в общей структуре товарного экспорта субъектов РФ	Raw	0.476	0.316	Федеральная таможенная служба

Источник: расчеты авторов, данные приведены за 2013 год.

Гипотеза 5 затрагивает структуру экспорта/импорта стран/регионов, на основании которой делается вывод об их сравнительном преимуществе с позиции участия в процессе международного разделения труда. Учитывая тот факт, что китайская экономика во многом формирует мировой спрос на сырьевые товары, объектом ПИИ Китая должны стать страны/регионы, в экспортной структуре которых данные группы товаров преобладают над остальными.

Данные и методология исследования

В исследовании были использованы данные Росстата, ЕМИСС, а также материалы рейтингового агентства «Эксперт РА». На их основе были получены необходимые количественные показатели, в том числе душевой ВРП субъектов РФ – $GDP_{per\ capita}$, темпы роста ВРП на душу населения – $InGDP_{per\ capita}$, расстояние между столицей субъекта РФ и Пекином – Dis , объем ПИИ Китая в субъекты РФ, скорректированный на численность населения последних, – $FDI_{per\ capita}$, число прибывших китайских мигрантов в субъекты РФ – Mig , доля продукции ТЭК и металлов в общей структуре экспорта регионов РФ – Raw (табл. 1).

Методологической базой исследования послужили дескриптивный метод и корреляционный анализ. На первом этапе осуществлялась стандартизация включенных в анализ показателей для приведения их к единой размерности. На последующем этапе было проведено визуальное оценивание потенциальной формы свя-

зи исследуемых показателей через построение корреляционного поля с попыткой аппроксимировать его линейной/нелинейной функцией. При вынесении заключения о преобладающей нелинейной форме связи между показателями (за исключением связи между объемами ПИИ из Китая на душу населения – $FDI_{per\ capita}$ и темпами роста реального ВРП на душу населения – $InGDP_{per\ capita}$ в 2010–2013 гг.) применение линейного коэффициента корреляции Пирсона не представлялось статистически корректным. Более того, многочисленные методы аналитического выравнивания не способствовали линейзации формы связи между переменными (исключением стала лишь связь между объемами ПИИ из Китая на душу населения – $FDI_{per\ capita}$ и расстоянием – Dis , где было осуществлено логарифмическое преобразование). Поэтому в качестве количественного измерителя тесноты и направления связи между двумя величинами в основном использовался коэффициент корреляции рангов Спирмена (в частных случаях – коэффициент линейной корреляции Пирсона), вместе с этим проверялась статистическая значимость коэффициентов корреляции с помощью t -критерия Стьюдента.

Результаты исследования

С использованием программного продукта Statistica 12 были получены результаты, представленные в таблице 2.

Эмпирическое тестирование выдвинутых гипотез позволяет сделать ряд обобщенных выводов.

Таблица 2

Корреляционная матрица показателей $FDI_{per\ capita}$, $InGDP_{per\ capita}$, Dis , Mig , Raw Китая (2010–2013 гг.)

	$FDI_{per\ capita}$			
	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
$GDP_{per\ capita}$	$t_{эмпир.} (0.888) <$ $t_{крит.} (1.721)$	$t_{эмпир.} (0.45) <$ $t_{крит.}$ (1.706)	$t_{эмпир.} 0.020 <$ $t_{крит.} (1.697)$	$t_{эмпир.} (0.042) <$ $t_{крит.} (1.706)$
$InGDP_{per\ capita}$	$t_{эмпир.} (2.123) >$ $t_{крит.} (1.721)$	$t_{эмпир.} (1.693) <$ $t_{крит.} (1.706)$	$t_{эмпир.} 1.717 >$ $t_{крит.} (1.697)$	$t_{эмпир.} 5.198 >$ $t_{крит.} (1.706)$
Dis	$t_{эмпир.} 2.482 >$ $t_{крит.} (1.721)$	$t_{эмпир.} 2.466 >$ $t_{крит.} (1.706)$	$t_{эмпир.} 4.306 >$ $t_{крит.} (1.697)$	$t_{эмпир.} 3.07 >$ $t_{крит.} (1.706)$
Mig	$t_{эмпир.} (0.119) <$ $t_{крит.} (1.721)$	–	–	–
Raw	–	$t_{эмпир.} 0.827 <$ $t_{крит.} (1.706)$	$t_{эмпир.} 1.536 <$ $t_{крит.} (1.697)$	$t_{эмпир.} 1.372 <$ $t_{крит.} (1.706)$

Источник: расчеты авторов, $p < 0.05$.

Во-первых, отсутствует статистически значимая связь между показателями объемов ПИИ из Китая на душу населения ($FDI_{per\ capita}$) и ВРП на душу населения ($GDP_{per\ capita}$) на протяжении всего изучаемого периода. Во-вторых, отсутствует тесная положительная корреляция между показателями объемов ПИИ из Китая на душу населения ($FDI_{per\ capita}$) и китайской миграцией в регионы РФ (Mig) в 2010 году. Пролонгировать корреляционный анализ данных величин не представляется возможным ввиду дефицита статистических сведений. Аналогичным образом не удастся отметить статистически значимой связи между показателями объемов ПИИ из Китая на душу населения ($FDI_{per\ capita}$) и ресурсообеспеченностью регионов РФ (Raw). Наконец, прослеживается значимая отрицательная связь между логарифмически преобразованными показателями объемов ПИИ из Китая на душу населения ($FDI_{per\ capita}$) и расстоянием (Dis) по всей длине временного ряда (максимум R^2 достигается при попытке аппроксимации формы связи степенной функцией). Любопытно, что отмечается также изначально положительная, а затем и отрицательная статистически значимая корреляция между показателями объемов ПИИ из Китая на душу населения ($FDI_{per\ capita}$) и темпами роста реального ВРП на душу населения ($InGDP_{per\ capita}$). Объяснением этому служит тот факт, что темпы роста реального ВРП на душу населения ($InGDP_{per\ capita}$) тесно прямо коррелируют с расстоянием (Dis), то есть регионы РФ, находящиеся ближе к столице Китая, изначально переживали довольно высокие темпы экономического роста (2010 год), а затем ситуация изменилась на противоположную, экономики ключевых субъектов-реципиентов китайских инвестиций находились в состоянии затянувшейся рецессии (2012 и 2013 год).

Таким образом, гипотезы 1, 2, 4 и 5 отвергаются. При выборе места локализации своего капитала китайский инвестор не руководствуется такими факторами, как потребительский потенциал внутреннего рынка или, что одно и то же, рынка субъекта РФ; Китай не склонен направлять прямые инвестиции в быстрорастущие субъекты РФ; число прибывших в регион РФ китайских мигрантов не коррелирует с объемом ПИИ Китая в соответствующий регион; китайский инвестор не ищет сырьевые товары на рынках субъектов РФ. Гипотеза 3 принимается: территориальная удаленность, символизирующая собой транзакционные издержки, негативно влияет на объемы ПИИ китайской стороны в регионы РФ.

Выводы

Результаты исследования являются в определенной степени неожиданными, поскольку большинство правдоподобных гипотез о характере инвестирования КНР в регионы РФ, в частности о привлекательности крупных или динамичных регионов, было отвергнуто. По мнению авторов, это говорит о том, что китайские инвестиции в настоящее время не играют в регионах России ключевой роли по сравнению с финансовыми потоками развитых стран. Гипотеза об инвестициях КНР в более близко расположенные субъекты РФ частично объясняет это явление, поскольку регионы Сибири и российского Дальнего Востока не обладают сильными экономиками и находятся в нестабильном, скорее стагнирующем положении. Отсутствие связи между уровнем сырьевой специализации региона и потоками прямых инвестиций из КНР отражает то обстоятельство, что Россия сохраняет суверенитет в отношении доступа к источникам природных ресурсов и мощностей по их переработке. Таким

образом, Китай не может реализовать типичную для себя модель вложения инвестиций, когда приоритетными отраслями вложения средств являются сырьевые. Отсутствие связи между привлекаемыми инвестициями и притоком мигрантов также говорит об особенностях протекания китайских инвестиционных процессов в РФ или об их по-прежнему низких объемах.

В дальнейших исследованиях авторы предполагают сфокусироваться на построении факторной модели инвестиций КНР в регионы РФ, используя полученную в данной работе информацию.

Список литературы

1. Гордячкова О.В. Кластерный анализ привлечения иностранных инвестиций российскими регионами // Российское предпринимательство. 2013. № 3 (225). С. 116–121.
2. Захарова А.П., Олейник Е.Б. Анализ сдвигов в структуре иностранных инвестиций, поступивших в экономику Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 20. С. 9–15.
3. Леонова Ю. Прямые иностранные инвестиции в регионах России: тенденции 2009–2012 гг. // Проблемы теории и практики управления. 2013. № 5. С. 65–72.
4. Магоматов Э.М. Проблемы российских регионов в условиях мирового финансово-экономического кризиса // Экономика и предпринимательство. 2013. № 10 (39). С. 135–138.
5. Магоматов Э.М. Деятельность иностранных инвесторов в российских регионах (Обзор данных официальной статистики) // Экономика и предпринимательство. 2013. № 11 (40). С. 213–215.
6. Полиди А.А., Сичкар С.В. Эконометрическая оценка факторов и динамики иностранных инвестиций в экономику региона // Экономика и предпринимательство. 2013. № 9 (38). С. 234–239.
7. Муноз Л.Ф. Привлечение прямых иностранных инвестиций в регионы Российской Федерации // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2014. № 2 (62). С. 28.
8. Матраева Л.В. Статистический анализ устойчивости роста потока прямых иностранных инвестиций в регионы Российской Федерации // Вопросы новой экономики. 2013. № 4 (28). С. 47–53.
9. Матраева Л.В. Прогнозирование потоков прямых иностранных инвестиций в регионы РФ // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2013. № 5. С. 172–176.
10. Тулупова Д.В. Факторы, оказывающие влияние на приток прямых иностранных инвестиций в российские регионы // Вестник молодых ученых Самарского государственного экономического университета. 2014. № 2 (30). С. 201–208.
11. Федорова Е.А. Факторы, влияющие на приток иностранных инвестиций в регионы // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 43. С. 51–62.
12. Вершинина А.А. Методика статистической оценки инвестиционной привлекательности регионов для прямых иностранных инвестиций // Экономические науки в России и за рубежом. 2014. № XVI. С. 74–79.
13. Gonchar K., Marek Ph. The regional distribution of foreign investment in Russia: Are Russians more appealing to multinationals as consumers or as natural resource holders? // Economics of Transition. 2014. V. 22 (4). P. 605–634.
14. Kuzmina O., Volchkova N., Zueva T. Foreign Direct Investment and Governance Quality // Russia Journal of Comparative Economics. 2014. V. 42. P. 874–891.
15. Герасимова Е.А., Гизатуллина О.М., Коренькова Ж.О. Факторы, оказывающие влияние на приток прямых иностранных инвестиций в российские регионы // Вестник СамГУПС. 2015. № 1 (27). С. 82–87.
16. Решетова Я.М., Шилков Д.Е., Шорохова И.С. Факторы привлечения прямых иностранных инвестиций в российские регионы: результаты эконометрического моделирования // Журнал экономической теории. 2015. № 1. С. 173–176.
17. Федорова Е.А., Коркмазова Б.К., Толкачев А.В. Региональная политика привлечения иностранных инвестиций в предприятия: эмпирический анализ // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 4 (379). С. 2–12.
18. Iwasaki I., Suganuma K. Foreign Direct Investment and Regional Economic Development in Russia: An Econometric Assessment // No 44, RRC Working Paper Series from Russian Research Center, Institute of Economic Research, Hitotsubashi University. 2015.
19. Buccellato T., Santangelo F. Foreign direct investments distribution in the Russian Federation: Do spatial effects matter? Economics Working Papers, 2009. – 99, Centre for the Study of Economic and Social Change in Europe, SSEES, UCL, London.
20. Бурцева Т.А., Журавлева О.В. Влияние иностранных инвестиций на развитие регионов России // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2013. № 10. С. 12–14.
21. Ларионова Н.А., Сотников А.И. Оценка влияния иностранных инвестиций на экономику региона // Kant: Экономика и управление. 2013. № 1. С. 17–20.
22. Паук М.И. Эффективность влияния иностранных инвестиций на социально-экономическое развитие региона // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2014. № 3. С. 72–76.
23. Smith N., Thomas E. The Role of Foreign Direct Investment and State Capture in Shaping Innovation Outcome in Russia // Europe-Asia Studies. 2015. V. 67:5. P. 777–808.
24. Ledyeva S., Karhunen P., Kosonen R., Whalley J. Offshore Foreign Direct Investment, Capital Round-Tripping, and Corruption: Empirical Analysis of Russian Regions // Economic Geography. 2015. Volume 91. Issue 3. P. 305–341.

25. Изотов Д.А. Программа регионального сотрудничества между востоком России и северо-востоком Китая: настоящее и будущее // Пространственная экономика. 2014. № 2. С. 149–176.

26. Потапенко М.В. Инвестиции Китая в страны Африки: потенциальные риски для России // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. С. 277.

27. Константинова Ю.Н. Иностранные инвестиции как фактор экономического развития региона // Экономика и социум. 2014. № 3–2 (12). С. 232–234.

28. Портяков В.Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы: Монография. М.: ИДВ РАН, 2013. 240 с.

29. Сыроежкин К. Китай в Центральной Азии: от торговли к стратегическому партнерству // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 3 (51). С. 47–60.

ANALYSIS OF CHINESE DIRECT INVESTMENTS IN THE RUSSIAN REGIONS

M.L. Gorbunova, V.N. Ovchinnikov, A.Yu. Apykhtina

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The paper focuses on the investigation of some peculiarities of Chinese foreign direct investment in the Russian regions. The authors have tested a sequence of hypotheses by means of parametric and non-parametric statistics. The following key findings of our research can be stated. When choosing a localization of proper capital resources, Chinese investors are not guided by typical considerations such as the consumption potential of the domestic markets, their growth rates and the role of the raw material industry in the region's economy. No connection was revealed between the number of Chinese migrants and the amount of Chinese FDI in the region. A significant negative relationship was found between the distance of the region from China and the volume of investment accumulated.

Keywords: foreign direct investment (FDI), gross regional product (GRP), Chinese migration, Chinese investment, Russian regions, Pearson's linear correlation coefficient, Spearman's rank correlation coefficient, statistical relationship, statistical significance.

УДК 658

МОДЕЛИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ НА ОСНОВЕ СИСТЕМЫ СБАЛАНСИРОВАННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

© 2016 г.

Ю.В. Трифонов, Н.В. Шестерикова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

kei@ef.unn.ru

*Статья поступила в редакцию 13.01.2016**Статья принята к печати 29.01.2016*

Разрабатываются теоретические и методические механизмы по формированию и реализации стратегии развития промышленного предприятия на основе оптимизации системы сбалансированных показателей. Для этого при помощи структурно-функционального анализа проектируется структура ССП. Для принятия эффективных управленческих решений при моделировании сценария развития ситуации предпочтительно использование экспертных систем. Согласованность мнений экспертов проверяется при помощи коэффициента конкордации Кендала. Обосновывается применение нейронной сети Кохонена для генерирования вариантов ССП в зависимости от выбранной стратегии. В результате данного моделирования разрабатывается стратегия, позволяющая предприятию наиболее быстро достичь запланированных целей и стать более конкурентоспособным и технологически развитым.

Ключевые слова: система сбалансированных показателей, нейронные сети Кохонена, стратегическое управление.

Введение

Современные отечественные промышленные предприятия функционируют в условиях роста неопределенности и ужесточения конкуренции. Нестабильная экономическая конъюнктура, возрастающие требования потребителей, развитие информационных технологий и т.д. – все это ведет к переосмыслению понятий стратегического управления и актуализации исследований в этой области. В динамически изменяющейся среде предприятию необходимо постоянно проводить оценку своей экономической деятельности, финансового состояния, степени влияния внешнего окружения и конкурентоспособности. В связи с этим цели и задачи стратегического управления должны непрерывно уточняться и совершенствоваться в соответствии с требованиями быстро изменяющейся рыночной экономики. Вместе с тем, как показывает практика, попытки использования в России зарубежного инструментария стратегического планирования и управления не приносят желаемого результата, так как в нем не учитываются специфические особенности российской экономики. Понимание того, что наработанные ранее методы оценки эффективности бизнеса в меньшей степени соответствуют целям стратегического управления предприятиями, приводит нас к необходимости разрабатывать

новые подходы и технологии при моделировании стратегии развития предприятия.

Целью данной работы является разработка теоретических и методических механизмов по формированию и реализации стратегии развития промышленного предприятия на основе оптимизации системы сбалансированных показателей (ССП).

Для достижения поставленной цели в процессе написания статьи решены следующие задачи:

– Проведен анализ методических основ стратегического управления и планирования, изложенных в отечественных и зарубежных научных изданиях, а также существующих методов и подходов практического решения этих проблем на промышленных предприятиях РФ.

– Предложена концепция моделирования стратегии развития предприятия на основе оптимизации системы сбалансированных показателей.

– Обосновывается применение нейронной сети Кохонена для генерирования вариантов системы сбалансированных показателей в зависимости от выбранной стратегии.

Применение нейронной сети Кохонена при моделировании стратегии развития предприятия

С возрастанием масштабов рыночных отношений в России все большее значение приобре-

тает разработка и реализация стратегии развития предприятий, основанной на прогрессивных подходах к оценке и прогнозированию эффективности принимаемых управленческих решений. Для построения системы стратегического управления необходимо декомпозировать стратегию предприятия на конкретные стратегические цели, детально отображающие различные стратегические аспекты. При интеграции индивидуальных целей могут быть установлены причинно-следственные связи между ними таким образом, чтобы полный набор целей отображал стратегию компании. Планируемые результаты описываются стратегическими целями. Каждая стратегическая цель связана с одной из перспектив развития организации. В идеальном варианте любое предприятие стремится к достижению максимальной доходности P , росту конкурентоспособности K и финансовой устойчивости FU при минимальном уровне риска R и соблюдении инвестициями I ограничений на размер бюджета I^* . При этом превышение уровня риска выше определенного предела R^* и снижение финансовой устойчивости ниже определенного лимита FU^* , как правило, недопустимо. Таким образом, задача определения стратегии представляет собой задачу многокритериального выбора, которую можно записать в виде системы уравнений, переменными которой являются направления развития X_1, \dots, X_S , принимающие одно из двух возможных значений: 1 (реализовывать) и 0 (не реализовывать):

$$\begin{cases} P(X_1, \dots, X_S) \rightarrow \max, \\ K(X_1, \dots, X_S) \rightarrow \max, \\ FU(X_1, \dots, X_S) \rightarrow \max, \\ R(X_1, \dots, X_S) \rightarrow \min, \\ FU(X_1, \dots, X_S) \geq FU^*, \\ R(X_1, \dots, X_S) \leq R^*, \\ I(X_1, \dots, X_S) \leq I^*. \end{cases}$$

Решение задач многокритериального выбора сводится к поиску множества Парето-оптимальных решений через разбиение пространства возможных решений на классы (построение поверхностей безразличия), сведение векторного критерия к скалярному (методы свертка, метод идеальной точки, лексикографическая оптимизация, метод главного критерия). Разбиение пространства на классы требует от ЛПР большого объема информации: требуется классификация подпространств и задание входных данных о предпочтениях для построения поверхностей безразличия в каждом из подпро-

странств. Это может быть оправданно, когда число альтернатив велико и необходимо определить их приоритетность [1].

При моделировании сценария развития ситуации предпочтительно использование экспертных систем. Прогнозирование основывается на применении как традиционных средств, в которых рассматриваются линейные тренды, использующие «богатую» статистику по временным рядам, так и инструментальных средств, оперирующих идеей нейронных сетей и/или генетических алгоритмов. Обратим внимание на то, что с помощью инструментальных средств, базирующихся на концепции нейронных сетей и/или генетических алгоритмов, можно делать прогнозы по сравнительно коротким временным рядам и даже наблюдать всевозможного рода флуктуации, такие, например, как кризисные явления в экономике [2].

Более результативным оказывается процессный подход, который дает возможность эффективно консолидировать интересы всевозможных функциональных подразделений компании. В данном случае целевые ориентиры бизнес-сегментов предприятия разумнее разделить на несколько взаимосвязанных стратегических перспектив. Идеальной системой, группирующей в одной структуре финансовые и нефинансовые показатели, которые возможно с наибольшей выгодой использовать для поддержки управленческих решений, является методика Balanced Scorecard [3]. Процессный подход предполагает четкое диагностирование входов и выходов для всех процессов и ресурсов, необходимых для их реализации. Разумеется, что требования внешних потребителей также не остаются без внимания, известно, что один из основных принципов современного менеджмента в соответствии с международными стандартами ИСО серии 9000 – это ориентация на потребителей.

Разработанную в ходе стратегического планирования систему целей конкретизируют с помощью показателей, что позволяет сделать данные цели измеримыми [4]. Показатели являются средством оценки результативности деятельности предприятия и определяют степень достижения поставленных целей. При этом цели должны быть четко определены в начале процесса реализации стратегии, так как неверно сформулированные цели даже при лучших показателях не приведут компанию к успеху. Желательно каждой из стратегических целей идентифицировать не более двух или трех показателей. Рекомендуется включать в ССП не более 100–200 показателей, при этом 80% из них

должны быть нефинансовыми. В процессе реализации стратегии строится стратегическая карта наиболее значимых сфер деятельности, в которых предприятие стремится достигнуть результатов, т.е. перспектив (финансы, маркетинг, внутренние бизнес-процессы, обучение и развитие) [5, 6].

Для генерирования вариантов ССП необходимо собрать точки зрения экспертов – какие наборы показателей в зависимости от выбранной стратегии необходимо включать в ССП. Проверяется согласованность мнений экспертов, например при помощи коэффициента конкордации Кендала:

$$W = \frac{\sigma_{\text{факт}}^2}{\sigma_{\text{макс}}^2} = \frac{\sum_{j=1}^m \left\{ \sum_{i=1}^n e_{ij} - \frac{1}{2} n(m+1) \right\}^2}{\frac{1}{12} n^2 m (m^2 - 1)} = \frac{12 \sum_{j=1}^m D^2}{n^2 m (m^2 - 1)},$$

где m – количество наборов показателей, n – количество экспертов, $\sum_{j=1}^m D^2$ – сумма квадратов разницы между суммой рангов наборов показателей и средней суммой рангов [7].

При помощи структурно-функционального анализа проектируется структура ССП в виде модели:

$$BSC = F(SWOT, St, Pr, X, M, Y, Kr),$$

где $SWOT$ – матрица $SWOT$ -анализа, $St = (st_1, st_2, \dots, st_{nst})$ – набор альтернативных стратегий развития предприятия, $Pr = (pr_1, pr_2, \dots, pr_{npr})$ – многообразие перспектив ССП, $X = (x_1, x_2, \dots, x_{nx})$ – набор стратегических целей ССП, $M = (m_1, m_2, \dots, m_{mm})$ –

набор показателей ССП, $Y = (y_1, y_2, \dots, y_{ny})$ – набор управленческих решений, представленных в виде программ, проектов, мероприятий, инициатив, направленных на достижение стратегических целей, $Kr = (kr_1, kr_2, \dots, kr_{nkr})$ – критерии оценки оптимальности ССП [8]. Все множества, составляющие модель, отображаются набором элементов, их взаимосвязей, характеристик и представляется в виде структурно-функциональной модели ССП. Модель показывает прозрачность причинно-следственных связей между перспективами, включает вертикальную проверку многообразия целей ССП и соответствующих им показателей, горизонтальную проверку числа и видов показателей по перспективам развития. Приоритетность управленческих решений определяется методом заполнения матриц противоречий и соответствия показателей [9]

$$L_{iojo} = \begin{bmatrix} l_{11} & l_{12} & \dots & l_{1NX} \\ l_{21} & l_{22} & \dots & l_{2NX} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ l_{NX1} & l_{NX2} & \dots & l_{NXNX} \end{bmatrix},$$

где L_{ix} – множество причинно-следственных связей, l_{ixjx} показывает существование связи между целями ССП:

$$l_{iojo} = \begin{cases} +1, & \text{если связь есть,} \\ 0, & \text{если } io = jo, \\ -1, & \text{если связи нет} \end{cases}.$$

Выбор вариантов управленческих решений при реализации стратегии сводится к определению множества показателей ССП и изучению наличия или отсутствия подобных конфигураций в множестве типовых ситуаций. При обнаружении сходных ситуаций изучаются приня-

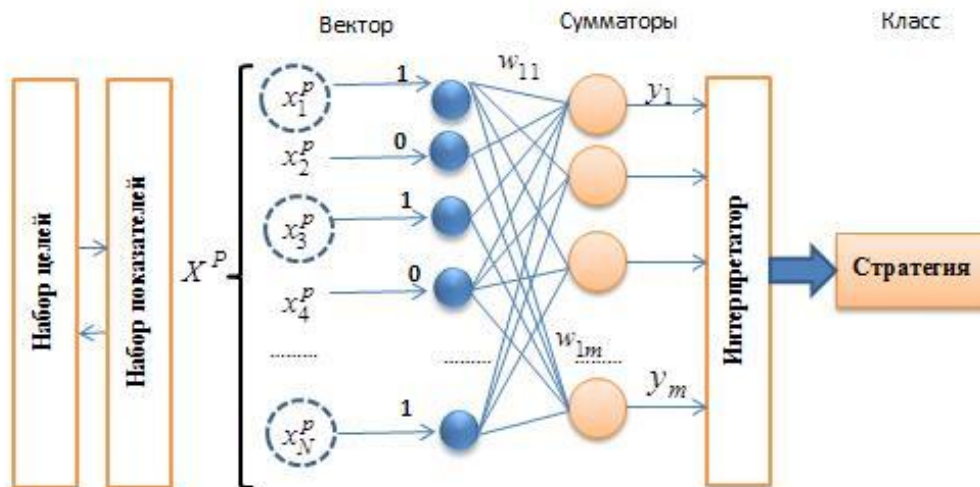

Рис. 1. Нейронная сеть Кохонена для моделирования стратегии развития предприятия на основе системы сбалансированных показателей

тые управленческие решения и их альтернативы, при отсутствии необходимы процедуры, формирующие структуру ССП для соответствующей стратегии, поддерживаемые информационным обеспечением. Поэтому моделирование вариантов ССП предлагается на основе самообучающейся нейронной сети Кохонена. Генерирование вариантов ССП происходит в зависимости от стратегии.

Работа нейросети состоит в преобразовании входного вектора в выходной вектор. Такое преобразование задается весами сети. Для решения проблемы выбрана архитектура Кохонена – сеть нейронов, использующая евклидову меру близости для классификации объектов [10 – 17].

Точки зрения экспертов подаются на вход сети Кохонена. По мере ввода исходных данных производится корректировка весовых коэффициентов, на основе которых происходит обучение сети. Если конкретный вес вносит небольшой вклад в суммарный уровень выходного сигнала, то он отсекается. Таким образом, редукция сети базируется на анализе весовых коэффициентов и отбрасывании весов, которые существенно меньше среднего уровня. Но устранение связей, обладающих малыми весами, может стать причиной значительных изменений в сети, поэтому необходимо учитывать чувствительность нейросети к вариации весовых коэффициентов. Для регуляризации сети предлагается метод OBD (Optimal Brain Damage), в котором для оценки меры значимости веса используется коэффициент асимметрии S_{ij} [11], вычисляемый по формуле:

$$S_{ij} = \frac{1}{2} \cdot \frac{\partial^2 E}{\partial w_{ij}^2} \cdot w_{ij}^2,$$

где E – целевая функция (функция погрешности), к минимизации которой стремится тот или иной алгоритм обучения; w_{ij} – значение веса. Показано, что устранение весов с наименьшими значениями показателя S_{ij} не оказывает существенного влияния на изменения в процессе функционирования сети.

Результатом работы сети является код класса, к которому принадлежит предъявленный на входе объект, в нашем случае – стратегия, которой соответствует определенный набор показателей. Входными параметрами для нейронной сети Кохонена является набор показателей $x^p = (x_1^p, \dots, x_N^p)$, характеризующих поставленные цели для реализации стратегии развития предприятия. Он преобразуется в вектор, эле-

менты которого дают ответ на вопрос, выбран ли i -й показатель (1 – да, 0 – нет). Обучение начинается с задания случайных значений в матрице связей W_n^m . Запускается процесс самоорганизации, состоящий в модификации весов при предъявлении на вход векторов обучающей выборки.

Расстояния d_j от входного сигнала до каждого нейрона j определяются по формуле:

$$d_j = \sum_{i=0}^{N-1} (x_i(t) - w_{ij}(t))^2,$$

где x_i – i -й элемент входного сигнала в момент времени t , $w_{ij}(t)$ – вес связи от i -го элемента входного сигнала к нейрону j в момент времени t .

Далее определяется архитектура нейронной сети, состоящая из количества слоёв, количества нейронов в них и функции активации нейронов скрытого слоя. Под обучением сети Кохонена понимается итеративный процесс оптимизации величин весов w , которые показывают связи между нейронами и общую эффективность работы сети. Это значит, что имеется процедура, позволяющая пошагово передвигаться от начального (иногда случайного) значения к оптимуму.

Выбирается нейрон $m=m^*$, имеющий наименьшее расстояние d_j . В момент обучения t модифицируются веса нейронов из окрестности нейрона m^* :

$$w_{ij}(t) = w_{ij}(t-1) + v \cdot (x_i^p - w_{ij}(t-1)) \cdot G(j),$$

где w_{ij} – вес, соединяющий i -й вход с j -м выходом; t – номер итерации обучения; v – коэффициент скорости обучения (управляет скоростью приближения ядра класса (вектора весов) к входному вектору x^p); $G(j)$ – функция окрестности, имеет вид: $G(j) = \begin{cases} 1, & j = k \\ 0, & j \neq k \end{cases}$, где j – номер

выходного нейрона; k – номер нейрона-победителя, приобретающего наибольшую величину выходного сигнала (WTA – winner takes all – «победитель получает все»). Дальнейшее уточнение весов производится для нейрона-победителя. В начале окрестность каждого нейрона содержит все нейроны сети, в процессе итерации эта окрестность сужается, и на последнем шаге обучения подстраиваются только веса ближайшего нейрона. Коэффициент $v < 1$ также уменьшается в процессе каждой итерации.

Также существует вариант алгоритма самообучения и самоорганизации, где корректиру-

ются весовые коэффициенты не только нейрона-победителя, но и других нейронов. В данном случае рассчитывается коэффициент скорости обучения v_j , убывающий при увеличении расстояния до центра кластера R_j :

$$v_j = v_0 \left(1 - \frac{1}{e^{-\beta(R_j - R_{кр})}} \right),$$

где $R_{кр}$ – критическое значение расстояния [13]. Чем меньше $R_{кр}$, тем больше значимы корректировки весов близких к обучающему примеру кластеров и почти не ощутимы корректировки весов более удаленных от него; β – параметр, показывающий степень нелинейности влияния расстояния на коэффициент скорости; v_0 – максимально возможное значение коэффициента скорости в текущий момент обучения. Образы обучающей выборки предъявляются последовательно, и каждый раз происходит подстройка весов. В качестве значения $R_{кр}$ можно рассчитывать среднее расстояние для каждого кластера при текущем предъявлении обучающего примера. Параметр β рекомендуется выбирать равным 3.0 ± 0.5 .

Нейросеть Кохонена сортирует входные данные по тем или иным кластерам. При встрече наблюдения, не подходящего ни к одному из образцов, сеть не сможет классифицировать этот набор и продемонстрирует его новизну.

В нейросетях обычно кодируется номер канала. Поэтому, исходя из числа классов (стратегий), сеть будет иметь M выходов. Чем большее значение принимает выход номер m_0 , тем больше «уверенность» сети в том, что входной объект принадлежит к классу m_0 .

Построение отображений в выходном слое делается с целью составления карты признаков (систем координат) исходного вектора, где каждое отображение должно содержать в себе важную информацию о некоторой характеристике исследуемого объекта.

В ходе разработки ССП используем карту признаков сети Кохонена в качестве сигнальной системы, так как нейроны слоя генерируют сигналы $D^{m,p}$. Интерпретатор находит наибольший сигнал и показывает номер класса m , который соответствует номеру входа, пославшего этот сигнал. Ядра определяются весами нейронов Кохонена. Отдельный нейрон фиксирует в памяти ядро класса и диагностирует объекты в своем классе. При этом чем ближе объект к этому ядру класса, тем больше величина выхода нейрона. Число классов изменяется в соответствии с динамикой моди-

фикации количества нейронов. Общее количество классов конгруэнтно числу нейронов сети Кохонена. После неоднократного предъявления примеров веса сети стабилизируются [14].

В зависимости от того, какой нейрон победил на данной итерации (т.е. активировался), мы можем оценить степень влияния некоторого признака на стратегию и, основываясь на полученной информации, принимать инвестиционное решение.

В результате обучения сети система овладевает возможностью генерирования вариантов наборов показателей в зависимости от того, какую стратегию выбрал пользователь (руководитель предприятия). Таким образом устраняется влияние субъективного фактора при формировании ССП.

Ориентированная на требования всех заинтересованных сторон и учитывающая факторы внешней и внутренней среды система стратегических показателей и целей разворачивается сверху вниз. Показатели деятельности организации детализируются до уровня бизнес-единиц, причем на этом этапе очень важно обеспечить развертывание системы целевых показателей не только по вертикали, но и по горизонтали за счет согласования показателей между владельцами процессов на межфункциональном уровне. Для четкой формулировки целей необходимо учитывать способы их достижения. Таким образом, разработка стратегии – сложный итерационный процесс, применение современных инновационных методов и инструментов помогает учесть интересы всех сторон, обеспечивает комплексность и сбалансированность разрабатываемой системы.

Система управления, базирующаяся на ССП и поддерживаемая современным программным обеспечением, позволяет предприятию сконцентрировать ресурсы (финансовые, технологические, кадровые, информационные) на достижении стратегических целей. Процесс реализации стратегии гарантирует взаимосвязь между работой производственных, маркетинговых и административных структур, что повышает эффективность, управляемость и конкурентоспособность предприятия. В частности, концепция использования ССП позволяет частично или полностью решать такие стратегические задачи, как рационализация инновационной и инвестиционной политики в долгосрочной перспективе, реструктуризация предприятий с учетом поставленных стратегических целей [18], построение эффективных систем управления бизне-

сом, включающих ССП как неотъемлемую составляющую.

Таким образом, из проведенного анализа следует, что генерирование вариантов ССП оптимизируется при применении нейронной сети Кохонена. В результате данного моделирования разрабатывается стратегия, позволяющая предприятию наиболее быстро достичь запланированных целей и стать более конкурентоспособным и технологически развитым.

Заключение

Проведенное исследование показало эффективность генерирования вариантов ССП на основе инструментария самообучающихся нейронных сетей Кохонена. Проверка адекватности представленного метода проводилась путем сравнения стратегических карт ССП, полученных в результате использования предлагаемого алгоритма, и аналогичных карт, разработанных экспертной группой. При этом большинство показателей ССП, образующих стратегическую карту целей для выбранной стратегии, совпали с оценками экспертов множества показателей данной стратегии. Методика позволяет устанавливать многочисленные показатели и факторы влияния, учитывать их взаимосвязи, проводить одновременную обработку информации по нескольким узлам-нейронам; способна самообучаться, оптимизируя архитектуру и регулируя связи, а следовательно, принимать наиболее оптимальные управленческие решения при реализации стратегии развития предприятия.

Список литературы

- Сахаутдинова Э.Р. Математическая модель выбора стратегии развития организации по многим критериям // Открытое образование. № 4. 2010. С. 118–123.
- Трифонов Ю.В. Модифицированная концепция построения систем управления эффективностью бизнеса // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. № 3 (1). 2013. С. 289–292.
- Внедрение сбалансированной системы показателей / Hogvath&Partners: Пер. с нем. – 2-е изд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. 478 с. – (Серия «Модели менеджмента ведущих корпораций»).
- Шестерикова Н.В. Система сбалансированных показателей как метод эффективного управления предприятием // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия Экономика и финансы. 2006. № 2 (9). С. 613–616.
- Технология разработки и внедрения ССП. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.businessstudio.ru/wiki/docu.php/ru/bsc/tehnology> (дата обращения: 14.05.2014).
- Каплан Р.С., Нортон Д.П. Стратегические карты. Трансформация нематериальных активов в материальные результаты: Пер. с англ. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2007. 512 с.
- Шестерикова Н.В. Методика выбора и оценки стратегии устойчивого развития предприятия с учетом диапазона зон устойчивости // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 1 (1). С. 277–281.
- Ханова А.А. Методология стратегического управления грузовым портом на основе имитационного моделирования: Автореф. дис. ... д.э.н. Астрахань, 2013. 36 с.
- Ханова А.А. Метод инженерии сбалансированной системы показателей на основе сети Кохонена. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://flatik.ru/metod-injenerii-sbalansirovannoj-sistemi-pokazatelej-na-osnove> (дата обращения: 14.05.2014).
- Kohonen T. The self-organizing map // Proceedings of the Institute of Electrical and Electronics Engineers. 1990. V. 78. P. 1464–1480.
- Применение нейронных сетей в системах управления. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.insycom.ru/html/metodmat/Automat/Lecture11.pdf> (дата обращения: 04.12.2015).
- Нейронные сети. Самоорганизующиеся карты Кохонена. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intuit.ru/studies/courses/6/6/lecture/180?page=3> (дата обращения: 05.12.2015).
- Нейронные сети. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://neuronus.com/nn/38-theory/961-nejronnye-seti-kokhonena.html> (дата обращения: 05.12.2015).
- Ханова А.А., Шубина О.В. Формирование сбалансированной системы показателей предприятия на основе искусственных нейронных сетей (на примере грузового порта) // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Управление, вычислительная техника и информатика. 2011. № 1. С. 187–194.
- Головачев С.С. Использование искусственных нейронных сетей для прогнозирования американского фондового рынка в период кризиса. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uecs.ru/uecs47-472012/item/1644-2012-11-09-08-08-12> (дата обращения: 05.12.2015).
- Основы теории нейронных сетей. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://portal.tpu.ru/SHARED/v/VKP/UR/Tab2/L6_0.doc (дата обращения: 05.12.2015).
- Андреева Т.А., Яшин Н.С. Методология «Хосин Канри» в стратегическом управлении нефтегазовой корпорацией. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-hosin-kanri-v-strategicheskom-upravlenii-neftegazovoy-korporatsiey> (дата обращения: 05.12.2015).
- Трифонов Ю.В., Сушников И.А. Проблемы реструктуризации российских предприятий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Экономика и финансы. 2004. № 2. С. 68–73.

**MODELING THE DEVELOPMENT STRATEGY OF AN ENTERPRISE
ON THE BASIS OF BALANCED SCORECARD***Yu.V. Trifonov, N.V. Shesterikova*

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The aim of this work is to develop theoretical and methodological mechanisms for the formation and implementation of the development strategy of an industrial enterprise based on optimization of the balanced scorecard. To achieve this goal, a balanced scorecard (BSC) structure is designed with the help of structural-functional analysis. In order to make effective management decisions in the simulation of the situation development scenario, it is preferable to use expert systems. The consistency of expert opinion is checked by means of the Kendall concordance coefficient. We substantiate the use of the Kohonen neural network to generate variants of the BSC depending on the chosen strategy. As a result of this simulation, a strategy is proposed that allows the company to achieve its planned objectives in the shortest possible time and to become more competitive and technologically advanced.

Keywords: balanced scorecard, Kohonen neural network, strategic management.

УДК 657.01

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ АКТИВОВ
В РОССИЙСКОМ БУХГАЛТЕРСКОМ УЧЕТЕ**

© 2016 г.

Э.С. Дружиловская

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

druzhilovskaya@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 07.12.2015**Статья принята к печати 18.01.2016*

Исследуются современные проблемы оценки активов в российском бухгалтерском учете. Цель настоящей работы состоит в выявлении наиболее актуальных проблем бухгалтерской оценки указанных объектов отечественных организаций и выработке предложений по их решению. В исследовании применялись следующие методы: анализ, синтез, логический подход, системный подход, метод аналогий. В результате автором представлен комплекс рекомендаций по совершенствованию правил оценки активов в российском бухгалтерском учете, включающий предложения в отношении формирования первоначальной стоимости активов, учета их обесценения, переоценки данных объектов, формирования их остаточной стоимости и оценки выбывающих активов. Обоснованы выводы о том, что представленные предложения направлены на совершенствование правил оценки активов в бухгалтерском учете отечественных организаций и способствуют повышению достоверности информации в их финансовой отчетности. Представленные рекомендации могут быть использованы при разработке и совершенствовании соответствующих нормативных документов по бухгалтерскому учету, в практической работе бухгалтерий организаций, а также в учебном процессе высших учебных заведений.

Ключевые слова: оценка активов, российский бухгалтерский учет, обесценение активов, переоценка.

Проблемы оценки активов являются одними из наиболее актуальных для современного российского бухгалтерского учета. Об этом свидетельствуют и многочисленные публикации отечественных ученых, посвященные исследованию вышеназванных проблем. Так, Н.Д. Врублевский и А.М. Эйдинов [1] исследуют проблемы оценки объектов интеллектуальной собственности. Е.М. Петрикова, Е.И. Исаева, М.А. Овсянникова [2] говорят о методах оценки нематериальных активов. В.В. Авдеев [3] также акцентирует внимание на вопросах нематериальных активов. Н.В. Генералова и Н.А. Соколова [4] анализируют вопросы учета обесценения активов на примере обесценения деловой репутации. В.С. Плотников и О.В. Плотникова [5] также исследуют проблемы отражения обесценения деловой репутации. Л.И. Куликова [6, 7] исследует международные правила оценки основных средств. А.Е. Иванов [8] обращает внимание на проблемы учета переоценки основных средств. В.Ю. Петрова [9, 10] говорит о проблемах оценки готовой продукции. А.М. Рабинович [11] акцентирует внимание на вопросах формирования себестоимости продукции. И.П. Селезнева и А.В. Владимирова [12] рассматривают методику оценки финансовых вложений. М.А. Вахрушина и О.А. Бородин [13]

исследуют проблемы оценки инвестиционной недвижимости. Т.Ю. Дружиловская, Э.С. Дружиловская и Т.Н. Коршунова [14] анализируют исторические аспекты формирования требований к оценке активов в бухгалтерском учете. О.В. Рожнова [15] исследует наиболее актуальные вопросы оценки по справедливой стоимости активов. Т.Б. Кувалдина и Д.Р. Лапин [16] анализируют вопросы использования рыночной стоимости для оценки активов. З.С. Туякова [17] исследует амортизационную политику организации. Последняя же, как известно, неизбежно влияет на формирование остаточной стоимости амортизируемых активов. Т.Ю. Дружиловская и Э.С. Дружиловская [18] исследуют проблемы нормативного регулирования формирования оценки активов в бухгалтерском учете. А.В. Величковский [19] обращает внимание на методику оценки немонетарных активов. Е.А. Мизиковский и Э.С. Дружиловская [20] исследуют проблемы оценки нефинансовых активов. В.Е. Дешин [21] рассматривает вопросы оценки активов в финансовой отчетности. С.П. Данченко [22] говорит об оценке активов страховых организаций.

Научные работы перечисленных и многих других авторов содержат глубокие исследования вопросов, связанных с оценкой активов в

российском бухгалтерском учете. Вместе с тем ряд проблем бухгалтерской оценки указанных объектов до сих пор остается нерешенным. Таким образом, очевидной является необходимость проведения дальнейших исследований в области проблем оценки активов в российском бухгалтерском учете. Представим собственную трактовку современных проблем оценки активов, наиболее актуальных для отечественного учета, и обоснуем предложения по их решению.

Отметим, что основной современной методологической концепцией реформирования бухгалтерского учета в России является его сближение с регламентациями международных стандартов финансовой отчетности (далее – МСФО). Следовательно, решение современных проблем бухгалтерской оценки активов отечественных организаций невозможно без учета требований МСФО к оценке указанных объектов. В связи с этим при исследовании возможных путей решения современных проблем оценки активов в российском бухгалтерском учете рассмотрим, как данные проблемы решены в международных стандартах.

В первую очередь обратимся к проблемам первоначальной оценки активов. Большинство данных проблем связано, на наш взгляд, с признанием различных затрат в первоначальной стоимости активов. Проведенные нами исследования показывают, что в настоящее время существует целый ряд затрат, которые неоправданно включаются в первоначальную оценку активов. К таким затратам относятся, по нашему мнению, следующие: 1) общехозяйственные расходы, 2) потери от брака в производстве, 3) потери от простоев, 4) расходы на продажу. Рассмотрим данные вопросы более подробно.

В настоящее время российскими нормативными документами по бухгалтерскому учету [23–30] допускается признание общехозяйственных расходов в оценке таких активов, как запасы, основные средства, доходные вложения в материальные ценности, нематериальные активы, финансовые вложения. Так, согласно Плану счетов [29] основным вариантом учета общехозяйственных расходов является их включение в затраты на производство продукции, то есть в стоимость незавершенного производства, а впоследствии и готовой продукции. Если организация выбирает такой вариант учета общехозяйственных расходов, то она должна включать данные расходы и в первоначальную стоимость основных средств, созданных своими силами. Такой вывод можно сделать на основе регламентаций Методических указаний по бухгалтерскому учету основных средств [30], со-

гласно которым формирование затрат на производство основных средств осуществляется в порядке, установленном организацией для учета затрат на производство продукции. ПБУ 6/01 [25] также разрешает признавать в стоимости любых основных средств общехозяйственные расходы, поскольку содержит требования, в соответствии с которыми данные расходы включаются в указанную стоимость в случаях, когда такие расходы непосредственно связаны с приобретением, сооружением или изготовлением основных средств. Аналогичные регламентации содержат и ПБУ 5/01 [24], ПБУ 14/2007 [26], ПБУ 17/02 [27] и ПБУ 19/02 [28] в отношении признания общехозяйственных расходов в стоимости всех материально-производственных запасов, нематериальных активов, затрат на НИОКР и финансовых вложений.

Вместе с тем полагаем, что включение общехозяйственных расходов в оценку перечисленных активов приводит к ее неоправданному завышению на величину расходов, не связанных с их созданием и приобретением. Представляется, что указанные расходы следует не признавать в стоимости активов, а списывать в дебет счета 90 как расходы отчетного периода. При этом считаем возможным отказаться в Плане счетов от счета 26 и учитывать общехозяйственные расходы сразу на счете 90, специальном одноименном субсчете. Обратим внимание на то, что предлагаемый отказ от включения указанных расходов в оценку активов будет способствовать сближению российских правил учета с требованиями международных стандартов, поскольку последние запрещают признавать административные и другие аналогичные расходы в стоимости активов.

Представляется дискуссионным и включение в оценку активов потерь от брака. Признание указанных расходов в себестоимости незавершенного производства, а впоследствии и готовой продукции в настоящее время предусмотрено Планом счетов [29]. Кроме того, поскольку согласно Методическим указаниям по бухгалтерскому учету основных средств [30] формирование затрат на производство основных средств осуществляется в порядке, установленном организацией для учета затрат на производство продукции, то потери от брака могут таким образом включаться и в первоначальную стоимость основных средств, созданных своими силами. Вместе с тем признание потерь от брака в стоимости активов приводит, на наш взгляд, к неоправданному завышению указанной стоимости на величину не связанных с созданием данных активов расходов. Так,

например, если у организации есть только один объект незавершенного производства и он полностью забракован, снизить потери от брака невозможно, то в соответствии с существующими правилами организация отразит в учете и отчетности активы – незавершенное производство на сумму неисправимого брака. Однако данный объект не принесет организации экономические выгоды в будущем. Таким образом, вышеназванная сумма неисправимого брака является не активами, а расходами. Исходя из сказанного, считаем целесообразным учитывать потери от брака не в стоимости активов, а в качестве расходов отчетного периода.

Предлагаем отказаться и от включения в оценку активов потерь от простоев. Данные потери в настоящее время включаются организациями в себестоимость незавершенного производства, а впоследствии и готовой продукции. Помимо этого, согласно вышеназванной регламентации Методических указаний по бухгалтерскому учету основных средств [30], потери от простоев могут признаваться и в первоначальной стоимости основных средств, созданных своими силами. Между тем включение в оценку активов указанных потерь приводит, по нашему мнению, к завышению такой оценки на величину расходов, не связанных с созданием данных активов. Например, если организация ничего не произвела, а только понесла потери от простоев по внутренним причинам, то в учете и отчетности будут отражены активы – незавершенное производство на сумму вышеназванных потерь. Однако в реальности таких активов не существует, а указанная сумма представляет собой не что иное, как расходы организации. Представленный пример со всей очевидностью свидетельствует о необходимости признания потерь от простоев не в оценке активов, а составе расходов отчетного периода.

Считаем целесообразным отказаться и от возможности включения в оценку запасов в бухгалтерском балансе остатков расходов на продажу, предусмотренной в настоящее время Планом счетов [29]. Представляется, что такая возможность приводит к завышению оценки указанных активов в отчетности на величину расходов, не имеющих отношения к созданию данных объектов. Таким образом, необходимым, на наш взгляд, является полное списание в конце отчетного периода всей суммы расходов на продажу с кредита счета 44 в дебет счета 90.

Обратим внимание на то, что предлагаемые отказы от включения потерь от брака и от простоев, а также расходов на продажу в оценку активов будут также способствовать сближе-

нию российских правил учета с регламентациями МСФО, поскольку последние не разрешают учитывать сверхнормативные потери сырья, затраченного труда и прочих производственных затрат, а также расходы на сбыт в стоимости активов.

Перейдем к проблемам последующей оценки активов в российском бухгалтерском учете. Одной из наиболее актуальных среди них, на наш взгляд, является проблема учета обесценения активов. В настоящее время согласно ПБУ 14/2007 организациям разрешается проверять нематериальные активы на обесценение в порядке, определенном МСФО. Однако данным ПБУ указанная проверка не требуется в обязательном порядке. Не предусмотрено ПБУ 14/2007 и отражение в учете самого обесценения нематериальных активов. Кроме того, обратим внимание на то, что, поскольку в указанном нормативном документе не содержится ссылка на конкретный международный стандарт, содержащий правила проверки активов на обесценение, организациям, не очень хорошо знакомым с системой МСФО, может быть не ясно, какими должны быть правила указанной проверки. В отличие от нематериальных активов в отношении основных средств и доходных вложений в материальные ценности, системой российских нормативных документов по бухгалтерскому учету не предусмотрена даже возможность проверки основных средств на обесценение. В результате оценка перечисленных активов может неоправданно завышаться, искажая таким образом учетную и отчетную информацию организаций. Исходя из сказанного, считаем целесообразным отражать обесценение указанных активов в обязательном порядке. При этом правила определения обесценения данных объектов в целом могут быть аналогичными требованиям МСФО (IAS) 36. Вместе с тем обратим внимание на то, что указанный стандарт не содержит исчерпывающих регламентаций относительно порядка учета обесценения активов. Так, МСФО (IAS) 36 требует доводить балансовую стоимость активов до их возмещаемой стоимости, если последняя окажется меньше первой. При этом в данном стандарте не говорится о том, следует ли для указанных целей пересчитывать только балансовую стоимость активов, или необходимо корректировать и первоначальную стоимость, и сумму накопленной амортизации. Также МСФО (IAS) 36 не отвечает на вопрос, как должна учитываться сумма обесценения активов: следует ли отражать данную сумму в качестве расходов от обычных видов деятельности или в составе

Таблица 1

Рекомендуемая методика учета обесценения активов

Общий принцип отражения обесценения активов	Предлагаемые формулы для расчетов	Обозначения	Используемые счета и субсчета. Общий порядок отражения в учете обесценения активов
Доведение балансовой стоимости активов (БСа) до их возмещаемой стоимости (ВСа) путем уменьшения их первоначальной (переоцененной) стоимости и суммы накопленной амортизации пропорционально снижению их балансовой стоимости	$1. Oa = BCa - BCa$ $2. СПа = ПСнр а - ПСнер а$ $3. ПСнер а = ПСнр а \times BCa / BCa$ $4. САа = Ана - Ана$ $5. Ана = Ана \times BCa / BCa$	Oa – величина обесценения активов; $СПа$ и $САа$ – суммы уменьшения первоначальной (переоцененной) стоимости и накопленной амортизации активов; $Ана$ и $Ана$ – накопленная (до обесценения) и пересчитанная амортизация активов; $ПСнр а$ и $ПСнер а$ – прежняя (до обесценения) и пересчитанная первоначальная (переоцененная) стоимость активов	Определенное по указанным формулам уменьшение первоначальной или переоцененной стоимости активов и суммы накопленной амортизации отразить по дебету счета 91 субсчета 2 в корреспонденции со счетами учета первоначальной стоимости и амортизации активов
Способы отражения обесценения активов на счетах бухгалтерского учета			
Хозяйственные операции	Бухгалтерские проводки	Суммы, формулы расчета	
1-й способ – составление сложной проводки			
Отражено обесценение активов	Дебет сч. 91.2	Сумма превышения BCa над $ВСа$ (формула 1)	
	Дебет сч. 02 или сч. 05	Разница между $Ана$ и $Ана$ (формула 4)	
	Кредит сч. 01 или сч. 03 или сч. 04	Разница между $ПСнр а$ и $ПСнер а$ (формула 2)	
2-й способ – использование сторнировочной записи			
1. Отражено уменьшение первоначальной стоимости активов	Дебет сч. 91.2 Кредит сч. 01 или сч. 03 или сч. 04	Разница между $ПСнр а$ и $ПСнер а$ (формула 2)	
2. Отражено уменьшение суммы накопленной амортизации активов	Дебет сч. 91.2 Кредит сч. 02 или сч. 05 – сторнировочная запись	Разница между $Ана$ и $Ана$ (формула 4)	

прочих расходов или относить непосредственно на счет нераспределенной прибыли (непокрытого убытка) организации. В результате на практике могут возникать разночтения при решении перечисленных вопросов, что приведет к несопоставимости информации в отчетности различных организаций.

С целью решения указанной проблемы предлагаем методику учета обесценения активов, представленную в табл. 1.

Отметим, что предлагаемые в таблице 1 способы отражения обесценения активов на счетах бухгалтерского учета являются равноценными, и организация может выбрать один из них по своему усмотрению. Обратим внимание также на, что указанные в таблице 1 величины уменьшения первоначальной стоимости, накопленной амортизации и балансовой стоимости активов должны отражаться в корреспонденции со счетом 83, а не 91, если сумма обесценения этих активов меньше или равна сумме их дооценки, ранее зачисленной на счет 83.

Проведенные исследования указывают на то, что проблема учета обесценения является на сегодняшний день актуальной не только для таких активов, как основные средства, доход-

ные вложения в материальные ценности и нематериальные активы, но и для запасов, финансовых вложений и дебиторской задолженности. В настоящее время согласно ПБУ 5/01 [24], ПБУ 19/02 [28], Положению по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в РФ № 34н [23], а также Плану счетов [29] для учета снижения стоимости запасов, финансовых вложений и дебиторской задолженности на счетах 14, 59 и 63 создаются резервы соответственно под снижение стоимости материальных ценностей, под обесценение финансовых вложений и по сомнительным долгам. На сумму перечисленных резервов уменьшается оценка указанных активов в бухгалтерском балансе, не допуская таким образом неоправданного завышения стоимости активов в отчетности организаций. Вместе с тем проведенные исследования позволяют утверждать, что многие организации с целью снижения затрат на ведение учета отказываются от формирования вышеназванных резервов, искажая в результате показатели своей финансовой отчетности. Заметим, что некоторые организации напрямую указывают в своей учетной политике, что они не создают перечисленные резервы, нарушая таким образом

Таблица 2

Предлагаемый порядок отражения обесценения запасов на счетах бухгалтерского учета

Хозяйственные операции	Бухгалтерские проводки
1. Отражено обесценение материалов	Дебет сч. 91.2. «Обесценение запасов». «Обесценение материалов» Кредит сч. 10
2. Учтено снижение стоимости товаров	Дебет сч. 91.2. «Обесценение запасов». «Обесценение товаров» Кредит сч. 41
3. Отражено обесценение незавершенного производства	Дебет сч. 91.2. «Обесценение запасов». «Обесценение незавершенного производства» Кредит сч. 20
4. Учтено снижение стоимости готовой продукции	Дебет сч. 91.2. «Обесценение запасов». «Обесценение готовой продукции» Кредит сч. 43

требования ПБУ 5/01 и ПБУ 19/02, согласно которым при наличии определенных условий формирование вышеназванных резервов является обязательным.

Кроме указанных проблем обратим внимание на недостатки методики отражения обесценения запасов посредством создания резерва. При использовании такой методики оценка указанных активов уменьшается только в балансе, а на самих счетах бухгалтерского учета оценка запасов продолжает оставаться завышенной. В результате при отпуске материалов на производство с кредита счета 10 в дебет счетов 20, 23, 25 списывается завышенная стоимость данных активов, что в итоге приводит к искажению оценки незавершенного производства, а впоследствии и готовой продукции. Продемонстрируем это на примере. Себестоимость материалов составляет 28 000 руб., их рыночная стоимость – 22 000 руб., рыночная стоимость готовой продукции, произведенной с использованием указанных материалов, – 2 500 000 руб. Себестоимость готовой продукции при оценке по себестоимости материалов, отпускаемых на производство, равна 2 800 000 руб., а при оценке материалов по рыночной стоимости себестоимость готовой продукции – 2 200 000 руб. В результате при оценке материалов по себестоимости оценка готовой продукции в балансе будет уменьшена до рыночной стоимости и составит 2 500 000 руб. А при оценке материалов напрямую по рыночной стоимости оценка готовой продукции в балансе составит 2 200 000 руб. Следовательно, несмотря на то что в первом из указанных случаев стоимость готовой продукции в отчетности была уменьшена согласно правилам ПБУ 5/01, она, тем не менее, оказалась выше, чем во втором случае, то есть при оценке материалов напрямую по наименьшей величине из себестоимости и рыночной стоимости.

Таким образом, наиболее предпочтительной является методика учета обесценения запасов, при которой запасы напрямую оцениваются по

наименьшей величине. При этом обратим внимание на то, что, поскольку для продажи указанных активов организации необходимо понести определенные расходы на продажу, величине последних также целесообразно учесть при расчете наименьшей величины, по которой должны оцениваться запасы. То есть предлагаем определять оценку данных активов как наименьшую величину из: 1) себестоимости и 2) стоимости продажи, уменьшенной на сумму расходов на продажу запасов. Заметим, что предлагаемые изменения будут способствовать сближению требований российских нормативных документов по бухгалтерскому учету с регламентациями МСФО, что, как отмечалось выше, является основным современным направлением развития отечественного учета.

В развитие высказанных рекомендаций предлагаем порядок отражения обесценения запасов на счетах бухгалтерского учета, представленный в табл. 2.

Обратим внимание на то, что при предлагаемом нами порядке отражения обесценения запасов счет 14 можно будет исключить из Плана счетов.

Полагаем, что аналогичным порядку, представленному в таблице 2, может быть и порядок отражения на счетах бухгалтерского учета обесценения финансовых вложений и дебиторской задолженности. При этом в учете могут составляться следующие записи:

Дебет сч. 91.2. «Обесценение финансовых вложений» Кредит сч. 58 – отражено обесценение финансовых вложений.

Дебет сч. 91.2. «Обесценение дебиторской задолженности» Кредит сч. 62 или сч. 76 – учтено обесценение дебиторской задолженности.

Обратим внимание на то, что для учета обесценения вышеназванных активов мы предлагаем открыть к счету 91 субсчету первого порядка 2 «Прочие расходы» специальные субсчета второго порядка «Обесценение запасов», «Обесценение финансовых вложений» и «Обес-

ценение дебиторской задолженности». Для отражения обесценения основных средств, нематериальных активов и доходных вложений в материальные ценности (таблица 1) к счету 91 субсчету первого порядка 2 также можно открыть специальные субсчета второго порядка «Обесценение основных средств», «Обесценение нематериальных активов» и «Обесценение доходных вложений в материальные ценности». При этом к каждому из предложенных субсчетов второго порядка можно открывать субсчета третьего порядка в зависимости от групп соответствующих активов. Например, к субсчету «Обесценение запасов» можно открыть субсчета «Обесценение материалов», «Обесценение незавершенного производства», «Обесценение готовой продукции» и «Обесценение товаров».

Отметим, что в отличие от отражения обесценения запасов для учета снижения стоимости финансовых вложений и дебиторской задолженности нет принципиальной разницы в отражении на счетах учета их обесценения. Поэтому организациям можно, на наш взгляд, разрешить использовать по их усмотрению один из двух способов отражения на счетах учета обесценения финансовых вложений и дебиторской задолженности: 1) отражение обесценения непосредственно на счетах учета соответствующих финансовых вложений и дебиторской задолженности (предложенный нами выше способ) или 2) создание резерва. При этом обратим внимание на то, что рекомендованный нами способ является более простым, поскольку предусматривает составление меньшего количества учетных записей.

Исследуя современные проблемы последующей оценки активов, нельзя не обратить внимание на ряд проблем, связанных с формированием остаточной стоимости амортизируемых активов. Наиболее важными из таких проблем являются следующие: 1) отсутствие в российских нормативных документах по бухгалтерскому учету требования выбора способов начисления амортизации основных средств и доходных вложений в материальные ценности исходя из схемы получения от них экономических выгод; 2) запрет в ПБУ 6/01 и ПБУ 14/2007 начисления амортизации основных средств, доходных вложений в материальные ценности и нематериальных активов некоммерческих организаций; 3) отсутствие в отечественных положениях по бухгалтерскому учету возможности пересмотра способов начисления амортизации и сроков полезного использования основных средств и доходных вложений в материальные ценности; 4) игнорирование на практике мно-

гими организациями требований ПБУ 14/2007 по выбору способов начисления амортизации нематериальных активов исходя из схемы получения от них экономических выгод; 5) нарушение многими организациями регламентаций ПБУ 14/2007 в отношении пересмотра способов начисления амортизации и сроков полезного использования нематериальных активов. Отметим, что отказ от выбора способов начисления амортизации основных средств, доходных вложений в материальные ценности и нематериальных активов исходя из схемы получения от них экономических выгод, а также отказ от пересмотра указанных способов и сроков полезного использования данных активов приводит не только к невозможности формирования реалистичной остаточной стоимости перечисленных активов, но и к искажению оценки активов (прежде всего запасов), в которую включаются суммы амортизации основных средств, доходных вложений в материальные ценности и нематериальных активов. Представляется также, что запрет начисления амортизации вышеназванных активов некоммерческих организаций приводит к завышению оценки данных объектов в балансе, а также к искажению показателей отчетности, в которые должна была бы включаться амортизация указанных объектов. Таким образом, очевидна целесообразность внесения в ПБУ 6/01 и ПБУ 14/2007 соответствующих изменений, а также необходимость уделить на практике большее внимание вопросам определения способов начисления амортизации и сроков полезного использования нематериальных активов. При этом полагаем, что некоммерческим организациям можно разрешить использовать для начисления амортизации основных средств, доходных вложений в материальные ценности и нематериальных активов все способы, предусмотренные в настоящее время для коммерческих организаций: линейный способ; способ уменьшаемого остатка; способ списания стоимости пропорционально объему продукции (работ); способ списания стоимости по сумме чисел лет срока полезного использования. Заметим, что введение в российский учет требований выбора способов начисления амортизации основных средств и доходных вложений в материальные ценности исходя из схемы получения от них экономических выгод, а также пересмотра способов начисления амортизации и сроков полезного использования данных активов будет способствовать сближению отечественных регламентаций с правилами МСФО.

Говоря о современных проблемах последующей оценки основных средств, доходных

Таблица 3

Рекомендуемый порядок учета долгосрочных активов, предназначенных для продажи

Хозяйственные операции	Бухгалтерские проводки	Суммы
1. Приняты к учету долгосрочные активы, предназначенные для продажи	Дебет сч. 06 «Долгосрочные активы, предназначенные для продажи»	Наименьшая величина из: а) предполагаемой стоимости продажи, уменьшенной на величину расходов на продажу, и б) балансовой стоимости
	Дебет сч. 02 или сч. 05	Величина накопленной амортизации по активам (основным средствам, доходным вложениям в материальные ценности и нематериальным активам), переводимым в состав долгосрочных активов, предназначенных для продажи
	Дебет сч. 91.2	Разница между балансовой стоимостью актива и предполагаемой стоимостью его продажи, уменьшенной на величину расходов на продажу
	Кредит сч. 01 или сч. 03 или сч. 04	Первоначальная стоимость активов (основных средств, доходных вложений в материальные ценности и нематериальных активов), переводимых в состав долгосрочных активов, предназначенных для продажи
2. Списана стоимость проданных вышеназванных активов	Дебет сч. 91.2 Кредит сч. 06 «Долгосрочные активы, предназначенные для продажи»	Наименьшая величина из: а) предполагаемой стоимости продажи, уменьшенной на величину расходов на продажу, и б) балансовой стоимости

вложений в материальные ценности и нематериальных активов, нельзя не обратить внимание и на ряд проблем, связанных с их переоценкой. К данным проблемам, на наш взгляд, в первую очередь следует отнести: 1) запрет в ПБУ 6/01 и ПБУ 14/2007 проведения переоценки вышеназванных активов некоммерческих организаций; 2) отказ на практике некоторых коммерческих организаций от переоценки указанных активов. Проведенные исследования показывают, что нередко переоценка основных средств, доходных вложений в материальные ценности и нематериальных активов бывает необходимой для достоверного отражения информации в финансовой отчетности организаций. Так, в ряде рассмотренных нами организаций оценка вышеназванных активов оказалась настолько далекой от их реальной современной стоимости, что потеряла какой-либо смысл. Очевидно, что в таких ситуациях необходимость проведения переоценки указанных активов не вызывает сомнений.

Исследуя проблемы последующей оценки активов в бухгалтерском учете, обратим внимание еще на одну существенную проблему. Такой проблемой является оценка выбывающих финансовых вложений и запасов. Проведенные исследования позволяют утверждать, что на практике многие организации, игнорируя варианты оценки указанных объектов, предусмотренные ПБУ 5/01 и ПБУ 19/02, используют для данных активов только способ оценки по средней стоимости. В то же время для достоверного отражения информации в финансовой отчетности необходимым бывает и применение способа ФИФО для оценки

выбывающих финансовых вложений и запасов. В результате преследование организациями цели уменьшения затрат на ведение учета приводит к снижению информативности их финансовой отчетности. Таким образом, очевидна необходимость уделить на практике большее внимание выбору способов оценки выбывающих финансовых вложений и запасов.

В заключение обратим внимание на проблемы оценки долгосрочных активов, предназначенных для продажи. В настоящее время такой учетный объект в российской системе нормативного регулирования бухгалтерского учета отсутствует. Основные средства, доходные вложения в материальные ценности, нематериальные активы, которые организация решила продать, продолжают учитываться в составе перечисленных активов. Следовательно, к таким объектам применяются правила оценки, предусмотренные ПБУ 6/01 и ПБУ 14/2007 для учета основных средств, доходных вложений в материальные ценности и нематериальных активов. Вместе с тем специфика долгосрочных активов, предназначенных для продажи, требует применения к ним иных правил оценки. Так, поскольку данные активы уже не используются организацией для производства продукции, выполнения работ, оказания услуг, следует перестать начислять амортизацию по таким активам. Помимо этого в целях выполнения требований осмотрительности указанные объекты необходимо оценивать по наименьшей величине из: а) предполагаемой стоимости продажи, уменьшенной на величину расходов на продажу, и

б) балансовой стоимости. В учете при этом предлагаем составлять записи, представленные в табл. 3.

Обратим внимание на то, что для учета долгосрочных активов, предназначенных для продажи, мы предлагаем ввести в План счетов специальный одноименный счет 06. Отметим также, что введение в российский учет вышеназванного объекта позволит сблизить отечественные и международные требования формирования финансовой отчетности.

Таким образом, в работе исследованы основные современные проблемы оценки активов, наиболее актуальные для российского бухгалтерского учета, и представлены предложения по их решению, включающие комплекс рекомендаций в отношении формирования первоначальной стоимости активов, учета их обесценения, переоценки данных объектов, формирования их остаточной стоимости и оценки выбывающих активов. Разработанные предложения будут способствовать совершенствованию правил оценки активов в бухгалтерском учете отечественных организаций, способствуя повышению достоверности информации в их финансовой отчетности.

Список литературы

1. Врублевский Н.Д., Эйдинов А.М. Формирование стоимости и учет объектов интеллектуальной собственности // Бухгалтерский учет. 2015. № 10. С. 74–77.
2. Петрикова Е.М., Исаева Е.И., Овсянникова М.А. Методы оценки стоимости нематериальных активов // Международный бухгалтерский учет. 2015. № 10. С. 39–53.
3. Авдеев В.В. Оценка нематериального актива // Аудит и налогообложение. 2014. № 12. С. 6–9.
4. Генералова Н.В., Соколова Н.А. Учет обесценения активов на примере обесценения гудвилла как область применения профессионального суждения // Международный бухгалтерский учет. 2014. № 26. С. 2–14.
5. Плотников В.С., Плотникова О.В. Оценка обесценения гудвилла и возмещение потерь от обесценения в консолидированной финансовой отчетности // Международный бухгалтерский учет. 2015. № 5. С. 25–37.
6. Куликова Л.И. Основные средства: признание и оценка в соответствии с МСФО // Бухгалтерский учет. 2012. № 6. С. 63–66.
7. Куликова Л.И. Основные средства: признание и оценка в соответствии с МСФО // Бухгалтерский учет. 2012. № 7. С. 15–19.
8. Иванов А.Е. Ловушка переоценки: о необходимости внесения изменений в отечественные правила бухгалтерского учета переоценки основных средств // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2015. № 13. С. 12–17.
9. Петрова В.Ю. Оценка готовой продукции: бухгалтерский и налоговый учет // Бухгалтерский учет. 2015. № 1. С. 21–26.
10. Петрова В.Ю. Оценка готовой продукции: бухгалтерский и налоговый учет // Бухгалтерский учет. 2015. № 2. С. 35–39.
11. Рабинович А.М. Полная себестоимость и управленческие расходы // Бухгалтерский учет. 2015. № 9. С. 106–107.
12. Селезнева И.П., Владимирова А.В. Развитие методики оценки и бухгалтерского учета финансовых вложений // Международный бухгалтерский учет. 2015. № 18. С. 15–31.
13. Вахрушина М.А., Бородин О.А. Проблемы первоначальной оценки инвестиционной недвижимости: сравнительный анализ принципов МСФО и РПБУ // Международный бухгалтерский учет. 2012. № 23. С. 2–12.
14. Дружиловская Т.Ю., Дружиловская Э.С., Коршунова Т.Н. Исторические аспекты формирования требований к учетной политике и оценке объектов учета // Международный бухгалтерский учет. 2014. № 18. С. 10–22.
15. Рожнова О.В. Актуальные вопросы оценки по справедливой стоимости активов и обязательств // Международный бухгалтерский учет. 2013. № 23. С. 2–8.
16. Кувалдина Т.Б., Лапин Д.Р. Теория и практика применения текущей рыночной стоимости в оценке активов организации // Международный бухгалтерский учет. 2015. № 20. С. 2–15.
17. Туякова З.С. Амортизационная политика как элемент стратегии развития промышленных предприятий // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 1. С. 131–135.
18. Дружиловская Т.Ю., Дружиловская Э.С. Реформирование системы нормативного регулирования российского бухгалтерского учета на основе МСФО // Международный бухгалтерский учет. 2014. № 19. С. 2–18.
19. Величковский А.В. Совершенствование методики оценки немонетарных активов в бухгалтерской отчетности // Международный бухгалтерский учет. 2014. № 34. С. 29–44.
20. Мизиковский Е.А., Дружиловская Э.С. Оценка нефинансовых активов и достоверность финансовой отчетности // Аудиторские ведомости. 2011. № 3. С. 52–56.
21. Дешин В.Е. Активы предприятия и их оценка в финансовой отчетности // Международный бухгалтерский учет. 2011. № 3. С. 2–7.
22. Данченко С.П. Минимальные значения рейтингов при оценке активов // Страховые организации: бухгалтерский учет и налогообложение. 2013. № 2. С. 8–11.
23. Положение по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в РФ. Утверждено приказом Минфина РФ № 34н от 29.07.1998 г.
24. Положение по бухгалтерскому учету «Учет материально-производственных запасов» (ПБУ 5/01). Утверждено приказом Минфина РФ № 44н от 09.06.2001 г.

25. Положение по бухгалтерскому учету «Учет основных средств» (ПБУ 6/01). Утверждено приказом Минфина РФ № 26н от 30.03.2001 г.

26. Положение по бухгалтерскому учету «Учет нематериальных активов» (ПБУ 14/2007). Утверждено приказом Минфина РФ № 153н от 27.12.2007 г.

27. Положение по бухгалтерскому учету «Учет расходов на научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы» (ПБУ 17/02). Утверждено Приказом Минфина РФ № 115н от 19.11.2002 г.

28. Положение по бухгалтерскому учету «Учет финансовых вложений» (ПБУ 19/02). Утверждено Приказом Минфина РФ № 126н от 10.12.2002 г.

29. План счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организации и Инструкция по его применению. Утвержден приказом Минфина РФ № 94н от 31.10.2000 г.

30. Методические указания по бухгалтерскому учету основных средств. Утверждены приказом Минфина РФ № 91н от 13.10.2003 г.

CURRENT PROBLEMS OF ASSET VALUATION IN RUSSIAN ACCOUNTING

E.S. Druzhilovskaya

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article examines current problems of asset valuation in Russian accounting. The aim of this work is to identify the most pressing problems of accounting valuation of domestic organizations' assets and to make some proposals for their solution. In this article, the following methods were used: analysis, synthesis, logical approach, systems approach, the method of analogies. As a result of the research, the author presents a set of recommendations on improving rules for the valuation of assets in Russian accounting, including some proposals regarding the formation of the original cost of the assets, taking account of their impairment, the revaluation of these assets, the formation of residual value and the valuation of retiring assets. The author's proposals are aimed at improving the rules for valuation of assets in accounting of domestic organizations and will contribute to the reliability of the information in their financial statements. The recommendations presented in the article can be used in the development and improvement of relevant regulatory documents on accounting, in practical work of accounts departments of organizations and in the educational process of higher educational institutions.

Keywords: valuation of assets, Russian accounting, impairment of assets, revaluation.

УДК 33.336

АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ ОЦЕНКИ СТОИМОСТИ КАПИТАЛА

© 2016 г.

Л.В. Суворова¹, Т.Е. Суворова², М.В. Куклина²¹Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижегородский филиал

suvorova.l.v@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 03.12.2015**Статья принята к печати 29.01.2016*

Комплексно исследуются различные подходы к оценке стоимости капитала компаний, определяются наиболее приемлемые модели для развивающихся рынков. Проанализированы различные методики, использован обширный методический инструментарий для расчета средневзвешенной стоимости капитала. Модели оценки протестированы на данных российских компаний, занятых в нефтедобывающей отрасли. Оценка WACC осуществлялась с использованием различных вариантов расчета доходности собственного и заемного капитала. Для расчета затрат на собственный капитал использовались: модель CAPM, метод Blume, модель DСАРM, метод Bottom up, Hybrid CAPM. Затраты по привлечению заемного капитала оценивались с помощью прямого метода, метода кредитного рейтинга, кредитного рейтинга на основе Interest coverage ratio, метода анализа стандартного отклонения акций. Сделан вывод о практической применимости рассмотренных моделей для российского бизнеса: предлагается использовать гибридную модель CAPM с оценкой странового риска для расчета затрат на собственный капитал и для текущей оценки стоимости заемного капитала – метод кредитного рейтинга. Полученные результаты позволяют рассчитать оптимальную структуру капитала и оценить стоимость компании.

Ключевые слова: компания, структура капитала, модели, оценка, модель CAPM, метод Blume, модель DСАРM, метод Bottom up, Hybrid CAPM, стоимость капитала.

В современных условиях структура капитала является тем фактором, который оказывает непосредственное влияние на финансовое состояние предприятия – его платежеспособность и ликвидность, величину дохода, рентабельность деятельности. Современные теории структуры капитала содержат достаточно обширный методический инструментарий оптимизации этого показателя. Модель CAPM (Capital Asset Pricing Model), или модель оценки финансовых активов (Джек Трейнер, Уильям Шарп, Джон Литнер, Ян Моссин), по сей день остается одним из основных инструментов оценки стоимости капитала организации. Однако проблемы применения CAPM возникают на развивающихся рынках капитала. Для них трудно определить безрисковую доходность, премию за рыночный риск, бета-коэффициент по имеющимся данным локального рынка капитала из-за низкой ликвидности обращаемых активов и отсутствия достаточной информации.

В ряде научных исследований обосновывается недопустимость использования на развивающихся рынках модели CAPM. Своеобразие этих рынков состоит в том, что для них характерно наличие специфических рисков, отражающих особенности государственной политики в области экономики и бизнеса. При этом данные

риски нельзя устранить, используя диверсификацию капитала глобального инвестора [1, 2, 3].

Бекерт и Харвей считают необходимым при расчете требуемой доходности учитывать временную степень изменчивости интеграции локального рынка в мировой финансовый рынок, в соответствии с чем подходы к оценке развитых и развивающихся рынков должны быть различными. В ряде работ утверждается, что выбор модели оценки затрат на собственный капитал также должен учитывать уровень интеграции в мировой рынок капитала [4]. Модель Годфрида – Эспинозы предполагает расчет бета-коэффициента и рыночной премии за риск по данным локального рынка с введением страновой премии за риск (CRP) и поправочного множителя (R2), связывающего доходность компании на локальном рынке с изменчивостью премии за страновой риск [5].

С учетом отмеченных особенностей проанализируем структуру капитала одной из крупнейших компаний нефтедобывающей отрасли – ОАО «Татнефть», используя при этом различные модели оценки стоимости капитала. «Татнефть» – одна из крупнейших российских нефтяных компаний, международно признанный вертикально интегрированный холдинг. В составе производственного комплекса компа-

Таблица 1

Структура акционерного капитала ОАО «Татнефть» на 31.12.2013 г. [6]

Количество акций, всего из них:	2 326 199 200
Обыкновенные акции	
ОАО «Татнефть»	2 178 690 700
Иностранные акционеры	541 160*
Российские акционеры и номинальные держатели	2 178 149 540
Привилегированные акции	
ОАО «Татнефть»	147 508 500
Иностранные акционеры	101 800*
Российские акционеры и номинальные держатели	147 406 700

*Без владения через российских номинальных держателей.

Таблица 2

Структура собственного капитала ОАО «Татнефть» на 31.12.2013 г., тыс. руб. [6]

Акционерный капитал	
Привилегированные акции (разрешено к выпуску и выпущено на 31.12.2013 г. с номинальной стоимостью -1.0 рубль)	746
Обыкновенные акции (разрешено к выпуску и выпущено на 31.12.2013 г. с номинальной стоимостью -1.0 рубль)	11 021
Добавочный капитал	87 482
Накопленный прочий совокупный доход	889
Нераспределенная прибыль	384 376
За вычетом: выкупленные обыкновенные акции по цене приобретения (55 592 000 акций и 55 543 000 акций на 31.12.2013 и 2012 гг. соответственно)	(3 102)
Итого акционерный капитал группы	481 412
Неконтролирующая доля участия	22 570
Итого акционерный капитал	503 982

нии стабильно развиваются нефтегазодобыча, нефтепереработка, нефтехимия, шинный комплекс, сеть АЗС и блок сервисных структур.

По состоянию на 31 декабря 2013 года в реестре акционеров ОАО «Татнефть» было зарегистрировано 45 746 акционеров. Из них наиболее крупные владельцы (номинальные держатели) пакетов акций компании:

- небанковская кредитная организация «Закрытое акционерное общество «Национальный расчетный депозитарий» – 56.19%;
- открытое акционерное общество «Центральный депозитарий Республики Татарстан» – 33.59%.

Акционерный капитал компании представлен обыкновенными и привилегированными акциями. Структура акционерного капитала ОАО «Татнефть» на 31.12.2013 г. представлена в табл. 1. Акции ОАО «Татнефть» представлены на российском и международном фондовых рынках 19 лет и являются одними из наиболее ликвидных и репрезентативных инструментов рынка ценных бумаг.

По объемам торгов на Российской и Лондонской фондовых биржах «Татнефть» занимает устойчивое 4-е место среди российских нефтяных компаний. В торгах объединенной биржи

ОАО «Московская биржа» участвуют обыкновенные и привилегированные акции в котировальном списке «А» первого уровня [7]. Акции «Татнефти» включены в состав базы расчета индексов РТС и ММВБ, являющихся главным индикатором российского фондового рынка. Текущий годовой объем торгов на Московской бирже превышает 79 млрд рублей (2.4 млрд долл. США). На конец 2013 года на Московской бирже стоимость одной обыкновенной акции ОАО «Татнефть» составила 208.2 руб., одной привилегированной акции – 121.7 рублей. Депозитарные расписки компании включены в листинг Лондонской фондовой биржи [8]. Годовой объем торгов депозитарных расписок «Татнефть» на Лондонской фондовой бирже превышает 2.5 млрд фунтов.

Если рассмотреть структуру собственного капитала компании, то наибольшая доля приходится на нераспределенную прибыль, за счет которой происходит рост собственных источников (табл. 2). За последние годы деятельности компания не использовала эмиссию акций для привлечения капитала.

В структуре заемных средств компании доли долгосрочных и краткосрочных кредитов и

Таблица 3

Структура заемного капитала ОАО «Татнефть» на 31.12.2013 г., тыс. руб. [6]

Краткосрочные кредиты и займы и текущая доля долгосрочных заемных средств	36 561
Кредиторская задолженность и начисленные обязательства	28 444
Обязательства по уплате налогов	16 706
Обязательства по уплате налога на прибыль	1 462
Итого краткосрочные обязательства	83 173
Долгосрочные кредиты и займы за вычетом текущей доли	12 785
Прочие долгосрочные обязательства	3 839
Резерв по выводу активов из эксплуатации за вычетом текущей доли	54 511
Обязательства по отложенному налогу на прибыль	15 799
Итого долгосрочные обязательства	86 934
Итого обязательства	170 107

Таблица 4

Структура капитала ОАО «Татнефть»

Тыс. руб. (%)		Рыночная стоимость акции, руб.	Количество, шт.	Балансовая стоимость, тыс. руб.	Рыночная стоимость собственно- го капитала, тыс. руб.
Собственный капитал	Обыкновенные акции	208.2	2 178 690 700	2 178 690.70	453 603 404 (73.97%)
	Привилегиро- ванные акции	121.7	147 508 500	147 508.500	17 951 784 (2.93%)
Заемный капитал	Долгосрочные обязательства			86 934 000	141 663 000 (23.10%)
	Краткосрочные обязательства			83 173 000	

займов примерно равны, при этом стоит отметить, что у компании нет облигаций и гибридных инструментов (табл. 3).

Отметив особенности бухгалтерского баланса организации, перейдем к рассмотрению рыночной стоимости капитала компании. В таблице 4 представлен расчет рыночной стоимости капитала компании на конец 2013 года с использованием информации о котировках акций на Московской бирже.

Рыночная стоимость долга оценивалась как сумма заемного капитала по МСФО за вычетом кредиторской задолженности. В связи с интернациональным характером деятельности компании и присутствием на большом количестве товарных рынков представляется интересным рассчитать затраты на собственный капитал организации с использованием различных моделей оценки.

1) Модель CAPM

Классическая модель CAPM в общем виде представляется формулой:

$$E(r) = r_f + \beta \times (E(r_m) - r_f),$$

где $E(r)$ – доходность ценной бумаги; r_f – величина безрисковой доходности; $E(r_m)$ – рыночная доходность.

Данная модель анализа затрат на капитал компаний является доминирующей в оценке величины затрат по собственному капиталу. Почти 80% компаний по всему миру используют данную модель для оценки ожидаемой доходности по собственному капиталу.

И хотя CAPM строится на достаточно жестких предпосылках, которые вряд ли можно считать достаточно реалистичными, данная модель продолжает оставаться самым простым, а потому и популярным способом оценки риска инвестора, который использует множество информационно-аналитических компаний мирового уровня, наряду с другими традиционными для финансовой аналитики данными.

В данной работе для расчета CAPM использовались данные о среднемесячной доходности обыкновенных акций компании за период с 01.08.2005 г. по 01.01.2015 г. В качестве рыночного показателя использовался индекс ММВБ. После расчета средней месячной доходности была получена годовая доходность акций компании и рынка (табл. 5, 6).

На основе модели CAPM коэффициент бета был рассчитан как отношение ковариации доходности рынка и компании к дисперсии до-

Таблица 5

Расчет рыночной доходности

Индекс	Дата	Цена	Доходность месячная
MICEXINDEXCF	01.08.2005	784.28	–
MICEXINDEXCF	01.09.2005	892.5	13.80%
...			
MICEXINDEXCF	01.11.2014	1533.68	3.04%
MICEXINDEXCF	01.12.2014	1396.61	-8.94%
MICEXINDEXCF	01.01.2015	1647.69	17.98%
			Ср. месяч. знач.
			Ср. год. знач.
			1.01%
			12.82%

Таблица 6

Расчет доходности акций «Татнефть»

Индекс	Дата	Цена	Доходность месячная
TATN	01.08.2005	70.75	
TATN	01.09.2005	91.008	28.63%
...			
TATN	01.11.2014	248.65	-4.29%
TATN	01.12.2014	228.5	-8.10%
TATN	01.01.2015	270.15	18.23%
			Ср. месяч. знач.
			Ср. год. знач.
			2.05%
			27.63%
Дисперсия	0.007		
Ковариация	0.008		
Бета	1.197		

ходности рынка. В этом случае бета составила 1.197. В качестве безрисковой доходности использовалась среднесрочная ставка по ОФЗ России на конец 2013 г., которая равна 6.01%. Таким образом, стоимость собственного капитала «Татнефть», оцененная с помощью модели CAPM, равна 14.16% (табл. 7).

2) Метод Blume

Следующий способ расчета предполагает корректировку коэффициента бета:

$$\text{Бета Blume} = 0.67 \times \text{Бета OLS} + 0.33 \times 1,$$

где Бета OLS была найдена на предыдущем шаге и равна 1.197 (табл. 8).

Таким образом, стоимость собственного капитала «Татнефть», оцененная с помощью модели Blume, равна 13.72%.

3) Модель DCAPM (Эстрада)

Произведем расчет затрат на собственный капитал компании с использованием модифицированной модели CAPM – DCAPM.

Основное уравнение модели DCAPM выглядит следующим образом:

$$E(R_i) = R_f + (E(R_m) - R_f) \times \beta_i^D,$$

где $E(R_i)$ – доходность ценной бумаги i ; R_f – величина безрисковой доходности; β_i^D – односторонний коэффициент бета; $E(R_m)$ – рыночная доходность.

Основная идея модифицированной модели соответствует идее классической CAPM: премия инвестора находится в линейной зависимости от систематического риска, однако в данном случае измеряемого односторонним коэффициентом бета. Модель DCAPM предполагает нахождение одностороннего коэффициента бета, который является мерой систематического одностороннего риска (табл. 9).

Односторонний коэффициент бета может быть представлен как

Таблица 7

Расчет стоимости собственного капитала с помощью модели CAPM*

Безрисковая доходность	6.01%
Бета	1.197
Рыночная доходность	12.82%
Премия за риск	6.81%
Стоимость собств. капитала	14.16%

* Составлено на основе авторских расчетов.

Таблица 8

Расчет стоимости собственного капитала с помощью модели Blume*

Безрисковая доходность	6.01%
Бета OLS	1.197
Бета Blume	1.132
Рыночная доходность	12.82%
Премия за риск	6.81%
Стоимость собств. капитала	13.72%

* Составлено на основе авторских расчетов.

Таблица 9

Расчет беты в модели DCAPM

Дата	TATN	MICEXINDEXCF
01.09.2005	0.00%	0.00%
01.10.2005	0.76%	-5.60%
...		
01.11.2014	-4.29%	0.00%
01.12.2014	-8.10%	-8.94%
01.01.2015	0.00%	0.00%
=ЕСЛИ($r_i < r_{icp}$; r_i ; 0)		=ЕСЛИ($r_m < r_{mcp}$; r_i ; 0)
Ковариация	0.0032	
Дисперсия	0.0026	
Бета	1.25	

$$\beta_i^D = \left(\frac{\sum_i i}{\sum_M} \right) \times \theta_{im},$$

где \sum_i – одностороннее стандартное отклонение доходности данного актива, \sum_M – односторонний коэффициент ковариации, θ_{im} – односторонний коэффициент корреляции актива i .

При этом риск отдельного актива измеряется односторонним стандартным отклонением доходности данного актива. Расчет стоимости собственного капитала представлен в табл. 10.

Таким образом, стоимость собственного капитала «Татнефть», оцененная с помощью модели DCAPM, равна 14.53%.

4) Метод Bottom up

В рамках данного метода изначально были выбраны компании-аналоги, относящиеся к нефтяной отрасли. Основными конкурентами компании «Татнефть» являются «Башнефть», «ЛУКойл», «Сургутнефтегаз» и «Роснефть», поэтому именно эти компании были выбраны для расчета безрычаговой беты по отрасли. Акции компаний обращаются на фондовой бирже, поэтому котировки акций использовались для расчета рычаговой беты для каждой

Таблица 10

Расчет стоимости собственного капитала с помощью модели DCAPM

Безрисковая доходность	6.01%
Бета	1.25
Рыночная доходность	12.82%
Премия за риск	6.81%
Стоимость собств. капитала	14.53%

Таблица 11

Расчет стоимости собственного капитала с помощью модели Bottom up*

	«Башнефть», тыс. руб.	«ЛУКОЙЛ», тыс. \$	«Сургутнефтегаз», тыс. руб.	«Роснефть», тыс. руб.
Бета levered	1.138	0.866	0.763	0.911
Заемный капитал (МСФО)	211 477	30 584 000	322 320 000	4 373 000 000
Рыночная капитализация	430 940 831	1 723 581 000 000	1 209 080 826 000	2 649 968 381 000
D/E, %	0.049	0.002	0.027	0.165
Бета unlevered	1.138	0.866	0.763	0.910
Среднее значение бета unlevered по компаниям	0.919			
Среднее значение D/E по компаниям	0.001			
Бета levered по отрасли	0.920			
«Татнефть»				
Заемный капитал, тыс. руб.	141 663 000			
Собственный капитал, тыс. руб.	471 555 188			
D/E	0.3			
Бета levered	1.141			

* Составлено на основе авторских расчетов.

компании. Далее были найдены безрычаговые беты для каждой компании в отдельности на основе формулы Хамады, а потом была рассчитана безрычаговая бета как среднее значение по компаниям. Рычаговая бета ОАО «Татнефть» была найдена по формуле Хамады (табл. 11).

Таким образом, стоимость собственного капитала «Татнефть», оцененная с помощью модели Bottom up, равна 13.77 % (табл.12).

5) Hybrid CAPM

Для расчета стоимости собственного капитала с помощью гибридной модели CAPM в качестве безрисковой доходности на глобальном рынке использовалась доходность десятилетних облигаций США. Премия за страновой риск для России, премия за риск на глобальном рынке и бета безрычаговая по отрасли были найдены на

сайте Дамодарана. Стоимость собственного капитала сначала была найдена в долларах (10.64%), а потом скорректирована с учетом инфляции в США и России (среднее значение инфляции за последние три года) (табл.13).

Таким образом, стоимость собственного капитала «Татнефть», оцененная с помощью гибридной модели CAPM, равна 15.31%. На основе полученных результатов о стоимости собственного капитала компании можно сделать вывод, что все модели дают похожие результаты на уровне 14–15%. Наибольшая стоимость получилась при использовании гибридной модели CAPM.

Так же как в случае с расчетом стоимости собственного капитала, для оценки затрат на заемный капитал использовались различные модели.

Таблица 12

Расчет стоимости собственного капитала с помощью метода Bottom up*

Безрисковая доходность	6.01%
Бета	1.41
Рыночная доходность	12.82%
Премия за риск	6.81%
Стоимость собств. капитала	13.77%

* Составлено на основе авторских расчетов.

Таблица 13

Расчет стоимости собственного капитала с помощью Hybrid CAPM

US Treasury 10 years Bonds	1.89%
CRP в \$ (Дамодаран)	2.85%
Бета безрычаговая по отрасли (Дамодаран)	1.03
Заемный капитал, тыс. руб.	141 663 000
Собственный капитал, тыс. руб.	471 555 188
D/E	0.30
Бета рычаговая для компании	1.28
Рыночная премия за риск на рынке США (Дамодаран)	4.62%
Стоимость собств. капитала в \$	10.64%
Инфляция в США за последние 3 года	2.07%
Инфляция в России за последние 3 года	6.38%
Стоимость собств. капитала	15.31%

Таблица 14

Расчет стоимости заемного капитала прямым методом

Процентные платежи, тыс. руб.	4337004
Долг, тыс. руб.	36922836
Стоимость заемного капитала	11.75%

Таблица 15

Расчет стоимости заемного капитала на основе кредитного рейтинга*

Рейтинг компании	Ваа3
Спред по кредитному рейтингу в \$	2.20%
Спред по кредитному рейтингу в руб.	6.52%
US Treasury 10 years Bonds	1.89%
Лямбда	0.5
Страновая премия за риск в \$	2.85%
Страновая премия за риск в руб.	7.19%
Стоимость заемного капитала	12.00%

* Составлено на основе авторских расчетов.

1) Прямой метод

При расчете стоимости заемного капитала компании прямым методом использовалась формула отношения процентных платежей к долгу, поскольку в отчетности компании не представлена информация о процентных ставках по отдельным кредитам (табл. 14).

В этом случае стоимость заемного капитала составила 11.75%.

2) Кредитный рейтинг

Метод кредитного рейтинга предполагает, что каждой компании присваивается свой рейтинг, которому соответствует спред, который был найден на сайте Дамодарана. Спред был

Таблица 16

Расчет стоимости заемного капитала с помощью Interest coverage ratio*

Безрисковая доходность	6.01%
Процентные платежи, тыс. руб.	4337004
ЕБИТ, тыс. руб.	7446500
Interest coverage ratio	1.72
Bond Rating	B
Default Spread	5%
Стоимость заемного капитала	11.02%

* Составлено на основе авторских расчетов.

Таблица 17

Расчет стоимости заемного капитала методом анализа стандартного отклонения акций*

Безрисковая доходность	6.01%
Стандартное отклонение акций по отрасли (Дамодаран)	73.94%
Спред в \$	2.00%
Спред в руб.	6.31%
Стоимость заемного капитала	12.32%

* Составлено на основе авторских расчетов.

Таблица 18

Структура капитала ОАО «Татнефть»

Собственный капитал	Сумма, тыс. руб.	Доля, %
Обыкновенные акции	453 603 404	73.97
Привилегированные акции	17 951 784	2.93
Заемный капитал		
Заемный капитал	141 663 000	23.10
Капитал	613 218 188	100%

скорректирован на инфляцию в России и США (также использовались средние значения за последние три года) и прибавлялся к безрисковой доходности развитого рынка. Для расчета была введена лямбда, которая отражает подверженность страновому риску компании. Лямбда была принята на уровне 0.5, так как компания достаточно стабильна и в меньшей степени подвержена страновому риску (табл. 15).

Таким образом, доходность заемного капитала составила 12%.

3) *Кредитный рейтинг на основе Interest coverage ratio*

Данный метод основывается на том, что доходность заемных средств определяется исходя из коэффициента покрытия процентов. В соответствии с этим показателем присваивается

рейтинг и спред дефолта, который прибавляется к безрисковой доходности (табл. 16).

4) *Метод анализа стандартного отклонения акций*

Данный метод предполагает, что доходность заемного капитала равна безрисковой доходности развивающегося рынка и спреда, который соответствует стандартному отклонению акций по отрасли, в которой действует компания. Найденный на сайте Дамодарана спред был скорректирован на инфляцию, и стоимость заемного капитала в этом случае составила 12.32% (табл. 17).

Как уже было отмечено ранее, у компании нет облигаций, поэтому не применялся метод УТМ для расчетов. На основе полученных результатов о стоимости заемного капитала ком-

Таблица 19

Доходности источников финансирования					
Собственный капитал					
Обыкновенные акции	14.16%	13.72%	14.53%	13.77%	15.31%
	CAPM	Blume	DCAPM	Bottom up	Hybrid CAPM
Привилегированные акции	7.07%	7.07%	7.07%	7.07%	7.07%
Заемный капитал					
Заемный капитал	11.02%	12.32%	11.75%	12.00%	
	Кредитный рейтинг на основе Interest coverage ratio	Метод анализа станд. отклонения акций	Прямой метод	Метод кредитного рейтинга	

Таблица 20

Расчет WACC*					
WACC	Blume	Bottom up	CAPM	DCAPM	Hybrid CAPM
Кредитный рейтинг на основе Interest coverage ratio	12.39%	12.43%	12.72%	12.99%	13.57%
Прямой метод	12.52%	12.56%	12.85%	13.12%	13.71%
Метод кредитного рейтинга	12.57%	12.61%	12.90%	13.17%	13.75%
Метод анализа станд. отклонения акций	12.63%	12.67%	12.96%	13.23%	13.81%

* Составлено на основе авторских расчетов.

пании можно сделать вывод, что все модели дают похожие результаты на уровне 11–12%.

А теперь рассчитаем средневзвешенную стоимость капитала (WACC) ОАО «Татнефть».

Основное предназначение WACC состоит в оценке затрат по привлечению новых источников финансирования и определении их влияния на эффективность принимаемых инвестиционных решений.

Средневзвешенная стоимость капитала представляет среднюю процентную ставку по привлекаемым источникам финансирования компании. При расчете учитывается удельный вес каждого источника финансирования в общей стоимости и полученные доходности (табл. 18, 19).

Для определения рыночной стоимости собственного капитала использовались котировки акций на Московской бирже. При этом доходность привилегированных акций определялась как отношение дивиденда к рыночной цене привилегированной акции.

Оценка WACC осуществлялась с использованием различных вариантов расчета доходности собственного и заемного капитала (табл. 20).

Таким образом, WACC компании «Татнефть» принимает значения в среднем 12–14%. При этом наименьшее значение составляет 12.39%, а наибольшее – 13.81%.

Подводя итоги проведенного анализа, мы пришли к следующим выводам. Оценки, полученные на основе исторических премий за риск по российским данным, являются неадекватными из-за небольшого числа наблюдений и неразвитости финансового рынка. Наиболее приемлемым подходом является гибридная модель CAPM с использованием странового риска.

Для текущей оценки стоимости заемного капитала был выбран метод кредитного рейтинга, поскольку многие авторы ему доверяют в большей степени. Стоит отметить, что метод анализа стандартного отклонения акций завышает результат, прямой метод не совсем корректно использовать для итоговой оценки, так как при его расчете не было взвешивания по кредитам и соответствующим процентным ставкам. Метод кредитного рейтинга на основе Interest coverage ratio также можно использовать, но его значение наименьшее из рассчитанных. Таким образом, текущая стоимость капитала «Татнефть» рав-

на 13.75%, что соответствует гибридной модели CAPM для расчета стоимости собственного капитала и методу кредитного рейтинга для расчета стоимости заемного капитала. Данные модели могут быть использованы для оценки стоимости капитала компаний, работающих на развивающихся рынках.

Список литературы

1. Estrada J. The Cost of Equity in Emerging Markets: a Downside Risk Approach // *Emerging Markets Quarterly*. 2000. P. 19–30.
2. Estrada J. Systematic Risk in Emerging Markets: the D-CAPM // *Emerging Markets Review*. V. 3. 2002. P. 365–379.
3. Теплова Т.В., Селиванова Н.В. Эмпирическое исследование применимости модели DCAPM на развивающихся рынках // *Корпоративные финансы*. 2007. № 3 (3). С. 5–25. URL: <http://cfjournal.hse.ru/2007-3%20%283%29.html> (дата обращения: 09.10.2015).
4. De Swaan J., Liubych A. Determining the Cost of Equity in Emerging Markets // *W.P.*, № 28, Oct. 2003. URL: www.ksg.harvard.edu/PAE (дата обращения: 09.10.2015).
5. Godfrey S., Espinosa R. A Practical Approach to Calculating Costs of Equity for Investments in Emerging Markets // *Journal of Applied Corporate Finance*, Fall. 1996. P. 80–89.
6. ОАО «Татнефть»: официальный сайт. Республика Татарстан, г. Альметьевск, 2015. URL: <http://www.tatneft.ru> (дата обращения: 09.10.2015).
7. Московская биржа ММВБ-РТС – Информация о торгах, курсе обмена валют, котировках, фондовых индексах. М., 2015. URL: <http://www.micex.ru> (дата обращения: 09.10.2015).
8. Лондонская фондовая биржа. URL: <http://www.londonstockexchange.com> (дата обращения: 09.10.2015).
9. Sharp W.F. Capital Asset Prices: A Theory of Market Equilibrium under Conditions of Risk // *Journal of Finance*. 1964. 19. P. 425–442.
10. Бочаров В.В., Леонтьев В.Е. Корпоративные финансы. СПб.: Питер, 2004. 592с.: ил.
11. Дамодаран А. Инвестиционная оценка: Инструменты и методы оценки любых активов: Пер. с англ. 5-е изд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. 1340 с.
12. Исследование Всемирного банка: Ведение бизнеса в 2015 году [Электронный ресурс] / Центр гуманитарных технологий. 2014.10.29. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/10/29/6969>.
13. Коупленд Т., Коллер Т., Муррин Дж. Стоимость компаний: оценка и управление. М.: Олимп-Бизнес, 2005. 575 с.
14. Суворова Л.В., Суворова Т.Е. Оценка оптимальной структуры капитала компаний на развивающихся рынках // *Актуальные вопросы развития социально-экономических систем в современном обществе: Материалы IV Международной научно-практической конференции (28 марта 2014 г.) В 2 частях*. Саратов: Издательство ЦПМ «Академия Бизнеса», 2014. Ч. 2. С. 75–80.
15. ПАО АНК «Башнефть»: официальный сайт. г. Уфа, 2015. URL: <http://www.bashneft.ru> (дата обращения 09.10.2015).
16. ОАО «ЛУКОЙЛ»: официальный сайт. г. Москва, 2015. URL: <http://www.lukoil.ru> (дата обращения: 09.10.2015).
17. ОАО «Сургутнефтегаз»: официальный сайт. г. Сургут, 2015. URL: <http://www.surgutneftegas.ru> (дата обращения: 09.10.2015).
18. ОАО «Роснефть»: официальный сайт. г. Москва, 2015. URL: <http://www.rosneft.ru> (дата обращения: 09.10.2015).

ANALYSIS OF MODELS FOR ASSESSING THE COST OF CAPITAL

L.V. Suvorova¹, T.E. Suvorova², M.V. Kuklina²

¹ Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,

² National Research University «Higher School of Economics», Nizhni Novgorod branch

The main aim of this paper is to study in a comprehensive manner different approaches to the estimation of the cost of capital for companies and to identify the most suitable models for emerging markets. In order to achieve these goals, the authors analyze different methodologies and use extensively methodological tools for calculating the weighted average cost of capital. Assessment models are tested on the data of Russian companies in the oil industry. WACC evaluation is implemented by using different options for calculating the yield of equity and debt. For calculating the cost of capital, the authors use CAPM and DCAPM models, Blume's method, Bottom up method and Hybrid CAPM. The cost of raising debt is assessed using the direct method, the method of credit rating, credit rating based on Interest coverage ratio and analysis of the standard deviation of shares. In conclusion, the authors consider the practical applicability of the models for the Russian business: they propose to choose a hybrid model of CAPM with the assessment of country risk premium for calculating the cost of equity and a method of credit rating for the current assessment of the cost of debt. The results also allow one to calculate the optimal capital structure and to assess the company's value.

Keywords: company, models, capital structure, assessment, CAPM model, Blume's method, DCAPM model, Bottom up method, Hybrid CAPM, capital value.

УДК 656.13

АДАПТИВНАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ГОРОДСКОГО ПАССАЖИРСКОГО ТРАНСПОРТА

© 2016 г.

О.Ю. Ефимова

Волжский госуниверситет водного транспорта, Н. Новгород

economic.transport.nnov@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 26.12.2015**Статья принята к печати 11.01.2016*

Сочетание стандартных показателей качества работы городского пассажирского транспорта с основными тенденциями развития отрасли позволяет наиболее полно анализировать процесс развития общественных перевозок. Путем построения адаптивной модели управления качеством систематизированы критерии оценки времени передвижения, безопасности, наполняемости и расходно-доходного механизма. Выявлено первоочередное значение развития информационного пространства для обеспечения доступности и надежности работы общественного наземного транспорта. Доказана непосредственная зависимость и взаимовлияние затрат автотранспортного предприятия на время следования и наполняемость подвижного состава. Результаты их взаимодействия не только позволяют оценить качество предоставления услуг городского пассажирского транспорта, но и создают условия для регулирования расходов перевозчиком.

Ключевые слова: городской пассажирский транспорт, информационное обеспечение, общественный транспорт, показатели качества, надежность, доступность.

Введение

С введением рыночных отношений в сферу общественных перевозок централизованное управление процессом пассажирских перевозок, тем не менее, остается его неотъемлемой и обязательной частью. Именно органы государственной власти осуществляют организационно-методическое, информационное и финансовое обеспечение структурных элементов транспортной отрасли, координируя тем самым приоритетные направления развития отрасли, к которым относятся:

- компенсация выпадающих доходов от перевозки льготных категорий населения;
- закупка подвижного состава;
- оснащение средствами спутниковой навигации;
- внедрение автоматизированной системы оплаты проезда и др.;
- уровень функционирования, который дает представление о качестве работы наземной городской системы.

Одной из форм управления является качественная оценка автотранспортных услуг на регулярных городских маршрутах. Поскольку качество – это многокритериальная и многофакторная категория, для его оценки важно учитывать и подробно описывать все (или наиболее влияющие) составляющие [1]. Целью построения адаптивной модели является введение таких критериев, которые бы всесто-

ронне охарактеризовали систему общественных перевозок. Поэтому слияние отраслевых тенденций с общепринятыми показателями качества, такими как регулярность, безопасность, комфортабельность и стоимость услуг, позволяет определить результативность деятельности всех уровней управления системой городских пассажирских сообщений.

Теоретико-методологические подходы оценки качества услуг городского пассажирского транспорта

Исследуя комплексность подходов к оценке существующих показателей работы наземных муниципальных и коммерческих пассажирских перевозок в различных вариациях [2–12], можно проследить их фундаментальность построения в одностороннем порядке или с точки зрения потребителя или перевозчика.

А.М. Большаков в своей работе [3] предлагал принимать во внимание время, затрачиваемое на поездку, коэффициент наполнения салона и показатель регулярности. Эти показатели оценивались с учетом их нормативных значений, определение которых представляло основную трудность. Вместе с тем не принимались во внимание другие значимые критерии, такие как безопасность и стоимость услуг.

Е.Ю. Семчугова представила функцию зависимости комплексного показателя от двух со-

ставляющих [7]. В рамках первой рассматриваются показатели наполнения автобусов и безопасности их движения. Основной упор делается на второй компонент – он характеризует надежность выполнения наземных пассажирских услуг, который выражается среднеарифметической вероятностью поездки пассажира в расчетное время. Недостатком, на наш взгляд, является разделение надежности и безопасности, показатели качества рассматриваются как отдельно взятые параметры, отсутствует целостность исследования.

Актуальность построения адаптивной модели управления качеством услуг заключается в подборе таких показателей качества, которые наиболее полно отражали бы основные направления развития общественных перевозок на автотранспорте и представляли их как целостную систему с учетом потребностей населения.

Исследование существующих методологических подходов качественной оценки подчеркивает их индивидуальность и отличительные особенности.

Методика оценки качества работы транспортного обслуживания населения по регулярным муниципальным маршрутам автомобильного транспорта общего пользования республики Татарстан основана на отраслевых региональных нормативах (региональном стандарте) обслуживания населения автобусными перевозками [13]. Итоговая оценка качества в основном определяется путем отклонения процента отдельных количественных значений отчетных показателей от нормативных величин. Если отклонение хотя бы одного показателя превышает 30%, выносится заключение о неудовлетворительной работе всей системы. В связи с недостаточностью разработки комплексности качественной оценки работы городского пассажирского автотранспорта, значения остальных показателей не влияют на результативность.

Примером совершенствования системы управления внутригородскими перевозками является создание в некоторых городах России долгосрочных целевых программ с актуализацией критериев оценки качества работы на различных уровнях функционирования. Методика развития наземного пассажирского транспорта в г. Ростове-на-Дону, Таганроге осуществляется с использованием оценки качества услуг по перевозке пассажиров на трех уровнях [14]. Это позволяет определить оценочные критерии и их интегрированный показатель на отдельных городских маршрутах, автотранспортном предприятии и в городской пассажирской транспортной системе в целом. С максимальным уче-

том факторов пассажирского сервиса разработаны комплексные показатели уровня качества услуг по перевозке пассажиров на отдельных городских маршрутах, отдельными транспортными предприятиями и в городской транспортной системе в целом. В результате более глубокого подхода к данной проблеме методом экспертных опросов (согласованное мнение специалистов в области ГПТ) определяется весомость критериев качества, что подчеркивает индивидуальность оценочных показателей. Отрицательным фактором, снижающим оперативность использования данной методики, является привлечение дополнительных человеческих ресурсов для выявления степени значимости критериев в общем спектре комплексной оценки.

Постоянно растущий спрос на качество транспортного обслуживания со стороны пассажиров является катализатором конкурентной борьбы среди перевозчиков, тем самым ускоряя процесс внедрения современных технологий на городском пассажирском транспорте. Одним из основных направлений развития транспортной системы [15] является создание информационного пространства, обеспечивающего выполнение задач управленческого уровня, технологической интеграции различных видов транспорта и участников транспортного процесса, клиентского доступа с целью эффективного сбыта перевозочных услуг.

Главными показателями совершенства перевозочного процесса с учетом требований социального характера со стороны пассажиров занимают параметры доступности и надежности. Применительно к общественным автомобильным перевозкам населения, на наш взгляд, это две основные качественные характеристики, охватывающие весь спектр оценки работы городского наземного подвижного состава.

Понятие «доступность» трактуется в научных источниках в различных интерпретациях. На наш взгляд, основа доступности заключается в бюджетной поддержке и совершенствовании нормативно-правового регулирования. Она находит свое выражение в уравнивании расходно-доходного механизма перевозочного процесса. Гарантированное дотационное существование автотранспортных предприятий представляет собой возможность коррекции доходно-расходного механизма с учетом компенсации выпадающих доходов. На уровне отдельно взятого маршрута имеется возможность определить прибыльность (убыточность), влияние на степень освоения пассажиропотока, что, в свою очередь, в отдельности не влияет на стоимость услуг по передвижению на общественном транспорте, но в совокупности представля-

ет обзорную картину состояния тарифной политики по городу.

В рамках обеспечения комфортабельности передвижения с учетом достаточного наполнения определяется число автобусов, необходимое для обслуживания пассажиров, исходя из плановой загрузки автобусов и объемов перевозок с учетом неравномерности по времени суток, дням недели, сезонности и другим факторам. В результате изношенности подвижного состава наблюдается изменение технико-экономических параметров, условий комфортабельности салона, безопасности передвижения, что также отражается на уровне обслуживания населения. Поэтому наполнение основных средств общественного передвижения накладывает отпечаток на качество городских пассажирских перевозок и может претендовать на одну из составляющих комплексного показателя оценки.

Таким образом, доступность выражает точку зрения пассажира и находит отражение в количестве перевезенных пассажиров, пользующихся общественным транспортом (наполняемость), и приемлемости стоимости услуги передвижения в системе качественной оценки пассажирских перевозок.

Надежность работы городского пассажирского транспорта полностью зависит от организации и характера внутренней работы перевозчика, но, рассматривая это понятие, автор определяет его в большей степени как своевременную и безопасную доставку пассажиров до конечного пункта передвижения. Вместе с тем маршрутное расписание составляется с учетом времени поездки от пункта отправления до конечного пункта автобуса с учетом образования запланированных периодических «пробок» на магистралях города. В целом речь идет о регулярности городского наземного транспорта, своевременной доставке пассажиров. В связи с этим нельзя не учитывать скорость и время следования автобуса в системе оценки качества услуг общественного автотранспорта.

Несоблюдение правил безопасных пассажирских перевозок приводит к значительному снижению качества передвижения, что ставит под сомнение надежность городского пассажирского транспорта и в конечном итоге может привести к тому, что пассажиры откажутся использовать ранее предпочтительный вид передвижения и выберут альтернативный способ перемещения.

При регулярном обеспечении безопасной формы передвижения с учетом времени суток и дней недели, население выражает свое намерение в транспортном перемещении как пользова-

тель. Таким образом, катализатором потенциальной доступности выступает надежность городских перевозок.

Определим исходный состав количественных показателей, входящих в состав доступности и надежности, преобразование которых поможет составить оценочное мнение пассажира и транспортного оператора (формулы 1–2).

$$K_{дост} = \sum_{i=1}^n K_{насс} \times k_{насс} \quad (1)$$

$$K_{над} = \sum_{i=1}^n K_{неп} \times k_{неп}; \quad (2)$$

где $K_{насс}$ – нормированные коэффициенты показателей качества, выражающие точку зрения пассажира; $K_{неп}$ – нормированные коэффициенты показателей качества, выражающие точку зрения перевозчика; $k_{насс}$ – весовые коэффициенты показателей качества, определенные пассажирским мнением; $k_{неп}$ – весовые коэффициенты показателей качества, определенные перевозчиком; n – количество показателей качества.

Актуальное качественное соответствие на стыке двух сторон восприятия и предоставления услуг по перевозке автор предлагает выразить в относительном выражении, используя формулу 3:

$$OM = \frac{\sum K_i^{насс}}{\sum K_i^{неп}}, \quad (3)$$

где OM – общественная мобильность.

Общественная мобильность – это инструмент управления городскими пассажирскими перевозками, который определяет соответствие уровня спроса и обеспеченности услуг маршрутного передвижения. Этот показатель достоин постоянного внимания управляющих автотранспортных органов, так как способствует поддержанию и развитию городских перевозок, увеличению либо сохранению пассажиропотока с учетом размера целевого использования материальных и денежных средств автобусных предприятий.

Взаимовлияние показателей качества услуг общественного транспорта как отражение спроса потребности населения

Принимая во внимание стандартное представление параметров качества, обозначим их местонахождение в скорректированных автором показателях, отражающих характер деятельности пассажирской автотранспортной системы, на рисунке 1.

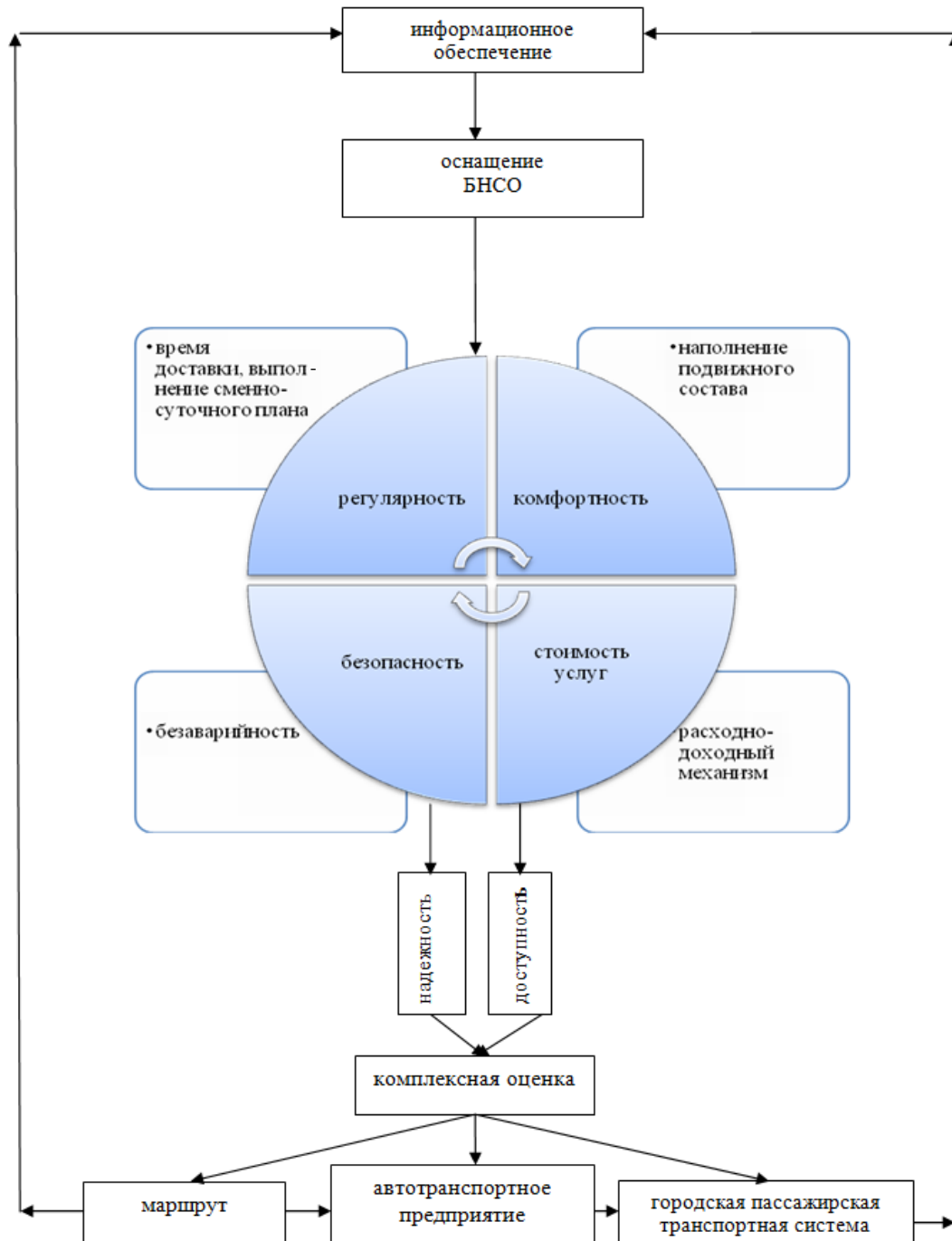

Рис. 1. Адаптивная модель управления качеством городского пассажирского транспорта

Взаимодействие и взаимовлияние заявленных элементов адаптивной модели управления качеством городского пассажирского транспорта четко прослеживается на основе баз данных, концентрация которых происходит с помощью спутниковой навигации на общественном транспорте. Учитывая разнородность и индивидуальность каждого маршрута, его протяженность, пассажиропоток, расходно-доходный уровень, мы считаем, что необходимо прийти к единой системе оценки. Для этого целесообразно взять для сравнения неизменное расстояние маршрута, т.е. единый пространственный промежуток, соразмерный 1 тыс. км пробега.

Основная потребность в использовании населением услуг общественного транспорта выражается в характере деятельности автотранспортного предприятия и органов, осуществляющих их координацию. Максимально приближая время поездки к оптимальному значению, перевозчик тем самым оказывают влияние на удовлетворенность населения городскими пассажирскими передвижениями, что выражается в наполняемости автотранспортного средства. Причем за норматив необходимо принимать наилучшее отражение спроса пассажира в сравнении с остальными.

Используя исходные данные автотранспортного предприятия № 1 г. Нижнего Новгорода, проследим взаимозависимость времени следования, наполняемости и расходов на 1 тыс. км пробега, связанных с обеспечением автобусов в целом по городу и адаптированных к сравнению исходных данных (рис. 2, 3).

Выявлено, что время движения на 1 тыс. км пробега и наполняемость не имеют строгой зависимости от маршрутных расходов. Интервал затрат от 53 до 56.5 тысячи рублей сохраняет стабильность временного перемещения и незначительные колебания маршрутной наполняемости пассажирами. Однако для увеличения количества перевезенных пассажиров должна повышаться и расходная часть автотранспортного предприятия, что также прослеживается на рассматриваемых рисунках. При этом увеличение времени в пути приводит как к малой востребованности перевозочных услуг (наполнение 2826 человек при 66.6 часа следования на 1 тыс. км пробега), так и к максимальным показателям (наполнение 3879 человек при 63.7 часа следования на 1 тыс. км пробега). Однако при стабильных затратах на 1 тыс. км пробега от 53 тыс. рублей до 56.5 тыс. рублей прослеживается надежность передвижения пассажиров путем обеспечения стабильного временного промежутка от 46 до 51 часа, что прослеживается в

доступности и находит отражение в постоянности наполняемости.

В результате исследования также выявлено, что пассажиры, получившие доступ к услуге автотранспортного предприятия при скорости автобуса 16 км/ч, затратили на 1 км передвижения 3.6 минуты, а при скорости того же транспортного средства 21 км/ч – 2.7–2.8 минуты. Незначительная разница составляет 0.8 минуты на 1 км перемещения, а при средней дальности поездки по городу 5 км – 4 минуты приводит к отказу от поездки в среднем для 1200 человек в год. Так называемые необеспеченные пассажиры выберут альтернативный способ передвижения. Взаимосвязь затрат, показателей аварийности автотранспортного предприятия на 1 пассажира и скорости показывает, что наиболее приемлемой является скорость, приближенная к 16 км/ч, что еще раз доказывает обоснованные выше утверждения.

Концептуальные особенности оценки качества работы городского пассажирского транспорта

Основным результатом соотношения доступности и надежности перевозок выступает общественная мобильность, которая позволяет выявить целесообразность затрачиваемых материальных и трудовых ресурсов, установить баланс спроса и предложения на услуги общественного транспорта. Эта величина имеет свои характеристики в зависимости от интервального местонахождения. При значениях больше 1 можно говорить о превышении потребительского спроса над уровнем предоставления услуг перевозчиком. При значениях в интервале от 0 до 1 автотранспортное предприятие финансирует и обеспечивает данный маршрут в условиях пониженного спроса населения. При общественной мобильности, равной 1, устанавливается равновесие доступности и надежности, т.е. действия расходного механизма на маршрутные поездки оправдывают ожидания пассажиров и перевозчика.

Исходя из гибкости расчетных мероприятий, определен спектр действующих и постоянно изменяющихся во времени показателей, применимых для оценки качества услуг общественного автотранспорта. Рассмотрение основных составляющих общественной мобильности как многокритериальных параметров оценки качества работы городского пассажирского транспорта дает возможность действенных преобразований отдельно взятого критерия с учетом непосредственного влияния критериев друг на

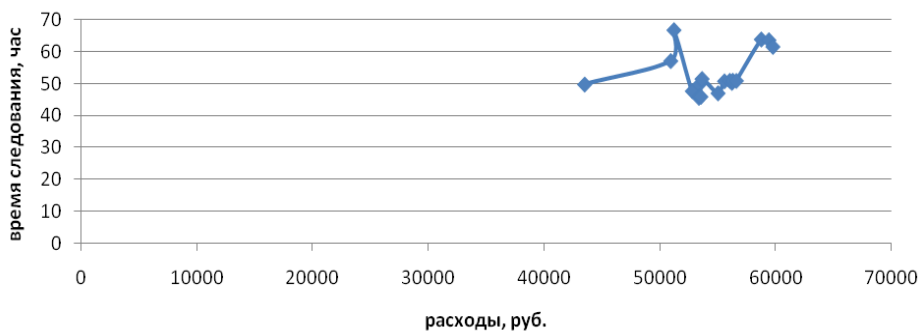

Рис. 2. Зависимость времени следования (час) от расходов (руб.) на 1 тыс. км пробега маршрутов НПАП № 1

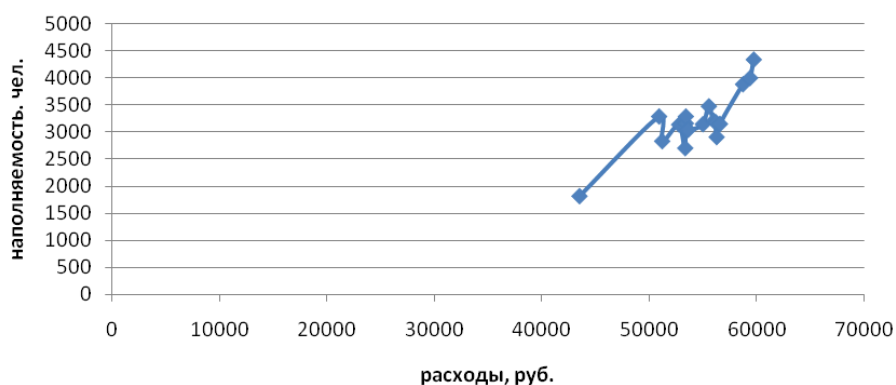

Рис. 3. Зависимость наполняемости (чел.) от расходов (руб.) на 1 тыс. км пробега маршрутов НПАП № 1

друга. В связи с этим недостаточность одного фактора может быть компенсирована за счет другого, что в конечном итоге позволяет сформировать картину преимущества надежности и доступности.

В свою очередь, оценочные мероприятия служат катализатором к повышению эффективности эксплуатации общественного транспорта, что выражается в корректировке подвижного состава на маршруте, автотранспортном предприятии и соответственно обслуживающего персонала. Путем предоставления перевозчиком надежного передвижения населению обеспечивается полноценная наполняемость и доходность маршрутов, которые можно максимально адаптировать с учетом прежнего пассажиропотока. Изменения будут зависеть от времени суток, дней недели и года (исключая летний период), а также степени концентрации мест трудовой и иной занятости населения.

Основным звеном для своевременного осуществления коррекционных мер эффективного воздействия используется информация, предоставляемая бортовым навигационным спутниковым оборудованием, внедренным в общественное транспортное средство.

Список литературы

1. Кучерук Г.Ю. Методические подходы к оценке уровня качества транспортных услуг // Речной транспорт (XXI век). 2013. № 1 (60). С. 66–68.
2. Бодягин К.А. Применение информационных технологий на автомобильном транспорте // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2012. № 4. С. 25–30.
3. Большаков А.М., Кравченко Е.А., Черникова С.Л. Повышение качества обслуживания пассажиров и эффективности работы автобусов // М.: Транспорт, 1981. 206 с.
4. Володькин П.П., Загорский И.О. Оценка эффективности управления системой пассажирских автотранспортных услуг Хабаровского края // Транспорт: наука, техника, управление. 2010. № 7. С. 19–25.
5. Володькин П.П., Загорский И.О. Моделирование и динамическая оптимизация транспортного обслуживания населения // Моделирование систем. 2010. № 3 (25). С. 19–26.
6. Мартынов Д.А. Нормативно-правовое обеспечение качества перевозок пассажиров автомобильным транспортом // Вестник университета / ГОУ ВПО Государственный университет управления. 2009. № 35. С. 35–41.
7. Семчугова Е.Ю. Управление качеством городских пассажирских перевозок // Автомобильный транспорт Дальнего Востока 2000. Сборник трудов

международной научно-технической конференции / Под общей ред. А.П. Улашкина. Хабаровск: ХГТУ, 2000. С. 87–91.

8. Семчугова Е.Ю., Денисов Г.Г., Зубарев А.Е. Особенности оценки качества услуг городского пассажирского транспорта в современных условиях // Автомобильный транспорт Дальнего Востока 2002. Сборник трудов межрегиональной научно-технической конференции / Под общей ред. А.П. Улашкина. Хабаровск: ХГТУ, 2002. С. 82–85.

9. Фролов К.В. Формирование показателей и нормативов качества городских автомобильных перевозок: Дис. ... канд. эк. наук. М., 2005. 156 с.

10. Петрова А.В. Методика оценки конкурентоспособности услуг городских пассажирских перевозок // Вестник университета / ГОУ ВПО Государственный университет управления. 2010. № 15. С. 172–173.

11. Ida Ercsey Széchenyi István University, Győr, Hungary. Consumer Evaluation in the Transit Industry // China – USA Business Review. 2012. V. 11. P. 481–490.

12. Yannis Tyrinopoulos, Georgia Aifadopoulou. A complete methodology for the quality control of passenger services in the public transport business // European Transport / Trasporti Europei. 2008. V. 38. P. 1–16.

13. Отраслевые региональные нормативы качества транспортного обслуживания населения по регулярным муниципальным и межмуниципальным маршрутам автомобильного транспорта общего пользования. Утверждены Приказом Министерства транспорта и дорожного хозяйства Республики Татарстан от 16.01.2008 г. № 3. URL: http://tatarstan.news-city.info/docs2/sistemsr/dok_iegmwi.htm (дата обращения: 15.11.2015).

14. Программа развития городского пассажирского транспорта и транспортной инфраструктуры в городе Ростове-на Дону на 2007–2010 годы: Решение Ростовской-на-Дону Городской думы от 14.12.2006 г. № 215. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW186;n=23678> (дата обращения: 15.11.2015).

15. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 22.11.2008 г. № 1734-п. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=164761> (дата обращения: 15.11.2015).

16. Концепция организации и развития городского пассажирского транспорта общего пользования г. Перми на 2010–2015 годы. 16 с. URL: <http://road.perm.ru/files/konsep.pdf> (дата обращения: 15.11.2015).

17. О Положении об организации транспортного обслуживания населения в городе Нижнем Новгороде (с изм. на 28.05.2014 г.): Постановление Городской думы г. Нижнего Новгорода от 21.06.2006 г. № 45. URL: <http://docs.cntd.ru/document/944928082> (дата обращения: 15.11.2015).

18. Концепция областной целевой программы «Внедрение спутниковых навигационных технологий с использованием системы ГЛОНАСС и других результатов космической деятельности в интересах социально-экономического и инновационного развития Нижегородской области в 2013–2021 годах». Утверждена Распоряжением Правительства Нижегородской области от 28.12.2011 г. № 2921-п. URL: <http://docs.cntd.ru/document/944956130> (дата обращения: 15.11.2015).

ADAPTIVE MODEL OF QUALITY MANAGEMENT FOR URBAN PASSENGER TRANSPORT

O.Yu. Efimova

Volga State University of Water Transport

A combination of standard indicators of the quality of work of city passenger transport with the main industry trends allows us to more fully analyze the process of development of public transport. By building an adaptive model of quality management, evaluation criteria for time of movement, security, occupancy rates and expenditure-income mechanism have been systematized. It is apparent that the information space development is of paramount importance for ensuring the availability and reliability of public transport. The direct dependence and mutual influence of the costs of motor transport enterprise for travel time and occupancy of the rolling stock has been proved. The results of their interaction allow one not only to assess the service quality of urban passenger transport, but also to create conditions for the regulation of expenditures by the carrier.

Keywords: urban passenger transport, information support, public transportation, quality indicators, reliability, availability.

УДК 336.146

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ БЮДЖЕТНЫХ РАСХОДОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

© 2016 г.

С.П. Борисова, И.А. Гришунина, Н.И. Яшина

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

borisova-sp@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 18.01.2016**Статья принята к печати 18.01.2016*

Излагается метод оценки эффективности бюджетных расходов в образовательных организациях на примере муниципального округа города Нижнего Новгорода. Предлагаемый метод оценки эффективности управления бюджетными ресурсами в образовательных организациях позволяет осуществить выбор наиболее эффективного способа осуществления государственных расходов, с учетом не только краткосрочных, но долгосрочных последствий принимаемых решений. Авторами разработана методика оценки эффективности управления бюджетными ресурсами в образовательных организациях на основе итоговых стандартизированных удельных показателей, характеризующих качество и стоимость услуг, предоставляемых общеобразовательными организациями. Выявлена целесообразность проведенного исследования при помощи отчетов по сети, штатам и контингентам получателей бюджетных средств, показатели которых были приведены к сопоставимому виду методом стандартизации. Предложенный инструментарий является универсальным, поскольку может использоваться как оценка качества и стоимости любых видов услуг, предоставляемых бюджетными организациями, как отдельно, так и в целом по отрасли.

Ключевые слова: стандартизация, качество, услуга, производственный показатель, ранжирование.

Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года и государственной программе РФ «Развитие образования» на 2013–2020 годы основные направления государственной политики в сфере образования связаны с решением следующих ключевых задач:

- предоставление образовательных услуг высокого качества;
- обеспечение доступности услуг, оказываемых образовательными организациями;
- применение нормативно-подушевого финансирования реализации образовательных программ;
- развитие современной системы оценки качества образования на основе принципов открытости, объективности, прозрачности, общественно-профессионального участия [1].

Решение указанных задач невозможно без принятия мер по повышению эффективности использования бюджетных ресурсов в сфере образования [2].

Одной из основных проблем, мешающих вести работу по повышению эффективности использования средств бюджетов административно-территориальных образований, является недостаточный уровень менеджмента в общественном секторе. В основе менеджмента

должны лежать планирование бюджетных расходов в увязке с конкретными видами общественных услуг и сравнительный анализ эффективности расходования бюджетных средств на основе сопоставимых индикаторов, мониторинга деятельности бюджетной сети по оказанию общественных услуг [3].

Когда большинство региональных бюджетов дефицитно, вопрос эффективного расходования бюджетных средств очень актуален. В первую очередь стоит проблема отсутствия прозрачных методик эффективного и конкретного планирования расходов бюджета. При этом основой для управления бюджетными расходами являются прозрачность финансовой отчетности, наличие нормативов и методик, в соответствии с которыми должны планироваться расходы по всем уровням бюджетной системы [4].

Эта проблема особенно значима для образовательной отрасли.

Для оценки эффективности управления бюджетными ресурсами в образовательных организациях в динамике предлагается использовать следующие группы показателей, которые отражаются в годовой отчетности учреждений, получающих средства из бюджета [5].

К первой группе предлагается отнести показатели, характеризующие качество услуг,

предоставляемых образовательными организациями (M_i):

- количество групп (групп продленного дня);
- количество классов;
- наполняемость групп;
- наполняемость классов;
- число дето-дней функционирования;
- количество педагогических ставок;
- среднегодовое количество штатных единиц в целом по учреждению;
- среднегодовое количество штатных единиц педагогических работников;
- среднегодовое количество штатных единиц воспитателей;
- среднегодовое количество штатных единиц руководящих работников;
- среднегодовое количество штатных единиц прочего персонала [6].

Указанные показатели находят отражение в форме по КФД 0524103 «Отчет по сети, штатам и контингентам получателей бюджетных средств, состоящих на бюджете субъекта РФ и бюджетах муниципальных образований», предоставляемой государственными (муниципальными) учреждениями в рамках бухгалтерской отчетности за год [7].

Вторая группа объединяет стоимостные показатели деятельности образовательных организаций (E_i), которые также отражаются в форме по КФД 0524103 и учитывают фактические расходы организаций за счет всех источников – как бюджетных средств, так и средств от приносящей доход деятельности; расходы в целом по учреждению, в том числе:

- расходы на заработную плату в целом по учреждению, в том числе в разрезе категорий работников: педагогического персонала, воспитателей, административно-хозяйственного персонала;
- расходы на увеличение стоимости основных средств (в том числе на приобретение оборудования);
- расходы на увеличение стоимости материальных запасов (в том числе на приобретение мягкого инвентаря, расходы на питание и медикаменты);
- остальные расходы учреждения [8].

С целью приведения абсолютных значений указанных показателей к сопоставимому виду предлагается рассчитать их удельные значения по отношению к показателю «среднегодовое количество классов (групп)» по следующим формулам [9]:

1. Расчет удельных значений показателей, характеризующих качество услуг, предоставляемых образовательными организациями (M_i):

$$M_j^i = \frac{M_i}{K_j}, \quad (1)$$

где M_j^i – удельный вес i -го показателя, приходящегося на один класс (группу) в j -м году, K_j – среднегодовое количество классов (групп) в j -м году.

Аналогичный расчет производится по всем показателям, характеризующим качество услуг, предоставляемых образовательными организациями, за исследуемый период времени.

2. Расчет удельных значений показателей, характеризующих стоимость услуг, предоставляемых образовательными организациями (E_i):

$$E_j^i = \frac{E_i}{K_j} \quad (2)$$

где E_j^i – удельный вес i -го показателя, приходящегося на один класс (группу) в j -м году, K_j – среднегодовое количество классов (групп) в j -м году.

Аналогичный расчет производится по всем показателям, характеризующим стоимость услуг, предоставляемых образовательными организациями за исследуемый период времени [10].

3. С целью приведения удельных значений показателей к сопоставимому виду предлагается метод, базирующийся на их линейном преобразовании, стандартизации [11].

Расчет стандартизованных удельных значений показателей производится на основе следующих формул:

– первая группа (максимизация показателей: чем выше их значение, тем выше качество предоставления услуги, ниже ее стоимость, соответственно эффективнее управление бюджетными ресурсами):

$$K_j^x = \frac{K_{\max} - K_{\text{факт}}}{K_{\max} - K_{\min}}, \quad (3)$$

– вторая группа (минимизация показателей: чем ниже их значение, тем выше качество предоставления услуги, ниже ее стоимость, соответственно эффективнее управление бюджетными ресурсами):

$$K_j^x = \frac{K_{\text{факт}} - K_{\min}}{K_{\max} - K_{\min}}, \quad (4)$$

где K_j^x – стандартизованный показатель по j -му году, $K_{\text{факт}}$ – удельное значение показателя по j -му году, K_{\max} – максимальное значение удельного показателя из совокупности показате-

Таблица 1

Экспертная оценка качества и стоимости услуг, предоставляемых образовательными организациями, и эффективности использования бюджетных ресурсов

Значение итогового стандартизованного показателя	Степень оценки	
	Качества услуг	Стоимости услуг
$I_{sj} < I_{nj}$	Низкое качество	Высокая стоимость
$I_{sj} > I_{nj}$	Высокое качество	Низкая стоимость

Таблица 2

Оценка эффективности управления бюджетными ресурсами в образовательных организациях

Значение итоговой балльной оценки	Степень оценки эффективности
$I_{um} \leq 8$	Неэффективное управление
$8 < I_{um} \leq 13$	Эффективное управление
$13 < I_{um}$	Высокоэффективное управление

телей по всему исследуемому периоду K'_{min} – минимальное значение удельного показателя из совокупности по всему исследуемому периоду. [12].

4. Оценка качества и стоимости услуг, предоставляемых образовательными организациями, производится на основе итогового стандартизованного показателя по каждому конкретному году, который рассчитывается путем суммирования стандартизованных показателей за этот год [13].

Сравнивая итоговые стандартизованные показатели по каждому конкретному году (I_{sj}) с соответствующим нормативным показателем (I_{nj}) и используя предлагаемую классификацию экспертной оценки (табл. 1), можно сделать выводы о качестве и стоимости услуг, предоставляемых образовательными организациями, в каждом году исследуемого периода [14].

5. Поскольку влияние факторов качества и стоимости услуг, предоставляемых образовательными организациями, на общую оценку эффективности управления бюджетными ресурсами в том или ином периоде различно, с целью осуществления указанной оценки при прочих равных условиях, авторами предлагается ранжирование периодов исследования путем присвоения баллов, исходя из следующих подходов:

– при оценке качества предоставляемых услуг (I_k): при минимальном значении итогового стандартизованного показателя $min = 1$ балл и далее по каждому исследуемому периоду $+ 1$ балл в зависимости от увеличения значения итогового стандартизованного показателя (чем выше указанный показатель по сравнению с нормативным, тем выше качество предоставления услуги);

– при оценке стоимости предоставляемых услуг (I_c): при максимальном значении итогового стандартизованного показателя $max = 1$ балл и далее по каждому исследуемому периоду $+ 1$ балл в зависимости от уменьшения значения итогового стандартизованного показателя (чем ниже указанный показатель по сравнению с нормативным, тем ниже стоимость предоставляемой услуги, соответственно выше эффективность использования бюджетных ресурсов) [15].

Критериальные значения оценки эффективности управления бюджетными ресурсами в образовательных организациях, исходя из итоговой балльной оценки (I_{um}), полученной путем суммирования баллов за качество и стоимость предоставляемых услуг, представлены в таблице 2.

С использованием данных годовой отчетности «Свод отчета по сети, штатам и контингентам получателей бюджетных средств, состоящих на бюджете субъекта РФ и бюджетах муниципальных образований» и предлагаемой методики была проведена оценка эффективности управления бюджетными ресурсами в общеобразовательных организациях города Нижнего Новгорода за период с 2005 по 2014 годы [16].

Абсолютные значения показателей, характеризующих качество услуг, предоставляемых общеобразовательными организациями города Нижнего Новгорода, и стоимостные показатели их деятельности за 2005–2014 годы, представлены в таблице 3 [17].

Значения стандартизованных удельных показателей, характеризующих качество (4.1.) и стоимость услуг (4.2.), предоставляемых общеобразовательными организациями г. Нижнего Новгорода за 2005–2014 годы, их итоговые значения по каждому конкретному году и балльная оценка представлены в таблице 5 [18].

Таблица 3

**Абсолютные значения показателей, характеризующих качество услуг, предоставляемых
общеобразовательными организациями г. Нижнего Новгорода
и стоимостные показатели их деятельности за 2005–2014 годы**

Наименование показателей	2005 год	2006 год	2007 год	2008 год	2009 год	2010 год	2011 год	2012 год	2013 год	2014 год
Показатели, характеризующие качество услуг										
Число классов	5063	4808	4632	4476	4398	4315	4293	4343	4381	4382
Число групп продленного дня (М1)	838	847	849	786	782	791	807	822	797	750
Число дето-дней (М2)	795739	772371	782920	689803	606553	643426	663000	678794	836000	725000
Штатные единицы – всего (М3)	8390	8837	8948	8938	8879	8585	8401	8444	8480	8355
в том числе педагогический персонал (М4)	2113	2257	2423	2314	2308	2243	2212	2563	2225	2223
воспитатели (М5)	787	807	831	773	744	743	751	764	760	724
административно-хозяйственный персонал (М6)	6277	6582	6593	6624	6571	6342	6189	6289	6255	6132
Стоимостные показатели деятельности										
Расходы, всего: (Е1), тыс.руб.	2426.5	1398.2	1681.3	5955.3	3480.6	3035.2	3117.9	3466.1	4587.2	4921.8
Заработная плата с начислениями (Е2)	800.3	1002.0	1203.4	1621.3	2087.7	2142.1	2322.7	2704.4	3760.7	3811.9
в том числе педагогический персонал (Е3)	397.9	530.3	613.9	787.6	1066.2	1117.7	1149.6	1502.5	2030.1	2055.4
воспитатели (Е4)	23.4	29.6	34.9	43.9	53.0	55.9	58.8	64.3	20.7	168.4
административно-хозяйственный персонал (Е5)	227.9	265.3	342.2	500.8	554.2	550.3	539.7	522.6	803.5	791.6
На увеличение стоимости основных средств (в т.ч. приобретение оборудования) (Е6)	132.4	26.5	28.0	266.7	611.1	223.5	131.9	27.8	16.8	80.5
Увеличение стоимости материальных запасов (Е7)	175.9	31.4	2.5	225.9	5.2	1.8	2.2	3.5	3.5	60.3
Остальные расходы (Е8)	1318.2	338.3	447.4	3841.4	776.6	667.8	661.1	730.4	806.2	969.1

Результаты оценки эффективности управления бюджетными ресурсами в общеобразовательных организациях г. Нижнего Новгорода в 2005–2014 годах, полученные с использованием разработанной авторами методики, представлены в таблице 5 [19].

Проведенный анализ показал, что управление бюджетными ресурсами в общеобразова-

тельных организациях г. Нижнего Новгорода является эффективным, поскольку 80% исследуемого периода отмечается эффективным и высокоэффективным управлением [20].

За десятилетний период только в 2007 и 2012 году наблюдается неэффективное управление бюджетными ресурсами в указанных организациях по причине высокой стоимости и низкого

Таблица 4

Стандартизированные удельные показатели, характеризующие качество и стоимость услуг, предоставляемых общеобразовательными организациями г. Нижнего Новгорода за 2005–2014 годы, итоговые значения стандартизированных показателей и балльная оценка

(4.1.)

Год	Стандартизированные удельные показатели, характеризующие качество предоставляемых услуг							
	M1	M2	M3	M4	M5	M6	И _{sj}	Ik
2005	1.0000	0.6361	1.0000	1.0000	1.0000	0.0000	4.6361	10
2006	0.5527	0.5704	0.5001	0.6984	0.4919	0.5166	3.3301	8
2007	0.2531	0.412	0.2408	0.3877	0.278	1.0000	2.5716	6
2008	0.5738	0.6938	0.0608	0.4236	0.0558	0.7166	3.792	9
2009	0.481	1.0000	0.0000	0.3206	0.0000	0.5708	2.3724	5
2010	0.2489	0.7883	0.081	0.4068	0.0955	0.6958	2.3163	3
2011	0.0548	0.6877	0.1711	0.4334	0.206	0.8125	2.3655	4
2012	0.0000	0.6782	0.2062	0.0000	0.1808	0.8541	1.9193	1
2013	0.308	0.0000	0.23	0.4762	0.2607	0.75	2.0249	2
2014	0.7637	0.4795	0.3102	0.4791	0.3723	0.4083	2.8131	7
И_{nj}	0.4236	0.5946	0.28002	0.46258	0.2941	0.63247	2.81413	

(4.2.)

Год	Стандартизированные удельные показатели, характеризующие стоимость предоставляемых услуг										
	E1	E2	E3	E4	E5	E6	E7	E8	E9	И _{sj}	Ik
2005	0.1812	1.0000	1.0000	1.0000	1.0000	0.835	0.9146	0.3145	0.2411	6.4864	3
2006	0.0000	0.9292	0.9187	0.9541	0.9265	0.9874	0.9965	0.878	0.0000	6.5904	1
2007	0.0694	0.857	0.8618	0.9139	0.7914	0.9834	0.9991	0.9977	0.0332	6.5069	2
2008	1.0000	0.7131	0.5912	0.8461	0.5168	0.5875	0.5881	0.0000	1.0000	5.8428	4
2009	0.4814	0.5551	0.5804	0.7598	0.4147	0.000	0.0000	0.9845	0.1348	3.9107	9
2010	0.3968	0.5246	0.5364	0.7535	0.4037	0.6448	0.6725	1.0000	0.1071	5.0394	7
2011	0.4188	0.4619	0.5164	0.7316	0.4168	0.8007	0.7831	0.9983	0.1061	5.2337	6
2012	0.4879	0.736	0.3152	0.6985	0.4557	0.9809	0.9786	0.9923	0.1241	5.7692	5
2013	0.7281	0.0161	0.0144	0.5915	0.0000	1.0000	1.0000	0.9923	0.1442	4.4866	8
2014	0.8006	0.0000	0.0000	0.0000	0.0199	0.8922	0.993	0.7337	0.1914	3.6308	10
И_{nj}	0.45642	0.5793	0.53642	0.7249	0.49455	0.77119	0.79255	0.78913	0.2082	5.34969	

качества предоставляемых услуг. Высокоэффективное управление бюджетными ресурсами в общеобразовательных организациях г. Нижнего Новгорода наблюдалось в 2009 и 2014 году, поскольку именно в эти годы, по сравнению с другими годами исследуемого периода, наблюдалось высокое качество предоставляемых услуг при низкой стоимости [21].

Разработанная авторами методика оценки эффективности управления бюджетными ресурсами в образовательных организациях на основе итогового стандартизированного показателя позволяет руководителям различного уровня принимать обоснованные управленческие решения по устранению факторов, влияющих на снижение качества и повышению стоимости услуг, предоставляемых образовательными организациями.

Предложенный авторами инструментальный является универсальным, поскольку может использоваться при оценке качества и стоимости любых видов услуг, предоставляемых различными видами образовательных организаций, как отдельно по

учреждениям, так и в целом по отрасли. Кроме того, он позволяет осуществлять оценку эффективности управления бюджетными ресурсами в любых других отраслях социальной сферы с использованием соответствующих отраслевых производственно-сетевых показателей.

Методика, предложенная авторами, может послужить основой для дальнейших научных разработок в этой области, в том числе с учетом разграничения статей расходов, а также за счет средств от приносящей доход деятельности, а ее практическое применение будет способствовать совершенствованию управления бюджетными ресурсами.

Список литературы

1. Talis T. Putnin. The economy of state-owned enterprises. International Journal of Public Administration. University of Technology Sydney, 2008. № 3. P. 19–24.
2. Яшина Н.И., Гришунина И.А. Совершенствование теоретических и практических основ оценки

Таблица 5

Оценка эффективности управления бюджетными ресурсами в общеобразовательных организациях г. Нижнего Новгорода в 2005–2014 годах

Год	Качество предоставления услуг			Стоимость предоставления услуг			Управление бюджетными ресурсами	
	И _{sj}	Оценка	Ik	И _{sj}	Оценка	Ik	И _{im}	Оценка
2005	4.6361	высокое качество	10	6.4864	высокая стоимость	3	13	эффективное
2006	3.3301		8	6.5904		1	9	эффективное
2007	2.5716		6	6.5069		2	8	неэффективное
2008	3.792		9	5.8428		4	13	эффективное
2009	2.3724		5	3.9107		9	14	высокоэффективное
2010	2.3163	низкое качество	3	5.0394	низкая стоимость	7	10	эффективное
2011	2.3655		4	5.2337		6	10	эффективное
2012	1.9193		1	5.7692		5	6	неэффективное
2013	2.0249		2	4.4866		8	10	эффективное
2014	2.8131		высокое качество	7		3.6308	10	17

финансового состояния и качества управления бюджетами с целью повышения эффективности управления финансовыми ресурсами территории // Экономический анализ. 2005. № 23. С. 13–23.

3. Яшина Н.И., Борисова С.П., Макарова С.Д. Совершенствование финансирования общеобразовательных учреждений на основе оценки результативности бюджетных расходов // Экономика образования. 2008. № 5. С. 14–20.

4. Вахрушина М.А. Проблемы и перспективы развития российского управленческого учета // Международный бухгалтерский учет. 2014. № 33. С. 23–30.

5. Карепина О.И. Аудит эффективности в системе государственного финансового контроля // Финансовые исследования. 2014. № 2. С. 18–24.

6. Парасоцкая Н.Н. Тенденции развития аудита эффективности // Аудитор. 2013. № 2. С. 32–34.

7. Фурсенко А. О реализации приоритетных национальных проектов в сфере образования // Альма матер: Вестн. высш. шк. 2006. № 1. С. 21–14.

8. Скиданов А.А. Управленческое предвидение (методология, диагностика, дидактика). СПб.: СПбГАСУ, 2006. С. 19–25.

9. Слободняк И.А., Таровых А.О. К вопросу о сущности категории «эффективность» // Международный бухгалтерский учет. 2014. № 18, 19.

10. Шеремет А.Д. Теория экономического анализа: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2003. С. 56–62.

11. Яшин С.Н., Боронин О.С. Многокритериальная оценка экономической эффективности инновационных проектов // Экономические науки. 2010. № 72. С. 253–256.

12. Гусев С.И., Швенцов Ю.Г. О роли федерального казначейства в финансовой системе государства // Финансы. 2004. № 11. С. 23–25.

13. Истомина Н.А. Признаки бюджета: содержание и особенности проявления на уровне бюджетов субъектов Федерации // Финансы и кредит. 2013. № 14. С. 22–29.

14. Качанова Е.А. Оценка влияния реформы бюджетного сектора экономики на структуру местного бюджета // Финансы. 2011. № 1. С. 17–21.

15. Малиновская О.В., Бровкина А.В. Современные тенденции развития стратегического бюджетного планирования: региональный аспект // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 20. С. 8–16.

16. Нестеренко Т.Г. О развитии Федерального казначейства // Финансы. 2005. № 12. С. 13–17.

17. Никулина Е.В., Чистникова И.В., Орлова А.В. Экономический потенциал региона и оценка эффективности его использования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2012. № 13. С. 60–65.

18. Прокофьев С.Е., Шубина Л.В. О расширении функций органов Федерального казначейства // Финансы. 2003. № 9. С. 20–21.

19. Пыхтеев Ю.Н., Самочадин А.М. Анализ механизма экспортно-сырьевой модели российской экономики // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 28. С. 33–39.

20. Тишутина О.И., Михайлов А.В. Бюджетные расходы: вопросы эффективности, результативности и разработка системы показателей оценки // Проблемы современной экономики. 2012. № 4. С. 194–198.

21. Трифонова Т.С. Правовой, функциональный, контрольный аспекты санкционирования в деятельности Федерального казначейства // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. № 6. С. 58–66.

**ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF BUDGET RESOURCES MANAGEMENT
IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS***S.P. Borisova, I.A. Grishunina, N.I. Yashina*

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article describes the method for evaluating the effectiveness of budget spending in educational institutions on the example of the municipal district of the Nizhni Novgorod city. The proposed method for evaluating the effectiveness of budget resources management in educational organizations allows the selection of the most effective ways to implement public expenditures with the account not only of short-term, but also long-term consequences of decisions being made. The authors have developed a method for evaluating the effectiveness of budget resources management in educational institutions based on the overall standardized specific indicators that characterize the quality and cost of services provided by general education organizations. The study involves the use of the reports on the network, the staff and the student body of budget funds beneficiaries. The indicators of such reports should be presented in a comparable form by means of standardization. The tools proposed by the authors are versatile, since they can be used to evaluate the quality and cost of all types of services provided by budget-funded organizations, both individually and across the whole sector.

Keywords: standardization, quality, service, performance indicator, ranking.

УДК 338.984

ОСОБЕННОСТИ ОТБОРА ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МАТРИЦЫ ОЦЕНКИ РИСКОВ

© 2016 г. Аллард ван Рил^{1,2}, О.В. Трофимов², Д.С. Новикова², Н.И. Наконечный³¹ Университет Рэдбауда, Неймеген, Нидерланды² Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского³ АО «Газпромнефть-МНПЗ», Москва

Novikovadary@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 12.01.2016**Статья принята к печати 23.01.2016*

Инвестиционная деятельность определяет ключевые направления развития бизнеса. Цель данной работы заключается в рассмотрении проблемы выбора, оценки и управления инвестиционными проектами для формирования среднесрочной инвестиционной политики. Особое внимание уделено этапу максимально качественного отбора и ранжирования инициатив с использованием авторского подхода – применения матрицы оценки рисков и J-коэффициента. В рамках данной методики были проведены отбор и ранжирование инициатив ряда проектов АО «Газпромнефть-МНПЗ» с соответствующими расчетами и выбором вариантов наиболее оправданного решения. Данная методика носит универсальный характер и может быть использована на других нефтеперерабатывающих предприятиях.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционная деятельность, инвестиционный проект, управление инвестициями, инвестиционные риски, управленческие решения, среднесрочная инвестиционная политика.

Эффективность инвестиционных проектов играет важную роль, поскольку этот процесс направлен на принятие долгосрочных инвестиционных решений. Инвестиционная деятельность – это деятельность субъектов на рынке инвестиций, целью которых является расширение экономического потенциала объекта инвестиций с помощью наиболее эффективных форм вложения капитала в рамках общей стратегии развития [1]. Актуальность проблемы управления инвестиционными проектами проявляется вследствие активного развития рынка инвестиций. Эффективная деятельность предприятия в долгосрочной перспективе, обеспечение высоких темпов развития и повышения конкурентоспособности в условиях перехода к рыночной экономике в значительной мере определяется уровнем инвестиционной активности и диапазоном инвестиционной деятельности [2]. Управление инвестициями представляет собой систему принципов и методов разработки и реализации управленческих решений, связанных с осуществлением различных аспектов инвестиционной деятельности предприятия, на прединвестиционном, инвестиционном и постинвестиционном этапах [3]. Управление инвестициями сопряжено с рядом проблем, которые возникают при отборе альтернативных

инвестиционных проектов (прединвестиционный этап), их реализации (инвестиционный этап) и на эксплуатационной стадии (постинвестиционный этап) [4]. Эффективность и сущность инвестиционных проектов – неразрывно связанные понятия. В отечественной и зарубежной литературе можно встретить различные трактовки понятия «инвестиционный проект». Под инвестиционным проектом мы будем понимать уникальный, логически законченный, оптимальный план реализации долгосрочного инвестирования, содержащий экономические, финансовые, а также технические характеристики и направленный на достижение целей участников проекта [5]. Для того чтобы принять решение о том, стоит ли внедрять инвестиционный проект, необходимо провести оценку его эффективности. Эффективность – одно из базовых понятий инвестиционного проектирования. В современной литературе также встречаются различные определения понятия «эффективность инвестиционного проекта». Однако в целом можно выделить два подхода. Часть экономистов трактуют эту категорию как соотношение затрат и результатов, в то время как другие считают, что эффективность инвестиционного проекта – это категория, которая от-

ражает степень соответствия инвестиционного проекта целям его участников [6, 7, 8]. Согласно методическим рекомендациям по оценке эффективности инвестиционных проектов, выделяется эффективность в целом и эффективность участия в проекте [9]. Так, эффективность в целом позволяет определить потенциальную привлекательность проекта для его возможных участников и источники финансирования. Эффективность проекта в целом включает показатели общественной эффективности проекта, которые учитывают последствия реализации проекта для общества, и показатели, которые показывают коммерческую эффективность проекта [10]. Эти показатели отражают финансовые последствия от реализации инвестиционного проекта для его участников. В целом, реализация инвестиционных проектов направлена на достижение различных целей, в соответствии с которыми выделяют несколько видов эффективности: экономическую, финансовую, общественную, бюджетную, экологическую, рыночную, технологическую [11].

Высокие показатели инвестиционной деятельности являются одним из факторов экономического и инновационного развития государства, что, в свою очередь, способствует обеспечению экономического роста в стране [12]. Как известно, инвестиции по своему содержанию и структуре неоднородны, а инвестиционная политика подразумевает высокие риски, – так как предполагает отказ от текущего дохода в пользу будущего эффекта, который может быть как нулевым, так и отрицательным, в том числе по не зависящим от инвестора причинам [13].

Нефтеперерабатывающие компании, осуществляющие свою деятельность в условиях глобализации, не могут не отреагировать на происходящие изменения в мировой экономике. Говоря об условиях среды, в которой ведут свою деятельность нефтеперерабатывающие предприятия, не стоит забывать о ценовых коллапсах, один из которых потряс мировой рынок нефти в июне 2014 г. Дисбаланс, вызванный всплеском резервных мощностей, которыми располагают страны ОПЕК, не беспрецедентен, поскольку каждые 10 лет можно наблюдать ценовой шок (шок 1970-х гг., 1986 г., 1998 г., 2008 г.) [14]. Глобальное экономическое, политическое и техническое развитие предполагает, что топливно-энергетическая промышленность должна реагировать на изменения, происходящие на мировом

рынке, быстрее, становиться более эффективной и устойчивой. Оценивая среднесрочные и долгосрочные перспективы, нефтеперерабатывающие компании решают вопрос: как стратегически грамотно управлять инвестиционной деятельностью предприятия. В то же время следует отметить, что методический инструментарий формирования инвестиционной политики в ТЭП не является до конца сформированным, что естественным образом создает некоторые трудности, возникающие в процессе управления инвестиционной деятельностью промышленных предприятий. В настоящее время управление инвестиционной деятельностью, в частности на нефтеперерабатывающих предприятиях в России, регулируется в каждой отдельной компании собственными внутренними документами [15]. В условиях постоянно изменяющейся экономической действительности перед менеджментом нефтеперерабатывающих предприятий (далее – НПП) нередко возникает необходимость принятия непростых решений:

- выбрать высокодоходный инвестиционный проект;
- максимально качественно оценить риски от принятия подобного решения;
- определить порядок мониторинга и корректировки выбранного проекта;
- отдать предпочтение оптимальному портфелю инвестиций, разработать соответствующую инвестиционную программу.

В первую очередь, по мнению авторов, необходимо изучить основные принципы выбора высокодоходного инвестиционного проекта [16]. В целях исследования обратимся к внутреннему документу «Порядок подготовки, согласования и утверждения инвестиционных проектов», разработанному АО «Газпромнефть-МНПЗ», согласно которому инвестиционный проект – это ограниченный по времени и ресурсам комплекс мероприятий, направленных на создание и последующую эксплуатацию новых либо модернизацию существующих объектов. Любой инвестиционный проект требует фактического обоснования инвестирования, т.е. предпроектной документации, в которой определены цель инвестирования, назначение и мощность объекта строительства, номенклатура продукции, место (район) размещения объекта с учетом принципиальных требований и условий заказчика. Разработка обоснования инвестиций выполняется на основании ранее полученной информации, требований государственных органов и заинтересованных организаций, в объеме, достаточном для принятия решения о целе-

сообразности дальнейшего инвестирования. Рассмотрим общий случай отбора инвестиционного проекта. В соответствии с общими положениями данного документа, инвестиционный проект может быть выдвинут в любом подразделении организации или взят из стратегии развития организации. Все инвестиционные проекты проходят проработку в дирекции НПП, после чего поступают в отдел перспективного развития организации для дальнейшего согласования и утверждения. Основным документом подготовки, рассмотрения и утверждения проекта к реализации является паспорт инвестиционного проекта, он формируется отделом перспективного развития, согласование осуществляется ответственными лицами, которые визируют документ. Если для принятия решения о согласовании или несогласовании проекта необходимо получить дополнительные материалы или на стадии рассмотрения возникли замечания, то должностному лицу необходимо уведомить отдел перспективного развития о внесенных изменениях. Процесс подготовки, согласования и утверждения инвестиционных проектов схематически представлен на рис. 1 [17].

В силу ограниченности ресурсов, которыми располагают компании, формирование инвестиционной программы представляет собой одну из сложнейших задач выбора наиболее эффективных инвестиционных проектов. В литературе рассматриваются следующие методики отбора инвестиционных проектов: по наибольшему значению чистой дисконтированной стоимости, по наименьшему сроку окупаемости, метод экспресс-анализа отдельных инвестиционных проектов, которые позволяют сравнивать проекты по внутренней норме доходности, а также механизм «затраты – эффект», опирающийся на показатели доходности в рамках располагаемых ресурсов. Все эти методы основаны на сравнении количественных оценок. Однако каждый из проектов инвестиционной программы также обеспечивает достижение качественных показателей. В данной статье авторы предлагают использовать комплексный подход для отбора инвестиционного проекта.

Поскольку любое предприятие при осуществлении своей деятельности сталкивается с тем, что число инициатив, предлагаемых для внедрения, превышает число инициатив, которое можно реализовать в намеченные сроки (планируемый период) из-за ограниченности финансовых ресурсов предприятия, после процедуры подготовки, согласования и утвержде-

ния проектов наступает следующий этап – **отбора и максимально качественного ранжирования инициатив**. В этих целях потребуются оценить риски в сферах, связанных со здоровьем и безопасностью людей, окружающей средой, репутацией организации и её активами, для принятия решения в пользу какого-либо проекта. Для нефтеперерабатывающего предприятия авторами предлагается ранжирование инициатив с использованием матрицы оценки рисков и коэффициента экономической оправданности. Пример матрицы для отсева и ранжирования инициатив представлен на рис. 2.

Оценка оправданности инициатив и выбор наиболее оптимальной из предлагаемых альтернатив осуществляется на основе J-коэффициента (коэффициента экономической оправданности), который показывает соотношение величины снижения риска и величины затрат, направленных на это снижение (затрат на реализацию инициативы). Непосредственный процесс ранжирования инициатив происходит с использованием совокупности матрицы оценки рисков и J-коэффициента. В этом случае необходимо предварительное проведение ранжирования поступивших инициатив в соответствии с их значимостью и включение их в план реализации мероприятий. Для этого сначала проводят ранжирование 1-го порядка по категории риска, затем внутри каждого риска проводится ранжирование 2-го порядка по возрастанию J-коэффициента. Чем выше значение J-коэффициента, тем оправданнее и предпочтительнее инициатива; при значении J-коэффициента больше 1 затраты считаются оправданными. Таким образом определяется ранг каждой инициативы в общем перечне и для реализации отбирается такое количество в соответствии с убыванием ранга, суммарные затраты на исполнение которых не превышают величины имеющегося или выделяемого бюджета. Ниже разберем два примера выбора наиболее оправданного решения возникшей проблемы на основе J-коэффициента.

Итак, допустим, на установке имеется проблема с насосом, и, если она не будет решена, насос выйдет из строя (во время ремонта резервного), в результате чего установка простоит 2 суток. Вероятность данного последствия (экспертная оценка на основании имеющегося опыта) определена как «D», или =60%. По методике расчета от простоя для данной установки рассчитывается упущенная выгода за 2 суток простоя. Далее, для решения данной проблемы предлагается инициатива и её альтернативные варианты:

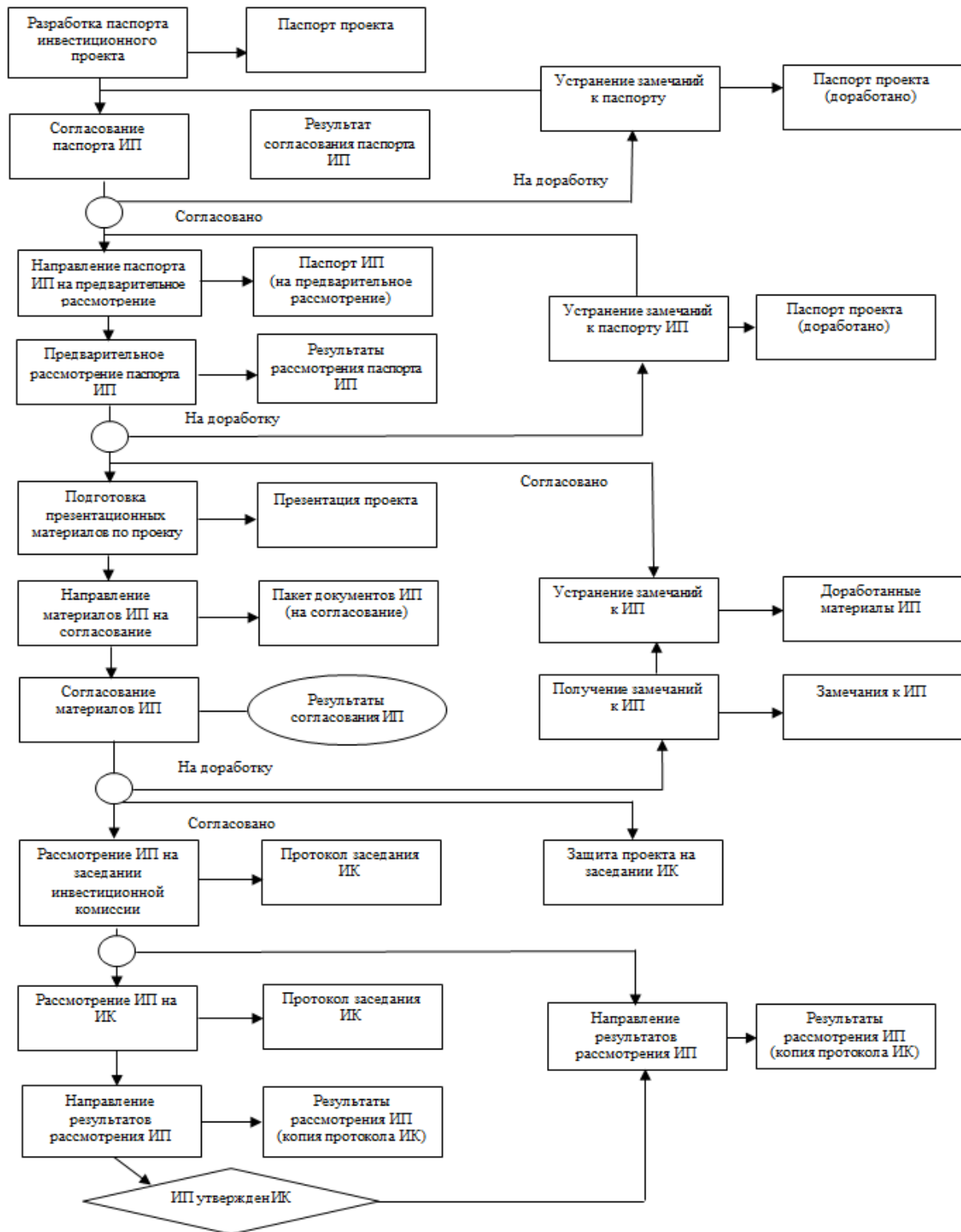

Рис. 1. Блок-схема: процесс подготовки, согласования и утверждения инвестиционных проектов [17]

Степень тяжести	Последствия				Вероятность				
	Люди	Активы (тыс. руб.)	Экология	Репута- ция	А	В	С	Д	Е
					Не слышал о подобном в отрасли 1–10%	Слышал о подобном в отрасли 11–30%	Подобные случаи имели место на заводе 31–50%	1–2 случая за год на заводе 51–80%	Более двух случаев за год на заводе 81–99%
1	Незначительные травмы/ущерб здоровью	Незначительный ущерб – 300	Незначительное воздействие	Незначительное влияние					
2	Небольшие травмы/ущерб здоровью	Небольшой ущерб – 300–3000	Небольшое воздействие	Ограниченное влияние					
3	Серьезные травмы/ущерб здоровью	Локальный ущерб – 3000–30 000	Локальное воздействие	Значительное влияние					
4	НППТ или 1–3 смертельных случая	Серьезный ущерб – 30 000–300 000	Серьезное воздействие	Общественное влияние					
5	Многочисленные смертельные случаи на заводе	Обширный ущерб – более 300 000	Массовое воздействие	Международное влияние					
Цвет заливки		Степень риска							
		Низкий риск							
		Умеренный риск							
		Высокий риск							

Рис. 2. Матрица оценки рисков для отсева и ранжирования инициатив [17]

Инициатива (основной вариант) – заменить новым импортным оборудованием. При этом затраты на реализацию составят 6 000 000 руб.

1. Первый альтернативный вариант – модернизация существующего насоса. При этом затраты составят 800 000 руб.

2. Второй альтернативный вариант – заменить новым отечественным насосом. Затраты составят 300 000 руб.

Ниже в таблице 1 приведены расчеты J-коэффициента по каждому из вариантов.

Таким образом, мы получили J-коэффициенты по каждому варианту (альтернативе) решения проблемы с данным оборудованием. Сравнив полученные J-коэффициенты, мы ви-

дим, что значение больше 1 имеют варианты решения (альтернативы) 2 и 3. Эти решения оправданны, так как затраты на их реализацию меньше, чем величина остаточного риска. Но при этом значение коэффициента в 3-м случае выше, это означает, что такое решение более оправданно и, следовательно, более предпочтительно.

Рассмотрим другой пример ранжирования инициатив на основе матрицы оценки рисков и J-коэффициента. В таблице 2 показано, каким образом ранжированы 13 предлагаемых инициатив и отобраны для реализации 11 инициатив в соответствии с бюджетом.

Вначале было проведено ранжирование 1-го порядка по категории риска. В соответствующем

Таблица 1

**Расчет по каждому из вариантов выбора
наиболее оправданного решения проблемы на основе J-коэффициента**

Инициатива №	0	1	2	3
Варианты решения проблемы (альтернативы)	Нет решения	Решение 1	Решение 2	Решение 3
Описание варианта решения проблемы	Ничего не делать	Закупка экспортного оборудования	Модернизация насоса	Закупка отечественного оборудования
Степень риска по матрице	D3	A3	A3	B3
Потери за 1 день простоя установки, руб.	4 000 000	4 000 000	4 000 000	4 000 000
Количество дней простоя	2	2	2	2
Потери из-за простоя, руб.	8 000 000	8 000 000	8 000 000	8 000 000
Потери на ремонт, руб.	70 000	200 000	120 000	70 000
Суммарные потери в результате последствий, руб.	8 070 000	8 200 000	8 120 000	8 070 000
Вероятность последствий, %	60	5	10	15
Величина риска, руб.	4 842 000	410 000	812 000	1 210 500
Сокращение рисков на определенную сумму, руб.	0	4 432 000	4 030 000	3 631 500
Затраты на инициативу, руб.	0	6 000 000	800 000	300 000
J-коэффициент	0	0.73	5.03	12.1

щем столбце, обозначенном «Категория риска», инициативы расположены в порядке снижения риска. Сначала идет высокий риск, затем умеренный и потом низкий.

Инициативы, попадающие в одну категорию риска, проходят между собой ранжирование 2-го порядка по J-коэффициенту. Инициативы, имеющие более высокий J-коэффициент, получают больший ранг, т.е. имеют большую значимость.

Для исполнения утверждаются 11 инициатив с наибольшим рангом и суммарными затратами на их исполнение 7 992 000 руб., что не превышает величину имеющегося для их реализации бюджета в 8 000 000 руб.

Далее следует защита проекта на заседании инвестиционной комиссии, и если последует решение принять проект к реализации, то оформляется протокол решения по проекту. В ходе реализации проекта возможны ситуации, при которых могут быть выявлены отклонения фактических и/или прогнозных параметров проекта от запланированных значений, в этом случае осуществляется корректировка и уточ-

нение параметров проекта на основании разработанной проектно-сметной документации. Процедура утверждения изменений по проекту, в случае превышения изначально запланированного бюджета, соответствует порядку утверждения нового проекта. Необходимо отметить, что мониторинг и контроль над исполнением утвержденных финансово-стоимостных показателей проекта в ходе его реализации осуществляет отдел капитальных вложений. Ответственность за методологию и общую организацию процесса подготовки, согласования и утверждения инвестиционных проектов возлагается на заместителя генерального директора – технического директора, ответственность за невыполнение работ несет отдел перспективного планирования.

На основе анализа данных о совокупности инвестиционных проектов за прошедшие годы, с учетом фактического исполнения проектов, результатов реализации и внешних факторов, которые могут оказать влияние в среднесрочной перспективе, отдел управления капитальными вложениями формирует среднесрочную инве-

Таблица 2

Пример ранжирования инициатив на основе матрицы оценки рисков и J-коэффициента

Ранг	Номер инициативы	Категория риска	Сокращение рисков на сумму в руб.	Затраты на инициативу, руб.	J-коэффициент	Утверждается/не утверждается	Затраты итого, руб.
1	i.	E5	1 150 000	600 000	1.92	Утверждается	7 992 000
2	ii.	E4	1 300 000	980 000	1.33		
3	iii.	B5	1 700 000	1 350 000	1.26		
4	iv.	D3	920 000	350 000	2.63		
5	v.	D5	900 000	850 000	1.06		
6	vi.	D2	2 080 000	1 200 000	1.73		
7	vii.	C3	890 000	700 000	1.27		
8	viii.	D1	886 000	240 000	3.69		
9	ix.	C2	1 500 000	470 000	3.19		
10	x.	E2	1 400 000	1 202 000	1.16		
11	xi.	B3	210 000	50 000	4.20		
12	xii.	C1	730 000	350 000	2.09	Не утверждается	
13	xiii.	A3	325 000	290 000	1.12		

стиционную программу в перспективе на 3 года (далее – СИП). Порядок подготовки, согласования и утверждения СИП включает в себя следующие этапы:

- рассмотрение и принятие решения о целесообразности включения новых проектов в формируемую СИП;
- формирование проекта СИП с учетом фактических данных о реализуемых инвестиционных проектах;
- принятие решения об одобрении СИП на инвестиционной комиссии;
- проведение корпоративных процедур по согласованию и утверждению СИП.

СИП формирует отдел управления капитальными вложениями на основании данных, полученных от структурных подразделений организации, как показано в таблице 3.

По итогам аккумулирования исходных данных отдел управления капитальными вложениями осуществляет консолидацию полученных данных, предоставляемых структурными подразделениями, а также их проверку и анализ. Каждые 6 месяцев, по результатам реализации программы, происходит актуализация СИП с учетом фактического исполнения утвержденных проектов. Данная процедура аналогична процедуре согласования и утверждения СИП.

Управление реальными инвестициями является многосторонним и сложным процессом, требующим применения системного подхода. Системный подход – это методология рассмотрения разного рода комплексов, позволяющая глубже и

лучше осмыслить их сущность (структуру, организацию) и найти оптимальные пути и методы воздействия на развитие таких комплексов и систему управления ими. Системный подход предполагает всесторонний учёт специфических характеристик соответствующего объекта, определяющих его структуру, а следовательно, и организацию. Каждая система имеет свои, присущие ей особенности, свою реакцию на управление, свои формы возможного отклонения от программы, свою способность реагировать на разного рода воздействия. Системный подход к управлению реальными инвестициями предполагает рассмотрение такого управления, как процедуры или процессы принятия управленческих решений или риск-решений. Процесс принятия управленческих решений и риск-решений включает в себя следующие этапы: анализ вариантов; оценка достижений и потерь по каждому варианту; оценка фактических результатов осуществляемых решений.

Принятию управленческого решения и риск-решения предшествует экономический анализ, направленный на изучение вариантов. Критерием принятия решения является выбор экономически целесообразного варианта. В данной статье предложено использовать методику анализа с применением расчета J-коэффициента и матрицы оценки рисков. С использованием данных методик были проведены отбор и ранжирование инициатив (в первом случае трех, во втором – одиннадцати), с соответствующими расчетами и выбором вариантов наиболее оправданного реше-

Таблица 3

Состав исходных данных для формирования СИП и ответственное подразделение

Состав исходных данных	Ответственное подразделение
1. План освоения и финансирования по проектам нового строительства (за исключением проектных офисов) – статья затрат «Строительно-монтажные работы», «Оборудование», «Прочие затраты», план ввода основных фондов	Управление капитального строительства и технического перевооружения
2. План освоения, финансирования и ввод по программе ЗМУО (статья затрат – «Проектно-изыскательные работы», «Строительно-монтажные работы», «Оборудование», «Прочие затраты»)	Управление капитального строительства и технического перевооружения
3. План освоения и финансирования по «Утвержденным проектам», «Проектам, по которым утверждены только проектно-изыскательные работы», «Не утвержденным проектам» (за исключением проектных офисов) – статья затрат «Проектно-изыскательные работы». План освоения по «Проектно-изыскательным работам будущих периодов»	Управление проектной деятельностью
4. Планы освоения и финансирования по проектам/программам, реализуемым проектным офисом – статья затрат «Проектно-изыскательные работы», «Строительно-монтажные работы», «Оборудование», «Прочие затраты», план ввода основных фондов	Проектный офис
5. План финансирования по «Проектно-изыскательным работам будущих периодов»	Отдел перспективного развития
6. План освоения, финансирования и ввод комплексной программы развития автоматизированной системы управления производством (статьи затрат – «Проектно-изыскательные работы», «Строительно-монтажные работы», «Оборудование», «Прочие затраты»)	Служба главного метролога
7. План освоения, финансирования и ввод по программе инженерно-техническая система охраны (статьи затрат – «Проектно-изыскательные работы», «Строительно-монтажные работы», «Оборудование», «Прочие затраты»)	Служба безопасности

ния для АО «Газпромнефть-МНПЗ». Также необходимо отметить, что метод отбора и ранжирования инициатив, где используется и матрица оценки рисков, и расчет J-коэффициента, позволяет комплексно подойти к выбору и охватить большее количество предлагаемых инициатив для рассмотрения. Что в дальнейшем позволяет сформировать рациональную, стратегически и экономически обоснованную среднесрочную инвестиционную программу [18]. Таким образом, эффективность инвестиционных проектов – ключевое звено в процессе бюджетирования капитальных вложений, оно является основной характеристикой, которая определяет целесообразность реализации компанией того или иного инвестиционного проекта.

Список литературы

1. «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений». Федеральный закон от 25.02.1999 г. № 39-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // М.: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
2. Нешиной А.С. Инвестиции: Учеб. для студентов экон. вузов, обучающихся по направлению «Экономика» и экон. специальностям. М.: Торговая корпорация «Дашков и К», 2010. 372 с.

3. Хазанович Э.С. Инвестиции: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Финансы и кредит», «Мировая экономика», «Налоги и налогообложение». М.: КноРус, 2011. 320 с.
4. Инвестиции: Учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Финансы и кредит» / Чиненов М.В., Черноусенко А.И., Зозуля В.И., Хрусталёва Н.А. М.: КноРус, 2011. 368 с.
5. Шарп У.Ф., Александер Г.Дж., Бэйли Д.В. Инвестиции: [Учеб.] для студентов вузов, обучающихся по экон. специальностям. М.: ИНФРА-М, 2013. XII. 1028 с.
6. Сидоренко Ю.А., Фролов В.Г. Инвестиционные механизмы развития промышленного производства: Монография. Н. Новгород: ННГУ, 2008. 156 с.
7. Инвестиционный менеджмент: Учеб. по специальности «Менеджмент организации» / Гуськова Н.Д., Краковская И.Н., Слушкина Ю.Ю., Макалов В.И. М.: КноРус, 2010. 456 с.
8. Колмыкова Т.С. Инвестиционный анализ: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Бухгалт. учет, анализ и аудит». М.: ИНФРА-М, 2011. 204 с.
9. Липсиц И.В., Коссов В.В. Инвестиционный анализ: подготовка и оценка инвестиций в реальные активы: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям «Экономика» и «Менеджмент». М.: ИНФРА-М, 2014. 320 с.
10. Бланк И.А. Энциклопедия финансового менеджера [В 4 томах]. Том 3. Управление инвестициями предприятия. 2-е изд., стер. М.: Изд-во «Омега-Л», 2008. 480 с.

11. Кангро М.В. Методы оценки инвестиционных проектов: Учебное пособие. Ульяновск: УлГТУ, 2011. 131 с.
12. Мизюн В.А. Экономическая оценка инвестиций: Учеб. пособие. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2006. 138 с.
13. Юрлов Ф.Ф. Оценка эффективности инвестиционных проектов и выбор предпочтительных решений / Ф.Ф. Юрлов, А.Ф. Плеханова, Т.В. Болоничева; Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева. Н. Новгород, 2011. 307 с.
14. Акоева И.В. Совершенствование методических основ оценки эффективности инвестиционных проектов – необходимое условие реализации целевых программ на юге России // Устойчивое развитие горных территорий. Владикавказ. 2012. № 3. С. 43–45.
15. Некрасов А.С. Анализ и прогнозы развития отраслей топливно-энергетического комплекса. ИНИП РАН. Москва, 2013. 250 с.
16. Шарпаева Л.А. Выбор математического аппарата для проведения отбора инвестиционных предложений в энергетике // Перспективы развития научных исследований в XXI веке: Сборник I Международной научно-практической конференции. М., 2013. С. 23–25.
17. Аллард Ван Рил. Повышение эффективности принятия решений за счет концентрации внимания на этапе отбора имеющихся предложений с использованием высокотехнологичных сервисов // Управленческие решения. № 5. 2011. С. 762–783.
18. Кент Бэйкер, Виктор Рикьярди. Теория поведенческого портфолио в инвестиционном менеджменте / Поведение инвестора: психология финансового планирования и инвестирования (под ред. Кента Бэйкера, Виктора Рикьярди), Нью Джерси, США, 2014. С. 136–155.

SPECIFICS OF SELECTION AND APPROVAL OF INVESTMENT PROJECTS USING A RISK ASSESSMENT MATRIX

Allard van Riel^{1,2}, O.V. Trofimov², D.S. Novikova², N.I. Nakonechniy³

¹Radboud University, School of Management, Nijmegen, the Netherlands

²Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

³JSC Gazpromneft-MNPZ, Moscow

Investment activity defines key areas of business development. The purpose of this paper is to address the problem of selection, evaluation and management of investment projects to form a medium-term investment policy. Particular attention is paid to the selection phase of the highest quality and ranking of initiatives using the authors' approach – the use of risk assessment matrix and J-factor. As part of this method, the selection and ranking of the initiatives of several projects of JSC «Gazpromneft- MNPZ» have been carried out with the relevant calculations and selection of variants of the most viable solution. This methodology is universal and can be used in other refineries.

Keywords: investments, investment activity, investment project, investment management, investment risk management decisions, medium-term investment policy.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316

ОБЩНОСТНЫЙ ПОДХОД КАК МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2016 г.

Г.Е. Зборовский

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург

garoldzborovsky@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 19.10.2015**Статья принята к печати 25.01.2016*

Цель статьи состоит в рассмотрении одного из недостаточно разработанных в социологии, но очень важного для проведения теоретических и эмпирических исследований общностного подхода. Раскрываются основные характеристики теории социальной общности, приводятся ее аксиоматические положения. Дается трактовка сущности и смысла общностного подхода. Анализируются общностнообразующие признаки, приводится определение понятия социальной общности. Показывается поле исследований социальной общности как в зарубежной, так и в отечественной социологии. Выявляется взаимосвязь социальной общности и культуры. Обращается внимание на возможности применения общностного подхода в теоретических и эмпирических социологических исследованиях.

Ключевые слова: методологические подходы, общностный подход, теория социальной общности, понятие социальной общности, аксиоматические положения теории социальной общности, признаки социальной общности, культура.

Некоторые базовые положения теории социальной общности

Методология социологического исследования, будучи необыкновенно сложным научным феноменом, включает в себя в качестве составной части целый ряд теоретических подходов. Среди них – системный, структурно-функциональный, деятельностный, институциональный, социокультурный и другие. Одним из мало разработанных, но весьма перспективных методологических подходов в социологии является общностный. Цель статьи состоит в его анализе, включающем определение социальной общности, трактовку поля ее исследования, выявление взаимосвязей с культурой, рассмотрение возможностей применения. Статья продолжает развивать основные положения авторского подхода к теории социальной общности, изложенные в ранее опубликованных работах [1; 2].

Чтобы ответить на вопрос, в чем суть общностного подхода, необходимо выяснить, что представляет собой социальная общность. Для этого обратимся к основам ее теории.

Категория социальной общности относится к числу узловых понятий социологической науки,

позволяющих конкретизировать социальную структуру общества. Наряду с социальными институтами, социальными организациями, социальными группами все большее значение приобретает использование понятия социальной общности. Почему? Что оно дает социологии? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим в тезисной форме отдельные основные, зачастую аксиоматические, положения теории социальной общности.

1. Социальная общность является вполне конкретной, приближенной к жизни реальной структурой, характеризующей взаимосвязи людей в обществе. В этой структуре проходит большая часть их повседневной жизни. В рамках социальных общностей люди трудятся, отдыхают, учатся, занимаются бытом, создают семьи, воспитывают детей, участвуют в научной, культурной, спортивной, религиозной жизни. Вне социальных общностей представить себе жизнь людей достаточно трудно.

2. Социальные общности выступают основным связующим звеном между личностью и обществом. Через социальные общности личность осознает себя частью общества, а последнее интегрирует личность в себя через конкрет-

ные социальные общности. При этом социальная общность может способствовать не только органичному включению личности в социум, но и ее дистанцированию и даже изоляции от него.

3. Социальные общности могут существовать как короткий промежуток времени, так и охватывать длительные по его протяженности периоды. Чем дольше по времени существует социальная общность, тем больше вероятность того, что она будет способствовать устойчивости и стабильности социальной системы.

4. Социальная общность как социологическая категория позволяет соединить макро- и микросоциологический подходы к изучению поведения людей, их взаимодействий, массовых процессов, культуры, социальных институтов, управления, отношения гражданского общества и власти и т.д.

5. Социальные общности выступают, с одной стороны, как относительно стабильные и постоянные, с другой – как динамичные социальные образования. Они подвержены изменениям под влиянием целого ряда факторов как внутреннего для страны характера, так и имеющих международное происхождение.

Социальная общность как поле исследования

Социальная общность стала превращаться в объект социологического теоретического анализа после появления в 1887 г. книги классика мировой социологии Ф. Тённиса «Общность и общество» («Gemeinschaft und Gesellschaft») [3]. Однако затем, особенно в последней четверти прошлого столетия, социальная общность как поле исследования и научная проблема отошла на задний план. В таком качестве она пребывает и сейчас. «Мейнстрим» же социальных наук, их главное направление представлено социетальными (к примеру, глобализации), интегративными (структурации, социального пространства, деятельностно-активистскими), постмодернистскими (постструктурализм) и иными теориями общества.

Приведем в этой связи высказывание известного современного английского социолога Э. Гидденса: «Я осознаю, что "социология" не является "родовой" дисциплиной, занимающейся изучением человеческих общностей в целом; скорее, она представляет собой отрасль социальной науки, которая концентрирует свое исследовательское внимание на "передовых" или современных обществах» [4, с. 10]. Пафос нашей работы состоит в доказательстве того, что общественные и социально-гуманитарные

дисциплины должны концентрировать свой научный и, вместе с тем, практический интерес на анализе не только обществ, но и социальных общностей.

Существующие точки зрения и позиции исследователей проблемы социальной общности как в зарубежной, так и в отечественной науке убеждают в наличии ряда подходов к ее пониманию. Мы бы выделили следующие: 1) микро/макросоциологический; 2) системный; 3) пространственный; 4) структурный; 5) психологический; 6) поведенческий; 7) коммуникативный; 8) деятельностный.

Говоря о первом подходе, мы имеем в виду рассмотрение социальной общности либо как того социального образования, которое противопоставляется обществу по размеру, объему, характеру, содержанию, направленности связей между людьми и способам их изучения [3], либо как больших социальных структур, имеющих много признаков неопределенности и расплывчатости в рамках концепций толпы и коллективных движений как разновидностей социальной общности [5–8].

Что касается системного подхода, то он ориентирован на целостный характер и комплексное изучение социальной общности с учетом всех ее основных характеристик: ценностных ориентаций членов данной общности, условий их жизни, характера социальных связей, отношений, интеракции, коммуникации, нормативной и ценностной основы взаимодействия [9; 10].

Рассматривая пространственный подход к трактовкам социальной общности, отметим, что он реализуется в концепциях социальной общности, вводя в качестве одного из определяющих ее факторов стабильно ограниченную территорию (постоянное место жительства), на которой осуществляется социальное взаимодействие людей, обладающих прочными связями между собой [11–15].

Структурный подход направлен на выявление элементов социальной общности и отношений между ними, причем он распространяется на анализ как внутренних для социальной общности связей, так и внешних, т.е. тех, которые характеризуют ее взаимодействие с другими социальными общностями в рамках структуры общества, социальной структуры, социальной стратификации [4; 16; 17]. С помощью структурного подхода возникает возможность вывести теорию социальных общностей на уровень их классификаций и типологий.

В рамках психологического подхода социальная общность рассматривается сквозь призму проявляющихся чувств, сознания и переживания

психической связи между людьми на основе их межличностного взаимодействия. При таком подходе речь идет скорее о социально-психологической общности, выступающей инструментом сплоченности, интеграции, солидарности и взаимопонимания людей [18].

Поведенческий подход означает характеристику социальной общности как субъекта социального поведения, в которой социальное поведение отдельных людей обусловлено их принадлежностью к ней. Указанная трактовка социальной общности позволяет понять социальное поведение таких ее разновидностей (и индивидов внутри них), как этническая общность, религиозная общность, семейная общность и др. [19].

Коммуникативный подход нацелен на рассмотрение социальной общности как связи, коммуникации, сопричастности, взаимодействия людей по целому ряду признаков поведения и общения. Этот подход присутствует, прежде всего, в социально-психологических концепциях социальной общности [20].

В рамках деятельностного подхода социальная общность рассматривается как взаимосвязь индивидов, являющихся самостоятельным субъектом социального действия и характеризующихся относительным единством, сходством их целей, задач, интересов на основе общих условий бытия и деятельности [2; 10; 21].

Рассмотренные подходы (вероятно, могут быть выявлены и иные) позволяют определенным образом систематизировать заметно различающиеся точки зрения на социальную общность как общественный феномен. Представляется, что они не противоречат друг другу, а скорее позволяют говорить об их взаимодополняемости. Отсюда вытекает, что к анализу тех или иных социальных общностей можно применять не один, а ряд подходов, что вовсе не отрицает наличия среди них доминантного. Это, в свою очередь, означает, что вряд ли оправданно подчеркивать исключительность и уникальность какого-то одного подхода. Все зависит от цели исследования и особенностей рассматриваемых социальных общностей.

Проведенный нами детальный анализ зарубежной и отечественной литературы по проблемам социальной общности позволяет не только выделить различные подходы к ее трактовке, но и поставить вопрос о возможности их рассмотрения в сопряжении с теми или иными парадигмами. Так, системный и структурный подходы к социальной общности дают основание анализировать ее в рамках парадигмы

структурного функционализма. В рамках поведенческого подхода создаются благоприятные предпосылки для трактовки социального поведения общности в границах парадигм обмена и конфликта. Коммуникативный и психологический подходы служат хорошей теоретической основой для характеристики социальной общности с позиций гуманистических парадигм – символического интеракционизма, феноменологии, этнометодологии. Пространственный и деятельностный подходы ориентируют на использование при интерпретации социальной общности интегральной (объединительной) парадигмы.

Требует своего учета при анализе теории социальной общности парадигма постмодернизма. Некоторые его характеристики позволяют ставить вопрос об их использовании применительно к трактовке социальной общности. Одна из них – признание фрагментации общества – означает возможность предложить в качестве его модели структуру «слоистой» (подобно слоистой) совокупности социальных общностей [22].

Определение социальной общности

Одной из главных методологических проблем теории социальной общности является определение ее центрального понятия. Это тем более важно, что в литературе – и западной, и отечественной – существует большое количество дефиниций социальной общности. Особенно часто данное понятие используется в двух смежных с концепцией социальной общности теориях – общества и социальной группы. Отсюда сразу же следует одна из наиболее сложных методологических проблем – поиска сходства и отличий общества и общности, общности и группы, выявления относительно четких разграничительных линий между ними.

Ситуация «пограничности» возникла не сегодня, она имеет достаточно долгую историко-социологическую жизнь. Корни проблемы следует, как нам кажется, искать в социологической концепции Ф. Тённиса. В самом начале своего главного труда «Общность и общество» он указывает на основное различие между ними: «...общность есть устойчивая и подлинная совместная жизнь, общество же – лишь переходящая и иллюзорная. И поэтому сама общность должна пониматься как живой организм, а общество – как механический агрегат и артефакт» [3, с. 11–12].

Со времен появления книги Ф. Тённиса возникли десятки самых различных определений и

интерпретаций социальной общности. Еще в 1955 г. американский социолог Дж. Хиллери-младший подверг анализу 94 трактовки социальной общности [23]. Обильную пищу для их появления можно искать как в имевших место новых макро- и микросоциальных процессах развития социальной жизни, так и в их теоретической интерпретации.

На основании анализа литературы по проблеме социальной общности мы приходим к выводу о том, что в самом первом приближении она рассматривается в качестве объединения людей, обладающего такими важнейшими признаками, как наличие прочных социальных связей между людьми, фиксированной и ограниченной территории, осознание членами общности принадлежности к ней. По существу приведенная трактовка социальной общности инвариантна относительно многих иных ее толкований.

Именно такая фундаментальная, с нашей точки зрения, характеристика социальной общности содержится у известного польского социолога второй половины прошлого столетия Я. Щепаньского. Он писал: «Мы вводим понятие "социальная общность" как термин с широким объемом, охватывающим все объединения людей, в которых создана и сохраняется, хотя бы в течение очень короткого периода, определенная социальная связь. В ходе нашего изложения этим термином мы будем обозначать все устойчивые формы совместной жизни. Это будет, следовательно, наш наиболее общий термин» [24, с. 117].

Нетрудно обнаружить, что в основе трактовки социальной общности польским социологом лежат три главных признака. Для него 1) социальная общность – это любое объединение людей; 2) оно охватывает все устойчивые формы совместной жизни; 3) эти объединения существуют за счет социальной связи между людьми. Особое внимание Я. Щепаньский обращает на то, что разнообразие социальных общностей обнаруживается прежде всего в повседневной жизни людей.

Это положение чрезвычайно важно, поскольку функционирование самых различных социальных общностей наблюдается в первую очередь в сфере повседневности. Более того, мы уверены, что значительная часть основных – назовем их базовыми – социальных общностей, объединяющих людей, связана именно с их повседневной жизнью. Речь идет о семейной или, точнее, семейно-бытовой, трудовой (производственной), профессиональной, образовательной, досуговой, национально-этнической, религиозной и иных социальных общностях.

Авторы статьи «Общность» в «Большом толковом социологическом словаре» (составители Д. Джери и Дж. Джери), обобщая имеющиеся в западной литературе трактовки рассматриваемого понятия, обращают внимание на несколько его значений. Во-первых, они говорят о том, что это совокупность социальных связей и взаимоотношений, которые характеризуются как взаимностью, взаимодействием, так и конфликтом. Во-вторых, подчеркивается географический и пространственно-территориальный аспект общности, т.е. ее местоположение, которое характеризуется наличием определенных границ. В-третьих, выделяется такой аспект понятия, как «дух общности», «чувство общности». В статье отмечается, что категория общности очень сложная и спорная, вокруг нее шли и продолжают сейчас дискуссии, связанные с многозначностью этого понятия [25, с. 511–512].

Переходя к трактовкам социальной общности в отечественной литературе, следует отметить в первую очередь привлекающую значительный научный интерес позицию В.А. Ядова. Он характеризует социальную общность как «взаимосвязь человеческих индивидов, которая обусловлена общностью их интересов благодаря сходству условий бытия и деятельности людей, составляющих данную общность, их материальной, производственной и иной деятельности, близости их взглядов, верований, их субъективных представлений о целях и средствах деятельности» [10, с. 17–18]. Здесь важно отметить, что взаимосвязь не обязательно является непосредственной (например, по принципу *face-to-face*, провозглашенному Ч. Кули основным при характеристике первичной группы). Она может проявляться опосредованно, через сходство, общность, единство задач, интересов людей, относящихся к определенной социальной общности.

В связи с приведенными выше трактовками целесообразно полагать, что социальная общность – это взаимосвязь индивидов, являющихся самостоятельным субъектом социального действия и характеризующихся относительным единством, сходством их целей, задач, интересов на основе общих условий бытия и деятельности. Как видно, в этом определении указано несколько признаков понятия социальной общности, среди которых на первом месте – взаимосвязь ее членов, на последующих местах – общность целей, задач, интересов, условий их жизни и деятельности. Важно отметить, что эти сходства вытекают из взаимосвязи людей и, по сути, обусловлены ею.

Но такое определение социальных общностей не может быть единственным, универсальным, используемым для характеристики любой из них. Его можно принимать как пригодное лишь для определенной части социальных общностей. Дело в том, что рассматривать социальную общность только через взаимосвязь индивидов означает сузить диапазон различных ее форм до тех, которые построены на наличии реальных отношений и взаимодействий между людьми.

Между тем существует много форм объединений людей, в которых такие отношения не охватывают всех без исключения членов социальной общности. Конечно, это касается в первую очередь массовых социальных общностей: толпа или демонстрация (уличное шествие) совсем не предполагают наличия реальных отношений между всеми их участниками. Но и групповые общности также могут оказаться лишены таких связей и взаимодействий между их членами, особенно если речь идет о больших группах, организациях, например о коллективе завода или крупной фирме.

Наконец, нужно иметь в виду факт существования не только реальных, но и номинальных социальных общностей, формируемых искусственно, статистически, с определенными научными и практическими целями. Понятно, что если социологи в ходе эмпирического исследования об отношении учительства к своему труду пишут, к примеру, о существовании номинальной общности молодых педагогов в возрасте до 25 лет, обладающих средним или высшим педагогическим образованием, владеющих квалификацией на уровне молодого специалиста (не обладающих квалификационной категорией), имеющих семью и характеризующихся определенными ценностными ориентациями в профессиональной деятельности, то ни о каких реальных взаимодействиях между членами этой социальной общности речи быть не может.

Очевидно, что, пытаясь определить такие социальные общности, не следует говорить о наличии непосредственной связи в них между субъектами социального действия как об их (общностей) основном критерии. Что же выступает в таком случае в роли этого критерия? По всей видимости, фактор идентификации с общностью. В одном случае люди сами идентифицируют себя с той или иной социальной общностью, в другом индивидов идентифицируют с ней иные люди, в третьем случае это делают исследователи.

Применительно к таким типам и видам социальных общностей, где взаимосвязь между их

членами не может рассматриваться в качестве общностнообразующей основы, должны быть использованы иные определяющие признаки. Во-первых, такие социальные общности будут выступать как объединения людей (что гораздо шире взаимосвязей и не обязательно подразумевает их наличие). Во-вторых, важным признаком таких общностей является идентификация с ними их членов. В-третьих, эти общности являются результатом их «социального конструирования», независимо от того, реальны они или номинальны.

Социальные общности многих типов рассматриваются как проявления совместной жизнедеятельности людей, формы человеческого общежития. Они складываются на различной основе и крайне многообразны. При этом к социальным общностям некоторые авторы относят и человечество как наиболее общую форму социальной общности, и общество в целом, и социум, определяемый как большая устойчивая социальная общность, характеризующаяся единством (сходством, близостью) условий жизнедеятельности людей и общностью культуры, культурного наследия и традиций, и целый ряд иных социальных объединений, формирующихся в сфере общественного производства, национально-этнических отношений и т.д., и т.п.

Признаки сходства, близости целей, задач, интересов, условий жизни и деятельности не всегда проявляют себя, когда мы рассматриваем социальные общности не как взаимосвязи между людьми, а как объединения индивидов. Поэтому вполне вероятно суждение о том, что очень трудно (если вообще возможно) найти какое-то единое, для всех социальных общностей «работающее» и годное, определение со строгим набором инвариантных признаков. Такой вывод свидетельствует о большой теоретической сложности категории социальной общности, отличающейся высоким уровнем интерпретационной неопределенности.

Взгляд на иные общностнообразующие признаки

Содержательные характеристики – они же в значительной степени общностнообразующие признаки – зависят от типов и видов социальных общностей, их размеров и масштабов, особенностей генезиса, пространственно-временных факторов их появления и функционирования, целей и задач, на достижение которых направлена деятельность социальных общностей, схожести условий жизни и деятельности людей, уровня совпадения их потребностей и

интересов, степени идентификации индивидов с общностью и осознания чувства принадлежности к ней, наличия определенных норм, правил, ценностей, стереотипов, традиций поведения, в целом культуры, наличия/отсутствия определенных ресурсов (экономических, социальных, политических, культурных, символических) и т.д.

Разработка теории социальных общностей связана с пониманием природы их происхождения и развития. Прежде всего, возникает вопрос, на какой основ – объективной или субъективной – появляются социальные общности. На первый взгляд, ответ очевиден: конечно же, на объективной. Именно такой позиции придерживается Ю.Е. Волков. Он полагает, что общности не создаются сознательно людьми, в отличие от социальных институтов и организаций, а складываются под воздействием объективного хода общественного развития. Одни виды общностей порождаются общественным производством (производственный коллектив, социально-профессиональная группа, общественный класс), другие вырастают на этнической основе (народности, нации), третьи (социально-демографические общности) – на базе естественных демографических факторов [26, с. 338].

Предложенная позиция, на наш взгляд, небесспорна. Представляется, что к появлению целого ряда социальных общностей имеют прямое и сознательное отношение люди, которые их сами создают или, выражаясь принятым в феноменологической социологии научным клише, конструируют их (общностей) социальную реальность. Разве различные общественно-политические, научные и художественно-творческие, спортивные и другие объединения (сообщества) людей, создающиеся исключительно на добровольной основе, по их личной инициативе, в результате появившихся новых интересов, требующие зачастую значительных финансовых затрат, не свидетельствуют о субъективной природе появления некоторых видов социальных общностей?

Социальные общности возникают тогда, когда есть иные конкретные проявления общности: идеи, ценностей, условий бытия, интересов, совместной деятельности и др. В последнее время все чаще появляются суждения, в которых в качестве важной составляющей социальной общности рассматривается чувство общности.

Такую точку зрения высказывает, в частности, известный современный английский социолог З. Бауман в своей книге, посвященной социальной общности, с весьма симптоматич-

ным названием «Социальная общность: в поисках безопасности в небезопасном мире» (2001). Он пишет о том, что, в отличие от общества, которое может быть «плохим», общность является «теплым, удобным и уютным местом», в котором всегда приятно находиться и чувствовать себя ее членом. В общности люди хорошо понимают друг друга, могут доверять тому, что слышат, ощущать себя в безопасности и рассчитывать на взаимную доброжелательность. Но, как считает З. Бауман, «за привилегию быть в общности» нужно платить, жертвуя подчас свободой и индивидуальностью [27, р. 4].

Очевидно, таким образом, что содержательные характеристики социальной общности связаны прежде всего с выявлением ее общностно-образующих признаков. Не имея возможности в данной статье подробно анализировать каждый из них, прибегнем к их перечислению и самой общей систематизации на основании критерия объективности/субъективности.

Общностнообразующими можно считать как преимущественно объективные (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7), так и преимущественно субъективные (8, 9, 10, 11, 12, 13, 14) признаки:

1) включенность социальной общности в более широкий социальный контекст, систему общественных отношений;

2) объединение людей;

3) осуществление совместной деятельности членами социальной общности, взаимодействия между ними на разных уровнях – от сильного до весьма слабого, порой не ощущаемого самими людьми;

4) наличие социальной связи между людьми;

5) наличие ряда схожих характеристик условий жизни и деятельности членов социальных общностей;

6) наличие у социальных общностей ресурсов – экономических, социальных, политических, культурных, символических;

7) наличие социально-пространственных и социально-временных характеристик социальной общности;

8) наличие у членов социальной общности значимого основания (причины) сообща находиться в ней, отвечающего интересам всех ее участников и способствующего реализации потребностей каждого «быть вместе»;

9) принятие всеми или большинством членов социальной общности правил, традиций, ценностей и образцов поведения, характерных для нее;

10) осознание людьми своей принадлежности к социальной общности, возникновение на

этой основе чувства «Мь» («Свои») и «Они» («Чужие»), другими словами, наличие социальной идентичности у членов общности;

11) признание данной социальной общности и в этом смысле ее идентичности существующим социальным окружением, т.е. другими, посторонними людьми;

12) конструирование социальных общностей отдельными людьми (группами людей);

13) наличие социальной солидарности между членами общности;

14) наличие ценностей, интересов, установок как основы устойчивых форм совместной жизни членов социальной общности.

Названные выше общностнообразующие признаки позволяют предложить вариант обобщающей, «собирающей» характеристики социальной общности. Под ней будем понимать один из основных типов социальной системы, выступающий в качестве реально существующей, эмпирически фиксируемой, относительно единой и самостоятельной совокупности (взаимосвязи) людей, объединенных по социокультурным, демографическим, экономическим, этническим, территориальным, религиозным, политическим, профессиональным и иным основаниям. Главными, образующими социальные общности, признаками являются: относительная целостность, осознание людьми своей принадлежности к ним (идентификация и самоидентификация), схожие условия жизни и деятельности, наличие определенных пространственно-временных полей бытия, реализация функции самостоятельного субъекта социального и исторического действия и поведения на основе обладания и использования различных ресурсов.

Социальная общность и культура

Поскольку мы рассматриваем социальную общность как социологическую категорию, возникает необходимость охарактеризовать ее роль в социологической науке. Мы исходим из того, что социальная общность является «ядром», «сердцевинной» предметного поля социологии. Строго говоря, в таком качестве выступает не отдельная общность, а взаимодействующие социальные общности, которые «пронизывают» все зоны этого поля – социальные процессы и изменения, социальные институты и организации, социальную структуру и общество в целом. В отличие от некоторых авторов, мы не трактуем общество как социальную общность, а характеризуем его как совокупность

или, что точнее, взаимосвязь социальных общностей.

Проблематика социальной общности имеет непосредственное отношение к каждому человеку, его повседневной и иной жизнедеятельности во всех ее многообразных проявлениях. Для личности социальная общность выступает как первичная сфера реализации интересов индивидов, в конечном итоге, их самореализации. Признание к человеку приходит в первую очередь в конкретной социальной общности. Именно в ней он добивается каких-либо социально значимых результатов своей деятельности, которые в дальнейшем могут обеспечить его успех, продвижение, карьеру, социальное процветание. В этом смысле социальная общность особенно значима для личности, хотя понимание человеком данного обстоятельства совсем не обязательно в каждом конкретном обстоятельстве.

Впрочем, социальная общность не всегда выступает соединяющим личность и общество механизмом. В определенных обстоятельствах она способна выполнять и противоположную функцию – ограничения связей личности с обществом и сужения ее интересов исключительно рамками социальной общности. Этим «грешат», в частности, отдельные религиозные и этнические общности.

Социальная общность не есть общество как целое, но это единица социального измерения, своеобразный «социальный ген» [28, с. 37]. Понятие «общность» охватывает все разновидности социальных образований, члены которых связаны общим интересом и находятся в прямом или косвенном взаимодействии. Это и есть социум в наиболее точном значении данного термина. Социальные общности – это живые образования социума. Они деятельны и пассивны, создают и разрушают, хранят социальную информацию и пребывают в беспомощности. Понять человека можно только через его социальную общность.

Провозглашая социальную общность «социальным геном» общества, своеобразной единицей социального наследования, преемственности и воспроизводства общества как социального организма, необходимо отдавать отчет в том, что никаких прямых аналогий между социальными и биологическими процессами быть не может. Несмотря на то, что фундаментальной особенностью общества является обеспечение преемственности его организации и функционирования, у него в целом, у конкретных социальных общностей нет никаких генетических

структур, которые бы кодировали и передавали по наследству социальную информацию.

В наследственном аппарате самого человека не заложен механизм передачи и усвоения социальных взаимодействий. Он возникает только в процессе социализации. То, что принято называть социальным наследованием, не является разновидностью биологической наследственности. Социальное наследование есть особая форма передачи накопленной информации, знаний, норм, правил путем их закрепления в культуре. Здесь понятие «культура» употребляется в смысле совокупности выработанных людьми на протяжении жизни многих поколений способов действия. Каждое следующее поколение получает и осваивает информацию, знания, нормы, культуру. Основным субъектом этого процесса и выступает социальная общность. Именно в этом смысле мы называем социальную общность социальным геном.

Из приведённых рассуждений вытекает важная проблема тесной связи и даже сущностной близости социальной общности и культуры. В этом плане представляется, что социальную общность целесообразно рассматривать не только как взаимосвязь (совокупность) людей с соответствующими характеристиками и признаками, названными нами выше, но она может иметь более широкое истолкование. В качестве гипотезы имеет смысл выдвинуть суждение о том, что социальная общность включает в себя как людей, так и ценности, нормы, верования, обычаи, традиции, язык и т.д., на которых «держится» эта общность и которые скрепляют отношения между ее членами.

С одной стороны, такая трактовка социальной общности приближает ее к культуре. Правда, при характеристике социальной общности основным «образующим» ее элементом являются люди, в трактовке же культуры – наоборот, ценности, нормы, язык и др. Но есть один, крайне важный элемент, показывающий близость социальной общности и культуры, – это деятельность. Деятельность, лежащая в основе социальной общности и культуры, деятельность, которая делает культуру «общностной» (т.е. принадлежностью какой-либо общности), а общность – культурной, т.е. носителем какой-либо культуры. Не случайно некоторые социальные общности даже оказались тесно связанными с названиями субкультур (например, социально-профессиональные общности). Так, в частности, педагоги, врачи, будучи общностями, в то же время являются субъектами определенных субкультур.

С другой стороны, характеристика социальной общности, включающая в ее структуру ценности, нормы, обычаи, язык, деятельность, является новой, нестандартной. До сих пор все традиционные трактовки социальной общности были связаны с теми или иными объединениями (совокупностями) людей по этническим, демографическим, политическим, экономическим, культурным, пространственно-территориальным признакам, обладающими относительной целостностью, являющимися самостоятельными субъектами социального и исторического действия, имеющими общие цели и интересы, занимающими определенные географические ареалы, характеризующимися конкретной временной и пространственной средой.

Применение же социокультурного подхода к исследованию социальной общности, рассмотрение ее сквозь призму ценностно-нормативных характеристик, социокультурных стандартов, стереотипов поведения, особенностей образа жизни открывает новые возможности в изучении конкретных общностей.

Рассмотренные выше проблемы, безусловно, могут стать предметом эмпирических социологических исследований, осуществляющихся с помощью как количественных, так и качественных стратегий. При этом проблематика изучения способа деятельности, образа жизни, культуры социальных общностей сквозь призму их повседневных практик требует тщательной методологической и методической проработки и является весьма перспективным направлением их анализа.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00014 «Время социальной общности: методология и методы исследования стратегий разрешения темпоральных противоречий».

Список литературы

1. Зборовский Г.Е. Теоретические основания изучения социальной общности // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 3–12.
2. Зборовский Г.Е. Теория социальной общности. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2009. 304 с.
3. Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2002. 451 с.
4. Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.
5. Лебон Г. Психология народов и масс // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков. Тексты. М.: Изд-во Международ. ун-та бизнеса и управления, 1996. С. 95–145.

6. Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль. Тексты. М.: Изд-во Международ. ун-та бизнеса и управления, 1996. С. 166–212.
7. Macionis J.J. *Sociology*. New Jersey: Prentice Hall, 2003. 708 p. (в русском переводе: Мационис Дж. Социология. СПб.: Питер, 2004. 752 с.)
8. Turner R.H., Killian L.M. *Collective Behavior*. New Jersey: Prentice Hall, 1987.
9. Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследований российских трансформаций. СПб.: Интерсоцис, 2009. 138 с.
10. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программы, методы. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2006. 328 с.
11. Mercer V. *The American Community*. N.Y., 1957. 124 p.
12. Сорокин П.А. Система социологии: в 2 т. Т. 2. Социальная аналитика. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1991. 189 с.
13. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. 688 с.
14. Parsons T. *Social System*. Glencoe, 1951. 575 p.
15. Schnore L.F. *Community // Sociology: An introduction* (2nd ed.) / Ed. by N. Smelser. N.Y.: John Wiley&Sons, Inc., 1973. 744 p.
16. Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
17. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. 664 с.
18. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
19. Мнацаканян М.О. Социальное поведение, социальные общности, социальная реальность (О природе предмета социологической науки) // Социологические исследования. 2003. № 2. С. 21–28.
20. Парыгин Б.Д. Социальная психология. СПб.: СПбГУП, 2003. 616 с.
21. Зборовский Г.Е. Общая социология. М.: Гардарики, 2004. 592 с.
22. Зборовский Г.Е. Теоретическая социология XX – начала XXI века. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2007. 364 с.
23. Hillery G.H. Definitions of Community: Areas of Agreement // *Rural Sociology*. V. 20. 1995. P. 111–123.
24. Щепанский Я. Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969. 240 с.
25. Большой толковый социологический словарь: в 2 т. Т. 1. М.: ВЕЧЕ-АСТ, 1999. 528 с.
26. Волков Ю.Е. Общность социальная // Российская социологическая энциклопедия. М.: Издательская группа «НОРМА-ИНФРА», 1998. 672 с.
27. Bauman Z. *Community: Seeking Safety in an Insecure World*. Cambridge: Polity Press, 2001. 168 p.
28. Зборовский Г.Е., Орлов Г.П. Социология. М.: Интерпракс, 1995. 316 с.

COMMUNITY APPROACH AS A METHODOLOGY FOR SOCIAL RESEARCH

G.E. Zborovsky

Ural Federal University

The aim of the article is to consider community approach as one of the approaches which is understudied in sociology, but it is very important for conducting theoretical and empirical research. The main characteristics of the social community theory and its axiomatic ideas are presented. The essence and the meaning of the community approach are interpreted. The attributes of social community are analyzed, the definition of social community is presented. The field of research of social community in foreign and Russian sociology is shown. The relationship of social community and culture is revealed. The possibility of applying the community approach to theoretical and empirical sociological research is discussed.

Keywords: methodological approaches, community approach, theory of social community, concept of social community, axiomatic ideas of the social community theory, attributes of social community, culture.

УДК 316.34

ДЕТСТВО В ФОКУСЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2016 г.

А.Г. Филипова

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

filipovaAG@dvfu.ru

*Статья поступила в редакцию 26.11.2015**Статья принята к печати 26.01.2016*

Представлен контент-анализ статей о детях и детстве, опубликованных в журнале «Социологические исследования» за период с 1990 по 2014 г. С целью выявления основных тенденций развития отечественной социологии детства были выделены такие категории анализа, как «методы исследований», «возраст детей-респондентов», «социальные роли детей», «концепты детства», «база проведения исследования», «направления исследований», «масштаб исследований», «финансирование» и др. Результаты исследования свидетельствуют о преобладании социализационного подхода в изучении детства, недостаточной распространенности «мягких» методов исследования, доминировании концептов «детство как особое племя» и «детство 3 Д» и социальных ролей «дети-потребители» и «дети-информанты», обращении ученых преимущественно к респондентам подросткового и раннего юношеского возраста. Развитие российской социологии детства тормозится из-за статусных проблем отрасли, разобщенности профессионального сообщества, отсутствия длительных, междисциплинарных исследовательских проектов.

Ключевые слова: детство, отечественная социология детства, методы исследования, социальные роли детей.

В российской социологической практике развитие социологии детства связано с авторскими разработками А.А. Бесчасной, И.С. Кона, С.Ю. Митрофановой, О. Никитиной-ден Бестен, Е.М. Рыбинского, М.Ю. Сибиревой, С.Н. Щегловой [1–11].

В данной статье термин «социология детства» используется как собирательное понятие, включающее и микро-, и макросоциологические представления о детях и детстве. При этом детство интерпретируется многозначно как возрастной этап индивидуального развития (от 0 до 18 лет), как социально-демографическая общность (совокупность детей) и как социальное явление, вписанное в определенный контекст макроуровня.

Социология детства как «проект на стадии начала» [12] имеет характер междисциплинарный, поскольку привлекает знания, полученные другими науками, и международный, так как интегрирует достижения социологов разных стран. За рубежом социология детства получает институциональное закрепление в начале 1980-х гг., в России несколько позже – в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

В конце XX века в российской социологии происходит выделение новой отрасли социологической науки – социологии детства: определено предметное поле данной теории среднего

уровня, в вузах страны появляются специальные курсы и т.д. До этого социологические исследования детства осуществлялись в рамках других отраслевых социологий – преимущественно социологии семьи и социологии образования.

В 2000-е гг. изменяются методологические основания отечественной социологии детства. Новый виток в развитии социологических представлений о детстве получил условное название «новой» социологии детства. Предпосылками оформления «нового» взгляда на детство, как отмечает Д. Бюлер-Нидербергер, являются как индивидуализация частной жизни, так и расширение спектра проблем детей и детства в современном обществе [13].

Эпитет «новый» символизирует переоткрытие мира детства, обращение к детям как к акторам, активно преобразующим социальную реальность, в том числе влияющим на мир взрослых. Это, в свою очередь, требует отказа от прежних установок рассмотрения детей с позиции становления – как объектов социализирующего воздействия взрослых. Новый взгляд на детство связан с его изучением «здесь и сейчас», поэтому детство распадается на множество уникальных миров детей. Среди «идеологов» данного подхода к детству в социологии зарубежные и отечественные исследова-

дователи – Л. Аланен, Й. Квортруп, Кр. Дженкс, А. Джеймс, А. Праут, И.С. Кон, С.Н. Майорова-Щеглова (Щеглова) [12; 14–16; 9; 2].

Для выявления основных тенденций развития социологии детства в России был проведен контент-анализ публикаций ведущего российского журнала «Социологические исследования» за период с 1990 по 2014 г. Выбор журнала обусловлен, во-первых, его статусом среди других периодических изданий в данной предметной области. Журнал издается с 1974 г., входит в систему цитирований Scopus и Web of Science. Во-вторых, в ситуации отсутствия в нашей стране специализированных журналов по социологии детства существенное значение для стимулирования российских социологических исследований детей и детства имеет наличие в «Социологических исследованиях» таких предметных рубрик, как «Социология семьи», «Социология молодежи», «Демография», «Социальная политика и социальная структура» и др.

Целью данного анализа является выявление основных тенденций развития российской социологии детства.

Сопутствующими задачами контент-анализа журнальных публикаций выступают выявление научного интереса к социологическому изучению детства, специфики представления детей и детства, определение методологических и методических трудностей изучения детского сообщества, переосмысление отечественных исследований детства в русле «новой» социологии детства.

Формирование выборки статей для изучения осуществлялось в несколько этапов. На первом этапе были отобраны статьи по критерию наличия в их названиях ключевых слов, указывающих на детей и детство (дети, подростки, школьники, дошкольники, несовершеннолетние, учащаяся молодежь, воспитанники и т.д.). Всего в архиве исследования оказалось более 200 наименований статей. На следующем этапе перечень был существенно расширен за счет добавления статей, не имевших в названиях ключевых слов, но соответствующих по содержанию. На заключительном этапе из всего массива данных были отобраны статьи, содержащие эмпирические исследования детей и детства (дети выступали в качестве респондентов), были исключены статьи зарубежных исследователей, а также статьи, в которых отсутствовало описание методологии исследования. Окончательно был сформирован набор из 128 статей. Параллельно с изучением содержания статей осуществлялось выделение категорий и единиц анализа. В итоге были определены такие кате-

гории анализа, как «методы исследований», «возраст респондентов-детей», «социальные роли детей», «концепты детства», «база проведения исследования», «направления исследований», «масштаб исследований», «финансирование» и др.

Начнем обзор с общей характеристики исследований детства, представленных на страницах журнала. Вся совокупность статей в соответствии с годом издания была разбита на пять групп: 1990–1994 гг., 1995–1999 гг., 2000–2004 гг., 2005–2009 гг., 2010–2014 гг.

Как видно из таблицы 1, в пяти выделенных интервалах выпуска журнала публикации о детях и детстве представлены неравнозначно. В первом и втором периодах дети оказываются в фокусе социологических исследований менее часто, чем в последующем. В 1990-е годы статьи о детях размещаются в рубриках «Факты. Комментарии. Заметки (с рабочего стола социолога)», «Прикладные исследования». Впоследствии тематическое наполнение журнала было расширено, «детские» исследования уже помещались в такие рубрики, как «Социология образования», «Социология семьи», «Социология молодежи». Третий интервал (2000–2004 гг.) характеризуется как некоторым количественным перевесом публикаций о детстве, так и большим разнообразием масштабов исследований. В него попали два международных исследования.

Анализ масштабов организации и проведения социологических исследований детства позволяет сделать заключение о его преимущественно локальном характере. Большая часть статей написана на основе эмпирических данных, собранных в городе (другом населенном пункте), его части либо конкретном учреждении (социальном приюте, реабилитационном центре, воспитательной колонии и пр.). Таким образом, публикации журнала в большей степени пополняют теоретический и эмпирический арсенал социологии детей (микроуровень), нежели социологии детства (макроуровень).

Менее четверти исследований, представленных в выборке, получили финансовую поддержку: 13 исследований – поддержка РГНФ, 1 – грант Президента РФ, 6 – гранты зарубежных фондов, 4 – из других источников. При этом наиболее благополучным в плане финансовой поддержки оказался третий выделенный период, когда российские фонды уже в полной мере развернули свою деятельность (РГНФ – с 1994 г., РФФИ – с 1992 г.), а зарубежные фонды еще не были изгнаны из России, поэтому в 2000–2004 гг. статьи о детстве, представленные

Таблица 1

Сопряженность периодов и масштабов исследований детства

Масштаб исследования	Период издания					Итого
	1990–1994	1995–1999	2000–2004	2005–2009	2010–2014	
Международный	0	0	2	0	0	2
Общероссийский	6	0	4	1	1	12
Региональный	2	4	5	4	9	24
Межрегиональный	2	2	3	4	6	17
Локальный	11	10	22	17	13	73
Всего	21	16	36	26	29	128

на страницах «Социологических исследований», получили в 6 случаях финансирование из РГНФ, в 4 – из зарубежных фондов.

Описание лонгитюдных исследований присутствует в 14.1% публикаций. Всего в 6 статьях для обработки количественных данных используется программа SPSS (ее аналоги).

Вся совокупность методов исследования детства, выделенная на основе изученных статей, оказалась, по большому счету, представлена двумя: анкетированием (82.2% исследований) и интервьюированием (20.3%). Менее представлены в арсенале ученых наблюдение (8.6%), кейс-стади (2.3%), фокус-группы (3.1%).

Необходимо заметить, что изучение детей, в отличие от изучения взрослых, ограничено социальными и психологическими рамками. Психологические ограничения исследовательских возможностей связаны с эмоционально-психологической незрелостью ребенка, который не всегда в состоянии справиться с задачами выражения собственных чувств, формирования оценочных суждений. Социальные рамки обусловлены чувствительностью отдельных детских тем (например, семейного насилия) и недостаточным социальным опытом ребенка. В этом случае выразить собственные эмоции, чувства, мысли детям помогают качественные методы сбора данных: в игре, рисунке сделать это намного проще, нежели в ответах на прямые вопросы. Для сбора информации о детях и детстве ученому необходимы «мягкие», дружественные к ребенку («child-friendly») методики исследования¹. Наличие подобных методов было обнаружено всего в восьми статьях сформированной выборки. Более того, авторы не всегда дают описание подобных методов, ограничиваясь их перечислением, что не позволяет оценить степень их «дружественности» к ребенку.

К группе «child-friendly» методов изучения детства были отнесены методики: незаконченных предложений, анализа сочинений, семантического дифференциала. Некоторые исследователи внедряют элементы «мягких» методик в

содержание анкет или интервью. Н.С. Темиров, изучая жизненные ценности школьников Узбекистана, предложил детям пофантазировать на тему: «Что бы вы сделали, если бы стали волшебником?»² [17]. М.Ю. Сибирева для выявления особенностей влияния мегаполиса на социализацию ребенка дошкольного возраста разработала проективную методику «Человек в городе». Дети рисовали человека в городской среде, а потом отвечали на вопросы исследователя [8].

Исследовать детство можно, опираясь на продукты деятельности детей, в большей степени досуговой, так как учебная деятельность характеризуется статусным неравенством и достижительной мотивацией. Результаты творческой деятельности детей (рисунки, рассказы, коллажи, дневники, проекты) могут быть весьма информативны. Так, И.П. Башкатов и Т.С. Стрелкова изучали особенности молодежно-подросткового граффити для определения направлений работы по профилактике вандальных проявлений в молодежной среде [18]. С.В. Мошкин и В.Н. Руденко собирали детские политические анекдоты, рассматривая последние в качестве «индикатора состояния массового сознания» [19, с. 136]. В этом исследовании мир детства предстает проекцией взрослого мира, а дети-дошкольники выступают интерпретаторами политических событий.

За пределами настоящего исследования оказался еще один важный источник информации о мире детства – воспоминания о детстве, так как одним из критериев отбора статей был критерий непосредственного участия детей в исследовании (исключение составили публикации о раннем и дошкольном детстве). Этот канал информации может быть задействован при изучении таких чувствительных тем, как проблема насилия в семье, сексуальные отношения, аборт и др.

Распределение возрастных групп информантов-детей в представленной подборке статей выглядит следующим образом: дошкольники – 3.1% исследований, младшие школьники – 8.6%, подростки, юношество – 88.3%.

Выделение подростков в качестве источника информации о детстве связано, во-первых, со сформировавшимся уже к этому времени умением оценивать значимость разных событий, соотносить их между собой; во-вторых, со сложностью протекания этого возрастного периода, его подверженностью асоциальным проявлениям; в-третьих, с позицией отрочества в жизни человека как мостика между детством и юностью. В статье «Дети на улице: размышления социологов» содержатся такие комментарии к обоснованию выбора возрастной группы детей-респондентов: «Переломным является возраст 11–12 лет: ребенок «уходит» со двора на улицу и даже за пределы города» [20, с. 71–72].

Ранняя юность привлекает внимание исследователей своим «выходом» во взрослую жизнь – завершением школьного обучения, профессиональным самоопределением, сложившейся системой ценностных ориентаций.

Часто в исследованиях встречалось сочетание двух групп респондентов – подростков и юношества, объясняемое транзитивностью этих периодов. Показательны в этом отношении две статьи М.Н. Руткевича: «Социальная ориентация выпускников основной школы» и «Социальная ориентация выпускников средней школы» [21; 22]. По материалам российского журнала можно заключить, что отечественная социология детства – это, в большей степени, социология 14–17-летних.

Изучение баз проведения исследований (преимущественно с использованием метода анкетного опроса) демонстрирует устойчивую приверженность ученых учреждениям образования: общеобразовательным школам, профессиональным училищам, коррекционным и интернатным учреждениям (104 статьи). Среди других мест сбора данных о детях и детстве фигурируют: учреждения социальной защиты (3 статьи); общественный транспорт, улица (6); учреждения здравоохранения (7); учреждения системы исполнения наказаний (13).

Выбор ученых в пользу учреждений образования, с одной стороны, вполне объясним – в них дети школьного возраста проводят большую часть времени, там легче организовать массовые опросы. Но, с другой стороны, изменение в подростковом возрасте ведущей деятельности с учебы на общение, присущие подросткам реакции эмансипации и группирования со сверстниками, установка на социально желательные ответы говорят о необходимости переноса исследований во внеинституциональное пространство и (или) изменения методики проведения исследований. Авторы статьи «Одур-

манывающие средства в подростковой среде» заметили: «...не исключено, что некоторые респонденты (и школьники, и учащиеся СПТУ) злоупотребляют наркотическими и токсикоманическими веществами, хотя при интервьюировании они это отрицали» [23, с. 83]. Р.М. Ханипов дает следующие рекомендации по проведению анкетирования в образовательном учреждении: рассаживать школьников по одному, попросить учителя выйти [24]. Т.А. Гурко, изучая особенности личности подростков в разных типах семей, включила в анкету психологические тесты, а также шкалу лжи, позволяющую оценить искренность ответов респондентов [25].

Выявление специфики социологического взгляда российских ученых на детство осуществлялось на основании обозначенных нами в предыдущей публикации концепций отношения детства и взрослого мира (детство как «социальный питомник», «особое племя», «параллельный мир», «3 Д») и социальных ролей детей (дети-потребители, дети-информанты, дети-интерпретаторы и дети-акторы) [26].

На страницах «Социологических исследований» преобладают концепты «3 Д» и «особое племя». В первом случае детство представлено как зависимое, страдающее, переживающее ситуацию трех «Д» – депривации, дискриминации, дезадаптации. Второй концепт в российских публикациях тесно переплетается с предыдущим, но отличается стремлением детей к независимости, свободе действий.

Наиболее ярко данные концепты проявились в статьях первого и второго периодов, когда детство рассматривалось преимущественно как «страдающее» или «девиантное», а дети воспринимались исключительно как объект нормализующих воздействий социальных институтов. В целом 1990-е годы предстают в исследованиях как «смутное время», «время перемен», коммерциализации, наступления беспризорности, распространения спиртных напитков и наркотических средств.

Подростки и юношество противопоставляются в публикациях журнала зависимым детям дошкольного и младшего школьного возраста. Первые наделяются самостоятельностью и ответственностью в отношении собственного здоровья, трудовой и образовательной деятельности, что прослеживается в названиях публикаций: «Самосохранительное поведение подростков», «Подросток в бизнесе», «Городские подростки – мойщики машин». Наряду с этим, другие работы демонстрируют сложность протекания данного возрастного периода детства: «По-

чему агрессивны подростки?», «Факторы риска психических расстройств подростков», «Умышленное самокалечение подростков».

В крайних своих проявлениях «детство как особое племя» предстает в исследованиях подростковых девиаций. Соединение концептов «особое племя» и «параллельный мир» находит отражение в публикациях о детском труде. В статье «Городские подростки – мойщики машин (теневой труд как фактор социализации)» автор обращает внимание на стирание границ между детством и взрослостью: «...все они в свои 13–15 лет приучены к труду и саморегуляции в поведении, отлично знают, что можно, а что нельзя делать во взрослом мире» [27, с. 142].

В совместной статье «Корыстные преступления несовершеннолетних» Е.Г. Зинчук и Ю.Г. Карпухин подчеркивают причинно-следственную связь между «детством страдающим» и «детством девиантным»: «...сегодня у значительной части подрастающего поколения – страдающее детство, влекущее нравственную деформацию в психике, морально-нравственное уродство, физическое несовершенство» [28, с. 103].

По материалам российских исследований можно выделить две ключевые социальные роли детей и подростков – потребители и информанты. В одном случае дети предстают как объект социализирующих, защитных, контролируемых и прочих действий взрослых. В особенности это наблюдается в отношении двух социально уязвимых групп детей – сирот и инвалидов, чьи интересы, особенности адаптации, проблемы изучаются не напрямую, а посредством обращения к мнению «экспертов»: родителей, педагогов, медицинских работников и прочих институциональных взрослых. Представление детей как участников социальной реальности преимущественно сводится к социальной роли информантов, отчасти интерпретаторов.

Дети выступают информантами, поскольку являются носителями специфической информации об определенной детской общности: учащиеся массовой или элитарной школ, дети из полных или неполных семей, дети мегаполисов и дети провинций и т.д. Реже дети выступают в роли носителей знания по вопросам, не связанным с детством, как, например, отношение к атомной энергетике, формирование этнических представлений, отношение к олимпийским ценностям и др.

Тем не менее в обозначенной выборке есть ряд статей, авторы которых не проблематизи-

руют детство, а изучают его особенности – специфику экономического сознания, информированность, ценностные ориентации, отношение к социальным проблемам. В отдельных статьях дети выступают экспертами по вопросам интегрированного обучения, качества преподавания в школе, организации бизнеса, родительских практик [29–32]. Попытка перехода от восприятия детей как потребителей к детям-актерам предпринята в публикациях, касающихся детских организаций, самоуправления в школе, проблем отстаивания прав детей, в частности прав на образование, свободное выражение собственных мнений и суждений.

Темы исследований детей и детства по материалам статей были разделены на 15 групп, в отдельных работах встречаются темы из нескольких групп. Группы выделялись на основании повторов тем в 3 и более публикациях.

Частотное распределение выглядит следующим образом: сиротство, безнадзорность (7 публикаций); инвалидность (7); девиации (16); правонарушения (10); бедность, социальное неравенство (5); здоровье (18); образование (20); детский труд (8); семья (20); ценностные ориентации, самоопределение (44); миграция (5); насилие (6); самоуправление (4); общение (7); досуг (11).

Динамика тем «детских» исследований российских ученых представлена в таблице 2 в укрупненном виде. Для выявления тенденций развития социологии детства 1990-х и 2000-х объединены 1-й и 2-й, 3-й и 4-й периоды публикаций. Темы исследований проранжированы на основании признака частотности публикаций ($N > 3$).

В 1990-е гг. сохраняются «настройки» советских социологических исследований – изучаются ценностные ориентации детей и юношества, организация свободного времени, особенности общения, семья как институт социализации детства. Однако кризисное состояние российского общества приводит к распространению девиаций среди населения разных возрастных групп. В результате социологи обращаются к проблемам наркомании и противоправного поведения детей и подростков. В 2000-е гг. усиливается интерес социологов к двум важным составляющим качества детства: здоровью и образованию детей – и двум наиболее уязвимым группам детей: сиротам и инвалидам. Тем более, что внимание общественности к проблемам и тех, и других способствует внедрению новых технологий социальной адаптации и реабилитации – появляются инклюзивные и интегрированные школы, приемные семьи, детские деревни, об-

Таблица 2

Тематика отечественных исследований детства

Темы	1990-е гг.		2000-е гг.	
	Частота	Ранг	Частота	Ранг
Сиротство, беспризорность	1	–	6	IV
Инвалидность	–	–	3	–
Девиации	10	II	2	–
Правонарушения	6	III	4	V
Бедность, неравенство	–	–	4	V
Здоровье	2	–	13	II
Образование	3	–	12	III
Труд	4	V	3	–
Семья	6	III	6	IV
Ценностные ориентации	18	I	15	I
Миграция	0	–	3	–
Насилие	1	–	3	–
Самоуправление	0	–	3	–
Общение	5	IV	2	–
Досуг	6	III	3	–

суждаются вопросы безбарьерной среды, преодоления дефектов воспитания «государственных» детей – все это становится предметом социологических исследований. Новыми темами изучения мира детства «нулевых» стали темы миграции, самоуправления, насилия, социального неравенства и социальной эксклюзии.

Таким образом, в фокусе отечественных исследований находится качество детства, которое мы вслед за Е.Б. Бреевой определяем как единство здоровья, образования и духовно-нравственной составляющей [33]. Нарушения отдельных или всех составляющих вызывают деформации детства, приводят как к внешнему (по отношению к миру взрослых), так и к внутреннему (между детьми разных социальных групп) неравенству.

Детство воспринимается российскими исследователями сквозь призму межпоколенческих отношений, влияния родителей и институциональных взрослых. Характеристики, условно отнесенные нами к социальной роли детей-акторов, также служат оценкой успешности социализации, как, например, «социальная компетентность», «ценностные ориентации». В российских исследованиях детства редко встречаются ответы на следующие вопросы: как влияют дети на мир взрослых? как отстаивают дети свои права? чему могут дети научить взрослых?

Детство в ситуации демографического кризиса воспринимается как феномен, нуждающийся в особом государственном внимании и защите, поэтому векторы возможных действий в отношении детей обозначены в названиях статей такими лексемами, как «социализация», «влияние», «формирование», «адаптация», «воспитание», «забота».

Подводя итог анализу отечественных публикаций, содержащих описание эмпирических исследований детства, можно сделать ряд предварительных выводов.

Во-первых, исследования в этой области связаны с кризисным состоянием детства, они являются своего рода «откликом» на возникшие в обществе социальные проблемы. В результате вместо «нормального» детства в фокусе российских социологических исследований оказываются его девиации. В социологическом рассмотрении доминируют концепты «детства как особого племени» и «детства 3 Д», а социальные роли детей в эмпирических исследованиях преимущественно проявляются в формах потребителей или информантов.

Во-вторых, необходимо отметить, что российские исследователи детства испытывают проблемы методологического характера. Это проявляется как в слабой разработанности методов изучения детей (в особенности дошкольного возраста), недостаточной востребованности «мягких» методик, неиспользовании внеинституциональных территорий в качестве локаций для сбора данных, так и в пренебрежительном отношении некоторых авторов к оформлению методологических основ научной работы (в статьях нет описания цели и задач, выборки и других важных характеристик исследования).

В-третьих, исследования детства не носят систематического характера. Публикации в журнале «Социологические исследования» демонстрируют своего рода «вбрасывания» тем в пространство социологии детства без продолжения, без серьезных научных дискуссий. Это происходит отчасти по причине статусных проблем российской социологии детства. Как от-

мечалось ранее, в ведущем отечественном журнале по социологии нет ни постоянной, ни периодической предметной рубрики «Социология детства»; статьи, касающиеся детства и детей, помещаются в предметные рубрики «Социология молодежи», «Социология семьи», «Социология образования», «Социология права. Девиантное поведение» или «Демография».

В-четвертых, проблема разобщенности профессионального сообщества в области изучения детства приводит к многочисленным повторам теоретических конструктов, «заезженности» отдельных тем (например, темы ценностных ориентаций). В результате в проблемном поле российской социологии детства остается много «белых пятен».

В-пятых, отечественные исследования детства, представленные на страницах журнала, наряду с социологами осуществляются психологами, педагогами, юристами, но, как правило, без установления междисциплинарных контактов, что также не способствует разработке теоретических основ социологии детства. Об определенной системности и последовательности исследований детства можно говорить в отношении публикаций сотрудников сектора социологии семьи ИС РАН (И.Ф. Дементьева, Т.А. Гурко), Института социологии образования (В.С. Собкин) и некоторых других.

В-шестых, о работе российских ученых в парадигме «новой» социологии детства говорить пока не приходится по причинам малочисленности собственно социологических исследований детства и их осуществления в русле социализационного подхода.

Предварительные итоги исследования нуждаются в дальнейшем уточнении и развитии. Для этого предполагается привлечение материалов других российских периодических изданий по социологии, проведение анализа монографий и учебных пособий в области социологии детства, изучение деятельности исследовательского комитета «Социология детства» Российского общества социологов, созданного в 2008 г. с целью консолидации российских ученых-исследователей для эффективной разработки актуальных проблем направления.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (проект № МД-3569.2015.6).

Примечания

1. «Child-friendly» методы – это способы получения неколичественной информации в игровой форме с использованием проективных методик,

анализа продуктов творческой деятельности, в привычной для ребенка среде с реализацией принципов наглядности, эмоциональной насыщенности, динамичности, соединения различных стимульных материалов.

2. Статья не вошла в выборку, поскольку не содержит описания методологии исследования.

Список литературы

1. Бесчасная А.А. Детство: история и современность. СПб.: Нестор-История, 2007. 181 с.
2. Кон И.С. Детство как социальный феномен // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 2. С. 151–171.
3. Кон И.С. Проблемы междисциплинарной кооперации общественных наук (на материалах социологии детства) // Советская социология. М., 1982. Т. 1. С. 244–249.
4. Кон И.С. Ребенок и общество: Учеб. пособие. М.: Изд. центр «Академия», 2003. 336 с.
5. Митрофанова С.Ю. Габитус «взрослости» в пространстве детства: Монография. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2014. 326 с.
6. Никитина-ден Бестен О. «Детство» в социальных науках: новые смыслы и новые подходы // INTER. 2009. № 5. С. 7–25.
7. Рыбинский Е.М. Социальные реальности детства в современном российском обществе: Дис. ... д-ра социол. наук. М., 1998. 73 с.
8. Сибирева М.Ю. Влияние мегаполиса на социализацию ребенка // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 147–150.
9. Щеглова С.Н. Детство как социальный феномен: Концепция социального конструирования детства: Дис. ... д-ра социол. наук. М., 1999. 326 с.
10. Щеглова С.Н. Социология детства: Учеб. пособие. М., 1996. 128 с.
11. Щеглова С.Н. Как изучать детство: Социологические методы исследования современных детей и современного детства. М.: ЮНПРЕСС, 2000. 73 с.
12. Alanen L. Childhood as generational condition. Towards a relational theory of childhood // Childhood. Critical concepts in sociology / Ed. by Ch. Jenks. 2005. Vol. 1.
13. Bühler-Niederberger D. Childhood sociology in ten countries: Current outcomes and future directions // Current sociology. L., 2010. Vol. 58, N 2. P. 369–384.
14. Quortrup J. Childhood and modern society. A paradoxical relationship? // Childhood. Critical concepts in sociology / Ed. by Ch. Jenks. N.Y., 2005. Vol.1. P. 110–137.
15. Jenks C. Constituting childhood // Childhood. Critical concepts in sociology / Ed. by Ch. Jenks. N.Y., 2005. Vol.1. P. 30–55.
16. Prout A., James A. A new paradigm for the sociology of childhood? Provenance, promise and problems // Childhood. Critical concepts in sociology / Ed. by Ch. Jenks. N.Y., 2005. Vol. 1. P. 56–79.
17. Темиров Н.С. Жизненные ценности школьников Узбекистана // Социологические исследования. 1996. № 9. С. 101–106.

18. Башкатов И.П., Стрелкова Т.С. Характеристики молодежно-подросткового граффити // Социологические исследования. 2006. № 11. С. 141–145.
19. Мошкин С.В., Руденко В.Н. Детский политический анекдот // Социологические исследования. 1995. №7. С. 133–137.
20. Бутырин Г.Н., Клубов А.В., Чеснокова В.Д. Дети на улице: размышления социологов // Социологические исследования. 1994. № 1. С. 68–73.
21. Руткевич М.Н. Социальная ориентация выпускников основной школы // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 30–43.
22. Руткевич М.Н. Социальная ориентация выпускников средней школы // Социологические исследования. 1994. № 12. С. 53–59.
23. Лукачер Г.А., Макшанцева Н.В., Чудновский В.А. Одурманивающие средства в подростковой среде // Социологические исследования. 1990. № 4. С. 80–85.
24. Ханипов Р.М. Делинквентность: современные подростковые сообщества и насильственные практики // Социологические исследования. 2007. № 12. С. 95–103.
25. Гурко Т.А. Особенности развития личности подростков в различных типах семей // Социологические исследования. 1996. № 3. С. 81–90.
26. Филипова А.Г. Детство в отечественной и зарубежной социологии: субъект-объектный & диалогически-синхронический подходы // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 91–99.
27. Морозова Е.Н. Городские подростки – мойщики машин (теневой труд как фактор социализации) // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 138–142.
28. Зинчук Е.Г., Карпухин Ю.Г. Корыстные преступления несовершеннолетних // Социологические исследования. 1994. № 8–9. С. 101–109.
29. Альчидиева Е.Ф., Блинков А.Д., Лови О.В., Луныкова Е.Г. Качество обучения в средней школе и проблемы его оценки с учетом мнений учащихся // Социологические исследования. 1998. № 8. С. 74–82.
30. Борисова Л.Г. Подросток в бизнесе: социализация или девиация? // Социологические исследования. 2001. № 9. С. 68–76.
31. Любавина Н.В. Инклюзивное и интегрированное обучение детей с ограниченными возможностями здоровья: проблемы и условия эффективности // Социологические исследования. 2013. № 9. С. 64–69.
32. Орлова Н.А. Родительские практики в восприятии подростков // Социологические исследования. 2012. № 9. С. 99–108.
33. Бреева Е.Б. Исследование качественных характеристик детей в современной России: методологические аспекты: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 1997. 40 с.

CHILDHOOD IN THE FOCUS OF RUSSIAN SOCIOLOGICAL RESEARCH

A.G. Filipova

Far Eastern Federal University

The article presents a review of Russian sociological research of childhood and children. The author has analyzed 218 empirical research articles published between 1990 and 2014 in the leading Russian journal «Sociological research». In order to identify the main trends in the development of Russian sociology of childhood, such categories as «methods of research», «age of respondents», «social roles of children», «childhood concepts», «base of research», «field of research», «scale of research», «financing», etc., were singled out for analysis. The results of our research show the prevalence of the socialization approach to the study of childhood in Russia. Russian scientists insufficiently use the group of «child-friendly» methods of research. The most common research methods are the questioning and the interview technique. We have found the domination of the concepts «Childhood as a special tribe» and «Childhood in the situation of discrimination, deprivation and deviation». Children presented as objects of sociological research carry out the social roles of «consumers» and «informants» instead of «interpretators» and «actors». Researchers mostly address teenage and adolescent respondents, thus Russian sociology of childhood is actually the sociology of 14–17 year olds. The development of the Russian sociology of childhood is slowed down because of this field's status problems, dissociation of professional community and lack of long-term interdisciplinary research projects.

Keywords: childhood, Russian sociology of childhood, research methods, social roles of children.

УДК 316.7

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ СЕМЬИ: ФАКТОРЫ, ФОРМЫ И МЕХАНИЗМЫ ЕЕ СТАНОВЛЕНИЯ

© 2016 г.

В.П. Козырьков

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

kozir3@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 01.10.2015**Статья принята к печати 12.01.2016*

Анализируются новые тенденции развития семьи с точки зрения социокультурного содержания жилища. Автор высказывает гипотезу, что альтернативная форма семьи будет не отрицанием существующих форм, а их развитием путем обогащения семейных отношений необходимыми элементами культуры, ростом коммуникационных возможностей жилища и его взаимодействием с публичной сферой. Возникновение электронных коммуникационных технологий, обогащенных предшествующими формами культуры семейных отношений, позволяет семейному жилищу быть не только «умным», но и включенным в широкую социокультурную среду. Показано, что механизмом воспроизводства этой среды и социокультурного содержания жилища является взаимодействие частной и публичной жизни.

Ключевые слова: социология, стереотип, семья, форма семьи, жилище, культура, социальные коммуникации, социокультурная концепция семьи.

Постановка проблемы

Современное общество столкнулось с проблемой развития семьи, которая стала неожиданной для людей, шагнувших в XXI век. Представлялось, что в этом веке все будет инновационным настолько, что ничего общего не будет иметь с прошлым, поэтому новую форму семьи назвали «альтернативной», полагая, что она является противоположностью всем формам семьи, которыми жили их отцы и деды. Однако в действительности оказалось, что альтернативная семья является давно известной формой свободной любви, сожительства, а то и более раннего, неупорядоченного состояния брачно-семейных отношений. Все инновационное оказалось глубокой архаикой.

Данная статья тоже посвящена альтернативной семье, но не той, которая пришла на смену патриархальной. Но и не той, которая сейчас утверждается как альтернативная в молодежной среде. Тем более не той, которая стала сейчас развиваться в свободном западном обществе, находящем альтернативу традиционной семье в однополости супругов. Статья посвящена анализу предпосылок и тенденций становления социокультурной формы семьи, которая существует в реальной жизни в самых разных видах и на разных уровнях развития, но часто еще не осознается нами как действительная альтернатива, которая может быть способом выхода семьи из кризиса.

Тенденций этих достаточно, но многие из них связаны с развитием новых видов социальной коммуникации, жилища и культуры общества в целом. Например, далеко не случайно возникла современная потребность превращения виртуальной реальности в домашнее пространство. И наоборот: потребность конвертировать домашнее пространство в виртуальное, размещая в информационной сети фото своей семьи и своего дома. Но уже давно известны исследования детской психологии [1–4] о формировании в семье языка, навыков общения, эмоций, трудовых умений и других атрибутивных качеств человека, позволяющих утверждать, что именно семья является первичным социальным пространством инкультурации человека. Но для нас важно подчеркнуть, что это происходит только в том случае, когда семья обладает соответствующими элементами и средствами культуры. Следовательно, вся наука и все искусство родительской педагогики будут заключаться в том, чтобы создать ребенку соответствующую социокультурную среду. Таким образом, современная семья находится в сложных условиях и ее альтернатива не в том, чтобы изменить форму брака и проживания, а в том, чтобы найти эффективный способ освоения культуры, который позволит качественно изменить процесс инкультурации и воспитания, процесс, условия для которого возникают с высокими коммуникационными технологиями. И все же в статье речь пойдет о традиционных

механизмах культуры, которыми для нас будут выступать жилище и взаимодействие частной и публичной жизни. Их роль в становлении социокультурной формы семьи тоже существенно изменяется, поэтому важно раскрыть определенные тенденции в этом направлении.

Разумеется, наши суждения могут быть только теоретической гипотезой, но она опирается на тот очевидный факт, что семья находится в кризисном состоянии. Как известно, если возникает кризис, то существуют и различные средства выхода из него. Задача состоит в том, чтобы найти и осмыслить эти средства. Понятно, что, в конечном счете, выход из кризиса люди найдут сами по мере развития форм семьи, семейных отношений и культуры общества. Однако всегда важно знать, в каком направлении будет развиваться этот процесс и что будет происходить с семьей в будущем.

Разумеется, в одной статье эта общая проблема не может быть целью исследования, поэтому мы конкретизируем общую гипотезу теоретическим анализом лишь одного из направлений становления социокультурной формы семьи на основе единства семьи и жилища, соотношения частного и публичного в развитии семьи. С этой точки зрения, альтернативность современной семьи заключается в том, что она развивается путем создания нового типа жилища, позволяющего обогатить внутрисемейные отношения новыми духовными ценностями, эмоциями и культурными традициями на основе взаимодействия частного и публичного.

Преодоление стереотипов о сущности семьи как предпосылка разработки ее социокультурной концепции

Понимание новой формы семьи как социокультурного феномена и решающей роли жилища в его развитии еще не получило развития в социологии, поэтому важной задачей в разработке социокультурной концепции семьи является критика существующих стереотипов понимания сущности семьи.

Дело в том, что до сих пор распространены стереотипы, которые фиксируют лишь внешние признаки семьи, характерные для современного общества, но не выражающие социальных противоречий, которыми обусловлен кризис семьи. В результате на семью перекладывается ответственность за социальные проблемы, решение которых под силу только экономическим институтам, общественным организациям и государству. В частности, проблемы образования и воспитания, здравоохранения и физической культуры, социального насилия и девиации. Мы обратим внимание на ряд стереотипов, но в

большей мере на те, в которых сущность семьи раскрывается в отдельности от жилища.

Теоретическое лишение семьи жилища

Вот уже третье столетие нам говорят, что семья – социальный институт, общность, малая группа, но без всякой связи с пространством, в котором она проживает. Получается, что семья есть явление чисто социальное, включающее в себя отношение супругов и детей, а дом – лишь внешнее пространство, в котором все эти отношения совершаются. Поэтому все определения социального содержания семьи, включая его изменение во времени, даются без учета ее пространственно-вещественной формы. Но тем самым семья изымается из культуры как ее стержневой элемент, так как только при наличии соответствующего жилища семья приобретает соответствующую культурную оболочку, позволяющую человеку воспроизводиться и развиваться.

Однако вся история домоустроительной практики показывает, что она есть, одновременно, и практика формирования, сохранения и развития семьи, а не только архитектура и промышленное строительство [5–7]. Поэтому отделение семьи от дома в области теории, отделение содержания семейных отношений от ее материальной культурной формы, лишение семьи главного условия организованного протекания семейной жизни человека является идеологической предпосылкой оправдания неизбежности разрушения семьи. Причем эта неизбежность облекается в форму свободы личности.

В прямом виде в социальной теории факт необходимости жилища для существования семьи не оспаривается. Об этом много говорят политики, и принимается много решений государства для решения жилищной проблемы. И, тем не менее, жилище не входит в определение понятия семьи, а вместе с ним не входит в определение семьи и материальная культурная составляющая. Как следствие такого подхода – семья тоже не определяется как ценность культуры, а культура игнорируется в определении семьи.

Проиллюстрируем такое стереотипное понимание семьи анализом нескольких примеров. Разумеется, мы не подвергаем критике сами справочники, учебники или социологические концепции уважаемых авторов.

В «Википедии», самой популярной ныне энциклопедии, семья определяется как «социальная система воспроизводства человека, основанная на кровном родстве, браке или объединяющая людей общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомо-

щью» [8]. Вообще-то семья возникает как союз совершенно чужих людей, и лишь потом появляются дети, а с ними и кровное родство. Хотя и с этим всегда бывает проблема, так как дети могут быть приемными или суррогатными. Для семьи, как показывает жизнь, брак тоже не обязателен, тем более что брак бывает разный. Брак есть лишь форма общественного признания семьи, ее легитимация. И если молодые люди отказываются от государственной формы брака в создании семьи, то остается гражданская, религиозная или иная, языческая форма легитимации семейного союза.

Но главное, что в приведенном определении нет ни слова о жилище, так как «общность быта» может быть у семьи на производстве и в общегородской среде. И чтобы быть системой воспроизводства человека, семья должна включаться во всю систему культуры, так как именно культура есть способ воспроизводства человека, а семья есть субъект этого процесса. А если нет соответствующего жилища, то такое включение и воспроизводство человека будет носить случайный и ограниченный характер.

Видимо, такое сетевое понимание семьи навеяно определением семьи английского социолога Э. Гидденса. Именно Э. Гидденс считает, что «*семья* — это группа людей, связанных прямыми родственными отношениями, взрослые члены которой принимают на себя обязательства по уходу за детьми» [9, с. 156]. Кажется бы, все верно. Но здесь мы ничего не узнаем о культуре. О жилище тоже ничего не говорится, как и о быте. Правда, в том же учебнике Э. Гидденс утверждает, что «поиск личностного и сексуального самовыражения в отношениях влюбленной пары является таким же естественным, как и их желание иметь общее жилище» [9, с. 25]. Получается, что жилище необходимо для влюбленных, а для семейной пары оно не нужно. К тому же речь идет только о том, чтобы иметь жилище, и ничего не говорится, каким оно должно быть и для чего. Рассматривая эволюцию семьи, социолог приходит к выводу, что «к концу XX столетия стало общепризнанным, что семья представляет собой (или должна представлять) закрытый для посторонних мир, в котором первостепенное значение имеет эмоциональная и сексуальная близость между мужем и женой» [9, с. 369]. Такой мир можно создать только в жилище, но Э. Гидденс об этом прямо не говорит, поэтому мы вольны считать, что таким пространством может быть какое-то другое жилое помещение. Но все эти очевидности и недоговоренности порождают представление о том, что семья и жилище — явления, внутренне

не связанные друг с другом, и культура не включена в семейные отношения даже той их частью, которая выражает отношения полов.

Близким к толкованию Э. Гидденса является определение семьи в учебном пособии В.И. Лавриненко. Семья определяется как «малая группа, основанная на кровнородственных связях и регулирующая отношения между супругами, родителями и детьми, а также ближайшими родственниками» [10, с. 241]. И тут же подчеркивается, что «отличительным признаком семьи является совместное ведение домашнего хозяйства» [10, с. 241]. То, что семья есть малая группа, стало общим местом. Между тем мы все часто говорим о влюбленной или супружеской паре, а пара — это еще не группа. Семья может быть малой группой, когда появятся дети, но не любая семья есть малая группа. Кроме того, семья, в которой дети обзаводятся своими семьями и один из супругов умирает, все же остается семьей с социокультурной точки зрения, но только уже в лице одного человека, а не группы. Ее семьей делает то, что остаются родовое гнездо, семейные ценности, общие вещи, которые были средством приобщения детей к семейной и общей культуре. Сейчас дом становится и мощным информационно-коммуникационным центром. При этом мы не должны впадать в старое искушение полагать, что таким образом происходит фетишизация вещей, и приклеивать ярлык мещанства. Культ домашних вещей есть культ самого человека, а не мертвых вещей. Вне этих вещей человеческие качества и свойства не формируются и долго не существуют. Опредемяясь в кругу близких для него вещей, человек приобретает устойчивость своего бытия, а домашние вещи становятся органом проекции человека и его отношений в семье, наполняя его жизнь осмысленным во времени и стабильным существованием.

Без учета мира вещей, которые человека окружают дома, он не может отдыхать, развлекаться, заниматься гимнастикой, воспитывать детей, смотреть телевизор, читать, слушать музыку, связываться через Интернет с другими домами и совершать множество других действий, перечислить которые невозможно. Многообразие этих действий разнится в зависимости от типа культуры, от места проживания, от сложившегося семейного уклада и других факторов. Однако стереотип в оценке дома с акцентом на домашнем хозяйстве весьма распространен в силу его экономической важности. Его крайней формой можно назвать то, что в статистических сборниках говорится о домашнем

хозяйстве бомжей, то есть людей бездомных, но имеющих домашнее хозяйство.

Приписывание семье и домохозяйству роли главной социальной детерминанты

Преувеличенная оценка роли семьи может иметь и более общий характер. Так, С.Ю. Барсукова пишет: «Удивительная устойчивость домохозяйства в изменяющейся среде стала поводом называть его "вечной и неизменной" ячейкой социума. И хотя это явное преувеличение, и домохозяйство эволюционирует, для человека его дом и близкие олицетворяют стабильность и устойчивость. Вычтем из повседневной жизни все сюжеты, связанные с домашним хозяйством, и картина социальной реальности потеряет целостность» [11, с. 21]. Роль домохозяйства в этом суждении явно преувеличена. И преувеличение возникает тогда, когда интегрирующие функции в обществе утрачивают такие социальные институты, как экономика и государство. Культура даже не упоминается. В этих условиях, когда все социальные связи распадаются, семья остается единственным социальным институтом, который сохраняется в силу наибольшей его привязанности к биологическим факторам жизни человека. И воспроизводит семья в данной ситуации уже не общество, не его целостность, а человека в его индивидуальных и элементарных атрибутах. Следовательно, в этом случае для каждого человека семья начинает выступать в роли «культуры», не обладая соответствующими возможностями и функциями. Семья и дом вытесняют культуру. Семья и дом становятся единственными субъектами и носителями социальных отношений и культурных ценностей. То есть семья подменяет собой и общество, и культуру. Не спасает положение и то, что все большее значение приобретают телевидение и Интернет, так как они действуют на человека опосредованно, через структуру отношений в доме.

Таким образом, семья может остаться единственным способом социальной взаимосвязи людей и, как следствие, детерминации, если не учитывать, что существует еще такой современный интегрирующий фактор, как культура в целом. И если мы этого не будем учитывать, то семья не справится с отведенной ей задачей. Общество просто распадется, редуцируясь к простому сожительству людей, а если точнее — к тем архаичным формам брака и семьи, которые мы знаем по учебникам истории. И так происходит всегда, когда семья выводится за рамки культуры.

Но и культура вне семьи приобретает характер внешнего детерминирующего фактора, при-

водя к «зависанию» процесса инкультурации человека. Создается ситуация, когда главной ценностью для человека становится устраненность от каких-либо социальных и культурных обязательств. Культура становится чужой, и человек находит иные источники и основания самоидентификации. В лучшем случае — в иной культуре. Но чаще всего — в биологических или психических факторах. Отсюда популярность гендерной тематики и психологии в дискурсах о семье.

Но самое главное, что нужно подчеркнуть, семья чаще всего выступает лишь в роли активного транслятора ценностей социализации, которыми обладают большие общности (род, племя, народность, нация) и которые имеют более устойчивый и длительно существующий характер. Возложение на семью роли главного субъекта и института социализации было бы не совсем верно, так как тем самым мы снимаем ответственность с других институтов социализации.

Развитие семьи как социокультурный процесс развития жилища

Становление и развитие семьи неотрывно от развития жилища и культуры общества в целом в той мере, в какой она освоена семьей и существует в виде окружающей социокультурной среды в жилище, вокруг него и во взаимодействии с другими семьями и жилищами. Поэтому жилище есть социокультурная форма пространственной организации и воспроизводства семьи, а то, что люди предпочитают не регистрироваться, говорит о том, что жилище для семьи имеет существенно большее значение, чем юридическое ее оформление в форме регистрации брака. И значительно большее, чем пространство для ведения совместного хозяйства и реализации репродуктивной функции семьи.

Строго говоря, важно не наличие жилища вообще, а наличие необходимого для развития семьи жилища: с необходимой внутренней социокультурной средой, с новыми средствами социальных коммуникаций, с новыми возможностями общения между членами семьи и ее гостями. Следовательно, в социологии важно показать, какова семья без жилища и как изменяется семья по мере его приобретения и обживания, включаясь в новую, более богатую социокультурную среду. Показать, какое возникает противоречие в структуре семьи, когда появляется необходимость в приобретении нового жилища. Но часто создается впечатление, что в раскрытии сущности семьи важно указать, что жилищем важно лишь обладать, а не то, каким жилище должно быть и с какой целью оно используется.

Как семья в ее социокультурной форме не существует без жилища, так и жилище без семьи есть лишь помещение. Приобретая социокультурную форму, жилище становится домом [12]. Жилище есть пространство, в котором аккумулируется необходимая культура воспроизводства и развития семьи.

Для преодоления стереотипов о возможности бездомной семьи важно выяснить причины их возникновения. Представляется, что общая причина возникшего стереотипа о несущественности жилища в определении семьи не в самой социальной теории, которая что-то там не учла или что-то определила в понятии семьи не так. Социология лишь фиксирует реальное положение вещей. Причем такую взаимосвязь человека и жилища, которая сложилась в Новое время. Только в Новое время, когда возникло крупное машинное производство, породившее класс наемных работников и превратившее семью в субъект промышленного производства. Семейные отношения в это время стали очищаться от социокультурной оболочки: стали исчезать семейные традиции, близкие и эмоционально насыщенные родственные отношения стали превращаться в отношения экономические.

Весь этот процесс детально изучен и описан в литературе, но нам важно подчеркнуть, что именно на этом этапе возникла острая жилищная проблема [13]. Ведь для работодателя важно, чтобы работник был свободным не только от родственных отношений, от средств производства, но и от жилища. Именно в этих условиях семья и жилище стали рассматриваться как отдельные феномены. Ведь если жилища нет, то можно манипулировать поведением работника, как это делалось на протяжении последних столетий, в том числе и в советское время. Между тем в социологии за нормальную форму семьи берут ту, которая сложилась в индустриальном, капиталистическом обществе, в котором семья существует как некая чистая социальная единица, отделенная от жилища и культуры.

Итак, семья есть первичная, кровнородственная социальная взаимосвязь, особая общность и особый социальный институт, но лишая семью материальной культурной основы в виде жилища в теоретической модели семьи нет никаких причин, кроме причины социально-экономической, которая возникла исторически. С самого начала семья есть союз мужчины и женщины, для которого необходимо жилище. Лишь история развела людей и жилище в разные стороны. Можно сказать, что бездомная семья – это семья неполная, а если точнее,

неполноценная точно так же, как семья, не имеющая детей или одного из родителей. Только речь идет в данном случае о социокультурной неполноте.

Семья есть социокультурное оформление отношений любви, которые включают в себя всю гамму отношений, которые складываются между мужчиной и женщиной. В разных культурах они настолько разнообразны, что само описание их составляет предмет исследования многих гуманитарных дисциплин, включая социальную антропологию [14]. Но для нас важно подчеркнуть, что в литературе больше обращают внимание на пол, возраст, экономическую сторону семейных отношений, но в меньшей степени на жилище [15–17]. И мы только в общей форме отметим, что если животные свое жилище создают индивидуально и по инстинкту, то жилище семьи человека всегда есть общественный продукт и обладает определенной культурной формой, выраженной в архитектурных, строительных, фольклорных, коммуникационных, частных и прочих элементах [18]. Даже если жилище человека создается индивидуально, все равно оно должно вписываться во всю систему общественных отношений, в доминирующую социокультурную среду, чтобы стать семейным домом. Поэтому существуют типы общества, для которых создание жилища является одной из главных целей производства, а есть типы общества, которые воспроизводят бездомность как свою существенную черту¹.

Социокультурная форма семьи как основа решения жилищной проблемы

Современные исследователи приходят к выводу, что социокультурная форма семьи приобретает практическое значение. В частности, она должна быть основой решения жилищной проблемы. Так, автор одной из диссертаций, констатируя факт, что в настоящее время «обостряется проблема несоответствия существующих типов жилых домов, особенно периода 60–90-х гг., по структуре, комнатности и площадям квартир действительным потребностям различных социальных слоев населения и уровням комфорта» [20, с. 61], приходит к выводу, что необходим новый подход к решению жилищной проблемы. Подход такой: в построении жилищной программы надо исходить из «модели жилой ячейки» [20, с. 23], а не из общих параметров социальной системы. Иначе говоря, надо исходить из закономерностей развития семейного дома и домовой структуры общества, которая задается развитием семьи, а не из параметров развития общества. Такое переориентирование направления решения жилищной пробле-

мы должно быть основой жилищной политики государства. Ясно, что обживание гигантской российской территории, застройка ее домами требует учета не только демографических, социально-экономических параметров, но и этнокультурных. Автор заявляет, что «результаты исследований комфорта жилища средствами социологии раскрывают важнейшие стороны архитектуры как через видение жителей, так и через видение исследователей» [20, с. 8]. Хотелось бы только добавить, что необходимы также исследования общества в целом с точки зрения его потенциалов и способностей решения жилищной проблемы. Грубо говоря, для того чтобы обществу заказывать свойства будущих домовладельцев, необходимо сделать так, чтобы это общество было «домопроизводительным». Безусловно, это во многом социологическая проблема, а не только архитектурная. Или это такая архитектурная проблема, решение которой невозможно без решения целого ряда социокультурных проблем. Как отмечается в цитируемом исследовании, в решении жилищной проблемы всегда видна «особая значимость применения самобытных форм и особенностей культуры народа, воспитанного под влиянием местных климатических условий, религиозных воззрений, обычаев, нравов и преданий» [20, с. 17]. При таком подходе возрастает роль социологических исследований социокультурной среды и переосмысления феномена семьи, которая призвана быть субъектом строительства дома и его обживания.

Развитие частной и публичной жизни как социокультурный механизм развития семьи

Если домашний фактор часто рассматривается как внешний в исследовании семьи, то в исследовании частной жизни ситуация противоположная: дом рассматривается как главное ее пространство, то есть семья связывается с наличием жилища косвенно, а частная жизнь – напрямую.

Например, дом определяется как «помещение, наполненное вещами, светом, звуками и запахами, где вырастает интимная история семьи или в котором разворачивается стилизованное театральное представление ультрамодной жизни» [21]. Еще более определенно непосредственную идентичность дома и частной жизни утверждает другой автор: «Очевидно, – пишет С.В. Климова, – что дом, выполняя функцию защиты и обеспечения безопасности, возможен лишь как нечто обрамленное, имеющее границы. Дом имеет стены, разрешающие и охраняющие приватную жизнь, и не в последнюю очередь благодаря им установлена граница

между двумя мирами: миром частной жизни и миром публичным. Достаточно пройти сквозь двери, чтобы оставить за собой один мир и столкнуться с другим» [22]. И.П. Полякова утверждает еще более решительно, соглашаясь с В.В. Розановым, что «дом, частная жизнь, мир повседневных забот – это своего рода укрытие от всепроникающего света публичности» [23]. Эта идея развивается в статье львовских социологов [24].

Такая концепция дома выглядит очень привлекательной. Действительно, семейный дом есть первичное социокультурное пространство, которое позволяет соединить в себе другие элементы обывденного мира в процессе воспроизводства базовых структур частной жизни человека. Но, пройдя сквозь двери этого дома, он встречает другие формы приватного бытия, хотя и не семейного. Кроме того, в самой квартире есть элементы публичного бытия: телевидение, работа на дому, всеобщая информационная доступность по телефону, Интернету и электронной почте и др. Пребывание человека в его жилище стало делом рискованным, и он постоянно находится под угрозой с самых разных сторон, часто неожиданных. И как бы семья ни бронировала свою квартиру, какую бы сигнализацию она ни ставила, какой бы охраной ни обзаводилась, всегда остается еще какой-то всемогущий субъект, который может проникнуть через все системы безопасности, будь это враг, бандит, вор, сантехник, полицейский, врач и другой в силу своей способности, или семья кого-то впускает сама. Или представитель самой системы охраны дома, призванный его охранять, становится источником угрозы для него. Наконец, под покровом частного дома, как показывает социально-историческая практика, совершается больше всего актов насилия над личностью и других преступлений.

Таким образом, семья не является единственным субъектом частной жизни, и не только в доме существуют ее элементы. Чтобы понять, как сформировался стереотип, что частная жизнь связана с семьей и домом, нужно обратиться к истории. Дифференциация социальной жизни на частную и публичную сферы была не всегда. Согласимся, что частную жизнь можно считать «*утонченным результатом* некоторого общественного процесса», который «выступает со стороны индивида таким образом, что его собственная духовная и природная особенность придает себе вместе с тем форму общественной особенности» [25, с. 451]. Социальный феномен частной жизни, когда «собственная духовная и природная особенность» человека становится

«общественной особенностью», появляется тогда, когда для этого возникают исторические условия: экономические (город, индивидуализация жилища, частная собственность, свободный труд и др.), социально-политические (партии, общественные организации и др.), правовые (законы о неприкосновенности частной жизни, гражданское законодательство и др.), духовные (поэзия, живопись, общее образование и др.). Частная сфера стала источником мотивации в экономике в виде культуры наслаждения. Для этой культуры понадобилось обособленное пространство, которое и стало сферой частной жизни. Для ее воспроизводства понадобилась общественная индустрия (сменившая домашнее производство), способная удовлетворять многообразные частные интересы, вкусы и пристрастия не только священников, дворян и «третьего сословия», но и всего общества. Усилению сферы частного способствовали институты демократического государства, основанные на принципах гражданского равенства, веротерпимости, индивидуальной свободы, свободы слова и утилитаристской морали, позволяющей культивировать частные потребности любого члена общества. Так сформировалась новая публичная сфера, которая способствовала развитию частной жизни, которая, в свою очередь, вызвала необходимость новых форм жизни публичной. Как только частное и публичное получили устойчивое закрепление за определенными институтами и пространствами, вещами и духовными ценностями, так их различие и взаимодействие стало упорядочиваться в определенных формах культуры. К частной жизни были отнесены сферы быта и досуга, бульварной литературы и салонной поэзии, журналистики и публицистики, сети клубов по интересам, кафе и др. Как отмечается в литературе, «возникли и воцарились совершенно иные законы публичной и частной нравственности» [26, с. 6]. Отметим еще, что с помощью церкви семья всегда подвергалась сакрализации, этому же процессу в соединении с культурой декаданса стала подвергаться частная жизнь, что нашло воплощение в формуле, которую предложил В.В. Розанов: «"Мой Бог" – бесконечная моя интимность, бесконечная моя индивидуальность» [27, с. 230], – писал В.В. Розанов сто лет назад.

В самом начале Нового времени переживание отделения частного и публичного в семье носило драматичный характер. Для формирующегося слоя буржуа (филистеров, мещан, обывателей) жизненным миром стал дом, который одновременно превратился в крепость этого

мира, за стенами которой происходили скрытые от социального контроля события. Идея «мой дом — моя крепость» сделалась лозунгом целой эпохи. Идея неприкосновенности частной жизни, охраняемой законом, ее неизбежности и священности стала духовной основой развития частной собственности и свободной индивидуальности человека в современном обществе. В таком ее понимании она и приобрела форму стереотипа.

Но если демифологизировать частную жизнь, мы увидим, что в настоящее время приватная жизнь представляет собой сложнейшую и противоречивую сферу жизни не только отдельного человека, но и общества, поэтому существует не только в пространстве дома. Частные формы жизни стали публичными, а публичные – трансформировались в область частных интересов. Это объясняется тем, что частная жизнь не может существовать без помощи конструктивных по отношению к ней публичных институтов и развиваться без них.

Следовательно, нужно не углублять замкнутость сферы частной жизни, а развивать публичные сферы таким образом, чтобы они способствовали развитию приватной сферы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что содержание частной жизни в современном обществе стало воспроизводиться больше не в пространстве дома, а в сфере общественного производства. Нет таких продуктов, которые не включали бы в свое содержание элементы частной жизни человека: формы женской и мужской телесности, язык интимной жизни, призывы к душевности и др. Возникли специальные механизмы, которые обогащают содержание частной жизни за счет приватизации элементов общественной сферы жизни: культивирование потребительских интересов, доместикация культуры, психологизация общественных процессов и др.

Все эти взаимопереходы становятся возможными в силу того, что частное и публичное находятся лишь в кажущейся противоположности, так как человек есть существо общественное, и его единая общественная природа лишь проявляется в различных формах. Отчужденный характер публичной сферы и стремление к уединению для того, чтобы в своей домашней жизни вернуть себе личное достоинство, утраченное вне дома, имеет исторический и преходящий характер. Частная жизнь как сфера развития индивидуальности человека есть очень хрупкая сфера общества, но это есть цвет ее, поэтому, пробиваясь через деструктивные формы публичности, она не может быть субстанци-

ей общества без своей противоположности. Поэтому жилой дом, который наделяется статусом главной сферы частного, необходимым образом включает в себя различные публичные стороны и функции. Миф о доме как единственном пространстве частной жизни греет человеку душу, но не выдерживает критики. Локализация частной жизни в пространстве жилища при отсутствии должной культуры отношений может привести к насилию в семье и к другим формам девиации: одиночеству, алкоголизму, наркомании и др. С другой стороны, под покровом невмешательства в частную жизнь тайно может осуществляться слежение за частной жизнью со стороны органов безопасности и папарацци. Разумеется, отсутствие социального контроля в сфере частного и возникновение различных форм девиации дает работу психотерапевтам и психоаналитикам. Однако, как только заходит речь об открытом социальном контроле над сферой частной жизни, нас начинают пугать тоталитаризмом, возвратом к казарменному обществу, к мрачному средневековью. Но кто же сказал, что контроль должен быть полицейским, партийным, идеологическим и прочим силовым? Есть и другие формы контроля, которые и контролем, собственно говоря, назвать нельзя.

Дело ведь совсем не в контроле, а в регуляции семейных отношений и отношений в сфере частной жизни. По сути дела необходимо формировать особую культуру частной жизни, которая будет неразрывно связана с публичной сферой: социальную культуру. Именно социальная культура должна быть формой социального контроля, а не нормы права и не полиция нравов. Если этого не будет, если не сформируется влиятельная культура социальной сферы, то возникнет другая крайность – всеобщая распушенность, разрушение всех социальных норм, проституция, распад семьи. С чем мы сейчас и столкнулись.

Подводя итоги анализа проблемы, отметим, что дом есть наиболее близкое социокультурное пространство, которое позволяет соединить в себе другие элементы быденного мира на основе воспроизводства частной жизни человека. Дом есть не только жилище, но и примыкающая к нему привычная среда обитания, включая двор, улицу, деревню, город, лес, речку, место работы и многое другое, что часто называют «малой родиной». Но это может быть и сфера непосредственного общения по телефону, личная переписка, обмен информацией через компьютерную сеть, процесс личного потребления, особый способ

проведения досуга, вкусы и прихоти в приготовлении пищи, индивидуальные модели одежды. В то же время дом есть наиболее концентрированное выражение структуры сферы частной жизни, сама частная жизнь в ее опредмеченном виде. Но это не значит, что жилой дом – «это место, где можно сбросить амуницию и распаковаться, где ничего никому не нужно доказывать и ни перед кем защищаться, где все справедливо, бесспорно и привычно» [28, с. 147]. Амуницию можно сбросить, но надо всегда держать ее наготове, чтобы в любой момент выйти в публичную сферу жизни. Распаковаться тоже можно, но надо это делать лишь тогда, когда в доме все есть и ничто ему не угрожает. Что касается необходимости доказывать свое пребывание в доме, то это приходится делать постоянно, уплачивая вовремя налоги и коммунальные и прочие услуги, которые предоставляются дому. Да и защищаться человеку приходится тоже часто: от непогоды и от постоянных поломок. Что касается бесспорности и привычности, то такое ощущение тоже непостоянно, поэтому в любом доме, особенно малометражном, постоянно идут перестановки мебели.

С этой точки зрения, социология должна изменить свое отношение к факту рождения семьи. По сути дела социологи часто идут на поводу у юристов, считая, что семья рождается оформлением брака. И все же социолог может поздравить семью с ее рождением тогда, когда она сложится как единый социальный организм в едином социокультурном пространстве, то есть в семейном доме. Когда это произойдет – вопрос, который требует не формального ответа, а конкретного социокультурного исследования. Государство могло бы создать не только службы регистрации брака, но и центры по управлению формированием и развитием семьи, в которых можно было бы проводить соответствующие мониторинги. Однако пока что семьи лишены такой общественной и научной заботы, поэтому большинство семей распадается, хотя могли бы быть счастливыми, поскольку первые браки возникают по любви. Но современное общество таково по характеру, что было заинтересовано в сохранении такой семьи. Жилище и взаимодействие частной и публичной жизни играют свою традиционную роль, приобретают новые функции, но вопрос о становлении альтернативной формы семьи как социокультурного феномена в целом остается открытым.

Примечания

1. Как отмечается в сети [19], «в Евросоюзе насчитывается 11 млн пустых домов – достаточно, чтобы каждый европейский бездомный получил по два жилища, сообщает британская газета The Guardian».

Список литературы

1. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.: Рингс, 2008. 448 с.
2. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 тт. Т. 4. Детская психология. М.: Педагогика, 1984. 432 с.
3. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. 4-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 481–558.
4. Эльконин Д.Б. Детская психология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 4-е изд., стер. М.: Издат. центр «Академия», 2007. 384 с.
5. Козырьков В.П. Направления и формы домостроения современного общества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социальные науки. 2010. Вып. 1. С. 20–26.
6. Козырьков В.П. Жилой дом как форма интеграции социокультурного потенциала развития человека // Гуманизм и современность. Материалы Международной научно-образовательной конференции (8–9 ноября 2013 г.) / Под ред. Т.М. Шатуновой. Казань: Казан. ун-т, 2013. С. 123–130.
7. Козырьков В.П. Символ пещеры в философии дома Платона и Пастернака // Философские науки. 2014. № 10. М.: Гуманитарий, 2014. С. 68–83.
8. Социология семьи. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%E1%E6%E8%E8%E8%E3%E8%FF_%F1%E5%EC%FC%E8 (дата обращения – 8.05.2015).
9. Гидденс Э. Социология. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.
10. Социология / Под ред. В.И. Лавриненко. 2-е изд., перер. и доп. М.: Юнити-Дана, 2002. 407 с.
11. Барсукова С.Ю. Сущность и функции домашней экономики, способы измерения домашнего труда // СОЦИС. 2003. № 12. С. 21–31.
12. Козырьков В.П. Теоретические проблемы становления социологии дома // Личность. Культура. Общество. Том. XI. Вып. 1. 2009. №№ 46–47. С. 301–309.
13. Семья, дом и узы родства в истории. СПб.: Изд-во «Алетейя», 2004. 288 с.
14. Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 376 с.
15. Шрадер Х. Экономическая антропология. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 192 с.
16. Бочаров В.В. Антропология возраста. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 196 с.
17. Адлер А. Воспитание детей. Взаимодействие полов. Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1998. 448 с.
18. Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. М.: Три квадрата, 2001. 191 с.
19. Наш город. Даугавпилсский новостной портал. URL: <http://www.gorod.lv/novosti/222365-the-guardian-v-evrope-11-mln-pustyh-domov> (дата обращения – 12.05.2015).
20. Лыжин С.М. Архитектура и структура жилищного фонда города (на примере городов Урала). Автореф. дис. ... д. архитектуры. М.: Моск. архитектурный институт (Государственная академия), 2006. 65 с.
21. Разова Е. Дом. Экзистенциальное пространство человека. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/razova/index.html> (дата обращения – 8.05.2015).
22. Климова С.В. Дом и мир: проблема частного и публичного. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/klimova/public.html> (дата обращения – 8.05.2015).
23. Полякова И.П. Дом как пространство повседневности. Роль Дома в философии В.В. Розанова. URL: <http://www.culturalnet.ru/main/getfile/715> (дата обращения – 8.05.2015).
24. Ручка А.О., Скокова Л.Г. Дом как частное социокультурное пространство // Вестн. Львовского ун-та. Сер. «Социология». 2008. Вып. 2. С. 162–181.
25. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 2. М.: Политиздат, 1969. С. 407–496.
26. Фукс Э. Erotika. Буржуазный век: Конвейер удовольствий. М.: Диадема-Пресс, 2001. 800 с.
27. Розанов В.В. Соч.: В 3 тт. Т. 2. М.: Правда, 1990. С. 193–274.
28. Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133–154.

**SOCIOCULTURAL CONCEPT OF FAMILY:
FACTORS, FORMS AND MECHANISMS OF ITS FORMATION**

V.P. Kozyrkov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article analyzes the emerging trends of development of the family in terms of sociocultural content of the home. The author hypothesizes that an alternative form of family is not the negation of the existing forms, but their development by enriching family relations with essential elements of culture, the growth of the home communications capabilities and its interaction with the public sphere. With the emergence of electronic communication technologies, enriched by previous forms of culture of family relations, the family home not only becomes «smart», but is also included into a broader sociocultural environment. The author shows that the mechanism of reproduction of the environment and the sociocultural content of the home is based on the interaction between private and public life.

Keywords: sociology, stereotype, family, family form, dwelling, culture, social communications, sociocultural concept.

УДК 316

ОПЫТ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ПОЛЬШЕ

© 2016 г.

С.Ю. Вишнеvский, Ю.Р. Вишнеvский

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург

soc_stu@e1.ru

*Статья поступила в редакцию 08.06.2015**Статья принята к печати 25.01.2016*

Обобщается опыт реформирования системы социальной работы в Польше, ориентация этой системы на активную социальную политику и социальную интеграцию, рассматриваются особенности институционализации профессии социального работника в Польше, пути усиления ее профессионализации. На основе материалов исследований польских социологов выделяются этапы реформирования, анализируются «плюсы» и «минусы» современного этапа, рассматриваются изменения в статусе и социальной роли социальных работников, в их мотивации.

Ключевые слова: социальная работа как профессия, социальный работник, активная социальная политика, социальная интеграция.

«Я призываю правительства, неправительственные организации, международные институты признать значительный вклад социальных работников в стабильность в обществе, уважать ценности и принципы, на которых строится социальная работа».

*Д. Джонс,**Президент Международной федерации социальных работников*

Перспективная тенденция в развитии современного общества – все более растущее внимание к социальной сфере, к нуждам и потребностям человека. За годы после признания в РФ социальной работы особым видом профессиональной деятельности и введения новой профессии (социальный работник, специалист по социальной работе, социальный педагог) процесс институционализации данной профессии (создание органов и учреждений социальной защиты, разнообразных социальных служб, подготовка профессиональных кадров и повышение их квалификации) получил свое развитие. При этом исследователи считают, что одной из важных особенностей становления социальной работы в российских условиях является то, что оно происходит не с нуля, а как аккумуляция (точнее – адаптация) и зарубежного опыта, и опыта социальной защиты и благотворительности в дореволюционной России, и советского опыта реализации социальной политики.

В обобщение и практическое внедрение этого разнообразного опыта заметный вклад внесла нижегородская школа теории социальной работы под руководством З.Х. Саралиевой. Важные вехи ее развития – книги «Социальная работа как профессия» (1996) и «Социальное взаимо-

действие в системе социальной работы» (2011) [1; 2].

В духе традиций нижегородской школы хотелось бы обратиться к опыту реформирования социальной работы в Польше. Основная цель нашей статьи – обобщить этот опыт, выявить «плюсы» и «минусы» социальных реформ в Польше, показать необходимость учета этого опыта для более эффективной перестройки системы социальной работы в России.

Профессия социального работника в этой стране ведет отсчет от 6 марта 1928 г., когда распоряжением Президента были введены «общественные опекуны». Официально в номенклатуру профессий профессия социального работника была включена в 1966 г. В 1995 г. этот вид профессиональной деятельности был зафиксирован под №346 в группе профессий и специальности 34 («работники остальных специальностей»). Но длительное существование профессии сочеталось с тем, что социальным работником мог быть каждый. По данным 1972 г., лишь 2.8% социальных работников имели высшее образование, 54.5% – среднее, 20% – неполное среднее и 22.7% – основное [3, с. 5].

Отголоски такого подхода и сегодня сказываются. Характерны результаты одного каче-

ственного исследования, в рамках которого проводились интервью с социальными работниками – как и почему они сделали свой выбор. Эти интервью показывают, как драматично приходят зачастую люди в эту профессию, как важно в ней чувство сострадания. И действительно: 23-летняя женщина во время наводнения, слышавшая плач детей и мольбу беспомощных стариков, видевшая утонувших домашних животных, ставшая свидетелем бездействия и понявшая, что такое помощь; 38-летний мужчина, осознавший в трагической ситуации, как легко можно потерять близких, друзей, здоровье, собственность, как важно проявить внимание и заботу к людям, как опасно пренебрежительное отношение к ним, ставший сначала «незаметным» социальным работником (очевидно, волонтером), а затем и профессионалом; 44-летняя женщина, чей близкий человек заболел раком – борьба за его жизнь была довольно долгой и трудной, – решившая посвятить себя социальной работе... [4]. И все-таки заметна недооценка профессионализма в социальной работе.

В процессе реформирования (от системы опеки через политику помощи к активизации и социальной интеграции (*Od system opieki przez polityke pomocy do aktywizacji i integracji społecznej w Polsce*)) польские исследователи обычно выделяют 4 этапа [5, s.11]:

- Первый – 1989–1990 гг. – вступительный: разработка нового закона о социальной помощи 1990 г., ориентированного на помощь семьям и гражданам, оказавшимся в трудных жизненных ситуациях, направленного на выявление возможностей их развития.

- Второй – 1991–1998 гг. – связан со становлением новой структуры учреждений социальной помощи от воеводств до гминов.

- Третий – 1999–2003 гг. – связан с административной реформой, в ходе которой появились повятовые (уездные) центры социальной помощи, с развитием институциональной организации специализированных услуг по опеке и воспитанию.

- Четвертый – с 2004 г. (принятие нового закона о социальной помощи [5]) – в связи с вступлением Польши в ЕС и переориентацией политики социальной помощи на социальную активизацию и интеграцию, на предоставление «активизирующих» услуг, повышающих самостоятельность и ответственность клиентов.

Сравнение результатов исследований 1988, 1995 и 2010 гг. выявило, что профессионализация социальной работы в Польше произошла в первой половине 1990-х гг., затем наступила

стагнация и даже определенный регресс. Негативно на нее повлияла реформа самоуправления 1999 г. Реформаторы хотели инициировать институционализацию социальной помощи, но – как оказалось – не имели программ профессионализации социальных служб, особенно во вновь созданных повятовых центрах помощи семье [6].

В различных учреждениях социальной помощи в Польше трудится около 120 тыс. социальных работников. При этом ощущается их недостаток в сравнении с нормативными требованиями: не менее 3 социальных работников в гмине, 1 работник на 2000 тыс. жителей [5, s. 13]. Общепольское исследование (2010) выявило среднее число работников на учреждение социальной помощи 14.4 в диапазоне: 44.3 в городах, районных центрах, 31.1 – в городских учреждениях, 9.4 – в сельских. В половине гминных учреждений работает от 6 до 10 работников, в четверти сельских учреждений число работников не превышает 5. По воеводствам колебания достаточно велики: от 22.7–19.4 до 9.1–9.2. В 60% обследованных учреждений руководители отметили, что ощущают нехватку кадров. Особенно это характерно для городских учреждений социальной помощи (73%) и районных центров помощи семье (71%). Особенно сильна нехватка работников опекунов и психологов. В среднем 1 работник опекает 99 семей (в диапазоне по воеводствам: от 140–170 семей до 80–82 семей; по гминам: с населением до 10000 жителей – 108.1; с населением от 10000 до 20000 жителей – 105.3). 22.6% социальных работников (почти каждый пятый) не имеют специального образования [5, s. 24–25].

Ныне в Польше, как и во многих европейских странах, «актуальным трендом в реализации политики социальной помощи становится интеграция услуг, направленная на достижение большей координации разнообразных социальных служб с целью повышения действенности и доступности поддержки». Важный аспект интеграции услуг – сотрудничество, партнерство и взаимодействие разнообразных субъектов социальной политики. Интеграция услуг нацелена на предоставление клиентам (группам клиентов) в одном месте (по принципу «одного окна») комплексной поддержки, которая отвечала бы их разнообразным потребностям. Интеграция услуг охватывает не только систему социальной помощи, но и услуги, связанные с рынком труда, образованием, охраной здоровья, социальной реинтеграцией (*reintegracji społecznej*), развитием социальной среды и местной инициативы (*animacji lokalnej*). Тем самым органы и

Таблица 1

Оценка социальными работниками роста активности местного сообщества (%)

Параметры	Его нет	Низкий	Средний	Высокий	Очень высокий
Выявление потребностей, проблем и ресурсов местного сообщества	0	0	2	42	56
Развитие сети сотрудничества и партнерства	0	0	5	40	55
Работа с «трудными» сообществами	0	2	11	33	54
Инициация и поддержка групп самопомощи, содействие волонтерату	0	2	20	44	34
Использование дебатов, социальных кампаний	0	2	9	53	36
Разработка социальных проектов, местных анимационных программ	4	0	13	33	50
Реализация роли организатора местного сообщества, аниматора	0	0	9	33	58
Усиление роли центра социальной помощи	2	0	9	36	53

учреждения социальной помощи и поддержки (с 2004 г. с принятием Закона о социальной помощи (*Ustawa o pomocy społecznej*) речь идет именно о помощи, а не о социальной защите) рассматриваются как субъекты разработки и реализации социальной политики, становящейся, по крайней мере по поставленным задачам, «активной» (*Aktywna polityka społeczna – APS*). Соответственно все больше и больше внимания уделяется роли социальных работников не только в диагностике проблем, определении потребностей и оказании эффективной необходимой помощи населению, но и в активизации и организации местных сообществ [7].

Конкретизируя основные задачи APS, директор Института социальной политики Варшавского университета Р. Шарфенберг выделяет: акцент на самостоятельности бенефициантов (*usamodzielniające beneficjentów*); сочетание права на поддержку с обязанностью трудиться; индивидуализацию услуг; активизацию местного сообщества; интеграцию социальных служб и трудоустройства; рост значения неправительственных организаций в предоставлении услуг; конкурентный выбор тех, кто предоставляет услуги (*konkurencyjny wybór usługodawców*) [6].

Для инициаторов активной социальной политики и интеграции социальных услуг присуще понимание тех трудностей, с которыми связана эта реформа в условиях многосекторной модели социальной политики. Прежде всего, речь идет о преодолении ряда барьеров и стереотипов: восприятие самими социальными работниками своих учреждений публичного сектора как единственных, предназначенных предоставлять социальные услуги; недооценка волонтерата (*wolontariatu*), неправительственных организаций и частного сектора с

точки зрения качества их кадрового потенциала и оказываемых услуг; восприятие частного сектора как действующего исключительно ради прибыли, а не для оказания помощи и поддержки; непонимание, что партнерство и аутсорсинг (*outsourcing*) услуг возможны лишь при готовности к сотрудничеству и взаимным контактам.

Развитие потенциала польских социальных служб соотносится с сотрудничеством с волонтерскими организациями, общественными и религиозными (*Костел*) организациями [8]. Но место и роль добровольных фондов, собирающих или зарабатывающих средства в пользу социально уязвимых слоев, пока невелики. По данным Института социального страхования Польши, только 10% общего числа лиц, пользующихся социальной помощью, получают ее от частных, благотворительных или церковных организаций.

Как оценивают социальные работники реализацию APS [6]?

Заметно, что в целом оценки происходящих изменений достаточно позитивны (табл. 1). Но возникает и немало новых проблем. Местные органы обязаны оказывать консультацию и психологическую помощь семьям и лицам, находящимся в кризисной ситуации. А такие возможности невелики. По данным Института социального страхования, в консультативной помощи нуждаются около 10% населения, а получают ее только 0.5%.

Отношение к помощи меняется и на обычном уровне, преодолевается безразличие к другим людям, но достаточно медленно. По социологическим замерам, поляки могут потратить одну минуту на добровольную помощь в день, такой же результат и во Франции, в США – 8 минут, в Новой Зеландии – 16 минут. 37% жителей Польши помогли незнакомому челове-

Таблица 2

**Мнение социальных работников о социальном контракте
(в % от числа опрошенных) [10]**

Мнение	%
социальный контракт хорошее дело, но лишь в отношении к отдельным клиентам	57
социальный контракт хорошее дело и должен быть стандартным (для всех)	21
социальный контракт не приживется в социальной работе	17
не знаю, затрудняюсь ответить	3
другое мнение	2

ку в прошлом месяце, в Евросоюзе в целом на такое способны 48% жителей. 91% поляков уверены, что у них есть человек, на которого можно положиться в трудную минуту, это соответствует среднему показателю для Евросоюза в целом. В крепком плече поддержки больше уверены женщины, чем мужчины, а также люди с высшим образованием [9].

Но все сильнее ощущается характерное для всех постсоциалистических стран растущее социальное неравенство. По данным ЦИОС (CBOS) (август 2014 г.), половина поляков считают, что молодые имеют теперь меньшие шансы на успех, чем их ровесники 20 лет назад. Лишь 17% ответили, что в Польше все имеют более или менее равные шансы на успех (в 1995 г. – 21%). 80% отметили неравенство шансов на рынке труда (в 1995 г. – 74%).

В практику социальной работы вошел социальный контракт (утвержден Законом о социальной помощи 2004 г.) в двух формах: для лиц и семей, испытывающих жизненные трудности, и для безработных. Гражданин получает материальную помощь, если выполняет возложенные на него обязанности. 40% опрошенных социальных работников считают, что материальная помощь должна быть индивидуализирована и предоставляться не каждому ожидающему помощи [10]. Результаты исследования мнения соцработников о социальном контракте представлены в табл. 2.

Активная социальная политика и интеграция услуг предъявляют особые требования к профессионализму социальных работников: уровню их профессионального образования; знаниям и умениям, которыми они обладают, и – самое главное – пониманию имеющейся или возникающей недостаточности тех или иных знаний и умений, готовности их восполнить; осознанию целей профессиональной социальной работы и актуальных задач ее реформирования (активизация, интеграция, ориентация на самодеятельность клиентов и местных сообществ); уровню их профессиональной этики, характеру их ценностных ориентаций (ответственность за судьбы клиентов,

эмпатия (empathia), сочувствие, понимание), готовности оказывать специализированную помощь нуждающимся людям; умению видеть те барьеры и ограничения, которые мешают развитию профессиональной социальной работы, преодолевать их.

В то же время исследования отражают и серьезные проблемы, негативно сказывающиеся на реформе социальной работы: недостаточность специализированной профподготовки; невысокое качество формального образования (не всегда актуальные и адекватные учебные программы, доминирование теории над практикой, нехватка опыта практических работников); низкий уровень обобщений в области социальной диагностики и деятельности учреждений социальной помощи; преобладание опекунской модели социальной помощи; доминирование бюрократических схем деятельности, симуляция реальных благотворительных действий; излишняя жесткость в организации социальной работы; ограниченный репертуар применяемых методов (доминирование индивидуальных форм над групповыми); недостаточное развитие самодеятельности клиентов (empowerment); незначительность времени на непосредственные контакты с клиентами; неблагоприятные условия работы в учреждениях социальной помощи; ощущение социальными работниками низкого престижа их профессии (низкие зарплаты, незначительность финансовой корреляции с профессиональным ростом и повышением квалификации, слабый PR профессии; недостаточность объективных и эффективных процедур оценки качества работы социальных работников и др.) [11, s. 7–9].

Эти проблемы отражаются и в результатах социологических опросов социальных работников. Важно отметить как позитивный момент – в введствиях исследования профессионального статуса и развития социальных работников проводятся по единому инструментарию, разработанному лабораторией социальной интеграции (LIS) при Центре локальной активности (CAL) [12].

Характерно уже название книги Р. Моравского «Трудности Прометей», обобщающей

Таблица 3

Удовлетворены ли Вы...? (в % от числа опрошенных) [14, с. 32–33]

	Да Скорее, да	Скорее, нет Нет	Затрудняюсь ответить
Местом жительства	89	9	2
Своими друзьями, знакомыми	89	5	6
Семейной жизнью	88	8	4
Своими жилищными условиями	80	20	–
Своим образованием	72	22	6
Своим здоровьем	72	25	3
Своей работой	52	31	7
Своим отдыхом, досугом	49	46	5
Политической ситуацией в стране	8	77	15

Данные нами округлены.

итоги одного из таких типичных (и многочисленных!?) исследований [13]. Уже общие данные по выборке говорят о серьезном перекосе в составе социальных работников: 95% – женщины, средний возраст – 40.8 лет (стандартное отклонение – 7.3). Образование у 63.3% респондентов высшее, у 36.7% – среднее. При этом 48.5% имели специализацию по организации социальной помощи, а 31.8% – по специальной педагогике, ресоциализации, социальному опекунству. Средний общий трудовой стаж – 18.8 лет (стандартное отклонение – 8.8), стаж как социального работника – 12.9 лет (стандартное отклонение – 8.2).

Важнейший индикатор социального самочувствия человека – его удовлетворенность различными сторонами своей жизнедеятельности. Каковы же самооценки респондентов – социальных работников? Результаты опроса представлены в табл. 3.

Заметно, что неудовлетворенность работой достаточно высока (отмечена каждым третьим респондентом), большую неудовлетворенность вызывает лишь досуг (что связано с его коммерциализацией и ограниченностью материальных ресурсов и времени) и политическая ситуация.

Определенной конкретизацией этой неудовлетворенности могут быть ответы на другие вопросы. Примечательно, что основной мотив выбора профессии социального работника, по самооценкам, случай (отметили 58% респондентов). К ним можно добавить и тех, кто не имел выбора (3%) или исходил из ситуации на рынке труда (потребность в социальных работниках) (5%). В итоге мотивация каждого двух из трех социальных работников фактически не носит профессионального характера. Лишь для 29% их выбор данной профессии продиктован стремлением помогать другим, заботиться о них (*zamílowanie do pomocy i opieki nad innymi*), для еще 3% значимым оказался совет знакомых [14, с. 50].

Не очень высокой является и самооценка сегодняшней мотивации труда: 26% посчитали ее высокой и очень высокой, 43% – средней; 29% – низкой и очень низкой (6% затруднились ответить). Особенно остро стоит проблема материальной незаинтересованности: 88% респондентов отметили, что доходы их семей не позволяют удовлетворить потребности.

К сожалению, крайне низко социальные работники оценивают и престиж своей профессии. В ранговом ряду престижа они поставили ее на последнее место (2.6 балла по пятибалльной шкале). Для сравнения: юрист (4.37), врач (4.36), профессор вуза (4.35), психолог (3.91), научный работник (3.79), финансист, служащий банка (3.75), учитель (3.75), социолог (3.45), шахтер (3.27), работник торговли (2.79) [14, с. 68–69].

Не очень оптимистично оценивают социальные работники и свои жизненные и профессиональные перспективы. Так, 27% респондентов уверены, что через 5–10 лет будут жить значительно лучше или несколько лучше, 25% уверены в обратном – несколько хуже или значительно хуже. По мнению 23%, их жизнь не очень изменится, не станет ни лучше, ни хуже, 25% не смогли определиться [14, с. 34]. Становятся понятными и планы многих респондентов: в ближайшие 2–5 лет 10% намерены сменить профессию, 25% – сменить место работы; 3% – выехать в другую местность; 29% рассчитывают сохранить нынешнее положение; 43% не знают, что будут делать [14, с. 39].

Как видим, и в Польше проявляется типичная для социальной сферы ситуация, когда «бедные обслуживают бедных». Именно данная проблема – как повысить престиж профессии, как улучшить положение социальных работников – является, по мнению большинства польских исследователей, ключевой в обеспечении успеха намеченных реформ. И в этом – важнейшее значение опыта польских коллег и для

Таблица 4

**Мотивы выбора профессии социального работника студентами
(в % от числа опрошенных) [15, с. 7]**

Мотивы	%
Эта профессия отвечает моим общим гуманистическим интересам	26
Понимание значимости поддержки людей, нуждающихся в помощи	23
Это – обдуманное решение, всегда хотелось профессионально помогать людям	23
Понимание потребности рынка труда в профессионально подготовленных социальных работниках	19
Случайный выбор	5
Не было других возможностей учиться недалеко от местожительства	1
Семейные традиции	1
Другое	3

совершенствования системы социальной работы в России.

Решение данной проблемы будет способствовать притоку в социальную сферу молодежи, формированию качественно иных корпоративных, профессиональных установок. О происходящих в данном направлении позитивных изменениях можно судить по результатам опроса студентов – будущих социальных работников (табл. 4) [15].

Возможно, это и не самая идеальная мотивация. И все-таки очень хотелось бы, чтобы и в Польше, и у нас в России все чаще молодые люди выбирали эту благородную профессию (социальный работник!), руководствуясь гуманистическим идеалом «помочь тем, кто в чем-то нуждается».

Список литературы

1. Социальная работа как профессия: Учебное пособие / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: ННГУ, 1996. 316 с.
2. Социальное взаимодействие в системе социальной работы: Учебник / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2011. 299 с.
3. Didkiewicz M. Pracownicy socjalni: pomiędzy instytucją pomocy społecznej a środowiskiem lokalnym. W-wa, 2011. 142 s.
4. Jasiński A. Praca socjalna w oczach samych pracowników // Społeczeństwo i Edukacja. Międzynarodowe Studia Humanistyczne. 2008. № 2. S. 160–163.
5. Aktywna polityka społeczna i profesjonalna praca socjalna // Materiały konferencyjne. 27–28.11.2012. Toruń, 2012. 20 s.
6. Rymśa M. Activation policy. The Polish experience (in the European context). 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polsca.be/eng/ppt/121011/MR.pdf>
7. Kamiński T. Instytucje kościelne w polskim systemie pomocy społecznej // Kromolicka B. Praca socjalna w organizacjach pozarządowych. Z problemów dzielenia i kształcenia. Toruń: Acafit, 2005.
8. Szarfenberg R. Krytyka współczesnych koncepcji polityki społecznej // Współczesne koncepcje w polityce społecznej – wyzwania i realia / XXXIII Konferencja Polityków Społecznych. 17–19 czerwca 2015. Toruń, 2015. 16 s. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rszarf.ips.uw.edu.pl/pdf/Krytyka_APS.pdf
9. Mikulski J. (red.) Służby socjalne, stan, potrzeby, kształcenie. W-wa, 1974.
10. Sukces w życiu? Szkoła już nie taka ważna, lepiej mieć znajomości i bogatego tatę [BADANIE] [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://wyborcza.pl/1,75478,16741381,Sukces_w_zyciu_Szkola_juz_nie_taka_wazna_lepiej.html#ixzz3kwebthwG
11. Żukiewicz A. (red.). Ciągłość i zmiana w pomocy społecznej i pracy socjalnej. Kraków: Impuls, 2009.
12. Grewinski M., Krzyszkowski J. (red.). Współczesne tendencje w pomocy społecznej i pracy socjalnej. W-wa: MCPS, 2011.
13. Morawski R. Prometeusz w opresji? O funkcjonowaniu społecznym pracownika socjalnego. W-wa: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 2010. 194 s.
14. Sytuacja zawodowa pracowników socjalnych z terenu województwa warmińsko-mazurskiego. Raport z badania. Olsztyn: ROPS, 2011. 134 s.
15. Wielgos-Struck R., Bozacka M. Wybór i wykonywanie zawodu pracownika socjalnego w opiniach studentów Uniwersytetu Rzeszowskiego // Widzieć – rozumieć – pomagać. Przykłady rozwiązań stosowanych w codziennej pracy pracownika socjalnego /Pod red. M. Teodorczyka. W-wa: IRSS, 2013. 110 s. S. 5–15.

THE EXPERIENCE OF REFORMING THE SYSTEM OF SOCIAL WORK IN POLAND

S.Yu. Vishnevsky, Yu.R. Vishnevsky

Ural Federal University

The article summarizes the experience of reforming the system of social work in Poland. The authors discuss the orientation of the system on an active social policy and social integration, some peculiarities of the institutionalization of the profession of social worker in Poland, ways of improving its professionalization. Based on the studies of Polish sociologists, reform stages are identified, the pros and cons of the modern stage are analyzed, changes in the status and social roles of social workers as well as their motivation are discussed.

Keywords: social work as a profession, social worker, active social policy, social integration.

УДК 316

НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ ДИСКУРС ТЕРРОРИЗМА: ИССЛЕДОВАНИЕ ОБОСНОВАННОСТИ ЗАМЕНЫ «ДИСКУРСА ВОЙНЫ» «ДИСКУРСОМ НЕНАВИСТИ»

© 2016 г.

*К.Г. Мальцев¹, Е.А. Зайцева²*¹Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского²Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева

Maltsevaannav@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 26.10.2015**Статья принята к печати 13.01.2016*

Исследуются возможности и обоснованность смены концептуальной схемы социальной и политической философии вследствие замены «дискурса войны» как основополагающего для политической философии Нового и Новейшего времени (П. Рикер) [1] «дискурсом ненависти» (А. Глюксманн). Как необходимое следствие расширения господства неолиберальной идеологии рассматривается использование в качестве инструмента познания социальной реальности «неолиберального дискурса терроризма»; выявляется значение идеологии как организующей пространство осмысленности (Ф. Анкерсмит) суждений относительно социально-исторической реальности, демонстрируется конститутивная роль «точки зрения» для ее (реальности) упорядочения. «Неолиберальный дискурс терроризма» сопоставляется с пониманием политического действия как события, разрывающего «социальный порядок» (А. Бадью), политического события как революции *par excellence* (С. Жижек), как террора.

Ключевые слова: терроризм, дискурс, «дискурс войны», «дискурс ненависти», «неолиберальный дискурс терроризма», событие, решение, идеология.

Введение: постановка вопроса

Видимость устойчивости, свойственная некоторым понятиям, особенно в тех случаях, когда они обозначены знакомым и привычным словом, и само собой разумеется, что мы представляем себе его содержание, потому что нам известен предмет, к которому оно (знание) относится, мы его (предмет) представляем, является, по утверждению еще одного из основоположников научной социологии Э. Дюркгейма, препятствием для научной работы: преодоление идеологической фазы развития науки и борьбу с предпосылками он считал условием научного исследования как такового [2]. Г.Г. Гадамер полагал, что речь идет не столько о различии между якобы смутным и путанным донаучным знанием и ясным, отчетливым и строгим научным¹; для того чтобы отдавать себе отчет в том, что именно говорит/пишет исследователь, он должен заботиться, чтобы понятия употреблялись и понимались в том именно смысле, который мы стараемся эксплицировать их использованием, причем «понятийная система, в которой разворачивается философствование, всегда владели нами точно так же, как определяет нас язык, в котором мы живем. Осознать подобную предрасположенность мышления понятиями –

этого требует добросовестность мысли. Такого новое критическое сознание, неизбежно сопровождающее отныне всякое ответственное философствование и выводящее те языковые и мыслительные привычки, какие складываются у отдельного человека в процессе коммуникации с окружающим его миром, на суд исторической традиции, которой мы все принадлежим» [3, с. 43]. Формальная логика утверждает требование, чтобы значение понятия не менялось в рассуждении. Все это достаточно хорошо известно и в целом принято профессиональным цехом в том числе и исследователей в области социальной философии, теоретической социологии, философии политики и политических учений (хотя иногда кажется, что не вполне: Гадамер редко входит в круг чтения в процессе профессиональной социализации специалистов в области социально-политических наук); но соблюсти, даже просто «учесть» названные правила – задача достаточно сложная, особенно если иметь в виду далекие от формализации области научного знания, и речь здесь идет не о «субъективных недостатках», – обнаружить некоторые обстоятельства, делающие выполнение приведенных выше требований практически неисполнимыми, и причем обстоятельства – внешние (в привычном словоупотреблении –

«объективные»), является задачей настоящей статьи. Наш анализ в данной статье будет ориентирован на понятие «террора/терроризма»² и охватывать период с 1990 г. по настоящее время: в этот, относительно короткий, промежуток времени радикально изменилось содержание понятия и порядок его использования; причем речь идет не об «уточнении», не об обнаружении новых «признаков» и др. Изменение приключилось в «концептуальном ядре» (определяющая ранее связка «Террор – Революция» «сокрылась») и таким образом, что важнейшей причиной стало изменение «горизонта смысла», контекста; задача нашей статьи – выявить релевантные «обстоятельства» как условия необходимости указанного изменения.

«Смысловое ядро» понятия «террор», тематизируемое средствами социальной философии/политической философии/политических учений, эксплицировано для широкого использования в социальных науках (политической наукой, социологией политики, в политической журналистике) и закреплено в массовом сознании усилиями двух «интеллектуалов» (в этом определении нет ничего уничижительного: таким способом обозначается область деятельности, пограничная для академической философии и философской публицистики, то есть именно та область, которая оказывает определяющее воздействие как на социальные науки, так и на массовое сознание): А. Глюксманна и С. Жижика (еще один автор, Ж. Бодрийяр [6], связавший терроризм с «имплозией социального», не так интересен для нас ввиду целей настоящей статьи).

Замена «дискурса войны» «дискурсом ненависти» и решение суверена: замена основоположения политической философии (А. Глюксманн)³

«Философия ненависти» Глюксманна, посвященная «одной чеченской розе», настойчиво указывает на «постоянное метафизическое содержание» понятия – на «ненависть», символом которой для Глюксманна является Медея (насколько его Медея «соответствует» фигуре греческой мифологии – вопрос, требующий специального изучения, сам Глюксманн ссылается на образ из трагедии Сенеки). В предисловии к книге «Философия ненависти» Глюксманн заявляет, что «утверждение, отстаиваемое здесь: ненависть существует, мы все встречали ее» [11, с. 11], и сразу же расшифровывает, что он понимает под «ненавистью»: «Страсть нападать и уничтожать не изгоняется словесным

колдовством. Причины, приписываемые ей, – не более чем благоприятные обстоятельства, просто удобные случаи, – в них не бывает недостатка, – чтобы дать волю разрушению ради разрушения» [11, с. 11–12]. Глюксманн перечисляет «свойства» ненависти: «Ненависть судит, не выслушав. Ненависть выносит приговор по своему желанию. Она ничего не уважает, думает, что противостоит мировому заговору. В конце концов, закованная в латы своей мстительности, она рассекает все узлы произвольным и самовластным ударом зуба. Ненавижу, следовательно, существую» [11, с. 12]. Глюксманн решительно отклоняет мнение, будто ненависть «вторична», есть «ответ». Нет, утверждает он, ненависть именно первична и изначальна: «Вопреки современным элегиям ненависть не сводится ни к эротической неудаче, ни к какому-либо ложному шагу или к несчастной любви, которая якобы должна свидетельствовать о первоначальной страсти, благожелательной, только ошибившейся предметом и часом. Ненависть – не несчастный случай, не ошибка выбранного пути. Это основополагающая страсть к разрушению, она являет пропасть у самой поверхности земли, под самой кожей, пропасть, которая не за нами, но в нас, вокруг нас. Это отрицание подрывное, радикальное, оно – в самом корне, и оно доказывает свою действенность настойчивым зовом первичного хаоса» [11, с. 48–49]. Метафизическая глубина здесь получает название «первичного хаоса»: в философии нет образа большей «изначальности». Медея, образ которой Глюксманн использует для демонстрации «логики ненависти», «перестает печься о том, чтобы иметь, она желает быть. Отнюдь не стремясь выторговать хоть какие-то утешения, она набивает цену, раскаляет добела свое страдание, мучит себя, берedit свои раны, расчесывает язвы, усиливая свою муку» [11, с. 55]. Человек, предавшийся ненависти, «сам освобождается от всех связей» [11, с. 61]. Медея – чудовище; «освобожденная от всех связей», от самой себя, то есть перестав быть человеком, она «не выбирает между человекоубийством и самоубийством. Только тот, кто знает, как убить себя, так же хорошо, как убивать других, достигает сиятельной и чудовишной доблести человеческой бомбы» [11, с. 70]. Итак, Глюксманном найдено слово: террорист – это «человеческая бомба»; «идеальным типом» такой бомбы он считает Медею. Итак, есть «метафизическая ненависть». Во-первых, «ненависть существует», «разрушительное бешенство свирепствует в чистом виде» [11, с. 274]. Глюксманн приводит его примеры, но мы

должны пока оставить их разбор. Во-вторых, «ненависть прикрывается нежностью», то есть она утверждает, что имеет благие, высокие цели. Этому нельзя верить. Тому, чему Глюксманн приписывает ненависть, нельзя верить, нельзя его слушать, это – манихейское «абсолютное зло», что бы оно о себе ни говорило. В-третьих, «ненависть ненасытна», с ней и с ее носителями, с теми, в ком совершается ее «прорыв», нельзя договориться: она абсолютизирует свои «ненавистные цели». В-четвертых, «ненависть обещает рай»: «Прежде – гласят легенды – люди и боги говорили на одном языке, жили вместе, делили пиры вечности: ненависть поселяется в этой мифической доистории, она не признает ни разделения полов, ни разделения языков, ни разделения на смертных и бессмертных» [11, с. 274–275]. В-пятых, «ненависть хочет быть Богом-Творцом». Итак: «Новые поколения, разыгрывая неверие в небылицы, сумели-таки развернуть в свою пользу присущее человеку стремление к обожествлению себя. В благословенную эпоху, когда Европа верила, что она бессмертна, с чем она так болезненно прощается, просвещенный индивид располагал свои отношения к самому себе и окружающему миру на трех осях – жизни, языке и труде. Эти регулятивные идеи – «квази-трансценденталы», по словам Мишеля Фуко, являются также опорными ориентирами, позволяющими европейцу считать себя существом живым, говорящим и производящим. Бросается в глаза, что самые плотные сгустки ненависти стараются затемнить именно эти три порядка личного опыта. Передача жизни затруднена различием полов, и на женщин – больных и развращенных, колдуний и гейш – возлагается бремя этого греха. Душа аутентичного – ибо родного – языка профанирована евреем без корней, который перемешивает закрытые общества и вносит ложь и притворство в глас народный, до сих пор бывший естественным, следовательно – романтически непогрешимым. Что до неподконтрольного обмена на мировом уровне, он препятствует сплоченному сообществу производить и воспроизводить себя за закрытыми дверями. Чтобы божественно работать, совокупляться и думать по-арабски или по-французски, по-хорватски, по-гречески, по-бразильски, по-итальянски, по-русски, по-судански и даже по-сирийски, нужно – да здравствует ненависть – установить надзор за слабым полом, устранить еврейский фактор и выставить за дверь американца. Тогда ненависть возложит на вас венец Бога» [11, с. 275–276]. В-шестых, «ненависть любит до смерти»: «От женщин она требует исчезнуть под покры-

валом, раствориться в бесформенности, окутать себя молчанием, похоронить себя заживо. От евреев – чтобы они слились с пейзажем, говорили, чтобы отрицать свое существование, чтобы устранили себя в качестве других, устранили это устранение, чтобы заставили забыть о себе, а не то им помогут сделать это силой. Что до американцев, у них нет другого выхода, как поголовно провозгласить себя антиамериканцами... Женщина должна убить себя как женщину, еврей – как еврея, Америка – как Америку. Чего требует ненависть от объектов, преследуемых ее любовью? Их смерти. Вплоть до собственноручного нажатия на гашетку, если они вздумают увиливать» [11, с. 276–277]. В-седьмых, «ненависть питается своим опустошением»: «Солдат ненависти ищет спасения лишь для себя самого, избранный богом самец хочет спастись от женщины, святое и здоровое сообщество – от еврейской заразы, геваристы митингов по антиглобализации – от американского рака... Мистический секрет вульгарных апокалипсисов заключается в неприязни интегриста к собственному образу, который жестоко напоминает ему о его мирском и смертном бытии. Стыд самого себя и стремление стать богом идут бок о бок; к каждому, с кем она встречается, кого объемлет и палит, обращает ненависть свое суицидальное требование сделать самоубийство самой распространенной вещью в мире. В чем оказывается прямой противоположностью здравому смыслу» [11, с. 277–278].

Заключение к книге, названное «Семь цветов ненависти», «выводит» нас в более широкий «горизонт смысла», в котором Глюксманн предлагает познавать ненависть, если у кого-то еще возникнет такое желание: книга в этом отношении претендует быть «ориентиром», «началом». Однако само указание на «горизонт» способно многое сказать о намерениях Глюксманна: он еще раз, предельно жестко, фиксирует, *к чему должна быть отнесена метафизическая ненависть*. Всякий, кто будет искать иначе или в другом месте, есть «дьявол ненависти».

Впрочем, прежде чем делать выводы относительно *источников* глюксманновской одержимости «ненавистью к ненависти», следует вернуться к началу: ненависть есть «суть» того, что Глюксманн назвал человеком-бомбой; человек-бомба, в свою очередь, есть «смысловое ядро» терроризма. В этом у читателей Глюксманна не должно оставаться сомнений: «историю» он начинает «ранним утром 11 сентября 2001 года», когда он вспоминает об «отсутствии иммунитета к ненависти» [11, с. 13]. Вспомина-

ет потому, что в этот день совершился «прорыв inferно»: «Опустошительное буйство бушует как ураган, у него нет ни начала, ни конца, оно бессвязно. Зачинщики 11 сентября посчитали бесполезным сопроводить высокое деяние своего оружия требовательным или мстительным коммюнике. Без подписи. Без удостоверения личности. Без объяснения, без оправдания. Молчание делает свое дело. Опустошает. Только пустота и оцепенение, куда валится все, что только можно вообразить, от самого разумного до самого дурацкого. Прежде чем Бен Ладен заявил о своих возможных авторских правах, прошло несколько недель. Мировое потрясение тем более впечатляет, что сила, обратившая в пыль сердце Манхэттена, остается немой, величественной, непреклонной, не поддающейся уговорам, как сейсмическая катастрофа или безумие какого-нибудь бога» [11, с. 58]. Так, сомнений нет: то, что обозначается словом «терроризм», имеет метафизическое основание, которое мы, вслед за Глюксманном, назвали и описали как ненависть.

Вводимое Глюксманном определение выглядит так: «Я называю терроризмом умышленное нападение вооруженных людей на безоружное население» [11, с. 25]. И далее: «Терроризмом является умышленная агрессия против гражданского населения, неизбежно захватываемого врасплох и беззащитного. Одеты ли захватчики заложников и убийцы младенцев в униформу или нет, используют ли бесполезное оружие или нет, это ничего не меняет. Провозглашают ли возвышенные идеалы – тоже ничего не меняет. Считается только явное намерение, осуществляемое в конкретных действиях с целью стереть с лица Земли не важно кого» [11, с. 25]. Еще одно определение: «Терроризм – умышленная агрессия на безоружных граждан со стороны людей вооруженных (в униформе или без нее)» [11, с. 249]. В данном определении обращает на себя внимание прежде всего то, что Глюксманн не считает «униформу» сколько-нибудь важным признаком, который следовало бы принимать в расчет при определении терроризма. Этим он показывает свое отношение к тому, что «символизирует» униформа, к смыслу, который связывает с этим символом политическая философия. Обратимся к книге Х. Хофмайстера «Воля к войне», чтобы выяснить, что именно ставится под сомнение, отрицается определением Глюксманна. «Понимание войны (в особенности войны оборонительной), как оно выражено в Уставе ООН, зиждется на классическом понятии правового государства. Согласно этому понятию, воору-

женные силы с их институтами служат осуществлению насилия от лица государства. Солдат является как бы «функционером государственного насилия». Такое понятие государства подразумевает, что по-военному организованное насилие существует лишь там, где существует государственный порядок. Однако и в естественном состоянии, где действует право сильного, самые различные группы объединяются с целью защиты от других групп или нападения на них. Даже если насилие, которое от них исходит, иного рода, нежели то, для осуществления и применения которого используется государственный аппарат, оно в любом случае должно расцениваться как насилие военное. Мы говорим о военном насилии, когда оно выступает в качестве организованного насилия, и понимаем государственную власть – в соответствии с классической теорией государства – как особую форму такового. Войны протекают в определенных формах и соответственно происходят исключительно между государственными или организованными аналогично государственным группами, для вооруженных операций которых характерна известная непрерывность. Облачение в униформу – начиная с боевой раскраски индейских племен, надевания определенных украшений из перьев и вплоть до ношения современной военной формы – демонстрирует, что в подобных случаях насилие применяется не как индивидуальное насилие, а как насилие общественное. Использование униформы отличает войну от других форм насильственного разрешения массовых конфликтов» [12, с. 25–26].

Государство представляет собой организованную монополию насилия в определенном объеме (имеется в виду территория и гражданство). Теперь, когда Глюксманн отрицает «униформу как признак», он, во-первых, ставит под сомнение весь категориальный строй классической политической философии, претендуя не меньше, чем на «смену парадигмы»: государство, суверенитет, власть и другие понятия теряют свое *абсолютное значение категорий*, посредством которых *происходит упорядочение социально-политического бытия*. Во-вторых, Глюксманн ставит под сомнение принципы международного права, для которого *абсолютной и конститутивной*, со времен Вестфальского мирного договора, является категория государственного суверенитета. Глюксманн и не отрицает подобных претензий. Клеймя наряду с антиглобалистами, «альтермондиалистами» и «приверженцев суверенитета» [11, с. 185], Глюксманн, интерпретируя Хартию Объеди-

ненных Наций в смысле, что она налагает «запрет на завоевание, но не на введение демократии» [11, с. 153], провозглашает: «Право народов на освобождение от предельного деспотизма – право D-Day – *первенствует* над обычным уважением к границам и *вековым принципом суверенитета*» [11, с. 153]. Далее следует вполне практический вывод: «Могут ли Соединенные Штаты по-прежнему провозглашать свое право на вмешательство, крещенное кровью, пролитой для освобождения Европы? Да. Несмотря на совершенные в иракских тюрьмах недавние бесчинства? Да. Ибо во всем худшем, как и во всем лучшем, Соединенные Штаты остаются демократией. И даже самой примерной из демократий» [11, с. 153]. Как связаны «бесчинства в иракских тюрьмах» и «принцип государственного суверенитета»; «освобождение Европы» и «право на введение демократии в Ираке»; «примерность американской демократии» и «право ведения войны» – это очевидно для Глюксманна. Наша задача – выявить основания подобной очевидности. Однако, ко всему сказанному выше, «право на введение демократии» толкуется Глюксманном еще более расширительно: говоря о «терроризме государства» как почти однородном с «терроризмом небольшой группы людей» понятии (и то, и другое есть для Глюксманна терроризм); «терроризм государства и терроризм крохотной группы людей работают как два поставленных друг перед другом зеркала» [11, с. 34]. Глюксманн пишет так: «С тех пор как Путин в 1999 году вторгся в Чечню» [11, с. 34] – и называет российскую армию «оккупационной армией» [11, с. 112] (примеры можно множить до бесконечности, они составляют едва ли не половину иллюстративного материала книги, разумеется, иллюстрирующего проявления терроризма). Видимо, речь идет не просто о праве на введение демократии, превышающем суверенитет, но о праве вполне определенных государств (здесь речь идет о США) на насильственное введение вполне определенной (наилучшей, образцовой, правильной – все эти слова использованы самим Глюксманном) демократии. Собственно, подобное право на введение демократии является безусловным только для США и Израиля (для последнего – в форме права на абсолютный суверенитет); для всех, в том числе и европейских государств, несмотря на то, что Глюксманн отождествляет европейское сообщество с мировым сообществом («всему европейскому сообществу, то есть сообществу почти мировому» [11, с. 261]), право на суверенитет и на «насильственное внедрение демократии» явля-

ется обусловленным присоединением к США: «Настало время решений. Или Европа объединится в сопротивлении инженерам апокалипсиса – выбор Тони Блэра, Польши, Италии, Чехии... Или, противопоставляя себя Соединенным Штатам, она встанет на путь псевдо-«лагеря мира», как Франция, Германия и Россия» [11, с. 263–264]. Вот и пригодился терроризм как «прорыв inferно», как «абсолютная ненависть», как «манихейское зло»: мы имеем «абсолютное, метафизически углубленное» основание политического выбора. «Терроризм как наша главная философская проблема» есть то «место», в котором совершается опровержение классической политической философии, отмена Вестфальских принципов международного права, отрицание государственного суверенитета, установление нового мирового порядка – ни больше, ни меньше, если верить *свидетельству* Глюксманна, человеку и философу, очень чутко реагирующему на «тектонические сдвиги» (он доказал это своим творчеством на протяжении жизни) в области социального («социально-политического») бытия.

Глюксманн согласен с введением термина «террористическая война» и сам его неоднократно использует. Но отличие террористической войны от обычной именно в «безграничности» первой: в террористической войне нет границы между фронтом и тылом, нет разницы между своей и чужой территорией. Терроризм стал глобальным. Стратегия «человеческих бомб» «отменяет это каноническое деление. Больше нет полей сражений, линии фронта. Не стало тыла, каждый гражданский житель оказывается солдатом поневоле и потенциально приговоренным» [11, с. 250]. Цель «интернационализации терроризма» – считает Глюксманн – состоит в том, чтобы «с помощью страха и трепета трансформировать все человечество в общество живых мертвецов, апатичных и парализованных очевидностью внутренне присущей им уязвимости» [11, с. 250]. Цель вполне «универсальная», какая только и может быть у «метафизического зла». Глюксманн неустанно подчеркивает связь между современным терроризмом и метафизической ненавистью: «Бен Ладен мобилизует не классические силы, а ненависть. Ненависть, которая, вооружившись обычным тесаком, будет стоять иных замысловатых агрегатов» [11, с. 250]. Изменилась *цель*, что вполне понятно, когда имеют дело с «ненавистью самой по себе»: «Бен Ладен (для Глюксманна – этакая современная Медея. – К.М., Е.З.) метит не столько в территории, сколько в мозги, он на свой манер продвигает универсализацию лихо-

радошно-антизападных настроений» [11, с. 250]. Глюксманна совершенно не интересует происхождение «Бен Ладена», он не знает или не хочет знать, что первоначально Бен Ладен был «борцом за свободу против СССР в Афганистане» и сотрудничал с американскими спецслужбами: история не может дать ни опровержений, ни подтверждений, генеалогия не может быть аргументом, когда речь идет о мировом зле: Медея разорвала все связи и отказалась от прошлой себя. То же, по-видимому, случилось и с Бен Ладеном, когда он вступил на «путь зла» и им «овладела ненависть».

Глюксманн спрашивает: «Является ли террористическая война, которая с помощью ужасающих материальных разрушений метит в сознание гражданина, лишь новой формой вооруженного решения конфликта или все же – более оригинальная и радикальная – она вынуждает нас выйти за рамки дискурса войны, чтобы, как пытается указать эта книга, непосредственно соприкоснуться с дискурсом ненависти» [11, с. 251]. Ответ на вопрос ясен: конечно, надлежит соприкоснуться с дискурсом ненависти. Но это не главное: прежде всего следует выйти за рамки дискурса войны. «Дискурс ненависти», противопоставленный «дискурсу войны», должен *стать описанием нового мирового порядка*, создавая новое поле (концептуальный каркас) политической философии, новые «горизонты смысла».

Итак, перед нами – вполне определившийся и определенный *дискурс*. Для большинства статей о «терроризме», появившихся после 1990 г., реконструированный нами с опорой на Глюксманна «дискурс» может рассматриваться как их «матрица»: в нем содержатся все ключевые утверждения, конститутивные для порядка рассуждения «о терроризме», вся «аксиоматика» «неолиберального дискурса терроризма» (и, что очень важно, Глюксманном проговариваются его «философские», отсылающие к онтологическому порядку социального, предпосылки). Одновременно в «дискурсе ненависти» мы имеем *место* изменения концептуального каркаса социальной и политической философии: замену «дискурса войны» «дискурсом ненависти».

Однако не будем торопиться с выводами и попытаемся реконструировать концептуальную схему, в которую вписывает «терроризм» С. Жижек (конечно, эти два автора не сопоставимы ни в чем: слишком разный у них «интеллектуальный масштаб»). Однако в нашем случае именно различие между ними поможет лучше продемонстрировать *суть* «смыслового сдвига» в понятии (если оно есть) «терроризм», что, в свою очередь, укажет на причину такого сдвига).

Политическое действие: террор как элемент политического (С. Жижек)

В книге «Щекотливый субъект: Отсутствующий центр политической онтологии» (1999 г.) С. Жижек постепенно подводит читателя к выводу, что политическое действие как таковое всегда есть «террор»; сам вывод в конце книги звучит так: «Это означает, что в каждом подлинном действии содержится нечто по своей сути «террористическое», в его жесте полного переопределения «правил игры», включая самую исходную само-идентичность того, кто его совершает, — политическое действие в собственном смысле слова высвобождает силу негативности, которая разрушает саму основу нашего бытия. Поэтому, когда левых обвиняют в том, что своими искренними и благими намерениями они закладывают основу для сталинистского или маоистского террора, нужно научиться избегать либеральной ловушки принятия этого обвинения за чистую монету и последующих попыток защититься, не признавая себя виновным («Наш социализм будет демократичным, уважающим права человека, достоинство и счастье; никакой общеобязательной партийной линии не будет...»): нет, либеральная демократия — не наш основной горизонт; как бы это ни резало слух, но ужасный опыт сталинистского политического террора не должен привести к отказу от самого принципа террора — необходимо найти путь к более «правильному террору». Разве структура подлинного политического действия не обладает по определению структурой принудительного выбора и потому является «террористической?»» [13, с. 508]. Нам следует указать на важнейшие аргументы, которыми С. Жижек подкрепляет свой вывод; перечислим их, следуя порядку изложения в названной книге. Первое. Неизменной для Жижека является опора на Лакана; в первой главе, в связи с интерпретацией некоторых утверждений Канта, Жижек обнаруживает область, открывающуюся радикальной работой рассудка (по ходу изложения несколько раз появляется ссылка на Гегеля, который, утверждает Жижек, был гораздо более Канта склонен отдавать должное силе рассудка в сравнении с другими способностями интеллигенции) — это есть реальное (несколько раз эта, открывающаяся рассудком, «область» соотносится с «кусочками» Лакана), имеющее, по-видимому, статус изначального в онтологическом порядке следования. Одновременно это реальное является условием возможности нового, то есть изменения онтологического порядка:

нам нет необходимости более точно воспроизводить рассуждения Жижека в той части, где он, в соответствии с Лаканом, проводит тонкие различия между реальным, фантазией, другим (или большим другим) иным и т.п. (иногда они прописываются с заглавной буквы). Второе. Переходя к области политической философии, Жижек ставит в связь с предшествующим изложением теории Бадью, Рансьера, Балибара, которые, по утверждению Жижека, «вышли из» Альтюссера. Событие, по А. Бадью [14], есть разрыв в онтологическом порядке, дает возможность появлению нового, вообще – событие есть возможность изменения в онтологическом порядке бытия; условие реализации возможности – верность событию (важно, что событие меняет прошлое и будущее). В этой связи уместной нам представляется отсылка к «нарративной логике» Ф. Анкерсмита [15], апеллирующей к иным теоретическим источникам, но достаточно хорошо описывающей схему воздействия на прошлое в его отношении к избранной в настоящем точке зрения. Важно также, что Анкерсмит склонен реабилитировать не только концепт «точки зрения», но и идеологию, утверждая, что только последняя делает возможными осмысленные суждения об «исторической реальности», решение, выбор. Политика, по Жижеку, в указанной связи, «это момент, когда особенное требование перестает быть всего лишь частью обсуждения интересов, а оказывается нацеленным на нечто большее, то есть начинает функционировать как метафорическое сгущение глобального реструктурирования всего социального пространства» [13, с. 285]. Важно, что здесь названа важнейшая черта «терроризма», которую ему приписывают большинство современных исследователей: конкретные требования не имеют в виду достижение тех целей, которые заявляются, но нацелены на глобальное, многие утверждают, что именно – на изменение существующего социального порядка в целом, но это же есть отличительный признак политического действия как такового.

Для Жижека «очевидна противоположность между этой субъективацией и сегодняшним стремительным распространением постмодернистской «политики идентичности», цель которой полностью противоположна, то есть представляет собой как раз утверждение особенной идентичности, надлежащего положения в рамках социальной структуры. Постмодернистская политика идентичности особых (этнических, сексуальных и т.д.) образов жизни соответствует полностью деполитизированному представлению об обществе, в котором «учитывается»

каждая отдельная группа, она обладает своим определенным статусом (жертвы), подтверждаемым позитивными действиями или другими мерами, направленными на обеспечение социальной справедливости. Тот факт, что такого рода справедливость, ведущая к виктимизации меньшинств, требует сложного полицейского аппарата (для опознания данной группы, для наказания тех, кто нарушает ее права — как юридически определить сексуальную агрессию или расистское оскорбление? и т. д., — для обеспечения привилегий, которые должны перевесить ту несправедливость, от которой пострадала данная группа), имеет большое значение: то, что обычно превозносят как «постсовременную политику» (работа с частными проблемами, решение которых должно устанавливаться в «рациональном» глобальном порядке указанием надлежащего места его отдельной составляющей), таким образом, на самом деле является концом политики в собственном смысле слова» [13, с. 285–286]. Третье. Дополнительно можно утверждать, что максима политического/террористического действия имманентна ему (что опять же утверждают большинство исследователей «терроризма»): «На более радикальном уровне необходимо настоять на уникальности, абсолютной идиосинкразичности этического действия в собственном смысле слова – такое действие связано со своей внутренней нормативностью, которая «делает его правильным»; нет никакого нейтрального внешнего критерия, позволяющего нам заранее, просто применив его к одному случаю, сделать вывод о его этическом статусе» [13, с. 522]. Политическим действием как таковым является действие революционное, революция [13, с. 508], и для Жижека очевидно, что «здесь возникают две противоположные стратегии: можно попытаться отделить благородную идею Революции от ее омерзительной реальности... или можно идеализировать само подлинно революционное действие, оплакивая его более позднее прискорбное, но неизбежное предательство... Вопреки всем этим соблазнам необходимо настоять на безусловной необходимости принятия действия во всей полноте его последствий. Верность — это не верность принципам, преданным случайной фактичностью их актуализации, а верность последствиям, вызываемым полной актуализацией (революционных) принципов. В горизонте того, что предшествует действию, действие всегда возникает как переход «от плохого к худшему» (обычная критика революционеров консерваторами: да, ситуация плоха, но ваше решение еще хуже...). Героизм действия в собственном смысле слова состоит в принятии этого худшего» [13, с. 508–509].

Нам нет необходимости дальше следовать за Жижекком в его исследовании революционного действия: очевидно, что именно это содержание было «сокрыто» (мы специально употребили это слово, так как устранить, вычеркнуть, уничтожить и т.п. то, о чем мы говорим, нельзя) в «смысловом ядре» того нечто, что мы в этой статье изучаем под именем «терроризм»; то есть на этом пути мы *не обнаружим* «дискурса терроризма», по крайней мере, сопоставимого по значению с представленным Глюксманном, для изменения концептуального каркаса социальной философии/политической философии/социальной теории. Событие – политическое действие – революция – террор: это, может быть, *другой дискурс*.

Выводы

1. Мы увидели «нечто», именуемое здесь «терроризм», с разных точек зрения, причем постарались (в том числе и приводя достаточно обширные выписки) показать, что речь идет об одном и том же «нечто» (хотя вполне понятно возможное в этом сомнение: слишком уж различно не столько описание, сколько отношение к этому «нечто» у Глюксманна и Жижека).

2. Можно попробовать утверждать, что мы имеем дело с описаниями/анализом с двух разных точек зрения: в случае Глюксманна – с точки зрения порядка, в случае Жижека – с точки зрения события как разрыва порядка. Тогда следует установить, что определяет выбор точки зрения, решение в пользу порядка или события. В случае Глюксманна мы постарались показать, что именно *идеология* определяет то, что видит и описывает автор как «дискурс ненависти»; основные утверждения этой идеологии, воспроизводимые Глюксманном в его дискурсе терроризма буквально, легко идентифицируются как *неолиберальные*. В отношении Жижека мы не можем быть так определены, но мы с осторожностью можем предполагать, что его *идеология* – левая и едва ли является версией неолиберальной.

3. Самый главный наш вывод, однако, связан не с идентификацией идеологической ангажированности двух европейских интеллектуалов. Значение понятия «терроризм» для политической философии/социальной философии/политических учений определяется в горизонте идеологии, то есть именно «дискурс терроризма» есть место, относительно которого определяются как его «метафизические углубления» («ненависть» Глюксманна vs «событие» Жижека), так и практическое использование

(как руководство к действию). Мы должны констатировать, что, в отличие, может быть, от «террора», «терроризм» не есть теоретическое (ни тем более философское) *понятие*, но есть идеологема неолиберального дискурса терроризма. Можно усомниться в том, что «террор» имеет черты «партикулярии» (если воспользоваться термином П.Ф. Стросона [16]) или есть «социальная вещь» (по более привычной терминологии Э. Дюркгейма [2]), но это требует изучения. Совершенно определено, что «терроризм» (по крайней мере в том значении, которое ему приписывается) «социальной вещью» не является. Отсюда же следует, что, предположив в начале «смещение смысла» в *понятии*, мы должны отказаться от этого предположения: значение в рассматриваемом нами случае обретается *в дискурсе*.

4. Отсюда понятны и затруднения, связанные с квалификацией некоторых «акторов» политики в качестве «террористических»: для того чтобы быть согласными в этом отношении, необходимо согласиться относительно целей, ценностей *определенной идеологии*, принять неолиберальный дискурс терроризма, в котором вполне возможно, например, отличить умеренную вооруженную оппозицию от террористов (речь о Сирии).

5. Несомненно, что современное использование термина «терроризм» осмысленно только в горизонте неолиберальной идеологии и служит далеко не нейтральным инструментом анализа (социально-философского, социального и политологического) «реальности», но только как «неолиберальный дискурс терроризма».

Примечания

1. Отличие видов знания, в том числе научного от до- и не-научного – совсем не в отчетливости или в какой-то особенной достоверности, очевидности и т.п. научного знания.

2. Нами предложено определение терроризма, учитывающее новые обстоятельства, рассматриваемые в данной статье [4; 5].

3. Рассматриваемое здесь сочинение Глюксманна по своей сути имеет полемическую направленность против понятия политического К. Шмитта (неважно, ссылается ли при этом Глюксманн на Шмитта или нет: он, в силу своих убеждений, и не может на него ссылаться, так как Шмитт для него – враг, в самом точном, «шмиттовском» смысле). Мы придерживаемся мнения, что «дискурс Глюксманна» полностью объясняется *теорией* Шмитта [7–10], и в этом отношении, безусловно, ему уступает, однако подробный разбор этой темы мы предлагаем в другой нашей работе.

Список литературы

1. Рикер П. Справедливое. М.: Издательство «Гнозис»; Издательство «Логос», 2005. 304 с.
2. Дюркгейм Э. Метод социологии // Социология. Ее предмет, метод и назначение. М.: Канон, 1995. С. 5–170.
3. Гадамер Г.Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
4. Мальцев К.Г., Зайцева Е.А. Дискурс терроризма как продукт неолиберальной идеологии: методологический аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 3. С. 111–120.
5. Мальцев К.Г., Мальцева А.В. Глобальный терроризм как социальная вещь: опыт тематизации в горизонте политического // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 1. С. 305–316.
6. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, КДУ, 2006. 258 с.
7. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: Владимир Даль, 2006. 300 с.
8. Шмитт К. Теория партизана. М.: Практис, 2007. 301 с.
9. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1.
10. Шмитт К. Номос земли в праве народов *jus publicum euroaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. 670 с.
11. Глюксманн А. Философия ненависти. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Граниткнига, 2006. 284 с.
12. Хофмайстер Х. Воля к войне. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006. 288 с.
13. Жижек С. Щекотливый субъект: Отсутствующий центр политической онтологии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 528 с.
14. Бадью А. Философия и событие. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2013. 192 с.
15. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея – Пресс, 2003. 360 с.
16. Стросон П.Ф. Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики. Калининград: Издательство Российского государственного университета им. И. Канта, 2009. 328 с.

**NEOLIBERAL DISCOURSE OF TERRORISM: A STUDY INTO THE VALIDITY OF REPLACING THE
«DISCOURSE OF WAR» WITH THE «DISCOURSE OF HATRED»**

K.G. Maltsev¹, E.A. Zaitseva²

¹Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

²Alekseev State Technical University of Nizhni Novgorod

The paper studies the possibility and validity of changes in social and political philosophy caused by replacing the «discourse of war» seen as the cornerstone in modern and contemporary political philosophy (P. Ricoeur) with the «discourse of hatred» (A. Glucksmann). As neoliberal ideology is expanding and growing in power, the «neoliberal discourse of terrorism» is considered as a tool to explore social reality; there emerges the importance of ideology in organizing the meaningful space (F. Ankersmit) of judgments about socio-historical reality. The paper also highlights the constitutive role of «point of view» in the ordering of reality. The «neo-liberal discourse of terrorism» is contrasted against political action perceived as an event that ruptures «social order» (A. Badiou), a political event seen as a revolution par excellence (S. Žižek), as terrorism.

Keywords: terrorism, discourse, «discourse of war», «discourse of hatred», «neo-liberal discourse of terrorism», event, decision, ideology.

УДК 316

СЛЕДОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ СТАНДАРТАМ

© 2016 г.

Н.А. Птицына

Ивановский госуниверситет

narticyna@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 26.11.2015**Статья принята к печати 11.01.2016*

Рассмотрены совокупность признаков, характеризующих социальную работу как вид профессиональной деятельности, базирующейся на научно обоснованной практике, а также ряд актуальных проблем, решение которых имеет существенное значение для развития отечественной социальной работы: результативность профессиональной социальной работы, эффективность взаимодействия ее субъектов, отсутствие надежных средств диагностики инновационных социальных технологий и социальных проблем в целом. Сфокусировано внимание на необходимости соблюдения этических стандартов в социальной работе.

Ключевые слова: социальная работа, профессиональные стандарты, эффективность деятельности, качество обслуживания, этический кодекс.

Совершенствование деятельности системы социальной защиты и социального обслуживания населения невозможно без глубокого осмысления актуальных проблем, характерных как для отрасли в целом, так и для каждого из сотрудников, ежедневно выполняющих свои профессиональные обязанности.

Активизация развития отечественной социальной работы как профессионального вида деятельности в современных условиях связывается с введением профессиональных стандартов социального работника, специалиста по социальной работе, руководителя организации социального обслуживания, разработанных и утвержденных в 2013 г. Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации [1–3]. Повышение уровня квалификации кадрового состава отрасли посредством внедрения профессиональных стандартов должно обеспечить предоставление населению социальных услуг высокого качества. Кроме того, с вступлением в силу в 2015 г. Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан Российской Федерации» [4] существенно повысились требования к сотрудникам и сферы социального обслуживания, и системы социальной защиты в целом.

Одним из путей повышения эффективности деятельности организаций социального обслуживания законодатели считают стимулирование конкуренции между поставщиками социальных услуг [5]. Аналогичная точка зрения отражена и в Резолюции участников IV съезда социальных работников и социальных педагогов России (7–

8 октября 2014 г.) «Социальное благополучие и права человека: роль социальных служб, социально-ориентированных НПО и бизнеса», рассматривающих требования к качеству как основной инструмент развития конкуренции между поставщиками социальных услуг, независимо от форм собственности [6]. Однако законодательные новеллы не всегда согласуются с реальной действительностью. Отечественных исследователей и практиков настораживает тот факт, что повышение требований к сотрудникам социальной сферы происходит в условиях существенного ограничения ресурсов, необходимых для выполнения профессиональной деятельности [7, с. 109; 8, с. 68]. В настоящее время на федеральном и региональном уровнях [9] уменьшаются объемы бюджетного финансирования. Сокращается количество социальных организаций, «оптимизируются» их штаты, соответственно, возрастает объем работы у сотрудников и минимизируются возможности для их переподготовки и др. В то же время подобные ограничения могут рассматриваться не только как предопределение структурных вызовов и создание препятствий для развития социальной работы, но и как повышение востребованности применения социальных инноваций, рост потребности в квалифицированных кадрах [8, с. 68]. Тем не менее, основываясь на современных реалиях, можно предположить, что в ближайшие годы темпы развития профессиональной социальной работы существенно замедлятся, усилия исполнительных органов государственной власти будут направлены на

поддержание и сохранение функционирующей системы, а не на ее развитие.

Процесс становления профессии труден и неоднозначен и с точки зрения формирования профессионального сообщества, и с точки зрения профессиональной социализации отдельного специалиста. В связи с этим многие вопросы, находящиеся в центре внимания зарубежных коллег, располагающих в силу продолжительности функционирования профессиональной социальной работы большим теоретико-практическим опытом, представляют интерес для отечественных исследователей и практиков. Признавая развитие социальной работы как профессии (увеличение количества школ социальной работы, открытие научно-исследовательских центров, расширение сферы деятельности и функций социальных работников), зарубежные и отечественные исследователи полагают, что в современных условиях в большей мере необходимо сфокусировать внимание на анализе содержания и специфики профессиональной деятельности, ее целях и результативности. (Эти вопросы неоднократно затрагивались в докладах и выступлениях участников Международной научно-практической конференции «Специфика профессиональной деятельности социальных работников», состоявшейся 15–16 октября 2015 г. в Нижнем Новгороде.)

В данном контексте сохраняется актуальность вопроса, вынесенного А. Флекснером в название доклада, с которым он выступил еще в начале прошлого века на общенациональной конференции, посвященной благотворительности (Балтимор, США): «Является ли социальной работой профессией?» [10]¹. В современных условиях природа профессий активно изучается представителями различных направлений отечественной социологии профессий и занятий [11]. В последние годы появился ряд работ, посвященных исследованию профессиональной социальной работы с позиций социологического знания, базирующихся на основе результатов социологических исследований [8, 12]. Многообразие научных школ и подходов встречается в работах зарубежных ученых и практиков. Например, основываясь на анализе ряда подходов, применяемых в практической социальной работе в США, Э. Гэмбрилл в статье «Профессия, основанная на власти» приходит к выводу, что в современных условиях она зиждется на авторитарной основе [13]. Властная основа профессии, по мнению автора, обуславливает «разрыв» между тем, что декларируется в качестве целей социальной работы, и ее повседневно-

ной практикой, которая, будучи профессиональной деятельностью, должна быть научно обоснованной или «доказательной». В число отличительных признаков такой деятельности автор включает следующие [13, p. 167]:

- а) преобразование информационных потребностей в вопросы, на которые можно получить ответ (часто это сложный шаг);
- б) отслеживание с максимальной эффективностью лучшей доказательной базы, чтобы ответить на эти вопросы;
- в) критическое осмысление этой базы, понимание ее ценности и полезности;
- г) определение применимости результатов исследования к конкретному клиенту;
- д) вовлечение клиентов как информированных участников и принятие во внимание их ценностей и ожиданий;
- е) выполнение максимально подходящих для конкретного случая действий;
- ж) оценка полученных результатов.

Выдвижение Э. Гэмбриллом тезисов об авторитарной основе профессиональной социальной работы, превалирование в ней слабой доказательной практики и неискренности носят, с нашей точки зрения, полемический характер и чрезвычайно интересны для отечественных исследователей и практиков.

Очевидно, что в любом общении с клиентом/пациентом доминирующая роль принадлежит профессионалу (врач, юрист, инженер, продавец-консультант и др.). В этом случае профессиональное общение строится на основе добровольного обращения клиента к специалисту. По-другому дело обстоит в социальной работе, где распространена ситуация «недобровольного (involuntary) или частично добровольного клиента» (например, в отношении несовершеннолетних, осужденных или граждан, страдающих хроническими психическими заболеваниями), когда общество обязывает клиента к регулярному общению со специалистами. Так, в США 99% мужчин, замеченных в семейном насилии, приходят в обучающие группы по распоряжению суда, лишь 1% – сами первоначально на семейно-психологическую беседу к социальному работнику [14].

Заслуживает серьезного внимания современного профессионального сообщества и вопрос о том, как должно строиться профессиональное общение в ситуации, когда общество принуждает клиента к взаимодействию со специалистами, поскольку в этом случае власть смещена к профессионалу.

Путь становления социальной работы – как науки, так и практики – включает различные этапы (более или менее успешные), способ-

ствующие развитию ее теоретико-методологической базы, обогащению инструментария, формированию этических стандартов. При этом важно не претендовать на уникальность знаний и навыков, обеспечивающих социальным работникам особую компетентность в обращении к определенным видам проблем, а грамотно применять комплекс научных методов, позволяющий использовать междисциплинарные знания для достижения эффективных результатов. Наличие научно обоснованной практики является необходимым условием результативности отечественной профессиональной социальной работы, что приобретает особую значимость в свете поиска путей повышения ее эффективности в современных условиях.

В целях улучшения качества предоставляемых услуг, а также расширения их доступности в Стратегии инновационного развития Российской Федерации до 2020 г. (утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р) предусмотрено внедрение инноваций в общественном секторе и социальной сфере [15]. Однако для успешного выполнения поставленных задач в условиях ограничения внешних ресурсов сотрудники социальной сферы вынуждены будут прибегать к использованию внутренних, которые могут быть применены ими не только для достижения положительных результатов, но и в качестве компенсации неблагоприятного воздействия «социального пространства». В контексте этих рассуждений возникает ряд вопросов: насколько результативна профессиональная социальная работа сегодня? почему теоретики и практики разговаривают на разных языках, а псевдонаучный подход к решению острых социальных проблем подчас превалирует над собственно научным? почему молодые специалисты, с большим желанием обучавшиеся в вузе по специальности «Социальная работа», меняют вид профессиональной деятельности, едва получив некоторый практический опыт? и др.

Опираясь на собственный многолетний опыт практической социальной работы, можно предположить, что противоречие современной отечественной социальной работы состоит в том, что, с одной стороны, специалисты заявляют о необходимости фиксировать все острые проблемы и анализировать трудности, возникающие в практической деятельности. С другой – демонстрируют неготовность к их обсуждению, проявляют нетерпимость, если у оппонентов (например, представителей «внешних» по отношению к социальной работе профессий) возникают сомнения в правильности

принимаемых ими решений. Вопреки стремлению осмыслить ту или иную проблему, выявить причины ее возникновения, разработать пути ее решения, определить границы ответственности обсуждение переносится в плоскость значимости самой профессии, ее роли в современном обществе.

До сих пор не определены на законодательном уровне (и в общественном сознании) адекватное поле деятельности социальной работы, а также зона ее ответственности [16, с. 11–12], не разработаны действенные средства контроля, стимулы и механизмы привлечения в социальное обслуживание частных инвесторов, стандарты деятельности по социальному обслуживанию населения частными организациями, существуют риски финансовых потерь сторонами договора и др. [17]. Например, руководство России ставит серьезные задачи в сфере демографической политики, преодоления семейного неблагополучия, совершенствования института приемных семей и др. Но адекватны ли возможности отрасли (научная и нормативная правовая обеспеченность, материально-техническая оснащенность, кадровый потенциал) комплексу поставленных задач? Каким образом специалист может осуществить качественное социально-психологическое сопровождение неблагополучной семьи, если ограничены его ресурсы (материальные, моральные, физические)? Да и, собственно, какую семью следует считать неблагополучной?

По-прежнему не теряет остроты проблема межведомственного и межсекторного взаимодействия. Например: насколько эффективны механизмы взаимодействия субъектов профилактики семейного неблагополучия? как оптимизировать работу с общественными организациями в условиях квазисоциального родительства? готово ли профессиональное сообщество эффективно работать в этом направлении [18]?

На фоне активного обсуждения в отечественной науке необходимости модернизации отрасли как перспективы ее развития (одним из направлений которой является разработка и внедрение инновационных социальных технологий) [19, с. 5–6] не часто встречаются научные работы, содержащие всесторонний анализ проблем, возникающих в ходе их реализации. Зарубежные коллеги применительно к социальной работе своих стран заостряют внимание на данном аспекте², отмечая, что в специальной литературе подчас легче встретить ничем не подкрепленные заявления, чем полемические статьи, основанные на анализе научно обоснованной практики.

Внедрение любой инновационной социальной технологии сопряжено с определенными трудностями, а нововведения могут принести как положительные, так и отрицательные результаты. Можно предположить, что практики не склонны освещать промежуточные итоги апробации социальных технологий не столько из-за того, что недооценивают важность всестороннего критического анализа, необходимого профессионалам, сколько из-за того, что опасаются пристрастных проверок, авторитарных заявлений и неэффективных решений, а то и нелицеприятной критики некомпетентных в этой области людей (волонтеров, журналистов). Например, в ходе широкого освещения в средствах массовой информации яркая вспышка информационного повода может исказить содержание проблемы, суть вопроса окажется выхолощенной, но по существу ничего не изменится.

Вместе с тем реализация нововведений, способствующих повышению качества жизни населения, в определенной мере зависит и от общественного мнения, его динамики. Неоднородность общественного мнения обуславливает необходимость его исследования. Причем изучения изменений, уже произошедших в ходе внедрения инноваций, и потенциально возможных, а также проведения всестороннего анализа противоречий и конфликтов.

Существенным препятствием на пути развития отечественной профессиональной социальной работы выступает отсутствие надежных средств диагностики инновационных социальных технологий и социальных проблем в целом. Диагностика, в свою очередь, слабо подкреплена измерительным инструментарием. Несмотря на это обстоятельство, в практической деятельности специалисты по социальной работе охотно применяют методы социологического исследования (особенно распространены опросы). Процедура применения этого метода представляется сотрудникам не очень сложной: составили вопросник, опросили 100 граждан, а затем результаты распространили на всю генеральную совокупность. Сделали выводы, но... реального решения проблемы не предложили. Очевидно, что для разработки или выбора инструментария и проведения опроса социальным работникам необходимы углубленные специальные знания в этой области. Между тем, согласно данным, полученным в ходе социологического исследования П.В. Романовым, Е.Р. Смирновой-Ярской, у большинства опрошенных специалистов по социальной работе практические компетенции преобладают над анали-

тическими и управленческими, несмотря на то, что значительная часть из них имеет опыт структурной социальной работы [8, с. 60]. Справедливости ради следует отметить, что примеры вольного обращения с социологическим инструментарием нередко встречаются и в других сферах профессиональной деятельности; особенно часто недостоверные данные проникают в медиaprостранство.

Современная профессиональная социальная работа не только нуждается в наличии адекватного инструментария, но и испытывает потребность в исследователях, обладающих необходимыми знаниями, способных к аналитической деятельности, применению как количественных, так и качественных методик (очень трудоемких не только в плане сбора информации, но и интерпретации полученных данных).

В целях подготовки и принятия обоснованных и эффективных решений социальных проблем важно иметь специальные «площадки» для проведения консультаций, обмена информацией, обсуждения результатов исследований, участниками которых должны быть представители органов власти, научных и общественных организаций, сотрудники социальных учреждений. В настоящее время имеющиеся традиционные формы оказываются малодоступными для исследователей и практиков (организационные взносы за участие в научно-практических конференциях и семинарах, оплата проезда к месту их проведения и проживания в гостиницах, взносы за публикации и др.), а новые (например, системы онлайн-консультаций, веб-семинары и др.) ими только осваиваются. Вот здесь и образуются противоречия между теми, кто наделен полномочиями принимать решения, и теми, кто должен выполнять эти решения. А кто же выступает посредниками? Те же исследователи и практики – неудобные люди, которые своими неутешительными выводами могут омрачить позитивные заявления представителей органов власти, далеко не всегда базирующиеся на научно обоснованной практике.

Подмена научных критериев псевдонаучными при принятии решений о серьезных социальных проблемах может привести к нарушению социальными работниками собственного этического кодекса, поэтому особую значимость приобретает этическая составляющая социальной работы. По мнению уполномоченного по правам человека в Пермском крае Т. Марголиной, в последнее время наметилась тенденция изменения атмосферы в учреждениях социальной защиты, отношения к получателям государственных услуг (казен-

ное отношение сменяется человеческим). Т. Марголина полагает, что в тех случаях когда невозможно предоставить услугу так, как об этом просит клиент, «нужно не отмахиваться от него, а разъяснить ситуацию», поскольку речь идет о соблюдении прав человека [20]. В этой связи возрастает значение профессионального общения (эффективного, неманипулятивного, содержащего минимальную долю патернализма), поскольку введение клиентов в заблуждение может нанести вред по нескольким направлениям: непривлечение их в качестве проинформированных лиц, принимающих решения; недостаточное внимание к выявлению причин возникших у них проблем, невыполнение максимального для данного случая действий, наконец, отсутствие оценки полученных результатов (о чем, собственно, шла речь в работе Э. Гэмбрилла).

В условиях ограничения ресурсов возобновились дебаты о расходах на предоставление неэффективных услуг (приносящих порой не столько пользу, сколько вред) [21], послужившие основой для разработки и принятия закона, регламентирующего проведение независимой оценки качества работы организаций, оказывающих услуги в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования [22]. По мнению законодателей, данный закон открывает возможность для проведения самими гражданами независимой оценки качества оказываемых им социальных услуг [23].

В контексте постановки задачи повышения качества жизни населения страны в рамках модернизации социальной сферы необходимо сконцентрировать внимание и на содержании этических кодексов. В разработанном членами Общероссийской общественной организации «Союз социальных педагогов и социальных работников» этическом кодексе определены базовые принципы и ценности социальной и социально-педагогической работы, связанные с реализацией специалистами социальной сферы своих профессиональных обязанностей [24]. Нормы поведения, с которыми представители профессии обязаны соотносить свои действия, были определены, но не были ясны механизмы их исполнения. Например, если специалист сомневается в правильности принятого решения, куда ему следует обратиться? Чьи интересы доминируют: общества или конкретного клиента? А если специалист систематически нарушает этические нормы или же просто игнорирует их соблюдение? Каковы пути коррекции его поведения (кроме часто упоминаемого общественного осуждения)?

В 2013 г. приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации утвержден Кодекс этики и служебного поведения работников органов управления социальной защиты населения и учреждений социального обслуживания [25]. В кодексе содержатся основные правила поведения сотрудников, знание его содержания рассматривается как один из приоритетных критериев оценки качества профессиональной деятельности и служебного поведения работников системы социальной защиты населения. В ходе научно-практического семинара «Социально-психологические особенности работы в социальной сфере»³, в котором приняли участие руководители организаций социального обслуживания Ивановской области, мы рассматривали ценностные основы профессиональной социальной работы, обращаясь к содержанию кодекса. Слушатели отметили, что с документом знакомы, но механизмы его исполнения по-прежнему не ясны. Например, каким образом противодействовать и не подчиняться не отвечающим интересам клиентов влиянию отдельных должностных лиц и административному давлению, если эти лица не желают вникать в суть проблемы и руководствуются только собственными представлениями? Заботясь о безопасности оказываемых услуг для жизни и здоровья клиентов, как обеспечить безопасность самого сотрудника учреждения? В каком объеме должна предоставляться информация, касающаяся конкретного клиента в конкретной ситуации? Каковы границы личной ответственности за результаты деятельности, если приходится работать в условиях недостатка ресурсов, и многие другие? Очевидно, что данная тема имеет большое значение для практиков и требует серьезной научной разработки.

Выводы

1. Внедрение профессиональных стандартов предполагает существенные изменения в деятельности системы социальной защиты и социального обслуживания населения и сопровождается многими трудностями (уменьшение объемов бюджетного финансирования, сокращение инфраструктуры, увеличение нагрузки сотрудников отрасли). Выдвигая задачу расширения доступности социальных услуг для населения, следует отчетливо представлять, что достижение позитивных изменений в социальной работе возможно не только путем активизации усилий профессионального сообщества, но и посредством привлечения в отрасль инвестиций, со-

здания ресурсной базы, обеспечивающей качественное выполнение профессиональной деятельности.

2. Путь внедрения инновационных социальных технологий сложен и не всегда предсказуем. А это значит, что нужно быть готовым как к позитивным, так и к негативным результатам, уделять особое внимание изучению социальных изменений в ходе внедрения инноваций (и произошедших, и потенциально возможных), проводить всесторонний анализ выявленных противоречий и конфликтов. Отсутствие надежных средств диагностики социальных проблем в сочетании с недостаточным уровнем подготовки специалистов, которые активно применяют социологический инструментарий, обуславливают получение заведомо недостоверных результатов, что не способствует решению острых социальных проблем, а, наоборот, их усугубляет.

3. Разрыв между декларируемыми целями профессиональной работы и реальной практикой может быть ликвидирован путем научного обеспечения деятельности. Тесное взаимодействие исследователей и практиков позволит преодолеть властную основу профессии, избежать принятия управленческих решений, базирующихся на псевдонаучных данных и не способствующих повышению эффективности социальной работы. В связи с этим возрастает роль профессионального общения на разных уровнях (социальный работник – клиент, специалист по социальной работе – руководитель учреждения, руководители исполнительных органов государственной власти – представители научной общественности и др.).

4. В современных условиях возрастает роль этической составляющей социальной работы. В этическом кодексе определены нормы и правила поведения специалистов, но механизмы их реализации отсутствуют. Осознание того, что репутация профессионального сообщества, статус и престиж профессии во многом зависят от уровня нравственности каждого сотрудника, обуславливает необходимость глубинного изучения этой стороны деятельности. Превалирование экономического рационализма над нравственной сущностью социальной работы может привести к ее дегуманизации, а впоследствии и депрофессионализации.

Резюмируя, следует отметить, что назрела необходимость в изучении и систематизации широкого спектра актуальных проблем, возникающих у профессионального сообщества в условиях модернизации отрасли, выявлении факторов риска, разработке перспектив развития профессиональной социальной работы.

Очевидно, что практика современной социальной работы нуждается в действенном правовом и этическом регулировании, а одним из условий повышения эффективности профессиональной деятельности должно стать ее научное оснащение.

Примечания

1. Работа была впервые опубликована А. Флекнером в материалах 42-й ежегодной общенациональной конференции, посвященной благотворительности и проведенной в Балтиморе, Мэриленд, 12–19 мая 1915 г. В 2001 г. доклад был перепечатан английским профессиональным журналом «Исследования по практике социальной работы» (том 11, №2, с. 152–165). Принято считать, что данная работа послужила отправной точкой развития социологии профессий как самостоятельного направления.

2. В ходе дискуссий, развернувшихся после выступлений коллег из Германии (Х. Боссонга, Е. Штакмайера), в рамках работы секции III «Национальная специфика социальной работы: социальное право, профессиональные стандарты, практики, инновации» и IV «Особенности многоуровневой подготовки социальных работников (образовательные стандарты, международные программы и проекты» на конференции «Специфика профессиональной деятельности социальных работников» (16 сентября 2015 г., ННГУ) прозвучало это мнение. Кроме того, было обращено внимание на соотношение социальной реальности и социального контроля, зоны ответственности субъектов профессиональной деятельности и др.

3. Семинар проводился в рамках дополнительной профессиональной образовательной программы (программы повышения квалификации) «Управление в сфере социальной защиты населения» (г. Иваново, филиал РАНХиГС, 12.11.2015).

Список литературы

1. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 22.10.2013 № 571н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по социальной работе» (Зарегистрировано в Минюсте России 06.12.2013 №30549) / ЗАО «Консультант Плюс». ИБ СПС Консультант Плюс. – URL: <http://www.konsultant.ru> (дата обращения: 12.11.2015).

2. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18.11.2013 № 677н «Об утверждении профессионального стандарта «Социальный работник» (Зарегистрировано в Минюсте России 18.12.2013 г. №30627) / ЗАО «Консультант Плюс». – ИБ СПС Консультант Плюс. – URL: <http://www.konsultant.ru> (дата обращения: 12.11.2015).

3. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18.11.2013 № 678н «Об утверждении профессионального стандарта «Руководитель организации социального обслуживания» (Зарегистрировано в Минюсте России 31.12.2013 № 30970) / ЗАО «Консультант Плюс». – ИБ СПС Консультант Плюс.

- URL: <http://www.konsultant.ru> (дата обращения: 12.11.2015)
4. Федеральный закон РФ от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан Российской Федерации» / ЗАО «Консультант Плюс». – ИБ СПС Консультант Плюс. – URL: <http://www.konsultant.ru> (дата обращения: 12.11.2015).
5. Карелова Г. Модернизация основ социальной работы, перестройка идеологии предоставления социальных услуг – новая особенность развития социального обслуживания населения / Совет Федерации Федерального Собрания РФ. 2.12.2014. – URL: <http://www.council.gov.ru/press-center/news/49250/> (дата обращения: 20.11.2015).
6. Резолюция IV съезда социальных работников и социальных педагогов – 7–8 октября 2014 года «Социальное благополучие и права человека: роль социальных служб, социально-ориентированных НПО и бизнеса» / ССОПиР. – URL: <http://ssopir.ru/129.html> (дата обращения: 14.10.2015).
7. Птицына Н.А. Профессиональная социализация специалистов по социальной работе в оценках экспертов // Отечественный журнал социальной работы. 2014. №4. С. 106–113.
8. Романов П.В., Смирнова-Ярская Е.Р. Социальная работа в современной России: анализ статуса профессиональной группы // Социологические исследования. 2014. №10. С. 60–69.
9. Бюджет [Ивановской] области на 2016 г. Принят в первом чтении. – URL: <http://ivanovonews.ru/reports/detail.php?id=487333> (дата обращения: 24.11.2015).
10. Флекснер А. Является ли социальной работой профессией? Служить людям / Перевод Н.А. Птицыной // Человек. 2012. № 2. С. 78–90.
11. Абрамов Р.Н. Социология профессий и занятий в России: обзор текущей ситуации // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 99–109.
12. Жизненные миры современной российской семьи: Монография / З.Х. Саралиева, В.А. Блонин, Н.Ю. Егорова [и др.]. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2015. 244 с.
13. Gambrill E. Social Work: An Authority-Based Profession // Research on Social Work Practice. Vol. 11. No. 2, March 2001, 166–175. – URL: <http://rsw.sagepub.com/content/11/2/166> (дата обращения: 25.09.2010).
14. Саралиева З.Х. Семья – клиент социальной работы: Учебное пособие. Нижний Новгород, 2003. С. 258.
15. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» / ЗАО «Консультант Плюс». – ИБ СПС Консультант Плюс. – URL: <http://www.konsultant.ru> (дата обращения: 12.11.2015).
16. Панов А.М. О проблемах профессиональной деятельности в социальной работе // Социальное обслуживание. 2012 № 3. С. 8–13.
17. Итоговые рекомендации Форума социальных инноваций регионов (г. Омск 5–6 июня 2015 г. – URL: <http://socio-forum.ru/2015/resolution2015> (дата обращения: 8.11.2015).
18. Силаев Н. Дорогой самообман. – URL: <http://www.expert.ru/expert/2013/07/dorogoj-samoobman> (дата обращения: 5.03.2013).
19. Хасбулатова О.А. Социальная политика региона: приоритеты модернизации // Модернизационный потенциал регионов: Сб. докл. и тез. Междунар. науч.-практ. конф. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2011. С. 3–6.
20. Сотрудники соцзащиты в Прикамье с 2015 года будут работать по профессиональным стандартам // Пермский региональный сервер. 5.06.2014. – URL: <http://perm.ru/?id=1000064&show=28154> (дата обращения: 5.11.2015).
21. Новости. Исаев: Как повысить качество социальных услуг / Единая Россия. Официальный сайт партии. 14.05.2014. – URL: <http://voronezh.er.ru/news/2014/5/14/isaev-kak-povysit-kachestvo-socialnyh-uslug/> (дата обращения: 15.05.2014).
22. Федеральный закон РФ от 21.07.2014 г. № 256-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования» / ЗАО «Консультант Плюс». ИБ СПС Консультант Плюс. – URL: <http://www.konsultant.ru> (дата обращения 23.11.2015).
23. Новости о независимой оценке качества соцуслуг. Статья Андрея Исаева // Новости политических партий России и стран СНГ. – URL: <http://www.qwas.ru/russia/edinros/Novosti-o-nezavisimoi-ocenke-kachestva-socuslug-Statja-Andreja-Isaeva/> (дата обращения: 12.11.2015).
24. Кодекс этики социального работника и социального педагога. М., 2006. 24 с.
25. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 31.12.2013 № 792 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения работников органов управления социальной защиты населения и учреждений социального обслуживания» / ЗАО «Консультант Плюс». ИБ СПС Консультант Плюс. – URL: <http://www.konsultant.ru> (дата обращения: 12.11.2015).

ADHERENCE TO PROFESSIONAL STANDARDS*N.A. Ptitsyna*

Ivanovo State University

In this paper, we consider the set of features that characterize social work as a form of professional activity relying on evidence-based practice. We also examine a number of topical issues that are essential for the development of social work in Russia, including the effectiveness of professional social work, the efficiency of interaction of its subjects, the lack of reliable diagnostic tools for innovative social technologies and social problems in general. The need to respect ethical standards in social work is emphasized.

Keywords: social work, professional standards, efficiency, quality of services, code of ethics.

УДК 316.258

ВОВЛЕЧЁННОСТЬ ПЕРСОНАЛА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ, ЭМПИРИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

© 2016 г.

Л.М. Чеглакова, В.И. Кабалина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

lcheglakova@hse.ru

*Статья поступила в редакцию 16.11.2015**Статья принята к печати 14.01.2016*

Даётся обзор наиболее распространенных подходов в психологии и управлении человеческими ресурсами к определению понятия «вовлечённость работников». На основе анализа существующих трактовок авторы предлагают сужение и уточнение данного понятия для сферы управления человеческими ресурсами с акцентом на поведенческом компоненте, а именно на нормативном и сверхнормативном поведении в рамках конкретной организации. Проводится сравнение вовлечённости различных должностных групп сотрудников российской туристической компании по результатам эмпирического исследования 2014 г., проведённого методом анкетного опроса.

Ключевые слова: вовлечённость персонала, нормативное поведение, организационный контекст.

Теоретические основы исследования вовлечённости работников

Основными источниками литературы по вовлечённости в данный момент являются практикоориентированные издания или исследования консалтинговых компаний и в меньшей степени академические статьи и теоретические концепции [1, р. 600]. При этом количество академических работ десятилетие назад было сравнительно небольшим, но в последние годы быстро увеличивается [2].

Первое появление термина «вовлечённость» связывают с именем социального психолога Вильяма Кана в 1990 г., в работе которого личная вовлечённость (personal engagement) определялась как ситуация, когда «люди включают или исключают свое личное «я» при выполнении трудовых ролей» [3]. Изначально В. Кан рассматривал вовлечённость как исключительно психологический конструкт, характеризующий личностное (индивидуальное) отношение и вклад по отношению к организации в целом. Он описывал вовлечённость как многомерную мотивационную концепцию вклада работником одновременно физической, умственной и эмоциональной энергии в процессе выполнения им трудовой деятельности. Согласно структуре вовлечённости в интерпретации В. Кана, её характеризуют 3 аспекта: когнитивный (убеждения сотрудников об организации, ее руководителях и условиях труда); эмоциональный (характер и сила эмоциональной связи с организа-

цией и ее руководителями); поведенческий или физический аспекты (энергия, вкладываемая сотрудниками в выполнение своих ролей).

Следующая веха в попытках дать определение феномена «вовлечённость» связана с его позиционированием относительно уже существующих понятий теории организационного поведения, таких как «удовлетворённость», «приверженность», «лояльность», которые чаще рассматривались в качестве предпосылок вовлечённости [4]. Что касается структуры, то тенденция сочетать когнитивный, эмоциональный и поведенческий аспекты прослеживается в работах ряда авторов. Так, В. Доминик выделяет следующие составляющие лояльности, имеющие континуум от позитивного до негативного полюса [5]:

1) эмоциональное отношение к организации (чувство верности, преданности, гордость, положительное отношение);

2) когнитивный аспект, проявляемый в процессах разделения и принятия организационных ценностей, целей, норм, правил, процедур и решений;

3) намерение, готовность действовать определённым образом (приложение усилий, основных или дополнительных, в интересах организации, в том числе продолжение работы в организации).

Сверхнормативный характер или надролевое поведение подчеркивал и М. Магура, который в качестве условий и индикаторов вовлечённости определял такие аспекты:

Таблица 1

Четыре подхода к анализу вовлечённости Б. Шака

Подход и исследователи	Год	Ключевая работа(ы)	Трактовка и базовая теория
Вовлечённость как удовлетворение потребностей (a need-satisfying approach) Подход В. Кана [3]	1990	Kahn W. Psychological conditions of personal engagement and disengagement at work (1990)	Вовлечённость как полноценная включённость в выполнение рабочей роли, при которой сотрудник направляет свою когнитивную, эмоциональную и физическую энергию на выполнение рабочих задач. Факторы вовлечённости: осмысленность, безопасность и доступ к ресурсам. Базовая теория: психологическая
Вовлечённость как антитеза выгоранию (engagement -burnout) Подход Маслак, Лейтера [8]	1997	Maslach C., Leiter M.P. The truth about burnout: How organizations cause personal stress and what to do about it (1997)	Вовлечённость определяется не как отдельный конструкт, а как позитивная противоположность выгорания. Компоненты вовлечённости (высокий уровень энергии, увлечённость, ощущение эффективности) определяются через противопоставление компонентам выгорания (истощение, цинизм, неэффективность). Базовая теория: психологическая
Подход «удовлетворённость – вовлечённость» (satisfaction - engagement) Модель Gallup [4]	2002	Harter J.K., Schmidt F.L., Hayes T.L. Business-unit-level relationship between employee satisfaction, employee engagement, and business outcomes: meta-analysis (2002)	Вовлечённость как следствие удовлетворённости различных потребностей сотрудника. В случае удовлетворения потребностей сотрудника он демонстрирует включённость, удовлетворённость работой и трудовой энтузиазм. Базовая теория: позитивная психология
Многомерный подход к вовлечённости (job engagement – organisational engagement) Трёхмерная модель А. Сакса [1]	2006	Saks A.M. Antecedents and consequences of employee engagement (2006)	Вовлечённость как «ответ» сотрудника на экономические и социоэмоциональные ресурсы от организации. Вовлечённость – это трёхмерный конструкт из когнитивной, эмоциональной и поведенческой составляющих. Базовая теория: социального обмена

– готовность и желание прилагать дополнительные усилия ради интересов организации, не ограничиваясь должностными инструкциями (надролевое поведение);

– чувство самоуважения на основе удовлетворённости профессиональными достижениями и работой;

– заинтересованность в достижении значимых результатов для организации и ответственность за них [6].

Наиболее полная картина, обобщившая существующие подходы к анализу вовлечённости, была предложена в 2011 г. Б. Шаком [7]. Содержательно четыре подхода к анализу вовлечённости изложены в таблице 1.

Отдельного упоминания заслуживают работы по теме вовлечённости, в которых акцент сделан на её поведенческом компоненте. Одной из наиболее ранних была работа Кевина Томсона, где автор описал инновационный подход к управлению работниками, указав, что признаком вовлечённого работника является действие [9].

В работе Д. Органа «Организационное гражданское поведение» вовлечённость рассматривается в традициях бихевиоризма [10]. Исследователями организационного поведения было предложено понятие позитивного организационного поведения (positive organisational behavior), или организационного гражданского поведения (organisational citizenship behavior), которое близко к пониманию вовлечённости как действия. Наиболее полно формы организационного гражданского поведения классифицировали Ф. Подсакофф и его коллеги [10]: оказание помощи другим сотрудникам в решении проблем или же предотвращение их наступления; самоотдача; организационная лояльность и соблюдение организационных норм; проявление инициативы и гражданская ответственность. Среди факторов формирования организационного гражданского поведения были названы такие разнообразные условия, как индивидуальные характеристики сотрудника, поведение лидера, групповая динамика, особенности орга-

низации, содержание работы и культурные особенности [11]. Среди социально-демографических факторов была доказана статистическая значимость таких индивидуальных характеристик, как возраст и опыт работы в компании, но влияние статуса сотрудника и количества детей на трудовую вовлечённость было проблематизировано [12].

Даже при условии содержательных различий в трактовках, целый ряд работ свидетельствует о связи высокого уровня вовлечённости с высокими же показателями результатов труда, гражданского поведения, благосостояния работника, вплоть до высоких финансовых показателей компании [13–16].

В последние годы интерес к понятию «вовлечённость работников» проявили исследователи в области УЧР и трудовых отношений. Именно исследователи в сфере УЧР сместили фокус в конструкте «вовлечённость» с психологически-эмоционального состояния к деятельности и поведению, от внеорганизационного контекста – к организации. Они также предложили рассматривать вовлечённость персонала как продукт взаимодействия работника и организации, их взаимной адаптации. Эмпирически было доказано, что высокий уровень вовлечённости связан не только с улучшениями в выполнении должностных обязанностей [17], но и с увеличением надроевых усилий [18], а также снижением текучести [1, 19, 20]. Таким образом, связь между высоким уровнем вовлечённости и высокой результативностью трудовой деятельности рассматривается как ключевая причина, что позволило объявить вовлечённость в качестве «нового лучшего пути» управления людьми [21]. Такая аргументация имеет очевидные параллели с дебатами о связи между «лучшими практиками», стратегии УЧР по управлению приверженностью, результативностью, включенностью и высокими показателями деятельности компании [22, 23].

Последние годы принесли ряд работ, авторы которых в качестве новой проблемы УЧР предлагают увидеть «обратную сторону» вовлечённости [24, 25]. Рост производительности из-за интенсификации труда и обострение неравенства в доходах вследствие требования организации от работников высокого уровня вовлечённости, без поддержки сверхнормативной активности соответствующим вознаграждением, критикует Д. Джордж [26]. Негативные последствия для вовлечённых работников, которые проявляются в нарушении баланса работы и личной жизни, что не учитывается менеджментом, отмечены Д. Халбеслебенем [20].

Для исследователей в области УЧР поиск предмета для изучения вовлечённости только начинается. В редакционной статье специального номера журнала *International Journal of Human Resource Management* по теме вовлечённости говорится о возможности сместить фокус в развитии концепции вовлечённости и применить ее к сфере УЧР. В частности, признавая существующий подход к вовлечённости как к психологическому состоянию, речь ведут о дальнейшем изучении вопросов, таких как: где, как и почему вовлечённость возникает и как она взаимосвязана с другими событиями и отношениями в организации. Новый акцент предлагается установить в рассмотрении вовлечённости в рамках социального и культурного контекста или с точки зрения критического подхода к трудовым отношениям [23]. В качестве малоизученных аспектов авторы статей этого специального номера называют вопросы о развитии, внедрении и опыте инициатив по вовлечённости, рассматриваемых с позиции как менеджмента, так и работников: как формировать вовлечённость ('doing' engagement), каковы индикаторы состояния вовлечённости ('being' engaged). Большая часть исследований по вовлечённости до этого времени была сосредоточена в области психологии и фокусировалась на переменных, связанных с отношением работников, т.е. изучалась с позиции работников. Очевидно, что существует дефицит исследований о том, каким образом менеджеры и специалисты по УЧР развивают и поддерживают вовлечённость персонала, создают программы по вовлечённости ('doing' engagement) и какова реакция работников на эти программы.

Поскольку единого подхода к понятию «вовлечённость» к настоящему времени еще не существует, отсутствует также и единая методика измерения вовлечённости. В таблице 2 представлен анализ основных методик для измерения вовлечённости.

Если рассматривать вовлечённость как управленческий проект, встает вопрос о том, как рассматривать структуру вовлечённости, ее компоненты с точки зрения возможностей управленческого воздействия и измерения его результативности. В частности, вопросы возникают по эмоциональному компоненту вовлечённости. Работник может эмоционально проявлять энтузиазм по поводу работы и организации, но при этом демонстрировать низкие результаты деятельности. Является ли устойчивой эмоциональная вовлечённость, на которой дела-

Таблица 2

Обзор основных методик измерения вовлечённости

Название	Работа	Индикаторы
Модель Aon Hewitt [27]	Исследование вовлечённости сотрудников компании Aon Hewitt (1994)	Опросник насчитывает около 70 вопросов, которые позволяют оценить уровень вовлечённости и удовлетворённости работников 19 факторами, влияющими на вовлечённость. Эти 19 факторов разделены на 6 групп: 1) Люди. 2) Работа. 3) Карьера. 4) Вознаграждение. 5) Деятельность компании. 6) Качество жизни работника
The Gallup Q12 [28]	Gallup Inc. (1993 – 1998)	Опросник включает 12 вопросов, которые измеряют вовлечённость через показатели включённости, удовлетворённости и энтузиазма. Фрагмент опросника: – Знаете ли Вы, что ожидается от Вашей работы? – Есть ли у Вас на работе лучший друг (социальная поддержка)? – В течение последних 6 месяцев говорил ли кто-то с Вами на работе о Вашем прогрессе? и т.д.
Utrecht Work Engagement Scale [29, 30]	Schaufeli W.B., Salanova M., González-Romá V., Bakker A.B. The measurement of engagement and burnout: A two sample confirmatory factor analytic approach (2002)	Опросник включает 17 вопросов. Инструмент предназначен для измерения трех компонентов вовлечённости: – энергичность («На работе я чувствую себя наполненным энергией»); – энтузиазм («Моя работа меня вдохновляет»); – поглощённость деятельностью («Когда я работаю, время летит»)
	Schaufeli W.B., Bakker A.B., Salanova M. The measurement of work engagement with a short questionnaire: A cross-national study (2006)	Краткая версия методики из 9 вопросов
Oldenburg Burnout Inventory [31]	Demerouti E., Bakker A.B. The Oldenburg Burnout Inventory: A good alternative to measure burnout and engagement (2008)	Методика из 16 вопросов, оценка по двум направлениям: – истощение – энергичность («Бывают дни, когда я чувствую усталость до прихода на работу»); – цинизм – энтузиазм («Это единственный тип работы, на котором я могу себя представить»)
Методика Мэя, Гилсона и Хартера [32]	May D.R., Gilson R.L., Harter L.M. The psychological conditions of meaningfulness, safety and availability and the engagement of the human spirit at work (2004)	Методика основана на работе В. Кана. Оценивает 3 компонента вовлечённости: – когнитивный («В процессе работы я редко отвлекаюсь на посторонние вещи»); – эмоциональный («Мое эмоциональное состояние сильно зависит от того, как я выполняю работу»); – физический («Я остаюсь на работе до тех пор, пока не доделаю все, что нужно было сделать»)
Методика А. Сакса [1]	Saks A. Antecedents and consequences of employee engagement (2006)	Методика разработана для измерения двух типов вовлечённости: – вовлечённость в работу («Иногда я настолько погружен в работу, что теряю ощущение времени»); – организационная вовлечённость («То, что я являюсь частью организации, позволяет мне себя чувствовать «живым»).
Методика Рича, Лепина и Крофорда [33]	Rich B., Lepine J., Crawford E. Job engagement: Antecedents and effects on job performance (2010)	Методика разработана для измерения вовлечённости, описанной В. Каном: – когнитивный компонент («На работе я сфокусирован на выполнении своих рабочих задач»); – эмоциональный компонент («Я горжусь своей работой»); – поведенческий компонент («Я прикладываю максимум усилий для выполнения рабочих задач»)
Модель Towers Watson (экспоненциальная модель вовлечённости) [34]	Towers Watson, The power of three: Taking engagement to new heights (2012)	Методика, измеряющая 3 фактора: 1) привязанность к компании, стремление приложить дополнительные усилия и добиться большего; 2) атмосфера, которая располагает к продуктивному труду и способствует улучшению трудовых показателей; 3) индивидуальные условия труда: рабочая обстановка, социальные условия и эмоциональный климат в коллективе. На основе модели предложен 21 драйвер вовлечённости

ется акцент в психологическом конструкте понятия вовлечённости? Какой уровень вовлечённости является предельным, чтобы не превратиться в свою противоположность – выгорание?

Можно высказать предположение, что с учётом менеджерского подхода концепция вовлечённости может быть сужена и сфокусирована на поведенческом компоненте. Опираясь на концепцию позитивного организационного поведения, или организационного гражданского поведения, вовлечённость персонала можно рассматривать через призму нормативного и сверхнормативного поведения в данной конкретной организации. Вовлечённый работник – это работник, который выполняет нормы, установленные в данной организации, и не просто выражает готовность к сверхнормативным усилиям (что чаще всего измеряется в опросах по вовлечённости), но на практике делает это регулярно.

Методология и результаты эмпирического исследования

В развитие обсуждаемых выше идей об изучении вовлечённости в русле практик УЧР в 2014 г. было проведено исследование в целях сравнения уровня вовлечённости различных групп работников на примере туристической фирмы. Туристическая фирма, ставшая эмпирическим объектом исследования, имеет региональную структуру с центральным офисом в Москве и офисы в 15 городах России. Общая численность персонала 274 человека. В анкетном опросе¹ методом самооценки участвовало 92 сотрудника, что составляет треть персонала организации; 60 человек являлись рядовыми сотрудниками, 14 человек – низовыми менеджерами, 18 – менеджерами среднего звена.

Во многих публикациях анализируется вовлечённость всех сотрудников, в то время как наша задача была измерить уровни вовлечённости в дела организации менеджеров компании. Вовлечённость сотрудников понималась нами как поведенческая характеристика, представленная через самооценку сотрудника степени следования организационным нормам (соответствия или отклонения в ту или иную сторону). Вовлечённость измерялась как следование нормам организации и их превышение в пользу организации.

12 индикаторов вовлечённости были разбиты на 3 группы:

1) «Соблюдение норм»:

- Выполняю все требования, нормы и правила, существующие в организации.

- Выполняю все обязанности по должности.

- Выполняю все задания, независимо от должностных обязанностей.

- Выполняю всю работу на требуемом уровне.

2) «Оказание помощи членам коллектива»:

- Оказываю помощь членам своей группы (отдела).

- Помогаю другим сотрудникам для решения задач подразделения.

- Помогаю членам подразделения выполнять их должностные обязанности.

- Помогаю новым членам коллектива адаптироваться.

3) «Участие в управлении»:

- Вношу предложения по улучшению внутренних правил.

- Вношу предложения по повышению эффективности работы.

- Вношу предложения по улучшению обстановки в коллективе.

- Вношу предложения по рационализации работы.

Для измерения уровня вовлечённости по каждому индикатору был рассчитан индекс по формуле:

$$I = (k_1 * n_1 + k_2 * n_2 + k_3 * n_3 + k_4 * n_4 + k_5 * n_5) / N, \quad (1)$$

где k – показатель самооценки со значением от -2 до $+2$, n – число ответов с соответствующим значением самооценки, N – общее число ответов по данному индикатору.

Соответствие значений пунктов шкалы и приписанных индексов таково:

- «для меня это совершенно не характерно» – -2 балла;

- «чаще не выполняю, поскольку не считаю это своей задачей» – -1 балл;

- «от случая к случаю» – 0 баллов,

- «чаще выполняю, но не всегда получаюсь» – $+1$ балл.

- «это именно то, что характерно для меня» – $+2$ балла.

Результаты исследования вовлечённости менеджеров показали более высокие показатели для менеджеров среднего уровня, чем для других категорий сотрудников (рис. 1). В целом, вывод соответствует общим принципам руководства и, одновременно, подтверждает проблему загруженности этой буферной зоны менеджмента.

При том, что респонденты ожидаемо не ставили отрицательных самооценок, в целом для организации показатели вовлечённости не

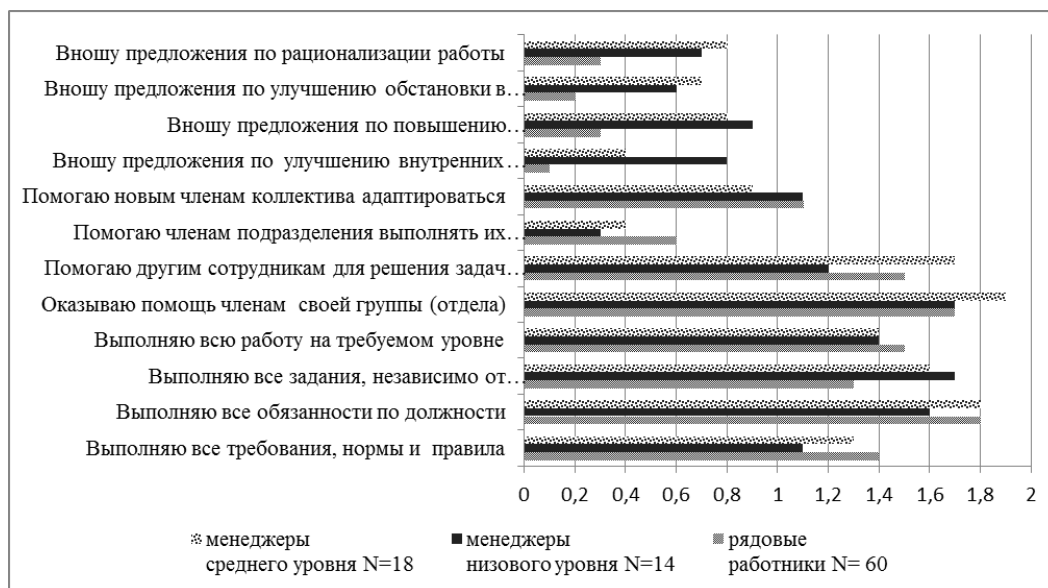

Рис. 1. Индексы вовлеченности сотрудников (нормативное поведение) для разных категорий сотрудников по индикаторам в организации

достигли максимального уровня. Лидирующей является стратегия «выполнять все, что положено по должности». Выполнение работы на требуемом уровне составило 75% от предельно возможного уровня. При этом выполнение требований, норм и правил, существующих в организации, у менеджеров ниже, чем у рядовых сотрудников, и у менеджеров низового уровня ниже, чем у менеджеров среднего звена. Ответы на вопросы о том, что это: форма протеста против политики собственника или попытка сохранить себя в условиях больших нагрузок и конвейерного типа производства услуги, не были даны на этом этапе исследования, но, очевидно, для такой самооценки есть серьезные причины. Кроме того, менеджерам свойственны низкие значения индексов вовлеченности в управление и самый большой разброс самооценок по этим вопросам.

Вне зависимости от должностного статуса самые низкие значения индекса – по индикатору «Помогаю членам подразделения выполнять их должностные обязанности». Вероятно, это связано с организацией труда в компании, когда взаимодействие происходит прежде всего в рамках своего отдела, а кросс-функциональное взаимодействие реализуется на верхнем уровне организации, у топ-менеджеров.

На общем фоне у руководителей среднего уровня активность во внесении предложений по регулированию внутреннего распорядка, по повышению эффективности работы, по улучшению обстановки в коллективе и рации-

онализации работы все же выше, чем у всех других групп.

Выводы

Отличие представленного исследования от многих работ по теме вовлеченности заключается в том, что измерение вовлеченности построено не на психологическом подходе к феномену, который главенствует в академическом и консалтинговом дискурсах. С учетом менеджериального подхода концепция вовлеченности сфокусирована на поведенческом компоненте, расширяя теоретические рамки толкования понятия. Базируясь на концепции позитивного организационного поведения, или организационного гражданского поведения, мы рассматривали вовлеченность персонала через призму нормативного и сверхнормативного поведения в конкретной организации. Вовлеченный работник – это работник, который выполняет нормы, установленные в данной организации, и не просто выражает готовность к сверхнормативным усилиям (что чаще всего измеряется в опросах по вовлеченности), но на практике делает это регулярно.

На примере туристической организации получены эмпирические данные о самооценке ориентации трёх должностных групп работников (менеджеры среднего и низового уровней управления и рядовые работники) на нормативное и сверхнормативное поведение, выявлены зоны благоприятствования и рисков для реализации вовлеченности персонала организации.

Мы выражаем благодарность своим коллегам, доценту К.В. Решетниковой и доценту М.Д. Предводителевой за совместную работу.

Статья написана по результатам исследования «Конгруэнтность личных и организационных ценностей и ее влияние на вовлечённость персонала организации», поддержанного в 2014 г. грантом факультета менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Примечания

1. Для разработки вопросов использован опросник, который был любезно предоставлен В.В. Кусковой, доцентом факультета менеджмента НИУ ВШЭ. Этот опросник предназначен для оценки менеджерами поведения своих подчиненных, однако в силу возникших трудностей при организации опроса вопросы были переформулированы для самооценки работниками своего поведения.

Список литературы

1. Saks A.M. Antecedents and Consequences of Employee Engagement // *Journal of Managerial Psychology*. 2006. V. 21 (7). P. 600–619.
2. Robinson D., Perriman S., Hayday S. *The Drivers of Employee Engagement*. Brighton: Institute for Employment Studies, 2004.
3. Kahn W.A. Psychological Conditions of Personal Engagement and Disengagement at Work // *Academy of Management Journal*. 1990. V. 33. №4. P. 692–724.
4. Harter J.K., Schmidt F.L., Hayes T.L. Business-Unit-Level Relationship Between Employee Satisfaction, Employee Engagement, and Business Outcomes: A Meta-Analysis // *Journal of Applied Psychology*. 2002. № 87. P. 268–279.
5. Доминьяк В.И. Организационная лояльность: модель реализации ожиданий работника от своей организации: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. СПб., 2006. 281 с.
6. Магура М.И. Патриотизм персонала по отношению к своей организации – решающее конкурентное преимущество // *Управление персоналом*. 1998. № 11. С. 43.
7. Shuck B. Integrative Literature Review: Four Emerging Perspectives of Employee Engagement: An Integrative Literature Review // *Human Resource Development Review*. 2011. № 10. P. 304–328.
8. Maslach C., Leiter M.P. *The Truth About Burnout: How Organizations Cause Personal Stress and What to do About it*. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1997.
9. Thomson K. *The Employee Revolution: Rise of Corporate Internal Marketing* // Hardcover Financial Times Prentice Hall. 1990.
10. Organ D.W. *Organizational citizenship behavior*. Sage Publications. 2006.
11. Podsakoff P.M., MacKenzie S.B., Paine J.B., Bachrach D.G. Organizational Citizenship Behaviors: A Critical Review of the Theoretical and Empirical Literature and Suggestions for Future Research // *Journal of Management*. 2000. № 26 (3). P. 516.
12. Bakker A.B., Schaufeli W.B. Positive Organizational Behavior: Engaged Employees in Flourishing Organizations // *Journal of Organizational Behavior*. 2008. № 29. P. 147–54.
13. Christian M.S., Garza A.S., Slaughter J.E. Work Engagement. A Quantitative Review and Test of its Relation with Task and Contextual Performance // *Personnel Psychology*. 2011. № 64. P. 89–136.
14. Richman A. Everyone Wants an Engaged Workforce how Can You Create it? // *Workspan*. 2006. V. 49. P. 36–9.
15. Soane E.C. Leadership and Employee Engagement // In: C. Truss, K. Alfes, R. Delbridge, A. Shantz, and E.C. Soane (Eds.). *Employee Engagement in Theory and Practice*. London: Routledge, 2013.
16. Salanova M., Agut S., Peiro J.M. Linking Organizational Resources and Work Engagement to Employee Performance and Customer Loyalty: The Mediation of Service Climate // *Journal of Applied Psychology*. 2005. № 90. P. 1217–1227.
17. Bakker A.B., Demerouti E., Brummelhuis L.L. Work Engagement, Performance, and Active Learning: The Role of Conscientiousness // *Journal of Vocational Behavior*. 2012. № 80 (2). P. 555–564.
18. Schaufeli W.B., Bakker A.B. Job Demands, Job Resources and their Relationship with Burnout and Engagement: A Multi-sample Study // *Journal of Organizational Behavior*. 2004. № 25. P. 293–315.
19. Hakanen J.J., Bakker A.B., and Schaufeli W.B. Burnout and Work Engagement among Teachers // *Journal of School Psychology*. 2006. № 43. P. 495–513.
20. Halbesleben J.R.B. The Consequences of Engagement: The Good, the Bad and the Ugly // *European Journal of Work & Organizational Psychology*. 2011. № 20. P. 68–73.
21. Keenoy T. Engagement: A Murmuration of Objects // In: C. Truss, K. Alfes, R. Delbridge, A. Shantz, and E.C. Soane (Eds.). *Employee Engagement in Theory and Practice*. London: Routledge, 2013.
22. Wright P.M., Snell S.A., and Dyer L. New Models of Strategic HRM in a Global Context // *The International Journal of Human Resource Management*. 2005. № 16. P. 875–881.
23. Truss C., Shantz A., Soane E., Alfes K., Delbridge R. Employee Engagement, Organisational Performance and Individual Well-being: Exploring the Evidence, Developing the Theory // *The International Journal of Human Resource Management*. 2013. № 24 (14). P. 2660.
24. Bakker A.B., Albrecht S.L., Leiter M.P. Key Questions Regarding Work Engagement // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 2011. V. 20. № 1. P. 4–28.
25. Halbesleben J.B., Harvey J., Bolino M.C. Too Engaged? A Conservation of Resources View of the Relationship Between Work Engagement and Work Interference with Family // *Journal of Applied Psychology*. 2009. V. 94. P. 1452–1465.
26. George J.M. The Wider Context, Costs, and Benefits of Work Engagement // *European Journal of Work & Organizational Psychology*. 2011. № 20. P. 53.

27. <https://cep1b03.hewitt.com/bestemployers/russia/russian/pages/methodology.htm> (дата обращения: 11.11.2015).
28. Harter J.K., Schmidt F.L., Killman E.A., Asplund J.W. Q12. Meta-Analysis. Gallup Consulting. URL: https://strengths.gallup.com/private/resources/q12meta-analysis_flyer_gen_08%2008_bp.pdf (дата обращения: 11.11.2015).
29. Schaufeli W., Salanova M., González-Romá V., Bakker A. The Measurement of Engagement and Burnout: A Two Sample Confirmatory Factor Analytic Approach // *Journal of Happiness Studies*. 2002. V. 3. P. 71–92.
30. Schaufeli W.B., Bakker A.B., Salanova M. The Measurement of Work Engagement with a Short Questionnaire: A Cross-national Study // *Educational and Psychological Measurement*. V. 66. № 4. P.701–716.
31. Demerouti E., Bakker A. The Oldenburg Burnout Inventory: A Good Alternative to Measure Burnout and Engagement // In: Halbesleben (Ed.). *Stress and Burnout in Health Care*. Hauppauge, NY: Nova Series, 2008. P. 65–78.
32. May D.R., Gilson R.L., Harter L.M. The Psychological Conditions of Meaningfulness, Safety and Availability and the Engagement of the Human Spirit at Work // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 2004. V. 77. № 1. P. 11–37.
33. Rich B., Lepine J., Crawford E. Job Engagement: Antecedents and Effects on Job Performance // *Academy of Management Journal*. 2010. V. 53. № 3. P. 617–635.
34. Исследование Towers Watson, The Power of Three: Taking Engagement to New Heights. URL: <http://www.companies-that-care.org/images/stories/files/pdf/towers-watson-takingengagementtonewheights.pdf> (дата обращения: 11.11.2015).

**EMPLOYEE ENGAGEMENT:
THEORETICAL APPROACHES, EMPIRICAL RESULTS**

L.M. Cheglakova, V.I. Kabalina

National Research University Higher School of Economics, Moscow

The article reviews some of the most common approaches in psychology and human resources management to the concept «employee engagement». The authors consider its evolution and suggest narrowing and clarifying this concept with an accent on its behavioral component, namely, normative and above-norm behavior in the concrete organization. The empirical part of the article is based on the results of a survey conducted in 2014 and presents a comparison of employee engagement of different status groups of Russian travel agency staff.

Keywords: employee engagement, normative behavior, organizational context.

УДК 316

**СОВРЕМЕННЫЙ РАБОТНИК МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА
КАК СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ**

© 2016 г.

Ю.Ю. Чилипенко, О.С. Осипова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижегородский филиал

YuChil@rambler.ru

*Статья поступила в редакцию 30.09.2015**Статья принята к печати 18.01.2016*

Основной целью данного исследования стало изучение работника малого и среднего бизнеса как субъекта современных социально-трудовых отношений. В качестве объекта эмпирического исследования, проведенного методом анкетирования, выступили 502 работника предприятий малого и среднего бизнеса г. Нижнего Новгорода. Изучались такие характеристики: ресурсы и ценности работников, специфика их взаимодействий с другими субъектами рынка труда, главным образом с работодателями. Результаты показывают, что работники являются достаточно уязвимой группой, ориентированной в первую очередь на достижение финансовой стабильности и благополучия. В роли субъекта рынка труда рядовые сотрудники малого и среднего бизнеса проявляют автономию в решении любых трудовых вопросов, активно взаимодействуют, в основном в границах организации – текущего места работы.

Ключевые слова: социально-трудовые отношения, малый и средний бизнес, работодатель, работник, посредники.

Сегодня малый и средний бизнес – это самый молодой, самый гибкий, самый разнообразный и достаточно многочисленный сектор современной российской экономики, решающий важные социально-экономические задачи, в том числе и в сфере социально-трудовых отношений. Согласно статистике, в России в 2013 г. насчитывалось 2063.1 тыс. малых и 13.7 тыс. средних предприятий, что составило 42.8% от общей численности всех российских предприятий, на которых было занято 18.6% от всего занятого населения (16.3% и 2.3% соответственно). При этом в составе занятых на малых предприятиях 41% заняты на микропредприятиях (численностью от 1 до 15 человек) [1].

Однако сегодня сфера социально-трудовых отношений именно в малом и среднем бизнесе представляется недостаточно изученной. Причин этому несколько: проблема доступа к данным и информации, так как сами предприниматели и работники нередко скрывают достоверные данные по разным причинам, быстрая смена условий их деятельности и существования, а главное – огромное разнообразие исследуемых ситуаций и практик взаимодействий. Это неудивительно в свете стремительных перемен в социальной жизни российского общества в последние десятилетия. Социально-трудовые отношения существенным образом трансформи-

ровались, так же как и сами взаимодействующие субъекты. Изменился ресурсный потенциал многих субъектов, а также и ценностные ориентиры участников социально-трудовых отношений. В этой связи особый интерес представляет основной субъект этих отношений – современный работник. Каков социальный портрет современного работника малого и среднего бизнеса? Какие ценности определяют его поведение? Какими ресурсами он располагает? Как он ощущает себя на современном рынке труда и как взаимодействует с другими его субъектами? В нашем исследовании мы постарались найти ответы на эти вопросы.

Так как социально-трудовые отношения представляют собой отношения социальные, которые в свою очередь складываются из повторяющихся социальных взаимодействий их субъектов, мы и выбрали в качестве категориальной основы изучения социально-трудовых отношений категорию «социальное взаимодействие».

Подробно рассмотрев ее в наших предыдущих исследованиях [2], на основании анализа многочисленных классических и зарубежных теорий и концепций социального взаимодействия, мы смогли выделить несколько основных характеристик, опираясь на которые и построили наше эмпирическое исследование. Мы выделили две группы характеристик: 1) относящиеся

Таблица 1

Субъекты социально-трудовых отношений, оказывающие наибольшее влияние на трудовую жизнь работников малого и среднего бизнеса

Субъект социально-трудовых отношений	Выбор в числе наиболее значимых, %
Непосредственный руководитель	71.9
Сами работники и их коллеги	46.4
Главы компании, собственники	32.7
Семья, родственники, друзья, знакомые	31.3
Отдел кадров / служба управления персоналом	12.0
Профессиональные сообщества/объединения	9.0
Налоговая служба	4.4
Службы занятости	3.8
Никто не оказывает влияния	3.6
Профсоюзы	3.2
Кадровые агентства	2.6
Пенсионные и страховые фонды	2.4

к субъекту взаимодействия и 2) относящиеся непосредственно к самому взаимодействию.

В данной работе будут рассмотрены состав, ценности и ресурсы субъекта «работник», а также условия и барьеры его взаимодействия с другими субъектами рынка труда.

Объектом нашего эмпирического исследования явились сотрудники малых (включая микро-) и средних предприятий Нижнего Новгорода.

Метод и выборка. Выборка исследования двухступенчатая.

Первая ступень – неслучайная, квотная. Квоты устанавливались по размеру и сфере деятельности предприятий, на которых заняты респонденты, на основании данных Росстата по малому и среднему бизнесу за 2013 г. [3].

Выделены 3 категории для численности предприятий (в соответствии с классификацией Росстата): микропредприятия (1–15 чел.) – 175 респондентов (35%), малые предприятия (16–100 чел.) – 260 респондентов (52%) и средние предприятия (101–250 чел.) – 67 респондентов (13%), а также 4 категории для сфер деятельности (путем объединения нескольких категорий Росстата в одну):

1) услуги (предоставление любого рода услуг, например перевозка, косметология, образование, IT и коммуникация и пр.) – 170 респондентов (34%);

2) торговля (все виды оптовой и розничной торговли) – 153 респондента (30%);

3) производство (обрабатывающая промышленность, производство всех видов продукции: пищевая промышленность, машиностроение, полиграфия, химическая промышленность и т.д.) – 114 респондентов (23%);

4) строительство – 65 респондентов (13%).

Вторая ступень – гнездовая. Придя в искомым организацию, интервьюер опрашивал *всех*

наёмных сотрудников, даже если при этом количество по квоте превышалось.

В результате мы получили такой социально-демографический портрет наших респондентов.

Пол: мужчин – 47%, женщин – 53%.

Возраст: 16–24 года – 33.6%, 25–34 года – 31%, 35–44 года – 18.4%, 45–54 года – 13.6%, старше 54 – 3.4%.

Таким образом, по половому признаку респонденты распределены примерно поровну, с небольшим (6%) перевесом женского пола. Распределение по возрасту сдвинуто в сторону более молодых респондентов. Отметим, что это одна из наиболее уязвимых групп экономически активного населения.

Результаты опроса

Основные направления взаимодействий рассматриваемого субъекта

В первую очередь, мы решили выяснить, какие именно субъекты социально-трудовой сферы оказывают наибольшее влияние на трудовую жизнь современных работников малого и среднего бизнеса, какие субъекты и направления взаимодействий наиболее значимы. С этой целью респондентам в анкете был предложен вопрос, содержащий список потенциальных взаимодействий, и предлагалось указать на положительную либо негативную роль в трудовой жизни респондента каждого из этих субъектов либо отвергнуть какое бы то ни было воздействие того или иного из них. Результаты представлены в табл. 1.

Как следует из таблицы, среди субъектов максимального влияния – главы компаний, непосредственные руководители, сами работники и их трудовой коллектив, а также неформальные участники трудовых отношений в лице

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос о жизненных приоритетах

Жизненные приоритеты	Количество выбравших, %
Семья	72.5
Высокий доход	62.2
Перспективы будущего	47.8
Самореализация	45.4
Справедливость	33.1
Удовольствия	31.9
Безопасность	30.5
Творчество	23.1
Благополучие сегодня	21.9
Карьера	21.1
Независимость	17.3
Порядок, законность	17.1
Признание	16.9
Труд	8
Власть	5.6
Амбиции	5.4
Традиции	5

семьи, родственников, друзей и знакомых. За редким исключением, они вносят позитивный вклад, по оценкам работников, в их трудовую жизнь.

Работники малого и среднего бизнеса констатируют по поводу своей трудовой жизни преимущественно внутри организации. В абсолютном большинстве случаев заметно участие коллег и непосредственных руководителей в их трудовой жизни. Для большинства это влияние оценивается позитивно. Лишь около 10% опрошенных указывают на более или менее негативное влияние на собственную трудовую жизнь со стороны коллег и около 15% – со стороны непосредственных руководителей; крайние негативные оценки – менее 5%. В заметном числе случаев к важнейшим фигурам причисляется отдел кадров. Реже всего работники ощущают какое бы то ни было влияние на свою трудовую жизнь со стороны кадровых агентств, служб занятости и профсоюзов.

В целом, замечается общая тенденция к положительным оценкам роли субъектов социально-трудовых отношений в трудовой жизни работника, если только он отмечен среди значимых. Исключение составляет субъект «государственные службы». Кроме госслужб сравнительно значимое количество негативных оценок собирает влияние на трудовую жизнь работника со стороны профсоюзов, примерно столько же опрошенных негативно отзываются о роли служб занятости, кадровых агентств и отдела кадров. То есть посредники чаще вызывают негативные впечатления, чем непосредственно

участвующие в трудовых отношениях силы – работники и их коллеги, главы компаний, управленческие кадры.

С одной стороны, тесные контакты на рабочем месте можно интерпретировать как способность к интеграции внутри компании и как потенциал усиления субъектности работников в части создания благоприятной рабочей обстановки и как условия для консолидации с другими наёмными работниками – управленческим и исполнительскими звеньями. С другой стороны, в этом усматривается изолированность работников от внешних, не связанных с конкретными компаниями и работодателями, субъектов, которые могут обеспечивать защиту прав работников (государственные службы, профсоюзы, отчасти – профессиональные сообщества) и его свобод в плане поведения на рынке труда (кадровые агентства, центры занятости и др.).

*Ценности и ресурсы**Ценности*

Рассматривая данные характеристики субъекта, мы обратим внимание, в первую очередь, на жизненные ценности работников и место работы в системе этих ценностей. Для понимания мотивационной составляющей наёмных сотрудников, занятых в малом и среднем бизнесе, был поставлен вопрос об их жизненных приоритетах с ограничением числа возможных выборов до пяти для выявления иерархически более значимых (табл. 2).

Предложенный набор ценностей базируется на пунктах, выделенных Г. Хофстеде [4]. Это классический пример исследования ценностей, который традиционно используют для анализа

корпоративных культур, то есть все они связаны с трудовой жизнью.

В большинстве случаев среди жизненных приоритетов выделена семья, семейные же обстоятельства могут стать причиной смены места работы, что обозначается большинством опрошенных.

Более чем в половине случаев необходимым в жизни признается высокий доход. Это важнейший мотивационный фактор, что в дальнейшем в исследовании подтверждено при анализе наиболее значимых факторов для принятия решений относительно сотрудничества работников с той или иной организацией – размер заработной платы является ключевым фактором для принятия сотрудником данного решения. Как один из ключевых факторов размер заработной платы является ожидаемым. Однако заставляет обратить на этот вопрос особое внимание степень его превосходства над любыми другими факторами.

Эта же тенденция просматривается в сериях вопросов о ключевых факторах при принятии положительного и отрицательного решений о выборе места работы: установления либо блокирования и разрыва контакта с работодателем (табл. 3).

Доход является и важнейшей характеристикой экономического ресурса работника, оказывающей первостепенное влияние на социальное поведение субъекта, в том числе и на рынке труда.

В ходе анализа ответов наших респондентов отмечается стратегическая ориентированность работников – в числе часто называемых ценностей «перспективы будущего» и «самореализация». Труд, традиции, а также стремление к власти и реализации амбиций находим среди наименее значимых ценностных ориентиров. Карьерные достижения ценятся реже, чем творчество и самореализация. В целом, в данном случае можно предположить больший ориентир на самооценку, чем на оценку со стороны окружения.

Ресурсы

Ресурсы работника мы рассмотрим, несколько упростив классификацию, предложенную З.Х. Саралиевой и Е.В. Митягиной в исследовании ресурсности рабочих [5], и проанализировав следующие ресурсы работника: квалификационный, экономический, социальный, биологический. Не менее важным является вопрос не только наличия, но и отсутствия или нехватки разного рода ресурсов.

Экономический ресурс. Распределение доходов исследуемой группы показывает, что только четвертая часть позволяет себе траты на путе-

шествия и развлечения, около 20% – на современные электронные и технические устройства. При этом больше трети выплачивают кредиты различного содержания. Около 30% делают стратегические накопления. Изучая данную группу посредством анализа данных базы RLMS [6], мы выяснили, что в 2013 г. доходы работников малых и средних предприятий распределились следующим образом: почти 80% рассматриваемой категории населения имеют доходы 15–25 тыс. рублей и ниже. При этом большинство субъективно определяют свой финансовый статус как средний (60%). Однако объем прожиточного минимума за первый квартал 2014 г. для трудоспособного населения составил 8283 рубля на человека. Теоретически это граница бедности, фактически она может быть определена и выше, в зависимости от размера списка товаров и услуг, которые можно определить как необходимые для достойного образа жизни. В то же время статус специалиста с высшим или средним специальным образованием (статус «специалист») и постоянным местом работы предполагает приближенность к уровню жизни некоего среднего класса, нормативному образу жизни, транслируемому массмедиа. Средним положением в социальной структуре субъективно и характеризуют себя опрошенные. Однако обратим внимание, что приведенная выше цифра – расчёт на одного человека, примерно такая же сумма необходима на каждого иждивенца в семье. Поэтому можно предположить, что финансовое положение рассматриваемой категории граждан, в основном, очень напряженное и, объективно, вряд ли приближено к среднему классу.

В подтверждение вывода о высшем значении размера заработной платы в трудовых взаимоотношениях распределяются ответы на вопрос о роли работы в жизни наёмных сотрудников. Единственным пунктом, в котором соглашаются подавляющее большинство опрошенных, стал пункт «Средство зарабатывания денег» (86.5%). Взаимоотношения имеют тенденцию редуцироваться до денежных. Условия и барьеры для взаимодействия с компаниями так же показывают существенный перевес пункта о размере заработной платы. В этом контексте разнообразие средств и методов нематериальной мотивации практически неприменимо для воздействия на сотрудников. Считаем это следствием недостаточности зарабатываемых средств для ведения образа жизни, на который субъективно ориентируются работники малого и среднего бизнеса.

Вопрос о том, кроется ли причина такого положения наёмных работников в искусственном

удерживании уровня зарплат на рынке труда со стороны собственников или в том, что малый и средний бизнес сегодня не в состоянии предоставить сотрудникам заработную плату, соответствующую востребованному образу жизни, требует дополнительного изучения в дальнейшем.

Социальный ресурс. Возможность воспользоваться полезными связями дополняет характеристику ресурсности человека. Таких полезных связей, актуальных и ожидающих случая для применения, может быть много, и этому должны быть посвящены отдельные изыскания. В данном исследовании ставился вопрос о наличии/отсутствии такого социального ресурса. Предполагаем, что при этой самой общей формулировке вопроса люди отвечали о самых очевидных для них связях, знакомствах «первой» руки. Утвердительные и отрицательные ответы распределились примерно поровну, с небольшим перевесом к отрицательным.

Другой частью изучения социальной активности и, соответственно, потенциала социальных связей был вопрос о членстве в группах разного характера (помимо обязательной для подавляющего большинства принадлежности к семейной и дружеской малым группам), в том числе о присутствии в социальных сетях – как простейшей форме инициации и поддержания социальных контактов. Почти 70% опрошенных включены в социальные сети «ВКонтакте», Facebook и пр. 7% состоят в профессиональных интернет-сообществах. Различного рода клубы по интересам (использовалась свободная формулировка для выявления членства в любого рода объединениях) объединяют около 13% сотрудников задействованных в опросе предприятий. Около 8% состоят в различного рода неполитических общественных объединениях и организациях, около 2% указывают на членство в политических партиях и движениях. Членами неформальных объединений либо представителями субкультур назвали себя почти 7% участников опроса. 27% опрошенных не относят себя к числу членов каких-либо, даже минимально формализованных, объединений.

Квалификационный ресурс. Половина нижегородских респондентов – работников малого и среднего бизнеса имеет высшее образование, чуть более 20% – среднее специальное, незаконченное высшее образование – около 15%. Частота других вариантов незначительная – 6 и менее процентов: среднее, два и более высших, среднее неполное. Реже всего – в нашей выборке в 4 случаях – персонал исполнительского звена имеет учёную степень.

Биологический ресурс. Характеристики ресурса здоровья были запрошены у респондентов в двух блоках. Первый блок касался того, насколько часто респонденты заболевают и насколько часто они обращаются за врачебной помощью. Наибольшая часть рассматриваемой группы – 46% – характеризует собственное состояние здоровья как хорошее (болеют лишь изредка), около трети оценивают своё здоровье как отличное (и посещают врачей только для профилактических осмотров либо не посещают вовсе). На хронические заболевания жалуются около 20% респондентов, в общем оценивая своё состояние удовлетворительно. Как плохое характеризуют своё физическое состояние лишь 3% опрошенных. Второй блок, касающийся оценки ресурса здоровья, предполагает оценку респондентами того, считают ли они недостаточным свой ресурс здоровья. На недостаток ресурса здоровья указывают 25% сотрудников малого и среднего бизнеса.

Нехватка (недостаток) ресурсов. Важным моментом при оценке ресурсности работников является и их оценка недостатка (нехватки) ресурсов. Мы просили респондентов оценить, нехватку каких ресурсов они ощущают. Наиболее сильно актуализирована нехватка финансовых ресурсов. Интерес вызывает такой ресурс, как «время». Его нехватку отмечает каждый второй сотрудник малого и среднего бизнеса. Больше возможностей в задействовании полезных связей хотели бы иметь почти 40% работников. Эти три пункта лидируют в данном рейтинге.

Условия и барьеры взаимодействия с другими субъектами трудовых отношений

Анализ факторов, значимых при принятии решения о сотрудничестве с организацией (об устройстве на работу в конкретную организацию), показывает, что каждый второй сотрудник принимает во внимание удобство графика работы. В ряде случаев этот фактор оказывается значимее размера оплаты труда. Все остальные факторы гораздо реже оказываются значимыми. На основании информации о заметной роли коллектива и непосредственного руководителя в трудовой жизни работников можно было бы предположить, что информация о них (для вступления во взаимодействие) либо личное впечатление (для поддержания взаимодействия) должны играть одну из ключевых ролей при принятии решения о выборе или сохранении места работы. Ответы респондентов демонстрируют умеренное либо низкое значение этих факторов (таблица 3). Менее 10% опрошенных указывают на то, что репутация непосредственного руководителя, так же как и личное впечат-

Таблица 3

Факторы принятия положительного и отрицательного решений о выборе места работы

Что может повлиять на Ваше решение работать в компании, %		Что может повлиять на Ваше решение покинуть компанию, %	
Профиль работы компании	33.7	Профиль работы компании	19.3
Имидж компании	27.1	Негативные отзывы о компании	42.6
Положительные отзывы о главе компании	10.8	Негативные отзывы о главе компании	8.8
Положительные отзывы о будущем непосредственном руководителе	9.6	Негативные отзывы о будущем непосредственном руководителе	12.5
Положительные отзывы о коллективе	18.5	Негативные отзывы о коллективе	12.7
Личное положительное впечатление о главе компании	7.8	Личное негативное впечатление о главе компании	12.5
Личное положительное впечатление о руководителях компании	9.4	Личное негативное впечатление о руководителях компании	12.5
Личное положительное впечатление о коллективе	13.3	Личное негативное впечатление о коллективе	23.1
Привлекательная зарплата	76.3	Низкая зарплата	75.5
Привлекательный график работы	49.4	Неудобный график труда	51.0
Привлекательный соц. пакет	19.5	Отсутствие социальных гарантий	26.1
Близость к месту жительства	27.9	Территориальное расположение компании	18.3
Форма занятости	8.8	Форма занятости	7.2
Мне все равно, буду работать там, куда берут	3.4	В любом случае буду работать, если возьмут	3.0

ление о нём, может повлиять на решение работать в компании. Более значимой оказывается репутация коллектива и личное впечатление о нем: негативное личное впечатление может стать критически значимым аргументом для 23.1% работников, а негативные отзывы могут оказаться критично значимыми для 12.7%. Положительные отзывы о коллективе и личное впечатление являются весомыми аргументами в пользу сотрудничества с компанией в 18.5 и в 13.3% случаев соответственно. В 42.6% случаев могут оказать влияние негативные отзывы о компании.

Фактор уровня зарплаты заметно выделяется среди других. Меньшую, но существенную значимость имеют факторы удобства графика и имидж компании – негативные и позитивные отзывы о ней. Причем негативные отзывы ожидаемо более значимы, чаще имеют критичное значение для принятия решения о сотрудничестве с той или иной компанией. Относительно значимыми преимуществами являются близость к месту жительства, привлекательный социальный пакет и положительные отзывы о коллективе. Критическими недостатками почти в четверти случаев могут стать отсутствие социальных гарантий, личное негативное впечатление о коллективе. Наименьшее значение имеет информация о главах компаний и о непосредственных руководителях. Судя по всему, важнейшей информацией в этом ключе становится способность руководства обеспечить удобный график и, главное, достойную оплату труда.

Несмотря на отмеченную респондентами важность удобного графика работы, приоритетным режимом в основном является полный рабочий день. Возможно потому, что для большинства должностей другие формы занятости сопряжены с более низким уровнем дохода. Кроме того, для большинства других форм занятости нет в достаточной мере проработанной правовой базы, что влечёт ряд трудностей при попытках их использования – как для наёмного работника, так и для работодателя. Возможно, в ряде случаев этот выбор обусловлен обстоятельствами личного и профессионального свойства. Детального изучения причин предпочтения того или иного режима труда нами пока не проводилось.

Среди других вариантов форм занятости большую популярность приобретает формат гибкого графика при фиксированном количестве часов работы (20%). Среди более новаторских режимов труда примерно по 10% выборов набирают свободное расписание при оплате труда по результатам, полная занятость в комплексе с подработкой и частичная занятость (примерно по 8%), 8% респондентов предпочли бы самозанятость (предпринимательскую деятельность). Крайне редко, с частотой в пределах 2%, работники отдают предпочтение внештатному труду, то есть форме фриланса.

Одной из задач было составить представление о степени принуждения, которое испытывает сотрудник при выполнении трудовых обязанностей. Поскольку в нашем обществе в рамках рыночных отношений не может существо-

вать буквальное принуждение, выявлялась субъективная, эмоциональная оценка работником вынужденности–добровольности в осуществлении трудовой деятельности. Для этого респондентам была представлена шкала с 10 пунктами континуума с крайними точками, намеренно сформулированными в эмоциональном стиле, где наименьший балл характеризовался «Иду как на каторгу, жду не дождусь окончания рабочего дня», а высший – «С удовольствием хожу на работу и выполняю свои обязанности». Основная масса оценок расположилась от середины шкалы к высшему баллу.

В описании взаимодействий с любым из субъектов рынка труда отдельный интерес представляет комплекс проблем, с которыми сталкивается работник в любом из этих взаимодействий. Ранее, изучая проблемы в наиболее активном, как мы видели, взаимодействии, где с одной стороны выступают рядовые наёмные сотрудники, а с другой – их непосредственные руководители, мы выделили проблемы формального и неформального характеров [7]. Данное же исследование позволяет отметить низкое число «жалоб» со стороны сотрудников. Относительно часто отмечаемые проблемы (около 20–25% указывают на них): недооценка со стороны руководителя, неясность распоряжений, негативные эффекты от разногласий в среде руководства, отсутствие ориентированности на рост и развитие сотрудников, отсутствие возможности осуществить обратную связь, сильное влияние родственных связей. Исключением служит проблема «Успехи компании не отражаются на зарплате» – на неё указывает около 40.2% опрошенных.

По десятибалльной шкале оценки характера отношений работников и непосредственных руководителей тяготеют к неформальным, дружеским. Оценивая меру влияния на профессиональные, производственные процессы, работники в 40% случаев признают приоритет за главой компании и почти каждый второй считает, что наиболее значимую роль в этом играют их непосредственные руководители. При этом приоритет влияния на настроения в компании признаётся за рядовыми сотрудниками (более 40% так отвечают на соответствующий вопрос) и более чем в трети случаев – за руководителями среднего звена.

Посредники

Кадровые агентства. Как уже было отмечено, изучаемая группа не активна во взаимодействии с посредниками. Так, имеют опыт обращения в кадровые агентства 20% её представителей, а приоритетным способом поиска работы

этот путь является лишь для 8% работников. Среди барьеров на пути инициации взаимодействия с кадровым агентством наиболее часто называются: низкое доверие к ним (17%) и решение проблемы поиска работы через знакомства «первой руки» (18% отметили, что не ощущают необходимости обращения в агентства по этой причине, то есть это взаимодействие замещается взаимодействием по каналам индивидуальных социальных связей, которые, по всей видимости, имеют и больший кредит доверия со стороны соискателя). Условием для обращения в кадровое агентство чаще всего называют длительную неспособность самостоятельно трудоустроиться – почти 40% опрошенных. При этом 36% указывают, что ни при каких обстоятельствах не хотят обращаться за услугами этого посредника.

Центры занятости. Опыт обращения в центры занятости имеют 22.7% работников. В этом вопросе снова находим указание на то, что основанием обращения в них является несостоятельность других, более популярных способов. Треть опрошенных указывают на принципиальное нежелание обращаться в центры занятости. Основными целями для обращения называют изучение имеющихся вакансий и получение направления на работу. Получение статуса безработного называют среди возможных поводов обратиться в центры занятости лишь 16.5% наших респондентов.

Государственные службы (Пенсионный фонд, Фонд социального страхования и т.п.). В большинстве случаев наёмные работники не поддерживают активного взаимодействия по поводу трудовых отношений с государственными службами. Подавляющее большинство процедур по их вопросам в этих службах осуществляют работодатели. Влияние государства на трудовую жизнь, по субъективным оценкам группы, незначительное. По десятибалльной шкале оценок степени такого влияния преобладают низкие баллы – от 1 до 5. В этом диапазоне находятся более 65% ответов. Очереди и большое количество бумаг называются в числе главных барьеров, ограничивающих возможности данного взаимодействия.

Профсоюзы. По нашим данным, более 90% опрошенных не являются членами профсоюзов. Это неудивительно, так как хорошо известно, что профсоюзы как формализованная структура присутствуют сегодня лишь на некоторых крупных предприятиях, преимущественно производственных. Причем и в этой среде профсоюзы фактически являются представителями интересов работодателя и функционируют как

инфраструктура для управления персоналом. В среде малого и среднего бизнеса такие структуры практически отсутствуют. Существенных преимуществ членства в профсоюзах работники малых и средних предприятий не видят. Негативные же стороны членства в объединениях ассоциируются с нежелательной для работников общественной нагрузкой (36%) и профсоюзными взносами (21%). Более 20% отмечают, что не видят смысла членства в профсоюзах, потому что привыкли индивидуально решать свои проблемы в трудовой жизни.

Выводы

Использование в качестве основы для эмпирического анализа категории «социальное взаимодействие» стало источником оригинального авторского подхода к исследованию характеристик основных субъектов социально-трудовых отношений: работника и работодателя, а также их взаимодействий с другими субъектами, что дало возможность на основе авторского инструментария получить уникальный набор эмпирических данных и сделать ряд значимых выводов относительно состояния социально-трудовых отношений в малом и среднем бизнесе в Нижегородской области.

В целом, практически все ценности нижегородских наемных работников малого и среднего бизнеса (вероятно, как и по всей стране) лежат в индивидуальной плоскости. Современных работников мало волнуют вопросы социальной значимости работы. Для большинства опрошенных работа представляет собой инструментальную ценность, прежде всего являясь средством зарабатывания денег.

В контексте ресурсообеспеченности наибольшее беспокойство вызывает экономический ресурс. Именно его недостаток ощущают современные работники малого и среднего бизнеса наиболее остро. Второй по значимости недостающий ресурс – временной. Его нехватку отмечает каждый второй сотрудник малых и средних предприятий Нижнего Новгорода. Очевидно, в этой связи такой фактор, как удобство графика работы, становится значимым при принятии работниками решений на рынке труда.

Относительно стратегий поведения, по полученным данным, отмечается значительная самостоятельность работников малого и сред-

него бизнеса в поле трудовых отношений, привычка полагаться лишь на себя и на доступные социальные контакты. Во многих ответах акцентируется решение работниками всего спектра вопросов самостоятельно либо при задействовании личных связей – семейных и дружеских. Трудовая сфера, трудовое пространство и контакты этих работников зачастую ограничены собственной организацией, коллективом и непосредственным руководством, при отсутствии какой-либо значимости для них государства и различного рода посредников в социально-трудовой сфере. Подобная изолированность и ограниченность взаимодействий наряду с условиями работы и оплаты труда делают эту категорию одной из наиболее социально уязвимых среди всех наемных работников.

Результаты проведенного исследования могут быть рассмотрены как один из этапов изучения общей системы социально-трудовых отношений в малом и среднем бизнесе и вносят вклад в изучение современных социально-трудовых отношений в России в целом.

Список литературы

1. Российский статистический ежегодник 2014: Стат.сб./Росстат. М., 2014. 693 с.
2. Чилипенко Ю.Ю. Социальное взаимодействие на рынке труда: теоретико-методологические основы изучения // Вестник ННГУ. 2012. № 1. С. 370–375.
3. Малое и среднее предпринимательство в России. 2014: Стат.сб./Росстат. М., 2014.
4. Хофстеде Г. Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур // Язык, коммуникация и социальная среда. 2014. № 12. URL: <http://lse2010.narod.ru/olderfiles/LSE2014pdf/LSE2014Hofstede.pdf> (дата обращения: 11.06.2015).
5. Митягина Е.В., Саралиева З.Х. Ресурсность рабочих в условиях российской модернизации // Современное общество и труд: Сборник статей. СПб., 2014. С. 304–311.
6. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ, проводимый НИУ-ВШЭ и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН (RLMS). URL: <http://www.hse.ru/rflms> (дата обращения: 20.05.2015).
7. Гапонова О.С., Чилипенко Ю.Ю. Неформальное взаимодействие в сфере социально-трудовых отношений в современных российских организациях // Власть. 2015. № 2. С. 61–66.

**MODERN EMPLOYEE IN SMALL AND MEDIUM-SIZE BUSINESSES
AS AN ACTOR OF SOCIAL-LABOR RELATIONS**

Yu.Yu. Chilipenok, O.S. Osipova

National Research University Higher School of Economics, Nizhni Novgorod Branch

The main purpose of the research was to study an employee in small and medium-sized businesses as an active actor of modern social-labor relations. The data array included 502 employees in Nizhni Novgorod. The research was focused on their goals and values and on the characteristics of their interaction with other actors of social-labor relations, especially with employers. Our findings show that this group of employees is fairly vulnerable and is concentrated primarily on achieving financial stability and well-being. It is stated that ordinary employees of small and medium-sized businesses demonstrate self-sufficiency in dealing with any labor issues, while their active interaction mostly takes place inside their current places of employment.

Keywords: social-labor relations, small and medium-sized business, employee, employer, intermediary.

УДК 316

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «ТРУДОУСТРОЙСТВО ВЫПУСКНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ/НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА»

© 2016 г.

А.В. Мигунова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

migunova_arina@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 06.11.2015**Статья принята к печати 20.01.2016*

Представлен анализ студенческого исследовательского проекта, направленного на изучение проблемы трудоустройства выпускников дневного отделения ФСН ННГУ по специальности/направлению подготовки «Социальная работа». Выявляются варианты профессионального выбора выпускников по окончании обучения, стратегии и проблемы поиска вакансий по социальной работе, определяется роль практики и опыта работы в период обучения для последующего трудоустройства по профильному образованию, оценивается удовлетворенность трудом по специальности. В качестве метода сбора информации выступил анкетный опрос. Анкета, сформированная на платформе Google, распространялась среди выпускников посредством интернет-ресурсов. Организация научно-исследовательской работы студентов с использованием проектного подхода способствовала формированию у обучающихся профессиональных компетенций в области научно-исследовательской и организационно-управленческой деятельности.

Ключевые слова: выпускник высшего учебного заведения, трудоустройство, поиск работы, специалист по социальной работе, исследовательские компетенции, студенческий исследовательский проект.

На факультете социальных наук в ННГУ им. Н.И. Лобачевского в программе подготовки магистров по направлению 39.04.02 – «Социальная работа» включено преподавание дисциплины «Система социальной работы». Она входит в базовую часть Блока 1 рабочего учебного плана. Общая трудоемкость дисциплины составляет 3 зачетных единицы, 108 часов, из них 16 – лекционные, 32 – практические аудиторные занятия, 60 – самостоятельная работа студентов (включая подготовку к экзамену). Курс преподается в 1-м семестре обучения.

В качестве основной литературы при преподавании курса используются монография З.Х. Саралиевой «Система социальной работы» [1] и учебник «Социальное взаимодействие в системе социальной работы» [2].

В рамках данного курса предусмотрена научно-исследовательская работа студентов. Она организуется посредством проектно-ориентированного подхода. На практических занятиях и в часы, выделенные для самостоятельной работы, студенты разрабатывают и реализуют учебные проекты, к которым предъявляется ряд требований. Проект должен быть:

- по предметно-содержательной области – предметным;

- по доминирующей (преобладающей) в проекте деятельности – исследовательским;
- по количеству исполнителей – индивидуальным, парным или групповым;
- по продолжительности – 2–3 недели.

Работа над учебным проектом завершается представлением в студенческой группе творческого продукта. Помимо презентации полученных результатов перед аудиторией необходимо оформить их в виде научной статьи. Подобная преподавательская позиция имеет целью способствовать активизации научно-исследовательской, а следовательно, и публикационной активности магистрантов в области социальной работы.

Методические рекомендации по использованию проектно-ориентированного подхода в преподавании почерпнуты из научно-методического сборника «Метод проектов», изданного под общей редакцией М.А. Гусаковского [3].

Описанные выше особенности организации процесса обучения в рамках дисциплины «Система социальной работы» позволяют, на наш взгляд, сочетать изучение конкретной дисциплины и формировать профессиональные компетенции в области научно-исследовательской деятельности, предусмотренные Федеральным

государственным образовательным стандартом высшего образования по направлению подготовки 39.04.02 «Социальная работа» (уровень магистратуры):

– способность проводить фундаментальные и прикладные научные исследования в области социальной работы на основе использования отечественного и зарубежного опыта, с помощью современных исследовательских методов, с применением современной аппаратуры, оборудования, информационных технологий (ПК-1);

– способность профессионально составлять и оформлять научно-техническую документацию, научные отчеты, представлять результаты исследовательской работы с учетом специфики исследования теории и практики социальной работы (ПК-2);

– способность проводить анализ научно-исследовательских работ в социальной сфере и использовать их результаты в практической деятельности (ПК-3) [4].

Среди преимуществ организации исследовательской работы посредством проектного подхода можно назвать следующие:

- Ориентация на результат. Поскольку в научной среде материальным выражением осуществляемой исследовательской деятельности выступают публикации, важно учиться фиксировать и представлять профессиональному сообществу достигнутые результаты (как промежуточные, так и итоговые).

- Работа в команде. В настоящее время к реализации различных исследовательских проектов привлекается сразу несколько специалистов, и от их умения сотрудничать и, что немаловажно, на равных, распределять между собой роли с учетом сильных сторон участников и следовать им часто зависит то, каким будет продукт их совместной деятельности.

- Развитие самоорганизации и возможность проявления инициативы. В рамках проектно-ориентированной деятельности студенты могут как предлагать новые идеи, так и развивать способность сосредоточиться для воплощения задуманного.

Аналізу подвергнуты студенческие исследовательские проекты, в том числе работа магистрантов Е.Е. Макаровой и О.В. Зайцевой под руководством автора.

Выбор темы исследовательского проекта осуществлен из перечня рекомендуемых тем в рамках курса «Система социальной работы», хотя студенты могут предложить и свои проекты. В последнем случае главным требованием является следование программе курса, то есть

темы проектов должны находиться в границах разделов, изучаемых в дисциплине.

Исследовательский проект был посвящен проблеме трудоустройства выпускников специальности/направления подготовки «Социальная работа» факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Источниковую базу исследования составили научные публикации В.А. Гуртова, Л.М. Серовой и Е.А. Федоровой [5], А.П. Коробейниковой и Т.Ю. Баландиной [6], Н.Л. Мосиенко и Т.Ю. Черкашиной [7], А.А. Труфановой и Е.И. Нефедьевой [8], Ю.И. Колтуновой [9], Т.М. Мозговой [10].

Объектом эмпирического исследования выступили выпускники дневного отделения ФСН ННГУ 2013/14 учебного года, имеющие дипломы о высшем образовании по специальности/направлению подготовки «Социальная работа».

Предметом исследования является проблема трудоустройства выпускников дневного отделения ФСН ННГУ по специальности/направлению подготовки «Социальная работа».

Цель исследования – выявить особенности трудоустройства выпускников дневного отделения ФСН ННГУ по специальности/направлению подготовки «Социальная работа».

Задачи исследования:

- определить варианты профессионального выбора выпускников по окончании обучения по программам бакалавриата/специалитета/магистратуры;

- изучить стратегии и проблемы поиска выпускниками вакансий по социальной работе;

- выявить роль практики и опыта работы в период обучения для последующего трудоустройства выпускников по профильному образованию;

- оценить удовлетворенность трудом выпускников, работающих по специальности «Социальная работа».

Сбор информации осуществлялся посредством интернет-опроса выпускников. Анкета для интернет-опроса была сформирована на платформе Google, ссылка распространялась через социальные сети.

Опрос был проведен в начале ноября 2014 года. Опрошено 25 из 27 выпускников 2014 года выпуска по специальности/направлению подготовки «Социальная работа».

Прежде всего, важно сказать, что среди опрошенных не оказалось ни одного незанятого. В момент анкетирования выпускники либо были трудоустроены, либо продолжали обучение в высшем учебном заведении. Таким обра-

зом, в течение трех месяцев после вручения дипломов о высшем образовании все вышедшие на рынок труда нашли работу.

Следует также отметить, что в начале исследования предполагалось, что среди респондентов могут быть выявлены как те, кто искал работу после выпуска, так и те, кто не искал работу. Среди ищущих работу гипотетически могли оказаться следующие категории респондентов:

- те, кто искал работу по социальной работе и в данный момент работает по специальности;
- те, кто искал работу по социальной работе, но не трудоустроился и в данный момент нашел работу по другой специальности;
- те, кто искал работу по социальной работе, трудоустроился, но уволился;
- те, кто сразу искал работу не по специальности;
- те, кто искал любую работу, но в данный момент не нашел.

Среди респондентов, не ищущих работу после выпуска, могли оказаться:

- те, кто продолжил обучение в вузе;
- те, кто ушел в армию;
- те, кто находится в отпуске по беременности и родам или по уходу за ребенком;
- те, кто уже имеет работу по специальности и не ищет другую;
- те, кто уже имеет работу не по специальности и не ищет другую;
- те, кто не хочет работать.

Подобная категоризация была предусмотрена с целью проведения тщательной детализации профессиональных траекторий выпускников, что, в свою очередь, могло позволить выявить влияние разных факторов на осуществление ими того или иного выбора.

Однако ориентация в переходах от одних вопросов к другим была сложно построена, что приводило респондентов к путанице. Было принято решение фиксировать: 1) трудоустроен выпускник или нет, 2) если трудоустроен, то по профилю образования или нет, 3) если не работает, то почему.

Проанализируем варианты профессионального выбора бакалавров, специалистов, магистров социальной работы по отдельности.

Бакалавры социальной работы (n=11)

Более половины выпускников с дипломом бакалавра социальной работы, осуществляя дальнейшее профессиональное самоопределение, решили продолжить получение высшего образования. При этом предпочтительным оказалось поступление в магистратуру. Некоторые

пошли учиться по тому же направлению подготовки (магистратура по направлению «Социальная работа»), другие выпускники предпочли иные направления. Получение степени магистра по отличному от того, что было на предыдущей ступени образования, направлению подготовки расценивается сегодня как приобретение второго высшего образования за 2 года, в том числе и при сохранении возможности сделать это бесплатно.

Из трудоустроившихся лишь один человек указал, что выбрал работу по профильному образованию.

Специалисты социальной работы (n=11)

Наиболее характерный для выпускников профессиональный путь по окончании специалитета – трудоустройство (9 из 11 человек). Из них указали, что трудоустроены по специальности, 5 выпускников. Два человека продолжили обучение в вузе, выбрав магистратуру по направлению подготовки «Социальная работа».

Магистры социальной работы (n=3)

Опрошенные выпускники – магистры социальной работы в качестве дальнейшего пути развития своей профессиональной карьеры выбрали трудоустройство. При этом только один человек отметил, что пошел работать по профильному образованию.

Итак, подведем предварительные итоги: из 17 человек, вышедших на рынок труда по окончании университета, 7 трудоустроились по профильному образованию.

По полученным в ходе опроса данным можно судить о секторах занятости, типах и областях профессиональной деятельности выпускников.

Говоря о секторах занятости, мы подразумеваем государственный, некоммерческий и коммерческий секторы. Большинство выпускников заняты в государственном секторе, хотя есть и пример трудоустройства в некоммерческих организациях. Случаев занятости в частном секторе, включая развитие собственного дела, нет.

Под типами деятельности в области социальной работы подразумевались практическая социальная работа, организационно-управленческая работа в области социальной работы, преподавательская и научно-исследовательская деятельность по социальной работе. Выпускники в основном занимаются практической социальной работой, есть пример трудоустройства в органах местного самоуправления, который может быть отнесен к организационно-управленческой деятельности. Преподаванием и научно-исследовательской деятельностью в области социальной работы никто не занят.

Изучая области профессиональной деятельности тех выпускников, кто работает в качестве практика социальной работы в государственных учреждениях/организациях, можно сказать, что они трудятся в учреждениях социального обслуживания населения, учреждениях здравоохранения, государственной службе занятости.

Далее рассмотрим, как выпускники осуществляли поиск работы по специальности по окончании университета. Анализируя, каким образом они смогли найти работу по профильной специальности/направлению подготовки, отметим, что среди предложенных в анкете вариантов ответов были выбраны «предложили после практики», «сайт учреждения», «интернет-сайт», «друзья, знакомые, родители», «другое».

Поскольку несколько человек, окончивших специалитет по социальной работе, указали, что им предложили работу после практики, хотелось бы добавить следующие комментарии. Согласно учебному плану, у обучающихся по специальности «Социальная работа» было предусмотрено в 10-м (заключительном) семестре прохождение производственной, а затем преддипломной практики. Выделенное на практическое обучение время занимает почти весь семестр, таким образом, у потенциальных работодателей есть возможность «увидеть в деле» студентов, в ближайшем будущем получающих диплом, а у студентов – «увидеть изнутри» потенциальное место работы. Такое «взаимное изучение» друг друга в течение нескольких месяцев перед близящимся окончанием университета имеет свои результаты.

В ходе прикладного исследования было выявлено не только влияние практики на последующее трудоустройство выпускников по специальности. Помимо практического обучения, волонтерство и опыт работы по профильному образованию в период обучения могут сыграть значимую роль при поиске будущего места работы.

В анкете был предусмотрен вопрос: «Работали ли Вы по специальности до окончания университета?». Среди всех опрошенных только 3 человека ответили положительно. Несмотря на то, что совмещение учебы и работы становится весьма распространенной практикой у современных студентов, в данном случае немногие использовали это время для получения подобного опыта.

Оценка влияния социального волонтерства на дальнейшее трудоустройство в области социальной работы, к сожалению, не вошла в число исследовательских задач. Это упущение

может стать особым предметом изучения в перспективе.

В исследовании также предпринималась попытка зафиксировать, с какими сложностями столкнулись выпускники при поиске работы по профильному образованию. Распространенным был ответ «Отсутствие вакансий по специальности «Социальная работа» на поисковых сайтах». Современный выпускник ориентирован на поиск работы с использованием интернет-ресурсов, но в данном случае это оказалось проблематично. Подобная ситуация может означать, например, что нет открытых вакансий (а это ставит под вопрос степень востребованности на рынке труда специалистов социальной работы) либо используются другие каналы распространения информации о вакансиях, либо есть трудности у выпускников с организацией поиска информации в Интернете.

В связи с этим параллельно с исследованием проблемы трудоустройства выпускников нами был осуществлен просмотр вакансий на сайте Нижегородской областной службы занятости, сайтах учреждений социального обслуживания населения, сайтах нескольких социально ориентированных некоммерческих организаций г. Н.Новгорода, популярных сайтах по поиску работы (job.ru, hh.ru, Яндекс.работа и rabota.ru) за три месяца (август, сентябрь, октябрь 2014 г.), где это было возможно. Можно сделать следующие предварительные выводы.

Первая проблема, которая может усложнять поиск, – это проблема названия должности. Не всегда работодатель указывает, что требуется «специалист по социальной работе», поскольку в учреждении должность может именоваться «ведущий специалист», «инспектор» и др.

Поиск на сайте Нижегородской областной службы занятости осуществлялся среди вакансий «специалисты по социальной работе», «социальные работники» и «заведующие подразделениями в учреждениях социального обслуживания».

По городу и области было найдено 12 вакансий специалиста по социальной работе, 44 вакансии социального работника, а также 3 вакансии заведующих отделениями в учреждениях социального обслуживания населения. Кроме того, среди предложений было также полставки социального работника в образовательном учреждении среднего профессионального образования г. Н. Новгорода.

Ряду учреждений требуется 2 и более специалистов по социальной работе, но эта информация бывает указана уже в описании вакансии, поэтому стоит просматривать данные полностью.

Важно отметить, что при поиске нужной вакансии необходимо просматривать как вакансии «социальный работник», так и «специалист по социальной работе», так как возможна взаимозаменяемость понятий.

Потенциальным вариантом поиска работы по специальности «Социальная работа» посредством Интернета является также просмотр сайтов учреждений социального обслуживания населения. В некоторых случаях данный способ может быть более эффективным, поскольку учреждение своевременно реагирует на изменяющиеся обстоятельства, например прием человека на работу и, соответственно, снятие вакансии.

Изучение нескольких сайтов социально ориентированных некоммерческих организаций г. Н. Новгорода положительного результата не дало. Надо сказать, что на этих сайтах отсутствовала вкладка «вакансии». Единственное, что привлекло наше внимание, – волонтерские проекты, для реализации которых НКО приглашают желающих. Предполагаем, что это может быть интересно студентам, которые желают приобрести необходимые навыки по специальности и начать долгосрочное сотрудничество с некоммерческой организацией, в том числе и для будущей профессиональной деятельности. Однако запросу человека, который ищет постоянное оплачиваемое место работы, данные сайты не удовлетворяли бы.

Просмотр основных популярных сайтов по поиску работы дал следующие результаты: на сайте job.ru была найдена вакансия аналитика в центре занятости, на сайте hh.ru – вакансия менеджера благотворительного фонда.

Таким образом, нами был обнаружен ряд сложностей, возникающих при обращении к поиску вакансий по социальной работе через Интернет, которые важно учитывать.

Помимо изучения способов осуществления поиска работы по специальности/направлению подготовки, была предпринята попытка определить готовность продолжать работу на том же месте и удовлетворенность трудом.

В анкету был включен вопрос: «Каковы Ваши планы на ближайшие полгода?». Среди возможных вариантов ответа:

- продолжить работу на этом месте;
- получать второе высшее образование и параллельно продолжать работу на этом месте;
- пойти на курсы повышения квалификации;
- искать новое место работы;
- завести семью, уйти в декрет;
- другое.

В планах на ближайшие полгода почти у всех трудоустроившихся по специальности/направлению подготовки – «продолжить работу на этом месте». Два человека планируют получать второе высшее образование (при этом один указал, что параллельно продолжит работать на том же месте, а другой хочет искать новое место работы).

Для определения того, в какой мере респонденты, планирующие продолжение работы на том же месте, удовлетворены различными сторонами их работы, была выбрана 5-балльная шкала. Оценивать выпускникам предлагалось «полезность Вашей работы», «перспективы профессионального и служебного роста», «взаимоотношения с руководителем», «условия труда», «надежность места работы», «размер заработной платы», «эффективность организации работы», «взаимоотношения в коллективе», «возможности для саморазвития, проявления инициативы», «режим работы».

На положительном отрезке континуума «не удовлетворен – удовлетворен» расположились ответы по пунктам «взаимоотношения с руководителем», «взаимоотношения в коллективе», «надежность места работы», «режим работы», «возможности для саморазвития, проявления инициативы».

По остальным пунктам выявлены расхождения мнений. При этом важно отметить, что нет вариантов, где бы оценки всех респондентов какой-либо из указанных сторон работы сконцентрировались только на отрицательном полюсе шкалы «не удовлетворен – удовлетворен».

Особый интерес представляют респонденты, которые выбрали место работы не по профилю полученного образования. Их более половины среди выпускников, трудоустроившихся по завершении бакалавриата/специалитета/магистратуры по социальной работе. В ходе анализа полученных данных было сформулировано предложение о систематическом исследовании мотивации выбора абитуриентами программ бакалавриата и магистратуры по направлению подготовки «Социальная работа» факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Не менее важным является изучение динамики мотивации в процессе обучения и ее влияния на последующее трудоустройство. Кроме того, выбор выпускника не в пользу социальной работы может быть обусловлен рядом сдерживающих факторов, например неудовлетворительным размером предлагаемой заработной платы по специальности при актуальной необходимости обеспечивать себя или семью.

Для углубления представлений о проблемах трудоустройства выпускников по профилю полученного образования следует осуществить ряд новых исследовательских проектов, например:

- способы усиления студентами своих позиций на рынке труда (посредством социального волонтерства, параллельного получения второго высшего образования и опыта работы по специальности) в период обучения;
- опыт работы студенческого бюро по трудоустройству на факультете социальных наук ННГУ: результаты, проблемы и перспективы;
- оценка выпускниками, трудоустроившимися по профильному образованию, развития в вузе востребованных практикой профессиональных компетенций в области социальной работы;
- трудовой путь выпускников ФСН ННГУ по специальности/направлению подготовки «Социальная работа».

Сформированный «банк идей» будет включен в перечень рекомендуемых тем учебных проектов по курсу «Система социальной работы».

В этой связи ощутима необходимость доработки исследовательского инструментария. Устранение выявленных недостатков позволит продолжить и, возможно, сделать систематическим изучение самими студентами проблемы на более квалифицированном уровне.

Для привлечения их внимания и более ответственного отношения к исследованию следует предусмотреть в оценке итогового результата работы по проекту индивидуальный вклад каждого участника.

Студенческий проект будет оцениваться по утвержденной в процессе обсуждений в группе схеме. На основе изученного опыта работы других авторов по использованию проектно-ориентированного подхода в обучении [3] в качестве рекомендации предлагается оценивать проекты по следующим основаниям:

- исследовательская часть работы (отражает достижения студента с точки зрения использования методов сбора и обработки данных, глубины анализа материала, умения аргументировать выводы);
- презентационная часть работы (насколько удалось донести содержание материала до других, умение оперировать научным содержанием и отвечать на вопросы аудитории, оформление результатов);
- организационная часть работы (отражает четкость работы по плану, согласованность

действий всех участников исследовательской группы).

В заключение следует отметить, что использование проектно-ориентированного подхода в обучении может повысить ресурсность магистрантов и как будущих работников-профессионалов, и как потенциальных аспирантов. Выполнение научно-исследовательских проектов развивает не только исследовательские, но и управленческие компетенции, востребованные на современном рынке труда.

Список литературы

1. Саралиева З.Х. Система социальной работы: Монография. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2008. 315 с.
2. Социальное взаимодействие в системе социальной работы: Учебник / Под общей ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2011. 299 с.
3. Метод проектов. Научно-методический сборник. Серия «Современные технологии университетского образования». Выпуск 2 / Белорусский государственный университет. Центр проблем развития образования. Республиканский институт высшей школы БГУ. Минск: РИВШ БГУ, 2003. 240 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elibr.bsu.by/handle/123456789/11590> (дата обращения: 05.11.2015).
4. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 8 апреля 2015 г. № 369 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 39.04.02 «Социальная работа» (уровень магистратуры)» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvom/390402.pdf> (дата обращения: 02.09.2015).
5. Гуртов В.А., Серова Л.М., Федорова Е.А. Трудоустройство по специальности с позиции выпускника // Высшее образование в России. 2012. № 12. С. 22–28 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vovr.ru/upload/12-12.pdf> (дата обращения: 03.09.2015).
6. Коробейникова А.П., Баландина Т.Ю. Трудоустройство выпускника вуза: от теории к практике (на примере одной специальности) // Дискуссия. 2012. № 11 (29). С. 74–78 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18081495> (дата обращения: 03.09.2015).
7. Мосиенко Н.Л., Черкашина Т.Ю. Мониторинг выпускников вуза: варианты оценки результативности обучения // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. 2014. Том 14. № 1. С. 127–140 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21281074> (дата обращения: 03.11.2015).
8. Труфанова А.А., Нефедьева Е.И. Востребованность на рынке труда и возможности профессиональной самореализации выпускников специально-

сти «Социальная работа» // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2014. № 3 (95). С. 104–111 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21624432> (дата обращения: 03.09.2015).

9. Колтунова Ю.И. Трудности, возникающие перед выпускниками вузов, на разных этапах трудоустройства // Сборник «Проблемы формирования единого пространства экономического и социального развития стран СНГ. Материалы ежегодной Между-

народной научно-практической конференции» / Отв. ред. О.М. Барбаков, зам. ред. Ю.А. Зобнин. 2014. С. 122–125 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22526720> (дата обращения: 03.09.2015).

10. Мозговая Т.М. Особенности спроса на труд выпускников вузов направления подготовки «Социальная работа» // Вестник Учебно-методического объединения вузов России по образованию в области социальной работы. 2014. № 1. С. 61–70.

STUDENT RESEARCH PROJECT “EMPLOYMENT OF SOCIAL WORK GRADUATES”

A. V. Migunova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The paper presents an analysis of a student research project. The project was aimed at exploring the employment of Social Work full-time students who graduated with bachelor's/first-professional/master's degrees from the Faculty of Social Sciences, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. We identify professional choice alternatives after graduation, strategies and problems of job search in the social work sphere, the importance of practical training and work experience for employment. We also evaluate job satisfaction. The data collection method was a questionnaire survey. The questionnaire was formed on the Google platform and sent to graduates through the Internet. Research work was organized with the application of the project-based approach, which contributed to the development of students' professional competencies in the field of research and organizational management.

Keywords: university graduate, employment, job search, social work specialist, research competences, student research project.

УДК 316

ТЕОРИЯ ЭЛИТ И ПРОБЛЕМА КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА СИСТЕМЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

© 2016 г.

М.М. Серафимов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

m.serafimov@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 01.10.2015**Статья принята к печати 15.01.2016*

Рассмотрены особенности функционирования муниципального образования с точки зрения элементов теории элит. Особое внимание уделено особенностям деятельности и социальному портрету высшего слоя муниципальных служащих, из которых формируется элита местного самоуправления. Представители этой группы в процессе своего социального взаимодействия в наибольшей степени влияют на основные характеристики социально-экономического развития территории и, тем самым, на качество жизни населения. Отмечается и обосновывается несовершенство научных и практических разработок по кадровой политике, и предлагается использовать наиболее существенные достижения опыта подбора, расстановки и обучения кадров, успешно применявшихся в советский период.

Ключевые слова: элита, коэффициент элиты, кадровый потенциал, муниципальный служащий, система муниципального управления, социально активные граждане, подбор, расстановка и обучение кадров.

В современной элитологии существует несколько теорий: от классических (Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс) до современных концепций – леволлиберальной и плюрализма элит. Большинство этих теорий в качестве объекта управления рассматривают государство. Однако и управление муниципальным образованием можно, на наш взгляд, рассмотреть с точки зрения элитологии, хотя здесь действует не государственная власть, а органы местного самоуправления. Следует, однако, заметить, что, например, муниципальное образование «Городской округ город Бор» по размеру территории больше 45 государств мира, а по численности населения – более 30 государств. Понятно, что это небольшие государства, такие как Монако, Андорра, Люксембург и подобные им, но все они в теории элит рассматриваются как самостоятельные объекты анализа.

Само понятие «управляющая элита» базируется на основных понятиях и определениях. Есть такие понятия и в отношении местного самоуправления. В Федеральном законе от 06.10.2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1] сформулированы два термина – «местное самоуправление» и «муниципальное управление», которые используются в научной литературе. Для нашего подхода это разграничение непринципиально, и мы будем использовать термин «элита» – как управляю-

щий слой людей в муниципальном образовании. В эту категорию войдут не только муниципальные и государственные служащие, а все акторы социально-политического функционирования, в той или иной мере активно участвующие в общественно-политической жизни территории граждане.

Однако ядром элиты, её ключевым звеном является слой руководителей органов местного самоуправления и в целом муниципальные служащие, а также представители крупного бизнеса и территории в органах государственной власти. Именно эта группа людей играет важнейшую, если не сказать – решающую, роль в социально-экономическом развитии территории, определяет, разрабатывает и реализует все направления муниципальной политики. Именно она – элита – в условиях эволюционного развития и стабильности должна воспроизводить общественную жизнь и саму себя. Интересен этот анализ и с точки зрения кадровой политики в муниципальном образовании.

Муниципальный служащий является основным звеном в системе муниципального управления. Практика свидетельствует, что более 80% жизненных потребностей человека удовлетворяется на уровне города или сельского поселения – в пространстве муниципального образования. Как показывает анализ научной литературы, социологических и статистических данных по данной проблематике, определенное

внимание со стороны науки и государства уделяется вопросу кадрового потенциала муниципальных служащих [2]. Однако декларирование необходимости внимания к данному вопросу не привело к серьёзным изменениям положения дел в сфере муниципальной службы. Но понимание того, что проблема оптимизации профессионально-квалификационного развития муниципальных служащих имеет общегосударственное значение, сегодня уже достигнуто. «...У России нет двадцати лет, да и десяти тоже, может быть, есть два, три года. Если вы не сможете переучить работников за этот срок, – считает профессор М. Балдуччи, – то процесс децентрализации станет неудачен, причём эта неудача будет гораздо серьёзнее, чем в Западной Европе, поскольку экономика Западной Европы была более развита» [3, с. 59]. Этот прогноз пятнадцатилетней давности подтверждается трудностями реализации реформы местного самоуправления в России, дух и буква которой направлены на децентрализацию власти в муниципальных образованиях. Но в реальности происходит увеличение количества муниципальных служащих, без их соответствующей подготовки и переподготовки. Важно отметить, что общая численность чиновников в современной России за последние 10 лет выросла в 1.5 раза [4]. Это сказалось и на численности муниципальных служащих. В СССР в Борском районе в аппарате горкома КПСС было 25 человек, в исполкоме горсовета примерно 30 человек. А сегодня в реестре муниципальных служащих Борского района числится почти 300 человек. Как оказалось, время реальной оптимизации состава муниципалитета было упущено и децентрализация, которую предполагали разработчики Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ, провалилась. Вместо этого началось укрепление вертикали власти, причем не только государственной, что понятно и оправданно, но и муниципальной. А это противоречит не только духу, но и букве реформы местного самоуправления. Ситуация усугубляется тем, что происходит постепенная утрата муниципальных служащих, подготовленных советско-партийной кадровой системой, многие из которых к тому же не в полной мере встроились в новую структуру управления.

Практика социального управления свидетельствует, что для качественного переустройства социально-экономических условий жизни общества нужно определённое количество незаурядных личностей. Советский учёный Ю. Завальский исследовал введенное им понятие «коэффициент элиты». По его данным,

один процент элиты является инвариантной мерой для поддержания общества в состоянии социального равновесия. Россия к началу XX века имела коэффициент элиты 8%, в 1917 году – 2%, а в 1980 году – лишь 0.8%. По мнению учёного, этот коэффициент продолжает снижаться [5, с. 78–79]. Это подтверждает и анализ положения дел с гражданским активом в Борском районе. К концу 1980-х годов в структуре партийно-советской номенклатуры (депутаты всех уровней, партийный, комсомольский, профсоюзный актив, руководители предприятий и учреждений, представители общественных организаций) насчитывалось приблизительно 1200 человек, при численности населения 140000 человек (коэффициент элиты 0.86). В начале 2000-х гг. муниципальную политику определяли несколько десятков человек (менее 100). Коэффициент элиты упал в подобных муниципальных образованиях до уровня сотых долей. Сегодня мы можем говорить только о лидерских группах территории муниципального образования. Эти лидерские группы есть, но они очень малочисленны – фактически 4–5 человек определяют муниципальную политику. Они формируют органы местного самоуправления и проявляют политическую волю к получению власти и удержанию её на территории. Ещё хуже, когда есть несколько лидерских групп, которые, как правило, не готовы к компромиссу и диалогу, и вся энергия уходит в борьбу и противостояние, а не на развитие территории. Как отмечает И.В. Лавров, «в массовом обществе элиты являются генераторами, аттракторами роста общественного благосостояния. Если элиты не выполняют своих социальных функций и деградируют до правящих групп, не имеющих связей с гражданским обществом и населением, то в этом случае их цель – максимизация экономической ренты при помощи политической власти государства» [6].

В научном докладе одного из разработчиков действующего закона А.Н. Широкова говорится: «... одной из трех важнейших задач местного самоуправления является создание третьего центра публичной власти, непосредственно опирающегося на население, максимально ответственного перед ним, и вовлечение населения в решение общественных задач (преодоление иждивенческих настроений)» [7, с. 87]. В данном случае правильнее будет применить не понятие «элита», а «некая социально активная группа людей муниципального образования».

В другой своей работе этот же автор, анализируя ход реформы, отмечает, что именно задача вовлечения населения в решение задач

управления территорией оказалась невыполнимой предыдущим законом. Новый закон эту задачу также не выполнил. «Ограниченная роль представительного органа сведена к фактически ничтожной (надо отметить, что и количественный состав представительных органов был насколько это возможно минимизирован)» [8, с. 27]. Тут еще надо добавить, справедливо отмечает А.Н. Широков, что в числе депутатов заметное место занимали учителя, врачи, представители муниципальных предприятий, причем чаще всего директора школ, главные врачи больниц и руководители муниципальных предприятий ЖКХ, то есть люди, во многом зависящие от главы местной администрации. В такой конфигурации бессмысленно рассуждать о публичном осуществлении местной власти, контроле и развитии гражданского участия. В существующей практике, с таким ограниченным составом депутатов и административным ресурсом независимые представители попадают случайно и оказываются в меньшинстве.

Нецелесообразность возврата к советской системе местного самоуправления в условиях сегодняшнего общества не означает отказ от расширения круга лиц, участвующих в формировании политики и развитии муниципальных образований, которая, как отмечалось выше, осуществляется узкой группой должностных лиц. Встает вопрос: до какого уровня должна расширяться эта группа? Ответ на него дают В. Глазычев и А. Уриханян, утверждающие: «...именно того активного меньшинства, у которого повышенное IQ, энергия и этический строй. Весь мир давно знает – таких людей не меньше 2.5%. Возможно больше, но меньше не бывает»; «Требуется уважительное отношение, потому что везде эти 2.5% есть». Их надо рассматривать как корпоративных субъектов диалога. Надо с ними вместе выработать стратегию развития не только сверху вниз, но и снизу вверх [9, с. 54–55]. Стало быть, в муниципальном образовании «Городской округ город Бор» (численность 120 000 человек) активное меньшинство может составлять примерно 3000 человек. В настоящее время на уровне муниципального образования социально активных людей не на один порядок меньше.

Объектом нашего анализа является ядро элиты – группа людей, стоящих на верхней ступени иерархии, а это в муниципальном образовании представители всех органов местного самоуправления и, конечно, аппарат муниципальных служащих, который реализует цели и задачи политической элиты. Когда в стране произошла радикальная социально-экономи-

ческая реформа 1991–1993 годов, большинство муниципальных органов власти сформировались из партийно-советской номенклатуры – как руководители, так и аппарат, преобладающей в руководстве и до сих пор. Аппарат, правда, омолодился, но были потеряны советские традиции чиновничества, где существовал негласный культ заявителя, обращающегося в органы власти. Культ заявителя состоял из признания необходимости удовлетворенности заявителя результатами своего обращения в органы власти независимо от того, решена ли его проблема. То есть наряду с революционной сменой формаций фактически не произошло революционной смены управляющей элиты. Но в настоящее время, как было отмечено выше, она в десятки раз сузилась и в какой-то мере качественно оскудела, утратила нравственные качества и ценности, уровень политической культуры, связь с массами граждан. Культ заявителя исчез, а новые принципы не сформировались.

В условиях стабильного эволюционного развития общества элиты должны заботиться о более широком самовоспроизводстве, иначе им не удержаться в узкой касте лидирующих групп и произойдет новая революционная смена. Свое слово здесь должна сказать и социологическая наука, вооружить действующих политиков и управленцев методологией воспроизводства кадрового потенциала, дать практические рекомендации. Наука последних лет много времени уделяет исследованию и изучению кадрового потенциала, анализирует ситуации, дает рекомендации, которые не используются властью для решения проблем. Одна из причин – оторванность этих рекомендаций от реальной практики. При этом авторы не касаются опыта решения кадровых проблем в СССР, который нередко был весьма успешен. Многие из них прибегают к другой крайности: пытаются фрагментарно приспособить отдельные элементы (например, государственное распределение выпускников) на сегодняшней социально-политической и экономической базе, что в нынешних условиях невозможно.

Советский опыт кадровой работы в лучших своих аспектах вполне применим в подготовке работников государственной и муниципальной службы, но, разумеется, в модернизированном варианте. И хотя в научной литературе есть ссылки на труды ученых советского времени в области управления (например, В.Г. Афанасьева [10]), но абсолютно игнорируется практика и опыт работы партийных советских органов. Например, в добротной, глубокой монографии

отмечается, что «понятие кадрового обеспечения органов местного самоуправления и развития кадрового потенциала муниципальной службы относится к числу наименее разработанных в кадроведческой литературе» [11, с. 31]. И действительно, эта работа докторского уровня дает объемный и разносторонний анализ, но что касается практического применения этого исследования, в нем дается только лишь рекомендация внедрения программно-целевого подхода к планированию и развитию кадрового потенциала муниципальной службы. Но непонятно, кто будет разрабатывать эти программы целевого подхода, каково их содержание. И, главное, какова их полезность с точки зрения практической работы? Складывается впечатление, что они останутся на бумаге, т.к. это должна быть единая государственная, а не региональная программа, подкрепленная соответствующими финансовыми средствами.

Но у нас даже для исследований подобной проблемы не выделяется средств. Вот что написала по этому поводу Т. Иларионова: «Объективное знание тут можно получить, только если ученые будут чувствовать себя независимыми при проведении научных работ. Единственным источником средств для подобных исследований в нашей стране остается Российский гуманитарный научный фонд. В этом году он поддержал 800 самых разных проектов. Из них ни одного по проблемам государственного управления. Ни одного о государственной службе» [4, с. 49]. Многочисленные же исследования, которые проводятся за счет средств региональной и местной власти, в большей степени осуществляются для того, чтобы придать существующей практике научно обоснованный вид. Несколько иначе это происходило в советское время. Так, критикуя отношение власти к социологии в советское время, М.К. Горшков утверждает, что «господствующая в СССР командно-административная система имела то преимущество, что ученый-социолог мог выступать инициатором организованного социального действия. Рекомендации социологов партийным органам находили, например, отражение в области социальной политики (исследования движения рабочей силы, текучести рабочих кадров) или в государственных новациях относительно высшего образования (отмена ценза для лиц, не имеющих производственного стажа), в градостроительном планировании и решении целого ряда других острых социальных проблем» [12, с. 20]. С этой точки зрения полезно обратиться к опыту работы с партийно-советскими кадрами (т.е. муниципальными

служащими), где для практической работы предлагался понятный алгоритм, который формулировался совершенно четко: «Подбор, расстановка и воспитание (куда входило и обучение) кадров». Как это осуществлялось и что изменилось в этой сфере деятельности сегодня? Подбор велся коллективно (с обсуждением не только коллегами, но и изучением репутации в трудовом коллективе). Опирался он на широкую базу резерва. Разумеется, никаких, подобных сегодняшним, конкурсов не было, т.е. никакие самовыдвиженцы и люди с улицы не рассматривались. Сегодня, при увлечении различного рода кадровыми технологиями (в основном списанными с западных корпоративных методик), проводится конкурс. В подавляющем большинстве это формальная процедура, где важными являются не профессиональные способности и деловые качества, а ходатайство кого-то из чиновников. Определяющим, как правило, является мнение того начальника, в подразделении которого кандидат будет работать. Возможно, в федеральных органах происходит по-другому, но на региональном и муниципальном уровне дело обстоит именно так.

В советское время для подбора кадров имелась уникальная база данных: от картотеки сектора учета в горкомах КПСС до списка резервов на всех предприятиях и во всех общественных организациях (профсоюзы, комсомол и т.д.). Конечно, в сегодняшних условиях эта возможность отсутствует. Кадрового резерва нет: частные предприятия не то что базу резерва, даже список работников сознательно скрывают. Кадровые агентства также утаивают от всех свои наработки. Но базу сформировать можно, используя официальные запросы государственных и муниципальных организаций в центры занятости, учебные заведения, где люди получают образование, особенно когда получают второе образование (под этим часто скрывается мотив смены вида деятельности). Проблема заключается в том, кто будет собирать данные и работать с этой базой. Кадровые службы в муниципалитетах едва справляются с обработкой бумаг на работающих служащих (количество их возросло в десятки раз по сравнению с советскими временами). К тому же они выполняют совсем другие функции.

При подборе кадров для муниципальной службы обязательно должны соблюдаться два положения, которые применялись раньше. Во-первых, нельзя брать на службу чиновников со студенческой, а тем более со школьной скамьи. Люди, не прошедшие минимальной социализации в ходе трудовой деятельности и став-

шие «столоничальниками», как правило, быстро усваивают отрицательные качества бюрократа. Во-вторых, категорически недопустимо принимать на работу людей с родственными связями, даже и не очень близкими. Это во все времена было первичной прививкой против коррупции и злоупотребления служебным положением. Эти два золотых правила сегодня совершенно игнорируются. Важно и то, что расстановка кадров предполагает назначение работника в сферу деятельности, в которой он ориентируется. Этот принцип вообще не соблюдается. Зачастую встречаются факты приема на государственную и муниципальную службу со студенческой скамьи, а то и после средней школы. Были ли раньше такие назначения? Да, в качестве исключения были. Например, автора статьи, окончившего кораблестроительный факультет политехнического института и ВКШ при ЦК ВЛКСМ, имеющего опыт руководящей работы, назначили заведующим сельскохозяйственным отделом горкома КПСС. Но при этом поставили условие окончить заочно сельхозинститут. И я его окончил, проучившись 4 года 7 месяцев, а не как сейчас – ускоренное высшее образование за 3 года или 500-часовая переподготовка.

Обучение всей номенклатуры, или, как бы сейчас сказали, элиты, велось непрерывно, профессионально, в ходе практической работы человека в должности. Это не считая системы повышения квалификации на различных семинарах и курсах, которые организовывались на всех уровнях. Если власть серьезно заинтересована в формировании и обучении своей элиты, а не только в копировании западной так называемой «экономики знаний», то необходимо создавать или восстанавливать систему подготовки кадров, используя сеть Академии госслужбы, направляя туда кадры, уже прошедшие социализацию, поработавших в бизнесе или других сферах. Возможно очное обучение со стипендией от государства, как это было в Советском Союзе. Например, в Борском городском округе в реестре числится около 300 муниципальных служащих. Переподготовку проходят максимум 5 человек в год (и даже это происходит не каждый год, а если будут отпущены средства). Следовательно, чтобы эту переподготовку прошли все, потребуется в лучшем случае 60 лет. В советское время в течение 3–5 лет систему повышения квалификации проходили все номенклатурные работники. Делалось это, естественно, через систему региональных партийных школ. Для высоких должностей существовали центральные школы и академии.

Одна из публичных реплик премьер-министра, руководителя правящей партии Д.А. Медведева «о создании для партии “Единая Россия” Высшей партийной школы, которая будет не чета советской» вызывает некоторое недоумение. Для такой реакции есть причины. Во-первых, в СССР была не одна партийная школа для функционеров, а целая сеть. Во-вторых работала система переподготовки не только партийных, но и хозяйственных кадров. В-третьих, эта система была оснащена многогранной связью обучающихся с реальной жизнью и практикой, что обеспечивало высокое качество обучения. И, наконец, она была настолько эффективной, что ее кадрами мы пользуемся до сих пор.

Актуальность проблемы понята представителями высшей государственной власти, о чем говорит то, что 11 февраля 2013 года В.В. Путин подписал Указ №126 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам государственной службы и резерва управленческих кадров» [13]. Утвержден состав комиссии, в которую вошли крупные чиновники и руководители высшей школы. Это решение, несомненно, получит развитие и коснется муниципальной службы.

Необходимо надеяться, что для разработки конкретной программы руководство обратится к научному сообществу, в том числе и к социологическому. Ограниченный формат статьи не позволяет подробно раскрыть все сформулированные в ней предложения, цель ее состоит в постановке вопроса о возможных направлениях научного поиска в области социологического анализа проблем формирования муниципальной элиты России.

Список литературы

1. Федеральный закон от 06.10.2003 №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 10.09.2015).
2. Серафимов М.М. Кадровый потенциал в стратегии развития районного муниципального образования: Монография. Н. Новгород: НИСОЦ, 2007. 137 с.
3. Балдуччи М. Процесс децентрализации власти и роль подготовки кадров // Муниципальная служба. 1998. № 4. С. 59.
4. Иларионова Т.С. Хороший чиновник – эффективное государство // Наша власть. Дела и лица. 2012. № 7–8. С. 48–49.
5. Шепель В.М. Человеческая компетенция менеджера. Управленческая антропология. М.: Народное образование, 1999. 432 с.

6. Лавров И.В. Развитие методологии исследования экономики благосостояния на основе теории элит: Автореф. дис. ... доктора экономических наук. Специальность: 08.00.01 – Экономическая теория (общая экономическая теория). Екатеринбург, 2009. 40 с.
7. Широков А.Н. Реформа местного самоуправления в России: концептуальный подход: Монография. СПб.: ИРЭ РАН, 2003. 167 с.
8. Широков А.Н., Юркова С.В. Реформа местного самоуправления: цели, задачи, первые результаты, проблемы // Муниципальная власть. 2007. № 4. С. 22–29.
9. Глазычев В.Л., Уриханян А. Закон сработал как культиватор // Муниципальная власть. 2007. № 3. С. 52–56.
10. Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. 2-е изд. М.: Либроком, 2013. 408 с.
11. Мельникова Р.И., Богатырева И.В. Кадровое обеспечение муниципальной службы в регионе: социологический анализ: Монография. Воронеж, 2010. 151 с.
12. Горшков М.К. Российская социология: между обществом и властью // СОЦИС. 2011. № 5. С. 19–22.
13. Указ Президента РФ от 11.02.2013 №126 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам государственной службы и резерва управленческих кадров». URL: <http://docs.cntd.ru/document/902397701> (дата обращения: 10.09.2015).

ELITE THEORY AND THE PROBLEM OF HR POTENTIAL IN THE MUNICIPAL GOVERNMENT SYSTEM

M.M. Serafimov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The paper examines some features of the functioning of a municipality from the perspective of the elite theory. It also presents the social portrait of senior municipal employees who make up the local government elite and discusses specific features of their work. In their social interaction, representatives of this group influence the key characteristics of the territory's socio-economic development to the greatest extent, which, in turn, affects the living standards of its population. The author points out some imperfections in theoretical and practical approaches to human resources policy and suggests the use of the most significant achievements in selecting, placing and training personnel, which were successfully used during the Soviet period.

Keywords: elite, elite factor, human resources, municipal employee, system of municipal governance, socially active citizens, selection, placement and training of personnel.

УДК 316.44

УЛУЧШЕНИЕ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ В НАДЕЖДАХ И ПЛАНАХ КАЛУЖАН: ИТОГИ ОПРОСА

© 2016 г.

А.Ю. Казакова

Калужский госуниверситет им. К.Э. Циолковского

kazakova.a.u@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 30.11.2015**Статья принята к печати 22.01.2016*

На основе репрезентативных эмпирических данных, отражающих территориально-поселенческую и социально-демографическую структуру городского и сельского населения Калуги ($n=1536$, $p=0.95$), в сентябре – декабре 2014 г. методами корреляционного и регрессионного анализа выявляются переменные, определяющие характер сделанных респондентами автопрогнозов улучшения жилищных условий, включая выбор конкретных способов, которые они надеются использовать для этой цели.

Анализируя данные, мы стремились вычленили доминирующие факторы недовольства жилищными условиями из числа двух наборов переменных: первая группа характеризовала городскую среду (безопасность, благоустроенность, комфорт и транспортная доступность и т.д.), вторая группа факторов – жилище как ближайшее жизненное пространство респондента (собственность, отдельность, оснащенность инженерными коммуникациями и современными техническими устройствами, площадь и т.д.). Эта задача является достаточно новой, поскольку рейтинговые исследования регионов, как правило, не предполагают детализации характеристик жилищных условий, которые являются объективными источниками (не)удовлетворенности жителей и определяют интенсивность итоговых субъективных оценок.

Уровень благоустроенности района – фактор, который наиболее сильно из всех характеристик городской среды влияет на удовлетворенность жилищными условиями или на желание их сменить, улучшить. Среди характеристик самого жилья главный – его отдельность.

Надежда выражена тем сильнее, чем респондент моложе, и не зависит от уровня образования, наличия работы, состояния здоровья.

Планы оформлены тем отчетливее, чем больше респондент надеется на рост уровня жизни в будущем году. Прогнозирует его у себя лишь 31% тех, кто надеется на улучшение жилищных условий, 32% тех, кто надеется на их улучшение за счет личных средств, и 26% тех, кто надеется решить эту проблему за счет займов. Сама доля рассчитывающих улучшить жилищные условия в будущем году мала (5% – 18% + 5%). Уровень благосостояния калужан в ближайшем будущем по-прежнему окажется недостаточным для массового улучшения жилищных условий.

Данный вывод определяет практическую значимость исследования в качестве инструмента прогнозирования потребностей горожан в жилье как части процесса управления развитием городских территорий.

Ключевые слова: динамика жилищных условий, субъективное экономическое благополучие, автопрогнозы, опрос.

Введение

Источником социальной напряженности может служить социальное сравнение не только в пространстве (полисубъектное), но и во времени (моносубъектное). Незначительное снижение качества жизни способно лишить обеспеченного человека уверенности в завтрашнем дне в большей степени, чем отсутствие видимых улучшений в условиях привычной бедности. Морально-психологическая устойчивость населения в кризисной ситуации во многом зависит и от уровня текущего благосостояния, и от оптимистического или пессимистического образа ближайшего будущего.

Оптимизм и пессимизм как социально-исторически обусловленное состояние массовой психологии и «разнонаправленной практической ориентации в мире» личности [1, с. 87] чаще всего изучается как самостоятельная характеристика социума – индикатор его благополучия [2], в том числе субъективного экономического благополучия [3]. Сегодня оформилась ясная и методически оснащенная методология их измерений [4], определения детерминант и корреляторов их варьирования [5], в том числе внеэкономических [6], оценки их адаптационных возможностей [7], в том числе внеэкономических [8], так или иначе связанная с применением в российских условиях американских мо-

делей ощущаемого качества жизни А. Кэмпбелла, субъективного экономического благополучия Б. Струмпел [9].

Однако нас интересует не «уровень счастья» и не мотивирующая или демотивирующая сила оптимизма по отношению к достижению экономических целей. Нас интересует степень адекватности бытового автопрогноза, подчиняющегося логике спонтанного социального познания, реальной вероятности повышения или понижения респондентом своего благосостояния и соответственно – возможность опираться на этот субъективный образ будущего при построении научно-поисковых прогнозов социально-экономического развития территорий. Особая значимость прогностической функции уровня оптимизма/пессимизма в кризисных условиях уже подчеркивалась в работах Н.Н. Седовой [10].

Насколько нам известно, подобный подход редко получал практическую реализацию на собственной репрезентативной эмпирической базе исследователя. Наиболее близка нам методологически и методически работа Л.Е. Кесельмана, В.Б. Звоновского, М.Г. Мацкевича «Социальная детерминация индивидуального сознания в трансформирующемся обществе», в которой эффекты «взаимосвязи индивидуально-пессимизма/оптимизма с релевантным социальным контекстом» [11] получили концептуализацию в модели «воронка катастрофизма».

Но обычно проблема бытовых автопрогнозов рассматривается применительно к уровню доходов, финансовой обеспеченности, защищенности инвестиций и не распространяется на жилищную сферу, и потому предпринимаемая нами попытка определить меру воздействия образа внешней среды и ее неконтролируемых обстоятельств на образ личного будущего обладает научной новизной и теоретической значимостью. Актуальность ее рассмотрения в контексте планов населения по улучшению жилищных условий определяется изношенностью жилфонда, низкой экономической доступностью покупки и аренды жилья, сильной территориальной диспропорцией между качеством городского и сельского жилья: «Социологические опросы показывают, что по крайней мере половина россиян хотела бы улучшить свои жилищные условия, но лишь 5–10% населения страны в состоянии претворить эти желания в реальность. При этом запросы большей части респондентов весьма ограниченны и сводятся к пожеланиям обеспечения минимальных условий жизнедеятельности... Жилищные запросы большинства россиян, даже в мечтах, невысоки.

Редко кто из наших сограждан грезит о роскоши. Для многих участников опроса отдельная (пусть даже небольшая) квартира, элементарные удобства и ремонт уже составляют предмет мечтаний» [12].

В Калуге, как и в целом в стране, жилищная проблема является едва ли не самой острой и решается с трудом. Оценке калужанами личных перспектив решения жилищной проблемы посвящена данная статья, выполненная по итогам проведенного автором в сентябре – декабре 2014 г. исследования ключевых проблем развития городских и сельских территорий муниципального образования «Город Калуга».

Методика исследования

Использовалась двуступенчатая квотная районированная выборка. В качестве генеральной совокупности рассматривались совершеннолетние жители города; не имея сведений об их территориальном распределении по микрорайонам, структуру выборки мы привязывали к границам избирательных округов и количеству избирателей в них, общая численность которых на 01.01.2014 г. составила 283443 человека. Объем выборочной совокупности рассчитан по доле каждого округа в численности электората при $t = 2$ и $\Delta = 0.05$. Расчетное и фактическое значение объема выборки составило 1536 человек. В целом опрос охватил всё пространство жилых районов города; контролировалось соблюдение пропорциональности половозрастных квот, а также присутствие в выборке всех типов жилья (индивидуальные и многоквартирные жилые дома, в том числе с коммунальными квартирами и общежития). Таким образом, выборка является репрезентативной как с точки зрения территориального размещения населения, так и с точки зрения его социально-демографической структуры.

Данные обработаны в 20-й версии программы IBM SPSS Statistics с использованием непараметрических критериев оценки значимости распределений, сравнения множественных и частных корреляций и регрессионного анализа.

Результаты исследования

Как и следовало ожидать, улучшение жилищных условий в ближайшем будущем планирует лишь небольшая часть опрошенных: 18%.

Непараметрическая проверка на уровне значимости 0.05 по одновыборочному критерию Колмогорова – Смирнова соответствия нормальному распределению ответов на данный

вопрос со значимостью 0.00 показала, что в масштабах всего города эти вариации неслучайны. По тому же критерию были отклонены и нулевые гипотезы о нормальном характере распределения множественного выбора способов, на которые возлагают надежду респонденты, ориентированные на улучшение жилищных условий: расселение (26%), родственные сделки (16%), личные средства (26%), займы (33%), иные способы (27%).

Функция автоматизированного линейного моделирования регрессии для переменной «Надежда улучшить жилищные условия в ближайший год» показала необходимость рассмотреть ряд предикторов, указывающих на значимость социально-демографического и социально-экономического статуса респондентов, а также ожиданий неких значимых воздействий со стороны внешней среды (переменная «Ожидаемые важные события в жизни Калуги»).

Сопоставление множественных и частных корреляций показывает, что целый ряд связей – ложные. Корреляционная связь была установлена с помощью коэффициента Пирсона (r).

Так, связь с состоянием здоровья ($r = 0.233$ на уровне значимости 0.000) оказывается детерминированной возрастом и полностью исчезает в условиях исключения данной переменной (сила частной корреляции 0.033 на уровне значимости 0.198), да и сама переменная возраста ($r = -0.280$ на уровне значимости 0.000) без «поддержки» переменной состояния здоровья, хотя и сохраняет значимость 0.000, но теряет силу (-0.152). Изначально слабая множественная корреляция с уровнем формального образования ($r = 0.091$ на уровне значимости 0.000) при исключении составной медико-демографической переменной «Возраст*Состояние здоровья» теряется вовсе (сила частной корреляции 0.038 на уровне значимости 0.136). Так же ведут себя переменные брачности, детности, численности домохозяйства: легкая связь в условиях множественной корреляции опосредована возрастом, а в отсутствие переменной возраста связь исчезает; гендерная дифференциация отсутствует абсолютно (корреляций нет – ни частных, ни даже множественной). Неважным оказывается, работает ли человек: слабая связь с оплачиваемой занятостью ($r = 0.058$ на уровне значимости 0.024) при исключении переменной возраста слабеет ($r = 0.017$) и теряет значимость (0.504).

Таким образом, только оптимизм молодежи и вера в некие внешние перемены («Ожидаемые важные события в жизни Калуги») позволяют надеяться, что при наличии работы и хорошего

образования можно решить жилищную проблему. Как показал регрессионный анализ, переменные «Возраст*Состояние здоровья*Ожидания значимых событий в жизни Калуги» вместе объясняют лишь 6% дисперсии признака наличия планов на улучшение жилищных условий ($R^2=0.061$, скорректированный $R^2=0.059$; F -критерий для модели = 32.845 со значимостью 0.000), причем переменная состояния здоровья оказывается избыточной, так как надежность регрессионной модели при ее исключении только повышается ($R^2=0.059$, скорректированный $R^2=0.058$; F -критерий для модели = 47.909 со значимостью 0.000).

Следовательно, субъективный фактор оптимистичности и активности едва ли способен существенно исказить картину прогнозной динамики жилищных условий калужан, которая в реальности будет определяться иными – объективными – факторами.

Вопреки нашим ожиданиям, значимость территориально-поселенческого статуса для данной переменной не связана с функциональной зоной города: жители исторического и молодого центра, окраин и пригородов значимо не отличаются друг от друга в своем стремлении менять или не менять жилищные условия. Существенные для них отличия состоят в наборе способов, которыми рассчитывают воспользоваться те из них, кто на это нацелен. Как показывает сравнение средних, жители пригородов менее всех рассчитывают справиться с жилищной проблемой самостоятельно, улучшая жилищные условия из личных средств и за счет займов, и чаще всех рассчитывают на расселение.

Переменная места жительства респондента значима для выраженности надежд на улучшение жилищных условий не в контексте оппозиций «центр – периферия», а с точки зрения признаков, позволяющих рассматривать район как расширенную характеристику самих жилищных условий, их качества (предиктор «Уровень благоустроенности района»). Неслучайность распределения значений «Личные сделки как способ улучшения жилищных условий» проверена на уровне значимости 0.05 по критерию Краскала – Уоллиса для двух независимых выборок; нулевая гипотеза об одинаковом характере распределения отклонена со значимостью 0.006. Чем выше благоустройство, тем меньше потребность менять жилищные условия. Те же, кто хочет их изменить (из числа живущих в районах со скудной инфраструктурой), вдвое чаще рассчитывают на личные средства, чем на прочие способы улучшения жилищных условий.

Иные характеристики района, формирующие качество жизни его обитателей, – наличие специфических для него затажных проблем, уровень благоустройства придомовой территории, безопасность – не влияют на планы улучшения жилищных условий. Едва заметная отрицательная связь прослеживается между престижностью района и надеждой на расселение (чем ниже престиж, тем она больше). Переменная престижа имела слабую отрицательную корреляцию Пирсона и с надеждой на улучшение жилищных условий в целом, но самостоятельного значения она не имеет: связь нулевая, если исключить оценку текущих жилищных условий.

Ключевой критерий этой оценки – отдельность жилья семьи, независимо от численности домохозяйства, количества детей, состояния в браке, возраста (связь слабая отрицательная, но значение ее не меняется в условиях частных корреляций). Ни площадь, ни наличие инженерных систем и коммуникаций (нулевые корреляции переменных с анализируемой), ни престижность района не компенсируют отсутствия у семьи пространственной автономии, причем по отношению как к посторонним людям – соседям, так и к членам домохозяйства из числа родственников.

Калужане оказываются толерантны к плохому качеству жилищных условий: лишь самые негативные оценки связаны с острым желанием (планами) их улучшить.

Но возможности этого улучшения едва ли дают основания для оптимизма. Наиболее «сильной» переменной по отношению к надежде улучшить жилищные условия выступает, как и следовало ожидать, переменная субъективного экономического благополучия. Но благополучия не актуального в момент опроса, а того, который респондент видит у себя в будущем (частная корреляция без переменной возраста 0.386, а без переменной текущего уровня жизни 0.594 со значимостью 0.000), ожидая, что уровень жизни изменится в течение года с момента опроса (частная корреляция без переменной возраста 0.282, а без переменной текущего уровня жизни 0.326 со значимостью 0.000).

Текущий уровень субъективного экономического благополучия не является значимым в условиях множественной корреляции, что не меняется даже при исключении возраста. В условиях исключения переменной ожидаемого уровня жизни в ближайший год связь субъективного уровня жизни с анализируемой переменной оказывается слабо отрицательной ($r = -0.101$ со значимостью 0.000). То есть в

10% случаев чем выше уровень жизни, тем меньше и стремление улучшить жилищные условия (они удовлетворительны).

Что касается имевшей место за год до опроса динамики уровня жизни, то связь заметная, особенно в условиях исключения нынешнего уровня жизни. Для каждой социально-экономической группы выполняется условие: чем больше выросло за год до опроса субъективное экономическое благополучие, тем больше человек надеется улучшить жилищные условия (частная корреляция без переменной текущего уровня жизни 0.170 со значимостью 0.000). При этом калужане линейно проецируют размах уже совершившейся динамики на размах динамики через год: и множественная, и частная корреляция, даже при исключении переменных текущего уровня жизни и возраста, равна 1. Но у групп, выделяемых по текущей оценке качества жилья, значения хорошо согласованных переменных ожидаемой динамики изменения материального положения и жилищных условий существенно ниже среднего; рассогласованные значения указывают, что динамика жилищных условий едва ли возможна по причине отсутствия либо средств, либо желания.

Таким образом, ответ на вопрос: «Рассчитываете ли Вы улучшить жилищные условия в будущем году?» – зависит от переменных, значения которых характеризуют наличие подавленной потребности (отдельность жилья, численность домохозяйства, оценка жилищных условий, наличные «удобства», название района, оценка благоприятности условий жизни в районе) и выраженность надежды на позитивные перемены (ожидания улучшения материального положения в будущем году, возраст, ожидания значимых событий в жизни Калуги в будущем году), но не обоснованность этих надежд.

Элемент рационального подхода в планах наблюдается в выборе конкретных способов, которыми намерены воспользоваться респонденты для решения жилищной проблемы.

На расселение надеются те, кто живут в многоквартирных домах с частичными удобствами (важность предиктора = 0.20), в расширенном домохозяйстве (важность предиктора = 0.05), в пригородной зоне и – в меньшей степени – в старых (исторических) районах города (важность предиктора = 0.15), выделяют специфические для района проблемы (важность предиктора = 0.02), а также ожидают, что в будущем году в жизни их микрорайона произойдут некие значимые события (важность предиктора = 0.02; с содержательной точки зрения большинство

этих ожиданий связано так или иначе с жилищным строительством и программой переселения из ветхого и аварийного жилья).

На родственные сделки чаще всех рассчитывает студенческая молодежь (важность предиктора «Образование» = 0.03, значения – «высшее/неоконченное высшее образование»): холостые (важность предиктора = 0.03), живущие в родительской семье численностью от 3 человек (важность предиктора «Численность домохозяйства» = 0.02) уроженцы Калужской области, Калуги или района – места проведения опроса (важность предиктора = 0.02), которым чаще всего является та же пригородная зона или «спальные» районы советской застройки (важность предиктора «Название района» = 0.57), не удовлетворенные жилищными условиями из-за отсутствия удобств полностью или частично (важность предиктора = 0.10).

К личным сделкам респонденты мотивированы тем более, чем менее престижен район (важность предиктора = 0.02), чем меньше в их жилье «удобств» (важность предиктора = 0.16), чем выше их субъективный уровень жизни (важность предиктора = 0.04) и ниже – оценка жилищных условий (важность предиктора = 0.12), чем больше размах динамики уровня жизни за год перед опросом (важность предиктора = 0.06), а также уверенность в том, что он будет продолжать расти (важность предиктора = 0.15), и наиболее характерны эти ожидания для молодых родителей (важность предикторов «Количество детей» и «Возраст» = 0.03) из центральных районов города, но не исторического центра (важность предиктора = 0.25).

Взаимосвязи переменной займов как средства улучшения жилищных условий похожие. Респонденты готовы брать в долг тем чаще, чем менее престижен район (важность предиктора = 0.02), чем меньше в их жилье «удобств» (важность предиктора = 0.11), чем ниже оценка жилищных условий (важность предиктора = 0.02), но выше ожидаемый уровень жизни в ближайший год (важность предиктора = 0.03) и уверенность, что он будет расти (важность предиктора = 0.07). Эти ожидания могут быть сильно завышены, поскольку важность предиктора «Возраст» равна 0.06.

Отличия состоят в том, что кроме престижа района здесь важна оценка благоприятности условий жизни уже не в районе, а в Калуге в целом (важность предиктора = 0.02). Важны негативные ожидания, касающиеся внешних событий, связанных с экономической сферой (важность предиктора = 0.02), наличие рисков, с которыми, по мнению респондента, сопряжено

проживание в его доме (важность предиктора = 0.07), а значимость местоположения жилья максимальная (важность предиктора «Наименование района» = 0.55).

Признаки районов, жители которых наиболее склонны прибегать к займам, различны: 23-й округ (всего 25 округов) включает несколько пригородных населенных пунктов и окраинный микрорайон с низкой транспортной доступностью и слабо развитой инфраструктурой; 15-й – район молодого центра с высокой экологической и транспортной нагрузкой и постоянными ДТП. Соседний 16-й, часть которого является историческим, часть – новым центром, характеризуется наименьшей среди всех центральных районов с многоквартирной застройкой обеспеченностью квартир «удобствами».

Едиственный критерий, по которому данные округа можно объединить, – выпадающие за пределы контрольного диапазона (в те же 3σ) значения переменной «Риски дома», означающей, что респонденты фиксируют наличие опасностей и угроз, с которыми они могут столкнуться непосредственно в пределах своего ближайшего – домашнего – жизненного пространства (соседи-люмпены, пожароопасная электропроводка, обрушения штукатурки и пр.).

Таким образом, можно прийти к выводу, что жилищные займы для населения – одна из «крайних» мер, нежелательная тактика не экономического, а территориального самосохранительного поведения. И детерминируется она не стратегией повышения качества жизни, а стратегией избегания риска.

К «иным способам» решения жилищной проблемы респондент собирается прибегнуть тем чаще, чем менее престижен район (важность предиктора = 0.48), чем менее благоприятными он считает условия жизни в Калуге (важность предиктора = 0.03) и свои жилищные условия (важность предиктора = 0.04), что нередко связано с недостаточностью «удобств» (важность предиктора = 0.08), чем больше у него детей (от 4; важность предиктора = 0.04) и, соответственно, членов в его домохозяйстве (5–6 и более; важность предиктора = 0.07), чем хуже динамика его субъективного экономического благополучия (важность предиктора = 0.06), чем более он уверен в грядущем изменении материального положения (важность предиктора = 0.09). Кроме того, наблюдается слабая прямая связь с уровнем опасности, сопряженной, по мнению респондента, с проживанием в его доме и городе в целом, но при этом с уверенностью в собственной личной безопасности. Поскольку ни регрессионный, ни дисперсионный анализ не

дает достаточно надежных статистик, которые позволили бы конкретизировать эту картину, мы можем только предположить, что речь здесь может идти о действиях или помощи извне, связанных с изменением демографической ситуации: переселение на жилплощадь супруги/супруга, наследство, собственный переезд в другую местность или уход из дома выросших детей. Статистика Ливиня для проверки однородности дисперсий переменной «Иные способы» для факторных групп «Возраст» невысока (9.5 со значимостью 0.00), и надежность разбиения на группы в соответствии с апостериорным критерием Дункана невысока также. Но максимум выборов данного варианта ответов приходится на возрастные группы 18–20 и 41–50 лет – стадии жизненного цикла, связанные с существенными изменениями характеристик социально-демографического статуса, что может свидетельствовать в пользу нашего предположения.

Выводы

Уровень благоустроенности района – фактор, который наиболее сильно из всех характеристик городской среды влияет на удовлетворенность жилищными условиями или на желание их сменить, улучшить. Среди характеристик самого жилья главный – его отдельность.

Надежда выражена тем сильнее, чем респондент моложе, независимо от уровня образования, наличия работы, состояния здоровья.

Планы оформлены тем отчетливее (присутствует не только надежда, но и версия о наиболее вероятном для респондента способе улучшения жилищных условий), чем больше респондент надеется на рост уровня жизни в будущем году. Прогнозирует его у себя лишь 31% тех, кто надеется на улучшение жилищных условий, 32% тех, кто надеется на их улучшение за счет личных средств, и 26% тех, кто надеется решить эту проблему за счет займов. Сама доля рассчитывающих улучшить жилищные условия в будущем году мала (5% – 18% + 5%).

Таким образом, даже если ожидания роста благосостояния у части респондентов оправдаются, его общий уровень по-прежнему не будет достаточен для массового улучшения жилищных условий.

Полученные нами результаты согласуются с данными других исследователей. В частности, анализируя показатели жилищной обеспеченности населения Самарской области на фоне жителей РФ в целом, О.Ф. Чистик в работе «Ста-

стистическое исследование жилищных условий населения Российской Федерации» выявляет колебания значений удельного веса ветхого и аварийного жилья в составе жилищного фонда. Автор приходит к выводу, что «неясный характер поддержки нуждающихся в улучшении жилищных условий, дисбалансы в структуре строительных организаций, исчерпание производственных резервов ... ставят под сомнение способность региональных властей и местных строительных компаний собственными силами решать задачи, поставленные Указом Президента РФ № 600» [13, с.72–73]. Это означает, что доля лиц, испытывающих жилищную депривацию, десятилетиями остается фактически неизменной как в регионах, так и в стране в целом.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Калужской области, проект № 15-13-40601 е(р) – «Социальные факторы сохранности исторической памяти как основы территориальной идентичности локальных городских сообществ».

Список литературы

1. Муздыбаев К. Оптимизм и пессимизм личности // Социологические исследования. 2003. № 12. С. 87–96.
2. Нугаев Р.М., Нугаев М.А. Качество жизни в трудах социологов США // Социологические исследования. 2003. № 12. С. 100–105.
3. Хащенко В.А. Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация // Экспериментальная психология. 2011. № 1. Т. 4. С. 106–127.
4. Кесельман Л.Е., Мацкевич М.Г. Экономический оптимизм/пессимизм в трансформирующемся обществе // Социологический журнал. 1998. № 1/2. С. 39–54.
5. Sirgy M.S. (Ed.). *New Dimensions of Marketing/Quality-of-life Research*. Westport: Greenwood Publishing Group, Inc., 1995. 381 p.
6. Вахштайн В., Степанцов П. Интервью от 01.07.2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/13676621/osobennosti-rossijskogo-optimizma> (дата обращения: 26.02.2015).
7. Дудник О.В. Жизненные стратегии северян в условиях трансформации российского общества: Автореф. дис. (22.00.04). М.: Электронная библиотека диссертаций, 2002 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/zhiznennye-strategii-severyan-v-usloviyakh-transformatsii-rossijskogo-obshchestva> (дата обращения: 26.02.2015).
8. Шведовская А.А., Загвоздкина Т.Ю. Социально-экономический статус семьи и психическое развитие ребенка: зарубежный опыт исследования // Психологическая наука и образование. 2013. № 1. С. 65–76.

9. Strümpel B. Economic well-being as an object of social measurement // Strümpel B. Subjective Elements of Well-Being. Paris: Organization for Economic Cooperation and Development, 1974. P. 75–122.

10. Седова Н.Н. Современное российское общество: между оптимизмом и пессимизмом // Мониторинг общественного мнения. 2009. № 6 (94). С. 164–182.

11. Кесельман Л.Е., Звоновский В.Б., Мацкевич М.Г. Социальная детерминация индивидуального сознания в трансформирующемся обществе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.narcom.ru/ideas/socio/35.html>. (дата обращения: 26.02.2015).

12. Мартынюк И.А. Жилищная сфера современной России в контексте изменений ее социокультурных характеристик: Дис. ... канд. соц. н. Ростов-на-Дону, 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/zhilischnaya-sfera-sovremennoy-rossii-v-kontekste-izmeneniy-ee-sotsiokulturnykh-harakteristik#ixzz3sqEIqmXl> (дата обращения: 29.11.2015).

13. Чистик О.Ф. Статистическое исследование жилищных условий населения Российской Федерации // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2014. № 10. С. 71–79.

IMPROVEMENT OF HOUSING CONDITIONS IN THE HOPES AND PLANS OF KALUGA RESIDENTS: POLL RESULTS

A.Yu. Kazakova

Tsiolkovsky Kaluga State University

Based on empirical data collected in September - December 2014 representing territorial settlement and socio-demographic structure of urban and rural population of Kaluga ($n=1536$, $p=0.95$), the author identifies, by using correlation and regression analysis, the variables that define the essence of living conditions improvement self-predicted by respondents including their choices of means which they hope to use for this purpose.

When analyzing the data, we sought to isolate the dominant factors of dissatisfaction with living conditions from two sets of variables: the first group characterized the urban environment (safety, livability, comfort and transport availability, etc.), the second group of factors characterized the dwelling as the respondent's closest living space (being own property, separate, equipped with engineering services and modern technical facilities, available area, etc.). This task is rather new since rating research of regions, as a rule, does not involve specification of characteristics of living conditions which are objective sources of satisfaction or dissatisfaction of residents and define the intensity of total value judgment.

The level of comfort in the district is the main factor among the set of the urban environment specifications influencing satisfaction with current housing situation or desire to change and improve it. The main criterion of the housing quality is separate dwelling.

The younger the respondent, the stronger the hope, irrespective of his/her level of education, job and health.

The more the respondent hopes for the growth of living standards in the coming year, the clearer the plans. Only 31 % of those respondents who hoped to improve housing conditions, 32 % of those ones who hoped to improve housing conditions thanks to their personal funds and 26 % of those respondents who hoped to solve the problem through loans, predict the growth of their living standards. The share of those who expect to improve their living conditions in the coming year is quite small (5% - 18% + 5%). Therefore, the level of welfare of Kaluga residents in the nearest future will remain insufficient for the improvement of housing conditions on a mass scale.

This conclusion confirms the practical importance of our research as an instrument to forecast the needs of citizens for housing as part of the process of management of urban development.

Keywords: dynamics of housing conditions, subjective economic well-being, self-predictions, poll.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 37.018.43

ОБУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ: СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПОДХОДЫ И ИХ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

© 2016 г.

Г.Е. Зборовский, Е.А. Шуклина

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург

garoldzborovsky@gmail.com

Статья поступила в редакцию 05.12.2015

Статья принята к печати 11.01.2016

Рассматриваются проблемы обучения, адаптации и интеграции в европейский социум детей мигрантов. Обращается внимание на трудности, барьеры и проблемы этого процесса, связанные с целым рядом социальных противоречий и конфликтов. Особое внимание уделяется таким проблемам, как социокультурная адаптация детей мигрантов, овладение ими языком принимающей страны, их интеграция в принимающий социум, преодоление расовой неприязни с его стороны, взаимодействие с учащимися и педагогами, а также с местными жителями. Дается классификация основных проблем (трудностей), с которыми сталкиваются дети мигрантов. На основании анализа источников, представляющих результаты исследований в странах ЕС, активно принимающих детей мигрантов, приводятся рекомендации, направленные на успешное решение проблем их обучения и адаптации. Анализируются особенности обучения детей мигрантов в Великобритании, где, по мнению авторов, были достигнуты заметные позитивные результаты этого процесса. Показываются современные тенденции, успехи детей мигрантов в обучении и социальные эффекты в образовательной политике Великобритании. Особо выделяется феномен «Лондонского эффекта».

Ключевые слова: дети мигрантов, обучение и адаптация детей мигрантов, проблемы, барьеры и трудности обучения.

Постановка проблемы

Наплыв мигрантов в Европу из ближневосточных, арабских и африканских стран, население которых терпит гуманитарную катастрофу в связи с военными действиями, разрушением и без того бедной экономики, – реалии последних лет. Голод, эпидемии, безработица, нахождение в опасных для жизни зонах военных конфликтов заставляют жителей этих стран мигрировать целыми семьями и общинами. Сотни тысяч взрослых и детей пытаются переплыть море на ненадежных плавательных средствах, зачастую терпят бедствия во время шторма и гибнут.

Сегодня иммиграция – серьезнейший вызов социально-экономической сфере Европейского Союза. Она спровоцировала обострение социальных проблем, связанных с обустройством переселенцев в новой социальной среде. Проблема актуализируется в связи с нежеланием многих из них заниматься трудом и стремлением жить исключительно за счет общества. Меж-

ду тем у многих есть семьи и дети (часто помногу), которых нужно кормить, лечить, учить. В связи с этим одним из фундаментальных условий решения проблем мигрантов является не только создание нормальных условий жизни, предоставление социальных благ и гарантий, обеспечивающих безопасность, но и организация обучения и адаптации их детей.

Известная исследовательница проблем образования детей мигрантов в Европе Яна Хуттова отмечает: «Возрастающая миграция в Европу – теперь самый большой фактор прироста населения среди большинства стран – членов Европейского Союза. Эта тенденция проявляется также в области образования, где ученики мигрантского происхождения составляют до половины или даже больше от общего количества учеников в некоторых школах. ...Образование детей мигрантов рассматривается теперь не только как экономический вопрос, но и – самое главное – как проблема прав человека и политических прав. В результате образование стало ключевым инструментом в долгосрочной инте-

грации и социальных стратегиях ... и, следовательно, ключевой областью политики Европейского Союза» [1, с. 17].

В ходе исследований, выполненных в западноевропейских странах, обнаруживаются многочисленные проблемы и трудности, с которыми сталкиваются родители мигрантов и их дети в стране приема в процессе обучения и социокультурной адаптации, а затем и интеграции в социум. Их решение требует финансовых затрат, регулирования взаимоотношений между различными социальными группами, целенаправленной работы органов местного управления и самоуправления, активной деятельности религиозных организаций, установления взаимодействий между национально-этническими общинами, к которым принадлежат мигранты, и местной властью.

Целью данной статьи является анализ проблем обучения и социокультурной адаптации детей мигрантов в западноевропейских странах на материале исследований социологов и специалистов по образованию. Постановка и рассмотрение этих проблем имеет значение для сравнительного изучения западного и российского опыта, выявления барьеров и нерешенных вопросов в этой сфере социальной жизни, развития теорий и практик обучения детей мигрантов в нашей стране.

Далее мы представим классификацию проблем обучения и социокультурной адаптации детей мигрантов, сделанную на базе западноевропейских исследований последних лет; рассмотрим общую ситуацию в обучении детей мигрантов и рекомендации по ее улучшению; а также осуществим анализ проблемы на материале Великобритании, где, по нашему мнению, были достигнуты заметные позитивные результаты в ее решении.

Проблемы обучения и социокультурной адаптации детей мигрантов: обобщающая классификация

В западноевропейских странах существует ряд общих и типичных проблем обучения детей мигрантов. Среди них – социокультурная адаптация, овладение языком принимающей страны, интеграция в принимающий социум, взаимодействие с учащимися и педагогами, а также с местными жителями.

Названные и иные, с ними сопряженные, проблемы в каждой стране решаются по-разному – с учетом законодательства, традиций,

сложившихся отношений с мигрантами у принимающего социума, бюджетного финансирования процесса обучения их детей, особенностей образовательного процесса в данной стране и даже в конкретном образовательном учреждении, позиции родителей-мигрантов по вопросам их обучения, готовности родителей помогать школе и многих других факторов.

Не следует забывать и о такой важной проблеме, как конфликты, постоянно возникающие в процессе обучения детей мигрантов, которые могут приобретать социальный, социокультурный, национально-этнический, конфессиональный, коммуникативный, гендерный характер. Их участниками являются, с одной стороны, сами дети мигрантов и их родители, с другой – учащиеся, представляющие местное население, иные национально-этнические общности. Вовлеченными в конфликты нередко становятся педагоги, руководители учреждений образования, властные структуры, органы местного управления и самоуправления.

Конфликты касаются проявлений расизма и расовой дискриминации, языкового общения, ношения национальной одежды на территории учебного заведения и непосредственно на занятиях, участия в обычных детских (школьных) и спортивных играх, посещения дискотек, создания в классах и школах особых субкультурных и этнических группировок, выяснения отношений по принципу гендерного противостояния. Конфликты приобретают самые разные формы, не исключая и крайне жесткие, вплоть до массовых драк и использования оружия.

Стремление выявить некоторые общие проблемы и трудности, с которыми сталкиваются дети мигрантов в процессе обучения в странах приема, привело нас к попытке определенным образом их систематизировать. Для ее реализации мы использовали накопленный на Западе опыт исследования проблем обучения детей мигрантов, а также свой собственный, связанный с проведением в 2012–2015 гг. исследований этих проблем в Ханты-Мансийском автономном округе и Свердловской области [2–5].

Сравнение показывает, что многие проблемы «у них» и «у нас» совпадают, являются общими, причем если не целиком, то в значительной степени. Помогает установить этот социальный факт предложенная Хьен Ван Нго и Барбарой Шляйфер «Сводная таблица основных проблем (трудностей), с которыми сталкиваются дети мигрантов» (табл. 1) [6].

Таблица 1

Сводная таблица основных проблем (трудностей) детей мигрантов

	Социальные службы	Здоровье	Образование	Право
Личностные (трудности) проблемы	Социокультурная адаптация. Социальная поддержка. Культурная идентичность. Сексуальная идентичность. Роль в соответствии с полом. Внутренний расизм. Занятие, должность, место работы	Питание. Заразные болезни. Сексуальное и репродуктивное здоровье. Хронические заболевания. Умственные нарушения. Травматизм в результате миграции (переездов, перемещений)	Незнание системы образования принимающей страны. Надлежащая (адекватная) оценка собственных учебных достижений. Английский как второй язык. Поддержка в освоении изучаемых дисциплин. Поддержка обучающихся с особыми образовательными потребностями. Поддержка тех, кто интересуется родным языком	Криминальные группировки. Алкоголизм и наркомания. Проституция. Правовые трудности
Семейные (трудности) проблемы	Базовые потребности. Работа. Язык и грамотность взрослых. Грамотность семьи. Социальное окружение и поддержка. Жестокость в семье. Членство в различных сообществах			
Школьные (трудности) проблемы	Доступ к системной и компетентной культурной поддержке. Участие родителей. Участие и инициатива в школьных делах. Взаимодействие со школьным персоналом. Расизм и дискриминация			
Общностные (трудности) проблемы	Принадлежность к различным сообществам и участие в их деятельности. Расизм и дискриминация. Социально-экономические условия. Пагубное влияние окружающей среды			

В таблице 1 описанные выше направления конкретизированы через проблематику, характерную для любой страны Западной Европы, выступающей страной приема для больших групп мигрантов и их детей и имеющей сформированную политику их обучения, социокультурной адаптации и социальной интеграции. При этом для каких-то стран более острыми являются одни проблемы, для других – иные. Но в целом разработанная классификация имеет обобщающий характер. Вряд ли мы сможем утверждать, что, к примеру, в одних странах языковые барьеры существуют, а в других их нет. Они есть всюду, но по-разному затрагивают группы детей мигрантов. Так, речь может идти о необходимости различать тех, кто недавно прибыл в страну приема и лишь начал изучать чужой язык, и тех, кто уже прошел языковую адаптацию. Еще одна из серьезнейших проблем

касается проявлений расизма и расовой дискриминации, которые в разных странах выражены по-разному. Но вряд ли есть достаточные основания утверждать, что в какой-то конкретной стране в отношении обучающихся детей мигрантов таких проявлений в принципе не бывает.

Завершая разговор о приведенной выше классификации, хотелось бы отметить ее полезность и применимость в современных российских условиях – в тех регионах, где миграция приобрела достаточно массовый характер, где живет немало детей мигрантов, обучение которых становится важным направлением региональной (и не только) социальной политики. В таблице 1 зафиксирован ряд проблем, реально существующих в нашей стране, но до сих пор либо мало исследованных, либо даже не выдвинутых в ранг актуальных, требующих специального изучения.

Межстрановые исследования проблем обучения детей мигрантов в западноевропейских странах

Проанализируем результаты межстранового исследования «Образование и интеграция. Стратегии интеграции детей мигрантов в европейские школы и общества», выполненного по заказу Главного управления Европейской комиссии по образованию и культуре Европейского Союза под руководством независимого эксперта проф. Ф. Хекмана [7]. В работе речь идет о детях мигрантов, которые либо уже мигрировали, либо собираются это делать в ближайшее время. При этом сравниваются два поколения детей: те, кто недавно проживает и обучается в странах приема (в течение последних трех-четырёх лет), и те, кто уже родился на территории этих стран.

Исследование затрагивает классические в миграционном отношении страны Европы: Францию, Германию, Великобританию и некоторые другие. Во многих отношениях оно считается эталонным, прежде всего с точки зрения постановки проблем и рекомендаций по их решению. Авторы исследования отмечают, что иммиграция была в прошлом и останется в будущем основной особенностью европейских обществ. Усиливающаяся миграция приводит к растущему удельному весу иммигрантов в различных по культуре странах Евросоюза. Сегодня успешная интеграция детей мигрантов в европейские школы и общества является экономической необходимостью и обязательным условием демократической стабильности и социальной сплоченности в европейских странах [7, с. 11].

Анализ материалов исследования свидетельствует о том, что проблема связи между образованием и миграцией является исключительно сложной и затрагивает многие вопросы. Назовем лишь некоторые, поставленные в работе: каково реальное положение учащихся мигрантов в системе образования, прежде всего школьного? как недостатки этого образования могут быть объяснены на макро-, мезо- и микроуровнях? какой должна быть социальная политика, чтобы исправить ситуацию? какой должна быть поддержка в обществе для осуществления программы улучшения обучения детей мигрантов? какие доказательства эффективности этой программы и предпринимаемых в системе образования мер могут считаться достаточно убедительными в обществе?

Особенности анализируемого проекта состоят не только в постановке важных проблем и

актуальных для изучения и практического решения вопросов, но и в формулировке выводов и рекомендаций для их решения [7, с. 81–84]. Коснемся некоторых из них, представляющихся важными не только для стран Европейского Союза, но и для нашей страны.

Проблема 1. Учащиеся мигранты ставятся в невыгодное положение в сравнении с местными жителями, с точки зрения их приема в определенные типы школ, продолжительности учебы в них, индикаторов успеха, процента отсева, типов выдаваемых школьных дипломов. Другими словами, существует определенная дискриминация детей мигрантов. Помимо причин социального характера, она вызвана еще и недостаточной подготовкой к получению образования в школах стран приема, в том числе языковой и культурно-коммуникативной. Этот недостаток может быть преодолен за счет обучения детей мигрантов в дошкольной системе образования. Отсюда **рекомендация** – создать эффективную систему их дошкольного образования и заботы о детях.

Проблема 2. Интеграция в культуру иммигранционных стран – главная функция школ в них. На решение этой проблемы направлена **рекомендация** – интегрировать элементы и символы культуры детей мигрантов в школьную жизнь, учебные планы, учебники и другие школьные материалы. Делать это предлагается с учетом консультаций с представителями иммигранционных сообществ.

Проблема 3. Ровесники как из числа местных жителей, так и из числа самих детей мигрантов оказывают существенное влияние на достижения последних. Отсюда излишняя концентрация детей мигрантов в школах мешает их академическим успехам. Чем меньше в классе детей мигрантов, тем лучшие условия создаются для их успехов в учебе, появления высоких образовательных ориентаций, способствующих новым академическим достижениям. **Рекомендация** состоит в том, чтобы разукрупнять школы и классы, где существует излишняя концентрация учащихся мигрантов, самих же детей возить на автобусах в разные школы.

Проблема 4. Дискриминация – главный фактор, влияющий на достижения учащихся мигрантов. Отказ от поддержки в школе детей мигрантов есть наиболее значительная форма их дискриминации в образовании. **Рекомендация**, направленная на решение этой проблемы, касается в первую очередь исходного профессионального образования учителей и их специальной профессиональной подготовки, которые должны способствовать наличию профессио-

нального умения и мастерства педагога для адекватного обучения детей мигрантов. Элемент поддержки этих детей должен быть усилен и введен в практику регулярной работы с учащимися. В школах, где обучаются дети мигрантов, необходимы центры для выполнения ими домашних заданий и их поддержки во время и после уроков.

Проблема 5. Из предыдущих проблем вытекает необходимость специального и дополнительного финансирования школ с большим количеством учащихся мигрантов. Отсюда **рекомендация** – выделять таким школам дополнительные финансовые ресурсы. Причем формирование соответствующих фондов следует воспринимать скорее как инвестиции в этот вид образования, чем как просто передачу средств (денег) для их непосредственного, повседневного использования.

Проблема 6. Отношения между учителем и учеником являются центральными для любой школы и системы образования. Заниженные ожидания учителей в отношении учащихся мигрантов оказывают негативное влияние и на тех, и на других. **Рекомендация** касается в первую очередь педагогов, у которых должны формироваться более высокие ожидания от возможного продвижения детей мигрантов. Повышенные ожидания должны комбинироваться с дополнительной эмоциональной и академической поддержкой. При этом усиление строгости в отношении учащихся не должно мешать предоставлению новых шансов тем, кто отстает в сдаче тестов и экзаменов.

Проблема 7. Позитивное влияние на достижения детей мигрантов в школах оказывают учителя с мигрантским прошлым. Отсюда **рекомендация** – поощрять молодых людей с мигрантским бэкграундом к осуществлению учительской карьеры. Школы среди своего педагогического персонала должны иметь намного больше учителей – бывших мигрантов.

Проблема 8. Участие родителей-мигрантов в работе школы и их активная включенность в нее позитивно влияет на достижения их детей. Между тем родители мигрантов-учащихся в своем большинстве не ищут контакта со школой. Вытекающая отсюда **рекомендация** состоит в том, что школы должны действовать активно в отношении иммигрантов-родителей. С этой целью необходимо мобилизовать действия координаторов национально-этнических общностей, в которых родители состоят этнически.

Проблема 9. Школьные достижения детей мигрантов могут быть значительно более эффективными за счет повышения роли наставни-

чества, которое может проявляться в различных формах и с помощью различных акторов. **Рекомендация** заключается в том, что школьные власти и школьное управление должны поощрять и координировать действия наставников вне школы – среди волонтерских ассоциаций, благотворительных организаций, мигрантских сообществ, муниципалитетов. Особенно важным и успешным является этническое наставничество.

Проблема 10. Существенную часть образовательной политики в странах приема в отношении мигрантов и их детей составляет решение языковой проблемы. Оно должно быть направлено, с одной стороны, на осуществление интеграционного процесса, с другой – на сохранение национальных и автохтонных интересов мигрантского меньшинства, которое имеет право на культурную автономию. В языковом вопросе не должно быть принуждения, но обучение основному языку страны необходимо. Отсюда следует **рекомендация**: в стране приема дети мигрантов должны овладеть языком общения и обучения как можно раньше и быстрее. Такая работа должна быть центральной частью дошкольного образования и необходимым условием обучения в школе с самого начала.

Выявив проблемы обучения и социокультурной адаптации детей мигрантов в Западной Европе, обратимся к рассмотрению их образовательных успехов и связанных с ними социальных эффектов в Великобритании.

«Дети мигрантов»: понятийный анализ (в контексте образовательной политики Великобритании)

Как и во всей Западной Европе, в Великобритании проблема миграции приобретает значительную напряженность и остроту. Повышенную нагрузку испытывает британская система образования, особенно школа. Ее ресурсы и потенциал, по мнению ряда экспертов, недостаточны, чтобы справиться с высоким уровнем иммиграционного давления, вызванного неконтролируемыми миграционными процессами.

Об этом свидетельствует ряд статистических показателей, прямо и косвенно характеризующих положение детей мигрантов в школе. Один из наиболее показательных аспектов проблемы – изучение английского языка. По официальным данным, число школьников, изучающих английский в качестве второго языка, за пять последних лет выросло на треть. Доля «носителей языка» в начальной школе за последнее десятилетие достигла пропорции 1:5. Количе-

ство учащихся, для которых английский не является языком домашнего общения, впервые превысил 1.1 млн (в 2014 г.). В некоторых частях Лондона дети с английским, выступающим в качестве второго языка, в настоящее время составляют три четверти от общего числа учащихся, около половины «неносителей языка» образует структуру обучающихся в таких городах, как Слау, Лутон, Лестер [8].

Рассмотрение проблемы обучения детей мигрантов в Великобритании требует в первую очередь анализа соответствующего понятия. Детями мигрантов мы, вслед за Grace Reynolds [9, с. 3], будем называть детей в возрасте до 18 лет, которые родились за пределами Великобритании и в настоящее время проживают в Соединенном Королевстве (данная дефиниция опирается на понятие «ребенок», сформулированное в Конвенции Организации Объединенных Наций о правах ребенка (1989 г.), и определение мигранта (документы ООН 2002 г.) как лица, проживающего за пределами страны своего рождения).

Важно отметить, что в образовательной политике Великобритании статус учащегося «мигрант» практически отсутствует. Учащиеся – дети мигрантов в значительной степени рассматриваются в соответствии с такими категориями, как «EAL» (English as an additional language, английский как второй язык) или «представитель этнических меньшинств» [9, с. 3–4].

Совершенно очевидно, что понятия «дети мигрантов» и «дети, использующие английский в качестве второго языка» (English as an additional language (EAL)), не совпадают, а являются взаимопересекающимися. И прежде всего, они не совпадают количественно: вторая группа детей больше, поскольку не все EAL являются мигрантами. Понятие EAL включает в себя учащихся, родившихся в Великобритании, для которых английский язык не является основным, а также билингвов, получивших образование за рубежом в английских средних школах или в международных школах. При этом необходимо также учитывать, что существует группа учащихся, имеющих и статус мигрантов, и английский язык в качестве основного.

Точной статистики по детям мигрантов нет. Об их количестве трудно судить, поскольку не все из детей школьного возраста ходят в школу. В большинстве школ нет статистики по социальным группам «мигрант», «EAL», «представитель этнического меньшинства», поскольку ни родители, ни школьная администрация не обязаны это фиксировать [10].

В данной статье мы опираемся на понятие этнического меньшинства, но не ставим знака равенства между детьми – представителями этнических меньшинств и детьми мигрантов. Более того, мы понимаем порой возникающую двусмысленность в употреблении понятия «этническое меньшинство» в тех случаях, когда количество этих детей в отдельных регионах страны приближается к двум третям от общего числа школьников. Апеллируя к этим разным понятиям, мы отчетливо видим, что особенности каждого зафиксированного ими феномена предполагают анализ своих тонко дифференцированных проблем, имеющих специфические инструменты для их решения. Тем не менее нашей целью является показать общие тенденции в развитии всех этих сообществ (детей мигрантов, EAL, детей – представителей этнического меньшинства), объединенных таким феноменом, как социальная политика в сфере образования, во многом являющаяся унифицированной для них и выстраиваемая с учетом их особенностей.

Эффективность образовательной составляющей миграционной политики может обеспечить только комплексный междисциплинарный научный подход [11]. Признавая актуальность и значимость проблемы обучения детей мигрантов, британские исследователи констатируют, что это в значительной степени неизученная область практической деятельности [12; 13].

Магистральным направлением в образовательной политике Великобритании является концепция инклюзивного образования, пришедшая на смену мультикультуралистскому подходу, достижения которого активно оспаривались и оспариваются его противниками [14, с. 311]. В 1999 г. Департаментом образования это направление было утверждено законодательно, были разработаны рекомендации для учителей по реализации концепции инклюзивного образования [15].

Данная концепция основывается на принципах интеграции, которые определены UNESCO Salamanca Statement and Framework for Action on Special Needs Education (1994). Главная задача инклюзивного образования для детей мигрантов – обеспечивать качественное образование на основе равных возможностей, отсутствия дискриминации, обеспечения школой «гостеприимного сообщества» и условий сохранения и развития культурной самобытности каждого человека. Ключевой характеристикой инклюзивного образования является то, что оно применяется ко всем обучающимся, но «с особым акцентом на тех, кто находится в большей

Таблица 2

Динамика получения EBacc группами учащихся (в %)*

Группы учащихся	2011 г.	2012 г.	2014 г.
Учащиеся – носители языка	15.5	16.2	22.5
Учащиеся EAL	14.4	16.0	24.4

*Таблица сделана нами на основе данных Pupils with English as a second language 'outperform native speakers' // The Telegraph. 2014. 05 March.

опасности исключения или маргинализации» [16, с. 56].

Характеризуя политику регулирования иммиграционного воздействия на сферу образования, необходимо отметить, что Департамент образования Великобритании реализует программу грантового финансирования местных органов власти с целью предоставления им целевым способом достаточного количества ресурсов, которые они могли бы гибко использовать для обеспечения детей мигрантов школьными местами. В докладе Департамента образования в 2014 г. указывается: «Мы выделили местным органам 5 млрд фунтов стерлингов для создания новых школьных мест, это вдвое больше суммы, выделенной предыдущим правительством за эквивалентный период времени, далее еще 2.35 млрд фунтов стерлингов позволят создать необходимые места в сентябре 2017 года. Все это уже привело к созданию более 260 тысяч новых школьных мест» [4].

Финансирование школы осуществляется «на основе необходимости, под специальные образовательные потребности учащихся, будь то английский язык, который не является родным языком, или дополнительное время, необходимое для адаптации ученика. Местные органы власти могут формировать свои фонды с учетом этих потребностей» [4].

Дети мигрантов и английский бакалавриат (EBACC)

В Великобритании роль системы образования в решении миграционных проблем оценивается чрезвычайно высоко, с ней связывают большие ожидания, поскольку именно она могла бы повысить жизненные шансы детей иммигрантов, а также косвенно способствовать социальной и культурной интеграции их родителей. Кроме того, инвестиции в образование рассматриваются в качестве эффективной стратегии снижения будущих социальных рисков.

Одним из показателей эффективности образовательной политики стали результаты общенационального экзамена школьников. Последние публикации Департамента образования по-

казывают, что учащиеся группы EAL демонстрируют более высокий уровень знаний, опережая носителей языка при освоении ряда академических дисциплин GCSE¹. По официальным данным, впервые в 2014 г. эти учащиеся получили по основным предметам более высокие баллы, чем их одноклассники, для которых английский язык является родным. Министр образования лорд Нэш отметил, что EAL достигают более высоких результатов в так называемом английском бакалавриате (English Baccalaureate) [17; 18].

Учащиеся, не являющиеся носителями языка, демонстрируют более высокий уровень знаний, как правило, по иностранным языкам, а также по математике, естественным и гуманитарным наукам. Худшие результаты тестирования выявлены у социальной группы белых британцев мужского пола из семей рабочего класса.

EBacc как инструмент образовательной политики был введен правительством в попытке сфокусировать внимание учащихся на основных академических дисциплинах GCSE, пять из которых для получения сертификата EBacc должны быть оценены на уровне A–C (из семибальной системы оценивания A–G). Оценивая динамику получения EBacc различными группами учащихся (табл. 2), можно констатировать, что стремление правительства с помощью EBacc актуализировать изучение академических дисциплин GCSE достигло своих результатов. Однако при этом поставленная задача дать возможность представителям разных социальных слоев получить доступ к высшему образованию в значительно большей степени коснулась детей мигрантов, являющихся, как правило, EAL. В значительно меньшей степени эта образовательная политика отразилась на представителях бедных слоев местного населения. Только один из семи детей белых, представителей рабочего класса, в настоящее время получил EBacc.

Обсуждение данной проблемы в Палате лордов привело к констатации идеи, что присутствие в школах детей, не являющихся носителями английского языка, и прежде всего детей

мигрантов, может повысить результативность и эффективность работы школы, хотя бы на уровне выпускных экзаменов.

Успешность образовательной деятельности детей мигрантов: «Лондонский эффект»

Еще одним показателем эффективности британской образовательной политики стал так называемый «Лондонский эффект», выявленный представителями разных исследовательских центров в последние три года. Остановимся на исследовании Бристольского университета, проведенного Centre for Market and Public Organisation в октябре 2014 г.²

В этом исследовании оценивались данные GCSE всех учащихся государственных средних школ в Англии с 2013 г. Оказалось, что в лондонских школах наблюдался значительный прогресс в образовательной деятельности учащихся, превышающий аналогичные показатели у школьников из других частей Англии (выше стандартного отклонения на 9.8%). Почти 61% 16-летних в Лондоне получили повышенный уровень A–C на выпускных экзаменах, в том числе по ключевым дисциплинам – английскому языку и математике. Это больше, чем в Восточном Мидленде, Йоркшире и Хамбере (53%), в Северо-Восточной Англии и Западном Мидленде (54%) и в Северо-Западной Англии (55%).

Было выявлено, что основной причиной «Лондонского эффекта» является этнический состав учащихся школ в сочетании с притоком большого числа недавних мигрантов. Этот эффект исчезает, если статистически при расчетах фактор этнической принадлежности нивелируется.

Повышение успеваемости напрямую связано с субъективными факторами мотивационного характера. Профессор С. Берджесс утверждает, что дети сравнительно недавних иммигрантов, как правило, имеют «бóльшие надежды и ожидания от образования, чем белые из британских семей... в среднем, они более активны и работоспособны. Именно поэтому ключевым моментом развития образования в Лондоне является привлечение мигрантов и тех, кто стремится к лучшей жизни» [19].

Согласно выводам исследования, школы с большим количеством мигрантов и учащихся из числа этнических меньшинств получают лучшие результаты за выпускные экзамены, потому что имеют более сформированную мотивацию и «сильную» трудовую этику [20].

Авторами проекта «Understanding the success of London's schools» признается успешность комплекса социально-политических инициатив, сыгравших свою роль в создании «Лондонского эффекта». В целом данный эффект – это целый комплекс причин, условий, факторов образовательного и социального характера, связанный с созданием эффективной многонациональной школьной системы. При его анализе необходимо учитывать тот большой вклад, который привнесла общественность, социальные группы детей и родителей мигрантов, способствовавших своими усилиями формированию этой системы [21].

Выводы целого комплекса исследований школы [9; 22; 23] позволяют во многом «реабилитировать» социальную общность детей мигрантов. Они обеспечивают этническое разнообразие школьных коллективов, являющееся условием повышения их социальной сплоченности, способствуют эффективности и результативности образовательной деятельности школы. Их присутствие является академически выгодным для школ, особенно в регионах, где общее количество учащихся сокращается.

Примечания

1. General Certificate of Secondary Education (GCSE) – программа обучения школьников 14–15 лет, которая является завершающим этапом среднего образования согласно образовательным стандартам Великобритании и Северной Ирландии. Получение сертификата GCSE и далее двухгодичная программа A-level или International Baccalaureate являются обязательными для студентов, желающих поступить в университеты Великобритании. Экзамен GCSE является единым общенациональным экзаменом, по его итогам выставляются оценки по семибальной шкале от «A» до «G». Экзамен считается успешно сданным в случае, если ученик получает один из трех верхних баллов (A, B или C) не менее чем по пяти предметам. Евасс, несмотря на наличие в названии термина «бакалавриат», в отличие от International Baccalaureate (IB Diploma Program) не дает права для поступления в университеты и высшие учебные заведения. Чтобы получить доступ в университет Великобритании и по всему миру необходимо сдавать экзамены GCSE и GCE Advanced Level.

Предлагаемая квалификация «Английский бакалавриат сертификат» была предложена в дополнение к GCSE в Англии и является одним из мотивирующих факторов обучения. Правительство заявило, что оно запланировало более «строгий» подход к экзаменам, которые должны быть приняты в конце двухлетнего курса обучения (а не в системе модульного обучения) по таким дисциплинам, как английский язык, математика, иностранный язык, история или география, и двум научным дисциплинам на уровне GCSE. Причина

внедрения EBacc – падение числа студентов, изучающих иностранные языки и научные дисциплины. EBacc пока не принят в Ирландии, Уэльсе, Шотландии (где существует отдельная от остальной части Соединенного Королевства система квалификаций).

2. Burgess S. Understanding the success of London's schools // Centre for Market and Public Organisation. University of Bristol. Working Paper No. 14/333. 2014. – URL: <http://www.bristol.ac.uk/media-library/sites/cmppo/migrated/documents/wp333.pdf>; Hard-working ethnic minority pupils lifting schools' results as 'London effect' takes hold // The Independent. 2014. 12 November.

Список литературы

1. The Education of Migrant Children. An NGO Guide to EU Policies and Actions / J. Huttova, E. Kalaycioglu, L. Molokotos-Liederman. N.Y.: Open Society Foundations, 2010.
2. Засыпкин В.П., Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Проблемы обучения и социальной адаптации детей мигрантов в цифрах и диалогах. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2012. 213 с.
3. Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Обучение детей мигрантов как проблема их социальной адаптации // СОЦИС. 2013. № 2. С. 80–91.
4. Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А., Засыпкин В.П. Образовательно-адаптационные практики трудовых мигрантов и их детей // Социология образования. 2015. № 3. С. 86–100.
5. Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А., Засыпкин В.П. Образовательные и адаптационные практики детей мигрантов в условиях межнациональной интолерантности // Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 1. С. 70–83.
6. Hien Van Ngo, Schleifer B. Regard sur les enfants et les jeunes immigrants. – URL: <http://canada.metropolis.net/pdfs/Vannogf.pdf> (дата обращения: 23.09.2009).
7. Education and Migration. Strategies for integrating migrant children in European schools and societies. A synthesis of research findings for policy-makers. Report submitted to the European Commission by prof. Dr. Friedrich Heckmann, on behalf of the Nese network of experts. April, 2008. – URL: <http://www.nesetweb.eu/sites/default/files/education-and-migration.pdf> (дата обращения: 25.07.2015).
8. At least 1.1m pupils speak English as a second language // The Telegraph. 2014. 12 June.
9. Reynolds G. The Impacts and Experiences of Migrant Children in UK Secondary Schools. Sussex Centre for Migration Research. Working Paper. 2008. No. 47.
10. Crawley H. Child first, Migrant second: Ensuring that Every Child Matters. ILPA Policy Paper. February 2006. – URL: www.ilpa.org.uk/publications/ilpa_child_first.pdf (дата обращения: 25.09.2015).
11. Arnot M., Gelsthorpe L. Understanding the «new migration age». 03 Feb. 2014. – URL: <http://www.cam.ac.uk/research/discussion/understanding-the-new-migration-age> (дата обращения: 29.09.2015).
12. Ackers L., Stalford H. A community for children?: Children, citizenship and internal migration in the European Union. L.: Ashgate, 2004. 312 p.
13. Anderson B., O'Connell Davidson J. Border Troubles and Invisibility: Child Rights and migration in Europe. Stockholm: Save the Children Sweden, 2005.
14. Modood T., May S. Multiculturalism and education in Britain: an internally contested debate // International Journal of Educational Research. 2001. № 35. P. 305–317.
15. The National Curriculum: handbook for primary teachers in England / Department for Education and employment (DfEE), Qualifications and Curriculum Authority (QCA). L.: Stationery Office for DfEE & QCA, 1999. 152 p.
16. Blanco R., Takemoto C.Y. Inclusion in Schools in Latin America and the Caribbean: The Case of the Children of Haitian Descent in the Dominican Republic // Global Migration and Education: Schools, Children and Families. L. and N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 2006. 368 p.
17. Paton G. Pupils with English as a second language 'outperform native speakers' // The Telegraph. 2014. 05 March.
18. Statement of Intent 2010 – Addendum (The English Baccalaureate). – URL: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20130123124929/http://www.education.gov.uk/performanceables/Statement-of-Intent-2010-Addendum.pdf> (дата обращения: 12.10.2015).
19. Paton G. Schools with large migrant intake 'get better GCSE results' // The Telegraph. 2014. 12 November.
20. Clark L. Ethnic diversity 'boosts GCSE results': Cities with large numbers of children from immigrant backgrounds do better because they work harder // MailOnline. 2014. 12 November.
21. London's diverse ethnic population explains the success of its schools. 12 November 2014. – URL: <http://www.bris.ac.uk/news/2014/november/london-effect.html> (дата обращения: 04.10.2015).
22. Laurence J., Heath A. Predictors of Community Cohesion: Multi-level Modelling of the 2005 Citizenship Survey. L.: Department of Communities and Local Government, 2008. 79 p.
23. Vertovec S. New complexities of cohesion in Britain: Super-Diversity, Transnationalism and Civil-Integration. June 2007. – URL: http://www.compas.ox.ac.uk/fileadmin/files/Publications/Reports/Vertovec%20-%20new_complexities_of_cohesion_in_britain.pdf (дата обращения: 10.10.2015).
24. Graham G. Britain's schools need more resources for 'influx' of immigrant children, chief schools inspector warns // The Telegraph. 2014. 29 October.

**MIGRANTS' CHILDREN IN WESTERN EUROPE: THE SITUATION
IN EDUCATION AND SOCIAL ISSUES***G.E. Zborovsky, E.A. Shuklina*

Ural Federal University

The article deals with the problems of learning, adaptation and integration into the European society of migrants' children. We consider the difficulties, barriers and problems of the process related to a number of social contradictions and conflicts. Particular attention is paid to such issues as socio-cultural adaptation of the migrants' children, learning the language of their host country, their integration into the host society, overcoming racial dislike, interacting with students and teachers, as well as local residents. A classification is given of the main problems (difficulties) faced by migrants' children. Based on the sources that present the results of research in EU countries with large numbers of migrants' children, some recommendations are given concerning the solution of learning and adaptation problems. The second part of the article presents an analysis of some features of education provided to migrants' children in Great Britain. In the authors' opinion, significant positive results in this process have been achieved in the UK. We show some current trends, achievements of migrants' children in education and social effects in the educational policy of Great Britain. Particular attention is given to the phenomenon of the 'London effect'.

Keywords: migrants' children, learning and adaptation of migrants' children, problems, barriers and learning difficulties.

УДК 378

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

© 2016 г.

Е.А. Деревянченко

Омский государственный педагогический университет

derevyanchenko@omgpu.ru

Статья поступила в редакцию 21.04.2015

Статья принята к печати 11.01.2016

Рассмотрены межкультурные различия на методологическом и языковом уровнях, затрудняющие взаимодействие педагогов в рамках международных исследований в области образования. Показаны основные особенности методологии и представления результатов педагогических исследований в России и Европе, подчеркнуты сильные стороны российской и европейской педагогических традиций. Определена специфика педагогических терминологических систем на материале русского и немецкого языков, выделены группы лексических единиц по принципу семантического соответствия, приведены возможные приемы для передачи значений русских и немецких терминов в процессе перевода.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, методология, парадигма, языковые различия, термины, педагогические исследования, семантическое соответствие, эквивалентность, заимствования.

Актуальность проблемы

Процессы глобализации и интеграции, характерные для развития современного общества, оказывают влияние на все сферы деятельности человека, в том числе на образование. Национальные системы образования сталкиваются с рядом схожих проблем, связанных с изменениями ценностных систем и мировоззренческих установок, с политическими, экономическими и социально-культурными трансформациями. Отмеченные тенденции обуславливают необходимость нового качества образования для современного человека, который вне зависимости от того, где проживает, к какой культуре принадлежит, какие убеждения разделяет, испытывает потребность в личностном развитии и профессиональной самореализации.

Решение этой задачи уже невозможно в рамках одной замкнутой, изолированной национальной системы образования, поэтому отечественные и зарубежные исследователи отмечают усиление интеграционных процессов по всему миру, например, развитие международного сотрудничества в образовании на территории стран СНГ (многосторонние соглашения с 1992 г. по настоящее время), создание единого образовательного пространства на основе Болонской декларации в Европе (1999), Конвенции Андруса Белло в Андском сообществе наций в Латинской Америке (1996) и многие другие.

Разумеется, речь идет не об унификации систем образования или потере ими самобытности, а скорее о формировании «новой международной образовательной среды, где в наиболее эффективных формах могли бы реализовываться национальные интересы действующих в ней участников и осуществляться совместный поиск решения проблем» [1, с. 49].

Средствами такого взаимодействия и взаимообогащения на сегодняшний день выступают не столько педагогические заимствования идей, теорий, концепций, технологий, сколько совместные партнерские программы и проекты в рамках открытого образования, когда диалог систем образования выступает как диалог культур [1].

Поэтому основным содержанием понятия «межкультурное взаимодействие» в сфере образования становится решение специалистами – представителями разных культур общих проблем в процессе реализации международных исследовательских проектов и программ.

Следует отметить, однако, что в настоящее время реализация подобных проектов сталкивается с целым рядом трудностей как языкового (на уровне терминологии), так и методологического характера (например, касающихся понимания того, как за рубежом осуществляются исследования в сфере образования, насколько они зависимы от культурного контекста и какие затруднения в связи с этим возможны в организации партнерских программ).

Методологические различия в педагогических исследованиях

Как показывает практика, логика и результаты педагогических исследований, выполненных в отечественной традиции, принимаются нашими зарубежными коллегами не в полной мере [2].

Исследуя различия на методологическом уровне, ученые анализируют отечественную и зарубежную педагогику. Под зарубежным, как правило, понимается европейское направление, выбор которого не случаен, а обусловлен включением нашей страны в Болонский процесс. Кроме того, «европейская педагогическая (образовательная) парадигма» рассматривается чаще как единое целое, несмотря на национальную специфику образовательных систем и исследовательских традиций на территории Европы. Такое рассмотрение возможно, например, в работах Э. Морина, Ю. Штрауба, М. Фурманна и др. Речь идет о «европейской культурной идентичности», объединяющей представителей большей части стран европейского континента, а также о «европейском каноне в образовании», свидетельствующем о том, что Европа представляет собой единое образовательное пространство, структурно неоднородное, но ориентированное на общие образовательные ценности: развитие нравственной самостоятельной личности, деятельной творческой личности и др., которые представлены в Белой и Зеленой Книгах ЕС.

Осуществляя сравнительный анализ организации и проведения педагогических исследований в России и Европе, специалисты делают вывод о том, что отечественные педагоги, как правило, тяготеют к философскому и культурологическому анализу педагогических явлений и процессов, рассматривая их как значимую часть национальной и общечеловеческой культуры. Результатом такого рода исследований становятся модели, теории, концепции, принципы, обогащающие теоретические основания педагогической науки, но в то же время требующие своей реализации в образовательных технологиях, без обращения к которым преобразующее влияние на практику невозможно. Проблемным является и подбор исследовательского инструментария, в частности, диагностического.

Так, Л. Илюшин, понимая под «недостаточностью методического оснащения отечественных исследований не только ограниченный набор самих методик, но в большей степени искусственно суженную область их применения и непоследовательное, а иногда и неточное их

осуществление (администрирование) в практике исследовательской работы» утверждает, что «часто складывается ситуация, при которой формально присутствующие в структуре исследования инструменты не могут дать объективного научного результата, поскольку применены лишь с соблюдением принципа формального соответствия исследовательских задач и диагностического инструментария» [3, с. 268].

Наши зарубежные коллеги сконцентрированы в своем большинстве на решении практических проблем. Педагогическая наука рассматривается в контексте реальности «здесь и сейчас», как «конкретная сфера деятельности и взаимодействия определенного социума» [3, с. 267].

Разумеется, работы философского и методологического характера присутствуют, однако их число невелико. Исследовательский интерес европейских ученых направлен на преобразование педагогической реальности, которое осуществляется на основе скрупулезного сбора и обработки данных. Следует отметить, что работа с данными не сводится исключительно к их статистической обработке. Палитра диагностического инструментария наших коллег чрезвычайно широка и включает в себя как количественные, так и качественные методы исследования, опирающиеся на феноменологические и герменевтические традиции гуманитарных наук. Следует отметить, что такого рода инструментарий начинает применяться и в отечественных работах.

Однако такое разнообразие методик может таить в себе опасность, отражающую проблемную сторону зарубежных исследований в области образования: «Тщательной инструментровке большинства зарубежных исследований не всегда соответствует глубина философско-методологического анализа, ретроспективного и межкультурного рассмотрения заявленной проблемы. Часто тщательный поиск, отбор и рассмотрение массива данных может приводить лишь к констатации того или иного положения, вместо того, чтобы служить основанием для регулирования научного вывода, прогноза или определения области педагогического проектирования» [3, с. 269].

Разумеется, право на существование имеют обе позиции. Актуальным остается вопрос об их соотношении в международном исследовательском пространстве, об их сосуществовании в рамках конкретных исследований, об основаниях их взаимодополнения и взаимопонимания. Решение указанной проблемы возможно только в том случае, если будет устранен и языковой

барьер, препятствующий взаимопониманию педагогов-исследователей на уровне терминосистем.

Языковой барьер в межкультурном взаимодействии педагогов

Следует отметить, что рассматриваемые исследовательские парадигмы долгое время существовали и развивались в значительной мере самостоятельно и независимо. Это привело к созданию параллельных систем терминологии, которые, несмотря на многие прямые соответствия и совпадения, имеют существенные различия.

При этом в течение последнего десятилетия, в связи с возможностями взаимодействия терминологических систем благодаря расширению профессиональных контактов, более свободному обмену информацией, распространению научной и учебно-методической литературы, издаваемой за рубежом, учеными отмечается тенденция к преимущественно одностороннему влиянию на отечественную педагогическую теорию и практику со стороны зарубежной. Речь идет о зачастую прямом переносе значительного числа терминов и стоящих за ними педагогических понятий без учета сложившихся традиций и специфических условий (например, компетенция, кейс-метод, тьюторинг, скэффолдинг и др.). Поэтому сближение и взаимообогащение национальных педагогических школ невозможны без сравнительного изучения и систематизации используемой терминологии.

Сравнительное изучение национальных терминосистем предполагает, в первую очередь, их сопоставительный анализ, наблюдение за эволюцией взглядов, позициями индивидуальных исследователей внутри каждой системы, установление моментов сходства и различия в трактовке педагогических категорий и в использовании наиболее употребительных терминов.

Попытка такого упорядочивания кратко представлена в данной статье на примере терминосистем России и Германии.

Анализ проведен на основе функционально-содержательного подхода к отбору и толкованию педагогических терминов, который представляет собой двусторонний процесс и предполагает, с одной стороны, отбор самих терминов, а с другой – выявление тех разделов педагогики, которые являются наиболее распространенными и актуальными среди самого широкого круга педагогов-исследователей:

- 1) системы образования России и Германии;
- 2) теории обучения и воспитания;

3) логика и методология педагогических исследований.

Известно, что проблема передачи значения того или иного слова средствами иностранного языка связана прежде всего с несовпадением объема значений слов в двух языках, что приводит к значительным неточностям при переводе. Эта задача еще более усложняется при переводе терминов, поскольку основной характеристикой термина является его точность и краткость [4].

Л.С. Бархударов предложил ряд семантических соответствий между лексическими единицами родного и иностранного языков [5]. Их выделение может существенно облегчить как работу переводчика, так и взаимодействие педагогов в рамках международных проектов:

– полное (эквивалентное) соответствие (закономерное равнозначное соответствие, не зависящее от контекста, например, *das Bildungssystem* – система образования);

– частичное соответствие (переводом выступает один из возможных синонимов, оптимальный в каждом конкретном случае; например, немецкому слову *das Verfahren* в русском языке соответствуют «метод», «прием», «способ», «подход», которые, в свою очередь, разграничиваются в отечественной педагогической науке, следовательно, выбор значения будет зависеть от контекста);

– отсутствие соответствия, при котором используются различные переводческие приемы: транслитерация и транскрипция, калькирование, описательный перевод, приближенный перевод, трансформационный перевод (например, описательный перевод целесообразен для немецкого термина *das Pädagogikum* – комплексный экзамен по педагогическим дисциплинам в рамках государственного экзамена для последующего трудоустройства в образовательное учреждение).

Дополнительные трудности связаны со специфической структурой немецких терминов, которые часто представляют собой составные слова. При передаче таких терминов на русский язык возникает необходимость использовать развернутые синтаксические структуры и придаточные предложения, что делает определение громоздким и расплывчатым. В связи с этим была предпринята попытка проанализировать отобранные немецкие термины с точки зрения возможности их соотнесения с русскими терминами.

В процессе сопоставительного анализа, в основу которого была положена степень соответствия немецких и русских терминов, были вы-

делены следующие группы лексических единиц.

1. Термины, полностью совпадающие в двух языках.

Данная категория включает в себя две подгруппы.

Первая – это интернационализмы и заимствования (*die Universität* – университет, *das Gymnasium* – гимназия, *die Pädagogik* – педагогика, *die Kontrolle* – контроль, *kreativ* – креативный, *produktiv* – продуктивный, *die Methodologie* – методология, *die Hypothese* – гипотеза и др.). Несмотря на кажущуюся простоту и понятность указанных лексических единиц, необходимо помнить о том, что интернациональные слова-термины не всегда бывают полными заимствованиями, а могут быть лишь кальками [5]. Следовательно, у таких терминов постоянных эквивалентов может и не существовать, как, например, *der Termin* – срок, дата, прием, слушание (дела); *der Terminus* – термин, понятие, срок вступления в силу (закона, документа и пр.).

Во вторую подгруппу вошли лексические единицы, семантические объемы которых соответствуют в обоих языках. Такими терминами обозначаются устоявшиеся педагогические и методические понятия и категории, составляющие ядро в обеих терминосистемах (*das Bildungssystem* – система образования, *die Schule* – школа; *die Entwicklung* – развитие, *die Kenntnis* – знание, *der Widerspruch* – противоречие и др.).

Таким образом, для обозначения терминов первой подгруппы на русском языке использовалась транслитерация и подбор аналогов, а термины второй подгруппы передавались на русский язык с помощью пословного перевода.

2. Лексические единицы, не имеющие полного соответствия, но частично совпадающие в немецкой и русской терминологии.

Здесь также можно выделить две подгруппы.

К первой относятся немецкие лексические единицы с более широким значением, чем у соответствующих русских терминов (*die Herausbildung* – формирование, становление, образование, воспитание; *die Fertigkeit* – навык, готовность, *die Qualifikation* – готовность, компетентность, документ о профессиональном образовании (сертификат, удостоверение и т.п.), *die Lerntechnik* – методы и приемы учения [4–6]).

Во вторую группу входят немецкие единицы, значения которых уже, чем у соответствующих русских терминов (*das Lernziel* – цель обучения, *die Erziehungswissenschaften* – педаго-

гика, *das Können* – умение). Для передачи терминов этой группы на русском языке использовались следующие способы: подбор приближенных соответствий и подбор терминологических сочетаний, наиболее точно отражающих соответствующие понятия, т.е. ситуативных эквивалентов.

Статистический анализ названных подгрупп показал, что количество терминов второй подгруппы значительно превышает количество немецких терминов, объем которых шире, чем у соответствующих русских терминов.

Данные результаты позволяют сделать вывод о том, что немецкая педагогическая наука идет по пути введения новых терминов для более точного и краткого описания новых или меняющихся понятий, однако такой подход ведет к постоянному увеличению количества синонимичных терминов и к перегрузке терминологического корпуса. В отечественной педагогике исследователи прибегают к уточнению значений имеющихся терминов, что также имеет свои плюсы и минусы: начинающим исследователям легче овладеть небольшим терминологическим аппаратом, однако трудности связаны с необходимостью проследить эволюцию термина и познакомиться со всеми его значениями, в результате нарушается точность понимания описываемого явления.

3. Лексические единицы, не имеющие прямых соответствий с русскими.

Данная группа также неоднородна.

В первую подгруппу нами были объединены термины, специфичные по своему содержанию для немецкой педагогики, но вместе с тем обозначающие понятия, реалии, которые существуют в отечественной науке и практике, следовательно, обладающие иным значением. Например, *die Realschule* – ступень структурированной системы общего среднего образования в Германии, охватывающая, как правило, 5–10 или 7–10 классы и завершающаяся аттестатом о среднем образовании (нем.); ср.: реальное училище – среднее или неполное среднее учебное заведение в дореволюционной России, в котором существенная роль отводится предметам естественной и математической направленности.

Вторую подгруппу составляют лексические единицы, которые являются именами собственными (например, названия учреждений и организаций), терминами-реалиями, представленными в инокультурном опыте, а значит, не имеющими эквивалентов в русском языке. Например, *Deutscher Akademischer Austauschdienst (DAAD)* – Германская служба

академических обменов, основана в 1925 г., является объединением немецких вузов и студенческих союзов, целью которого выступает повышение академической мобильности студентов и исследователей во всем мире; die Alltagswende – (букв. обращение к повседневности) – с конца 70-х гг. XX века обозначение для третьей (новой) парадигмы, появившейся в немецкой педагогике. Данная парадигма ориентирована на познание повседневного мира человека, его деятельности, знаний. В качестве методов исследования используются преимущественно качественные, «понимающие».

Во всех случаях в рамках третьей терминологической группы целесообразно обращение к описательному (разъяснительному) переводу, который раскрывает значение понятия при помощи развернутых словосочетаний, дает социокультурный комментарий, необходимый для эффективной межкультурной коммуникации в сфере образования.

Выводы

Сравнивая отечественный и европейский подходы в организации педагогических исследований, следует обратить внимание на различия в выборе проблем, актуальных для российских и зарубежных педагогов, а также путей и инструментария для их решения. Выявленные методологические барьеры могут стать содержанием профессиональной (например, при реализации магистерских программ по направлению «Педагогическое образование») и постдипломной (программы повышения квалификации и переподготовки работников образования) подготовки педагогов-исследователей.

Языковые трудности, возникающие в процессе межкультурного взаимодействия в сфере

образования и науки, отражают различия в сложившихся терминологических системах и требуют специализированной работы по их устранению, заключающейся в использовании контрастивного подхода в обучении профессионально-ориентированному иностранному языку.

Таким образом, на начальном этапе организации совместных исследований в области образования необходима предварительная работа с их участниками, нацеленная на подготовку педагогов-исследователей к межкультурному взаимодействию: на понимание логики и норм педагогических исследований в контексте других культур, на адекватное овладение чужими терминологическими системами. Кроме того, включение межкультурного компонента в содержание подготовки будущих педагогов в процессе их теоретического обучения, также позволит преодолеть существующие методологический и языковой барьеры.

Список литературы

1. Лиферов А.П. Интеграционные процессы в мировом образовании: основные тенденции // Магистр. 1999. № 5. С. 46–62.
2. Oeser E. Grundlagen und Formen wissenschaftlicher Bewertung. Wissenschaftliche Buchgesellschaft Darmstadt, 2002.
3. Илюшин Л.С. Сравнительный анализ организации педагогических исследований в России и за рубежом // В сб.: Педагогика в вузе: наука и учебный предмет (рабочие материалы конференции). СПб.: РГПУ, 2000. С. 259–285.
4. Gvishiani N. Terminology in English Language Teaching with a Glossary of Russian – English Linguistic Terms. М.: Visshaya Shkola, 1993. 157 p.
5. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). 3-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 240 с.

PROBLEMS OF CROSS-CULTURAL INTERACTION IN PEDAGOGICAL RESEARCH

Е.А. Derevyanchenko

Omsk State Pedagogical University

The article studies cross-cultural differences at the methodological and language levels that hamper the interaction of educationalists engaged in international research in the field of education. In the course of the comparative analysis, the author demonstrates the principal features of the methodology of pedagogical research and presentation of its results common for the research works carried out in Russia and Europe, highlights the strong points of both traditions, and defines the peculiarities of pedagogical terminology using the examples of the Russian and the German languages. Groups of lexical units based on the semantic correspondence approach are identified. In conclusion, possible techniques to render the meanings of Russian and German educational terms are proposed.

Keywords: cross-cultural interaction, methodology, paradigm, language differences, terms, pedagogical research, semantic correspondence, equivalence, borrowings.

УДК 378

СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ КУРАТОРСТВА В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

© 2016 г.

С.П. Акутина, Т.Т. Щелина

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

sakutina@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 16.04.2015**Статья принята к печати 12.01.2016*

Процессы развития моделей кураторства в условиях инновационного вуза рассматриваются как необходимое условие подготовки конкурентоспособных выпускников; вводится понятие «академический куратор-инноватор», которое определяется как «педагог высшей школы, обладающий предпринимательским типом мышления, научным предвидением, новаторским взглядом на подготовку новых кадров, основанным на герменевтической составляющей образовательного процесса инновационного университета».

Ключевые слова: тьютор, социальный продюсер, студенческая модель кураторства, тренер-психолог, куратор-организатор, куратор-инноватор.

Вектор развития России в XXI веке задан различными инновационными процессами, отразившимися на системе высшего образования. Обрели актуальность новые тенденции социального развития, детерминирующие осознание новой системы социальных ценностей молодежи, новой стратегии и тактики в подготовке будущих специалистов, способных быть конкурентоспособными и востребованными на современном рынке труда. Главным становится «человекомерность» (Л.Н. Куликова, М.Г. Курбанов, С.С. Романенко, В.А. Харитонов и др.), которая предполагает, что в динамично развивающемся социуме именно такие качества, как высокие коммуникативные способности, лидерские навыки, умение предвидеть изменения, способность к принятию решений, конкурентоспособность, асертивность, позволят личности конструктивно выстраивать отношения и быть успешной.

Социально-экономическое развитие России во многом зависит от созидательного участия в ее жизни молодежи, являющейся важнейшим субъектом создания и реализации инноваций. Неслучайно в редакции Государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 295, акцентирована цель специальной подпрограммы «Развитие профессионального образования». Она сформулирована как существенное увеличение вклада профессионального образования в социально-экономическую и культурную модернизацию Российской Федерации, в повышение ее гло-

бальной конкурентоспособности, обеспечение востребованности экономикой и обществом каждого обучающегося [1]. В такой формулировке, хотя и неявно, акцент сделан на «человеческом» капитале, качество которого, безусловно, зависит от воспитания в современном вузе.

Однако, как показывают исследования [2–4], современная ситуация развития высшего образования и подготовки выпускников «соответствующего качества» осложняется проблемой недостаточной социальной и психологической зрелости молодых людей, поступающих в вузы. В этих условиях система высшего образования возрождает и совершенствует институт кураторства: идет непрерывающийся поиск и отбор эффективных форм взаимодействия со студентами, родителями, коллегами, работодателями, разработка нормативно-правовой базы и научно-методического обеспечения деятельности куратора студенческой группы.

Проблема кураторства является предметом исследований многих отечественных (Н.Ф. Большакова, И.Ф. Исаев, Е.Н. Кролевецкая, А.В. Куприна, С.В. Лаптева) и зарубежных (Э. Гордон, Г. Дербридж, Р. Клоуард, Г. Крисли, Г.Х. Мин, Р. Пэппа, М. Сим, Ф. Стродтбэк, Р.Г. Уильяме, К. Хибберт, Г. Хорст) ученых. В частности, выявление роли куратора студенческой группы в инновационной системе образования, определение требований к личности современного куратора интересовало А.В. Барабанщикова, Е.В. Бондаревскую, А.А. Вербицкого, Л.Н. Макарову, М.И. Ситникову. Определением и характеристикой функций кураторской деятельности

студенческой группе занимались А.Н. Дулатова, Л.Н. Зайнуллина, А.М. Зарукина, Ж.Б. Иванова, О.А. Плоцкая, Т.И. Рогозина, М.А. Тимонов, А.Я. Шаипова, М.С. Якушкина. Анализ эффективности и результативности деятельности кураторов в условиях современной системы образования осуществляли Т.И. Гунько, Дж. Каган, Р.Дж. Марцано, С.Е. Римм-Кауфман, З. Сазонова, Л.А. Черенцова, С.Н. Юрченко.

В связи с этим представляется важным обратиться к историческим корням развития моделей кураторства в мировой практике.

I. Первой формой университетского наставничества, которое зародилось в старейших университетах Великобритании, является *тьюторство*. Тьютор становится ближайшим советником и помощником студента при выборе образовательных программ, овладении способами освоения культуры; способствует созданию условий для организации исследовательской и творческой деятельности с учетом индивидуальных программ на протяжении всего срока обучения. В этом смысле тьюторство – исторически сложившаяся особая педагогическая позиция, обеспечивающая разработку индивидуальной образовательной программы обучающегося и сопровождение процесса индивидуального образования [5].

II. В России модель тьюторства не получила широкого распространения. Для российских университетов более характерна так называемая *«традиционная модель кураторства»*, которая существует в России с начала двадцатого столетия. В соответствии с этой моделью куратором академической группы обычно назначается преподаватель, читающий лекции или ведущий практические занятия у студентов и имеющий возможность регулярного общения со студентами и оказания помощи в случае необходимости. В этом плане достаточно четко задачи традиционной деятельности куратора представлены Э.Ф. Зеером:

- адаптация первокурсников к вузовской среде;
- создание условий для дальнейшей социализации студенческой молодежи; обеспечение духовно-нравственного становления личности;
- оказание помощи в социальном и профессиональном самоопределении; развитие профессиональных и личностных компетенций;
- содействие нахождению своего места в профессиональном мире после завершения образования и формирование конкурентоспособности выпускников;

- формирование профессионально-этических норм поведения; освоение личностью объективной системы социальных ролей;

- становление профессиональной культуры будущего специалиста [6].

В настоящее время идет активный поиск различных моделей осуществления наставничества, изменяются требования, функции, социальные роли и назначение кураторства. В опыте ННГУ им. Н.И. Лобачевского осмысление инновационных моделей наставничества осуществляется в русле разработки новой компетентностной модели выпускника университета – Инноватор, в которой отражены современные требования к выпускникам инновационного вуза [7, с. 53]. Куратор как педагог-профессионал должен также обладать соответствующими личностными ресурсами, позволяющими ему оказывать сопровождение студентов на протяжении всего периода обучения в вузе – как в научной деятельности, так и в личностно-профессиональном становлении. В связи с этим рассмотрим современные модели кураторства, обеспечивающие подготовку выпускников инновационного вуза, выстроенные и апробированные в нашей профессиональной практике.

III. *Куратор – социальный продюсер*, который участвует в проектировании и реализации индивидуального образовательного и профессионального пути каждого студента, помогает студентам разрабатывать и претворять в жизнь их социальные проекты, содействуя успешной социализации в настоящем и будущем. Осуществляя синтез обучения, социальной практики и образовательной рефлексии, куратор-продюсер реализует комплекс следующих задач:

- знакомство студентов с выбранным направлением подготовки и перспективами осваиваемой профессии;
- выявление интересов и потребностей студента в социально-профессиональном развитии;
- совместное построение идеального образа себя как профессионала, формулирование соответствующих целей, которые студент будет достигать в процессе обучения в вузе;
- помощь в подборе списка дополнительной литературы для самостоятельного изучения и самообразования, составлении списка научных конференций и семинаров, которые студенту необходимо посетить в течение определенного периода (например, семестра);
- содействие в организационно-подготовительной работе студента к практике (выбрать подходящие учреждения, сформулировать кон-

кретные задачи, определить стили взаимодействия с работодателями, выполнить задания);

– помощь в анализе и определении оптимальных для индивидуального развития студента дисциплин по выбору, курсов дополнительного образования;

– проведение совместно со студентом анализа результатов его деятельности, выяснение уровня достижения целей, исправление ошибок.

IV. *Куратор – тренер-психолог*, который занимается психолого-педагогическим сопровождением студентов, содействует созданию комфортных психолого-педагогических условий для успешного профессионально-личностного развития каждого студента во взаимодействии с различными участниками образовательного процесса в вузе.

В опыте психолого-педагогического факультета Арзамасского филиала ННГУ целью куратора – тренера-психолога является обеспечение благоприятных психолого-педагогических условий, способствующих позитивному возрастному и личностному развитию студентов, их профессиональному самоопределению и самореализации в актуальной жизни и на перспективу. Важными в этом плане являются разработка и реализация интенсивных технологий, направленных на здоровый образ жизни и профилактику отклонений в поведении; формирование навыков успешной адаптации и самореализации в постоянно меняющемся обществе. Приоритетными направлениями в деятельности куратора-тренера являются психологическое просвещение как повышение психологической компетентности преподавателей, студентов и их родителей; психолого-педагогическая профилактика, направленная на предупреждение дезадаптации студентов в академической группе, общежитии, в социально-профессиональном и межличностном взаимодействии; создание психологически безопасной, образовательной среды в вузе [8; 9].

V. Следующей моделью наставничества студентов является модель *куратор – организатор внеучебной (досуговой) деятельности*. Представленная модель достаточно успешно функционирует в современном вузе. Куратор – организатор внеучебной деятельности не только знакомит студентов с теми мероприятиями, которые проводятся на базе университета и факультета, но и сам вместе с группой активно включается в их подготовку и реализацию (праздники, акции, проекты, молодежные форумы, флэшмобы, профориентационная работа). Воспитательная функция куратора – организатора внеучебной (досуговой) деятельности

предполагает приобщение студентов к системе культурных традиций и ценностей факультета, вуза, города, региона. Данная функция активизирует творческий потенциал каждого студента и группы в целом, формирует духовно-нравственные идеалы, эстетическую культуру, правила профессионального этикета, гражданской ответственности будущих специалистов.

VI. В современном вузе широкое распространение получила *студенческая модель кураторства*. Е.Ш. Ташлинская, Л.А. Черенцова и др. выделяют следующие модели студенческого кураторства.

1. *Куратор – активный член студенческого самоуправления факультета*. Куратор-студент организует свою работу с первокурсниками непосредственно под руководством заместителя декана по организационно-воспитательной работе и закрепленного куратора студенческой группы.

2. *Куратор – студент, отвечающий за практику*. Педагогическая практика в подготовке будущего педагога имеет немаловажное значение. В процессе прохождения педагогической практики особое внимание студентов обращается на создание условий по развитию профессиональных компетенций через организацию и проведение различных форм социально значимой деятельности. Именно подготовка и организация профессиональной деятельности помогает студентам совершенствовать свои исследовательские умения, навыки общения друг с другом. На наш взгляд, это достаточно перспективная форма кураторства в современном вузе, тем более что этот вариант студенческой модели кураторства помогает разрешить проблемы курирования академических групп профессорско-преподавательским составом [10; 11].

Студенты-старшекурсники в рамках педагогической практики призваны регулярно вести работу со студентами младших курсов по адаптации к новым условиям обучения. Деятельность студентов-практикантов включает в себя, в частности, проведение лекционных и практических занятий, цикла кураторских часов в активной форме, изучение и отслеживание процессов групповой динамики с последующим их анализом. В опыте психолого-педагогического факультета рассматриваемая модель кураторства успешно функционирует на протяжении всего периода развития воспитательной системы факультета, реализуемой исследователями и практиками высшего образования (С.П. Акутина, И.С. Беганцова, М.В. Маркеева, Е.В. Самойленко и др.) под руководством декана Т.Т. Ще-

линой [12]. Важным элементом в разработанной системе является организация и проведение итоговых конференций, представляющих рефлексивный этап профессиональной деятельности, на котором практикантам помогают студенты-кураторы старших курсов. Кроме теоретико-аналитического анализа, каждая группа практикантов готовит под руководством куратора, ответственного за проведение практик, профессионально-ориентированные сообщения с использованием мультимедийных презентаций, квестов, мастер-классов. Студенты выступают с проблемными сообщениями, в которых отражают трудности, возникшие в ходе практики, проводят аналитико-рефлексивный анализ.

3. *Куратор – доброволец (волонтер)*. Данная модель кураторства оправдывает себя уже в течение достаточно длительного времени. Студенты, буквально год назад проходившие социально-психологическую адаптацию к новым условиям обучения, заявляют о желании попробовать свои силы в качестве помощников кураторов академических групп первого курса. Они с удовольствием проводят для них творческие мастерские, кураторские часы, в перемены приходят пообщаться и узнать, какие у них есть сложности, помогают решить возникшие проблемы. Если не удается разрешить возникшие ситуации, сообщают об этом куратору студенческой группы, тем самым предвзяв возникновение более трудных педагогических ситуаций. Работа помощника куратора им достаточно хорошо знакома и чаще всего ассоциируется у них с положительными переживаниями, яркой творческой деятельностью, совместными делами. Так складывается профессиональная система взаимодействия «мы – вместе, мы – рядом, мы – поможем».

4. На психолого-педагогическом факультете Арзамасского филиала ННГУ существует и успешно функционирует модель «*куратор-вожатый*». Формируются студенческие педагогические отряды, которые ориентированы на активную воспитательную работу в период летних школьных каникул. Адаптивная программа проводится на базе оздоровительных лагерей. Программа адаптивного лагеря насыщается важными задачами развития личности студента, приходящимися на адаптационный период:

– *социально-психологическая адаптация* студентов, направленная на обучение в вузе, приобретение нового статуса – статуса студента, освоение новых социальных ролей, нормативных требований и правил жизнедеятельно-

сти в университете и на факультете, адаптация к коллективу преподавателей и студентов; выявление научных и творческих интересов и склонностей студентов-первокурсников;

– *адаптация к осваиваемой профессии*: морально-этическому кодексу, духовно-ценностному содержанию и технологиям профессиональной деятельности, своим сокурсникам и различным социальным партнерам;

– *адаптация к жизни на факультете*, насыщенной разнообразными формами организации жизнедеятельности студентов и преподавателей, направленными на развитие интеллектуального, физического, духовного, личностного здоровья и формирование установок на здоровый образ жизни; личностное самосовершенствование.

5. В современном высшем образовании одной из эффективных является модель *академический куратор-инноватор*, основанная на герменевтической составляющей инновационно развивающегося вуза (см. табл. 1). Куратор-инноватор – это не столько педагог-фасилитатор, сколько специалист, обладающий предпринимательским типом мышления, научным предвидением, новым взглядом на мироустройство, способный на модернизационном витке новообразований в высшей школе адекватно помочь студентам найти путь своего профессионального развития, совместить его с научно-исследовательской деятельностью, подготовить выпускника вуза, способного к социальным и экономическим переориентациям в современном обществе.

Работа академического куратора-инноватора представляется весьма многомерной. Результаты анкетирования студентов на предмет роли куратора в их профессиональном развитии показывают, что студенты хотят видеть рядом с собой взрослого человека, который помог бы им сориентироваться в профессиональной деятельности и перспективах профессионального развития, социальных ситуациях выбора и ответственности. Это позволяет определить следующие направления деятельности академического куратора-инноватора.

Решая множество педагогических, организационных, социально-психологических задач, связанных с профессиональной адаптацией студентов к новой образовательной среде, куратор-инноватор является связующим звеном, посредником между администрацией факультета (вуза) и студенческой группой, между вузом и семьей студента, между социальными партнерами (работодателями) и студентами. Это особенно важно в динамично меняющихся услови-

Таблица 1

**Направления деятельности академического куратора-инноватора
в условиях уровня образования**

№	Название направления	Краткая характеристика направления
1.	Коммуникативное	Формирование и развитие важнейших профессионально-смысловых ориентаций (личностных ценностей, мировоззрения, смысла жизни), а также основ смыслотворческой компетентности будущего специалиста в процессе живого общения преподавателя и студентов, проникнутого взаимопониманием, взаимодоверием
2.	Активно-поисковое	Становление основ профессиональной и личностной компетентности путем организации поисково-смысловой деятельности студентов на практических и внеаудиторных занятиях, в процессе самостоятельного освоения материала, научно-исследовательской работы
3.	Аналитико-рефлексивное	Развитие профессионально-смыслового самоопределения и саморазвития, внутренняя саморефлексия и диалог
4.	Имитационное	Формирование ценностно-смысловой и регуляционной компетентностей, а также базовых ценностно-ориентированных и профессионально опосредованных качеств личности (творческие навыки, умения, предпринимательские компетенции)
5.	Деятельностно-практическое	Организация самостоятельной профессионально-смысловой деятельности студентов в процессе практики и работы в вожатской академии, студенческих педагогических отрядах
6.	Профессионально-смыслового саморазвития	Становление смысло-творческой компетентности будущего специалиста, которая основывается на использовании метода самостоятельного поиска и решения студентами практических проблемно-смысловых ситуаций в учебном процессе в ходе практической деятельности

ях развития общества и высшего профессионального образования.

Для реализации профессионально-воспитательных возможностей кураторства, превращения его в актуальный инновационный ресурс высшего образования необходимо создание системы организационно-методического, научного обеспечения и социально-психологического сопровождения института кураторов академических групп. Организационно-методическое обеспечение деятельности кураторов способствует согласованности их взаимодействия между собой, а также со студентами и с администрацией университета в подготовке специалистов нового типа. Методическое сопровождение должно обеспечивать ряд мероприятий: повышение квалификации кураторов, постоянно работающий «Совет кураторов», профессиональную переподготовку педагогов высшей школы, осуществляющих инновационную деятельность; методические семинары для кураторов, обмен опытом, создание сайта «Тебе, куратор» и др.

Таким образом, в развитии системы современного высшего образования необходимы понимание значимости кураторства в вузе и создание комплексной системы его поддержки и инновационного развития.

Список литературы

1. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы (утверждена Постановлением Правительства РФ от

15 апреля 2014 г. № 295). – Режим доступа: http://base.garant.ru/70643472/#block_3 (дата обращения 10.03.2015).

2. Беганцова И.С., Завражнов В.В., Щелина Т.Т. Психолого-педагогическое обеспечение профессионального самоопределения современных студентов: проблемы, подходы, технологии // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 7. С. 158–164.

3. Щелина Т.Т., Беганцова И.С., Маркеева М.В. Социально-психологические особенности студентов в контексте современных проблем воспитания в вузе // В мире научных открытий. 2014. № 11.11 (59). С. 4446–4461.

4. Щелина Т.Т. Академическое кураторство в инновационном вузе: психологическая обоснованность и педагогическая целесообразность // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 4 (36). С. 248–255.

5. Черемных М.П. Тьюторское сопровождение перехода от общего к профессиональному образованию // Тьюторство в открытом образовательном пространстве высшей школы: Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. М.: Прометей, 2008. С. 56–73.

6. Зеер Э.Ф., Хасанова И.И. Социально-профессиональное воспитание в вузе: Практико-ориентир. монография. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2003. 158 с.

7. Грудзинский А.О., Бедный А.Б. Инноватор – новая компетентностная модель выпускника университета // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 5. С. 50–54.

8. Акутина С.П. Значение современных тенденций реформирования высшего образования в про-

фессиональном самоопределении молодежи: Материалы IV Международной научн.-практ. конф. «Подготовка специалистов в системе непрерывного профессионального образования в условиях новых ФГОС: проблемы и перспективы», 29–30 марта 2013 г. / Под ред. В.Б. Помелова, Г.И. Симоновой. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2013. С. 9–13.

9. Акутина С.П., Щелина Т.Т. Роль воспитательного потенциала ФГОС ВПО в профессиональной подготовке студентов направления «психолого-педагогическое образование» // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2014. № 12 (44). С. 11–21.

10. Ташлинская Л.А. Роль куратора в современной высшей школе. – Режим доступа: <http://www.nmk.ulstu.ru/index.php?tezis=2009344&item=1&god=2011> (дата обращения: 21.04.2014).

11. Черенцова Л.А. Модели кураторства в условиях технического университета. Тенденция к активизации воспитательной работы // Высшее образование сегодня. 2008. № 7. С. 61–63.

12. Щелина Т.Т. Духовно-ценностная ориентация социальных педагогов: Монография. М.: МПГУ, 2006. 385 с.

NEW MODELS OF TUTORSHIP IN HIGHER EDUCATION

S.P. Akutina, T.T. Shchelina

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Arzamas Branch)

We consider the development of tutorship models in an innovative university as a prerequisite for preparation of competitive graduates. We also introduce the concept of «academic tutor – innovator» as a university faculty member with an entrepreneurial mindset, with scientific intuition, with the innovative point of view on human resources training, based on the hermeneutic component of the educational process in an innovative university.

Keywords: tutor, social producer, student model of tutorship, psychologist practitioner, tutor-organizer, tutor-innovator.

УДК 378.147

**ПРИМЕНЕНИЕ ПРОЕКТНОГО МЕТОДА И МЕТОДИК АКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ
ДЛЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМНОГО МЫШЛЕНИЯ У СТУДЕНТОВ**

© 2016 г.

О.В. МичасоваНижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижегородский филиал

michasova@iee.unn.ru

*Статья поступила в редакцию 12.04.2015**Статья принята к печати 13.01.2016*

Рассматриваются некоторые методики и стратегии активного обучения (работа в группах, деловые игры и упражнения, кейсы и т.д.), реализованные в рамках курса «Имитационное моделирование экономических систем», который читается в бакалавриате по направлению «Бизнес-информатика». Основной целью данного курса является не только обучение студентов теоретическим аспектам имитационного моделирования и работе со специальными программными средствами, но и развитие у студентов системного подхода, критического мышления и аналитических способностей. Достижению данной цели способствует в первую очередь применение специальных деловых игр, направленных на развитие системного мышления, и проектного метода, который учит студентов анализировать доступную информацию, систематизировать и обобщать ее, а также работать самостоятельно и в команде.

Ключевые слова: имитационное моделирование, деловые игры, системное мышление, проектно-ориентированные методы обучения.

В настоящее время все больше ученых, педагогов и психологов говорит о проблемах фрагментарного или клипового мышления (см., например, [1–3]). Представители так называемого «поколения Y», или «миллениалы» (родившиеся в 1985-х – 2000-х гг.), не готовы долгое время сосредотачиваться на одном и том же, очень легко отвлекаются и могут воспринимать только небольшие объемы информации [4]. Очень редкий школьник действительно читает классическую литературу, а не быстро знакомится с кратким пересказом текста. Полутора-часовая лекция становится для студентов чем-то ненормальным и сложно переносимым, поэтому мобильные телефоны не выпускаются из рук и социальные сети с яркими картинками и короткими сообщениями становятся «спасением» от «скучной» лекции. Сознание выхватывает куски из непрерывного потока информации, и складывается впечатление, что полученные знания позволяют описать «полную» картину мира, что на самом деле категорически неверно. Данная проблема выходит за рамки научных журналов, поскольку касается почти каждого в свете популярности и необходимости непрерывного образования (long-life learning). Подтверждением данного факта может быть то, что статьи о фрагментарности или клиповости мышления появляются и в популярных женских или психологических журналах.

В свете подобных тенденций представляется необходимым пересмотр классических педагогических технологий и разработка таких методик преподавания, которые бы позволили не только визуализировать информацию и сделать ее подачу более эффективной с учетом особенностей мышления «поколения Y», но и развить навыки системного мышления. Все большую популярность приобретают курсы, где обучение проходит в режиме игры или работы в малых группах, поскольку эти технологии позволяют заинтересовать и сохранить внимание обучающихся.

Системное мышление, в отличие от фрагментарного, позволяет видеть ситуацию в целом. Только оно дает возможность решать сложные проблемы, причем комплексно, а не по отдельности, когда преодоление одного кризиса приводит к наступлению другого. Умение мыслить системно позволяет повышать эффективность обучения, планировать свои действия и предвидеть их последствия. Под системным мышлением, согласно [5], будем понимать набор методов и подходов, используемых для описания и изучения систем как целого, а не отдельных элементов.

Сложность процесса развития системного мышления в текущий период заключается в том, что у преподавателя нет достаточного времени, чтобы полностью раскрыть и показать все

тонкости динамики систем. Ускорение экономического и информационного развития приводит к тому, что на усвоение важнейших навыков и получение необходимых знаний у студентов остается очень ограниченное количество времени, а неумение сосредотачиваться и фрагментарность восприятия только усугубляют ситуацию. Конечно, умения и навыки, которые можно получить за несколько дней – это совсем не то же самое, что умения и навыки, которые развиваются и оттачиваются несколько лет. Тем не менее любая педагогическая технология, которая способна повысить эффективность восприятия материала и при этом привлечь внимание и заинтересовать студента, заслуживает самого пристального внимания со стороны преподавателей.

Применение игр при обучении позволяет в увлекательной и ненавязчивой форме донести до обучающихся какой-либо материал. Причем это касается не только начального и среднего образования, но и высшей школы. Игры при обучении системному мышлению позволяют [5]:

- показать шаблонность и бессознательность привычного (обыденного) мышления;
- показать влияние принятых парадигм на принятие решений;
- воспроизвести строение и поведение типичных системных структур;
- получить коллективный опыт в решении проблем.

Игры позволяют изучать взаимодействие элементов сложных систем на примере взаимодействий данного индивида с другими участниками коллектива. Кроме развития системного мышления игры прививают навыки работы в команде, повышают личное мастерство и способствуют развитию творческого подхода у обучающихся. Игры привлекают внимание студентов, что способствует закреплению некоторых теоретических принципов и концепций.

Конечно, следует отметить, что реализация достаточно активных форм игр возможна не для всех курсов. Одной из дисциплин, изучение которой непосредственно связано с необходимостью выработки системного мышления, является имитационное моделирование. Рассмотрим некоторые педагогические технологии, реализованные в процессе преподавания дисциплины «Имитационное моделирование экономических систем», которая читается на 3 курсе бакалавриата по направлению 38.03.05 «Бизнес-информатика» в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского.

Имитационное моделирование – это деятельность по разработке программных моделей реальных или гипотетических систем, выполнение этих программ на компьютере и анализ результатов компьютерных экспериментов по исследованию поведения моделей [6]. Соответственно, помимо усвоения достаточно сложных теоретических концепций и приобретения навыков работы с программными средствами студенты должны приобрести навыки системного мышления для того, чтобы понимать, как система работает и как она отреагирует на те или иные действия.

В рамках курса «Имитационное моделирование экономических систем» для достижения поставленных целей используются различные педагогические технологии, подразумевающие работу на занятиях в небольших группах, разбор кейсов, написание эссе, игры и проектную работу (рис. 1).

Игры, которые применяются в данном курсе на практических занятиях, направлены на формирование у студентов критического отношения к получаемой информации и навыков системного мышления, а также на повышение эффективности восприятия теоретических концепций системных архетипов, обратной связи и временных задержек при передаче информации. Благодаря играм студенты учатся замечать шаблонность мышления. Например, этому способствует упражнение «Цвет, мебель, цветок» [5]. Участники записывают первое слово, которое придет им на ум, когда они услышат следующие слова: *цвет, предмет мебели, цветок*. Группе задается вопрос: сколько человек в ответ на слово «цвет» сказала «красный» и сколько – «синий»? Для мебели: сколько сказала «стул» и сколько «стол»? Для цветка: сколько сказала «роза» и сколько – «ромашка»?

Практика показала, что более 90% студентов указывают «красный» и «синий» в качестве цвета, половина аудитории выбирает «стул» или «стол» (вторая половина обычно пишет «диван» или «кровать») и порядка 70% аудитории выбирают «розу» или «ромашку». Далее студентам задается вопрос о причинах этого явления и о методах преодоления шаблонности и ассоциативности. Активную дискуссию вызывает вопрос о том, помогает или мешает это явление развитию бизнеса. В рамках курса используются и другие упражнения и игры, описание которых можно найти в [7]; описание этих и других игр, способствующих развитию системного мышления, содержится также в [5].

Для проведения лекционных и практических занятий используются различные формы совре-

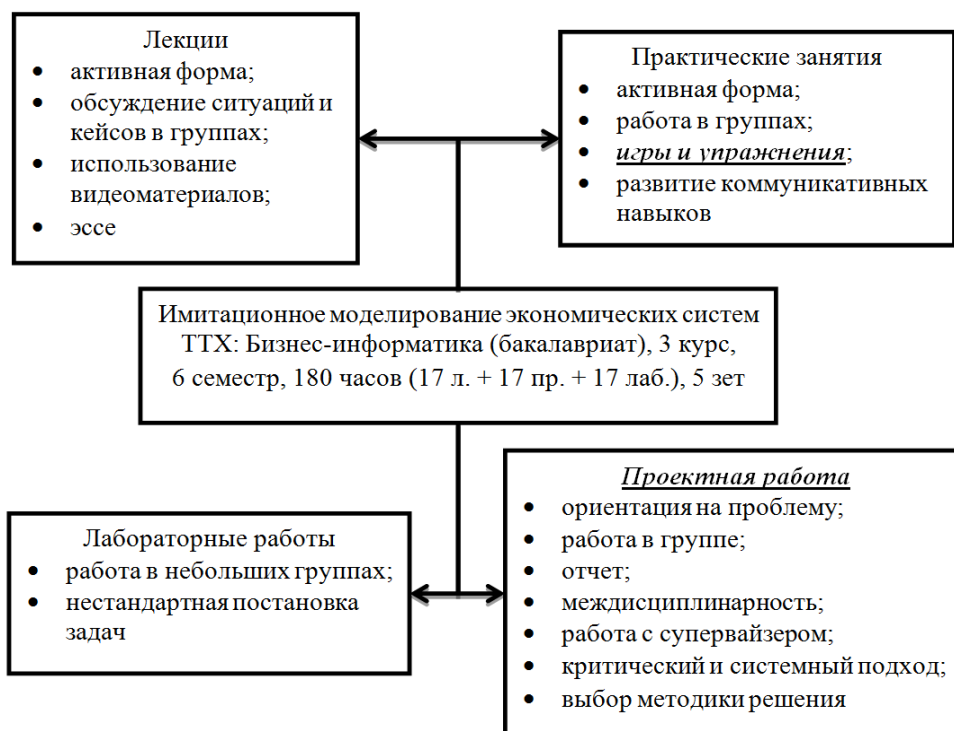

Рис. 1. Имитационное моделирование экономических систем

менных педагогических технологий, подразумевающих активную работу студентов во время занятия, например стратегия «Бортовой журнал» [8]. Для выполнения лабораторных работ и практических заданий студенты разбирают кейсы, самостоятельно строят математические модели, применяя знания, полученные при изучении других дисциплин и курсов. В некоторых случаях от студента требуется самостоятельно поставить цель исследования и сформулировать конкретные задачи, прежде чем строить модель и решать проблему. Таким образом достигается междисциплинарность самостоятельной работы, что позволяет студентам структурировать и систематизировать знания, полученные в ходе обучения.

Очевидно, что одним из лучших способов научиться чему-то новому является изучение конкретных примеров, а не только общих принципов и абстрактных зависимостей [9]. При изучении методов имитационного моделирования важно попробовать изучаемые методы, не только выполнив по заданному шаблону лабораторные работы, но и построив свою собственную модель. Поэтому важной частью изучения курса «Имитационное моделирование экономических систем» является проектная работа.

Методика написания проектных работ в рамках данного курса продолжает традиции применения проектно-ориентированного под-

хода в обучении бакалавров бизнес-информатики и специалистов в области математических методов в экономике в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (см., например, [10–14]).

Проект – это когнитивная цель и процесс работы в группе. Поскольку проектная работа состоит из конкретного задания, выполняемого в процессе исследования, и отчета по проекту, который обсуждается в результате, собственно проект – это познавательное содержание и цель, то есть проект есть у того, кто хочет сделать или узнать что-то [13].

На первом занятии студентам описываются особенности выполнения проектной работы и назначаются дата сдачи отчета по проекту и дата защиты проекта. Задача студентов заключается в выборе такой социоэкономической проблемы, которую можно решить с помощью имитационного моделирования.

В рамках применяемой методики предполагается, что тему проектной работы формулирует сама группа, поэтому хорошая формулировка проблемы:

– требует знаний (многие студенты ошибочно полагают, что в проблеме должно отражаться то, что в начале работы они ничего не знали о теме исследований; однако для того чтобы грамотно сформулировать вопрос о проблеме, необходимо сначала получить некоторые начальные знания, которые позволят наиболее

Таблица 1

Достоинства и недостатки проектного метода

Плюсы	Минусы
<ul style="list-style-type: none"> • Развитие независимости и умения работать в группе • Системный подход к проблемам • Развитие критического мышления • Практическая направленность действий • Умение обосновывать выбор метода и средств для решения поставленных задач 	<ul style="list-style-type: none"> • Сложности при формулировании темы • Отсутствие привычки к самостоятельной и групповой работе у студентов • Недостаток знания конкретных методологических инструментов • Отсутствие системности в академических знаниях

точно и недвусмысленно выразить поставленную задачу;

– является достаточно редким явлением, когда студенты только начинают работать по проектному методу;

– изменяется в течение работы над проектом, так как студенты узнают новую информацию, которая позволяет им более удачно сформулировать изучаемую проблему.

Формулирование области исследования должно включать выбранную предметную область и направление исследований. Следующие вопросы могут помочь студентам при формулировании области исследования:

- Почему вы выбрали этот предмет?
- Какие у вас интересы по этому предмету?
- Какие проблемы вы видите?
- Какие противоречия вы видите?
- Что вы хотите узнать?
- Кто мог бы использовать результаты ваших исследований и для каких целей?

Кроме того, для успешного выполнения проекта студентам следует сформулировать вспомогательные вопросы, которые могут уточнять главный вопрос или термины, из которых он состоит, а также выделить в теме ключевые слова, которые не только помогут искать материал, но и сделают более ясной область исследования.

Спецификой выполнения проектной работы в рамках данного курса является то, что студенты достаточно часто сначала выбирают математическую модель, а затем для нее формулируют проблему и описывают область исследования. Соответственно, в этом случае готовая математическая модель выступает в качестве темы исследования. В этом случае наибольшее внимание группа должна обратить на описание проблематики и ответы на указанные вопросы, на актуальность и полезность работы. Конечно, движение в обратном направлении несколько противоречит идеологии проектной работы, но в рамках данного курса представляется вполне допустимым и уместным.

В конце курса студенты сдают отчет по проекту – это письменный отчет, в котором излагается все, что было достигнуто и изучено в ходе проектной работы, и делаются выводы и заключения (однако это не единственная письменная работа, которая выполняется в процессе осуществления проекта: студенты группы готовят план работы, который согласуют между собой и с руководителем (в нем содержатся основные идеи, схема работы и предположения), а также конспекты интервью, книг и статей). Отчет сдается примерно за 2 недели до даты защиты. В течение первой недели преподаватель формулирует вопросы для каждого участника группы, вторая неделя выделяется на подготовку студентов к защите, поиск ответов на вопросы и создание презентации.

На защите проекта оценивается не только отчет по проекту, но и вклад каждого в работу над проектом в течение его выполнения. Студенты должны найти ответы на вопросы преподавателя по тем частям проекта, которые он посчитал неясными, неопределенными или неудовлетворительными, и распределить их между членами группы. Естественно, на защите студенты могут помогать друг другу при ответах на эти или дополнительные вопросы. Оценки членов одной группы за защиту могут различаться, в соответствии с тем, как они работали над проектом и как отвечали на поставленные перед ними вопросы.

Проблемно-ориентированная проектная работа предлагает большие возможности для развития особых академических знаний, которые не ограничены одной дисциплиной, а являются междисциплинарными и требуют от студентов сосредоточиться на проблеме, конкретных результатах и релевантности проекта.

Основные достоинства и недостатки проектного метода представлены в таблице 1. Необходимо отметить, что положительные стороны метода проявятся только в том случае, если студенты нацелены на их реализацию, так как проектный метод обучения предполагает, что студенты берут на себя всю ответственность за

свое обучение. Минусы же при выполнении проектной работы по курсу нивелируются тем фактом, что проектная работа дополняет лекции, практические занятия и лабораторные работы, которые в полной мере охватывают необходимый минимум теоретических знаний, стандартных подходов и методик моделирования.

Междисциплинарность проектной работы обеспечивается тем, что при выборе темы, описании и исследовании проблемы студенты обращаются к различным курсам, которые им читались ранее, чтобы выбрать такую экономико-математическую проблему, для которой возможно построить имитационную модель.

Жизнь в современном мире становится все более хаотичной, изменения во всех сферах жизнедеятельности ускоряются; поэтому чем больше различных способов познания использует человек, тем лучше. Системное мышление и системный подход способствуют нашему пониманию систем и их составных частей, анализу взаимосвязей и прогнозированию возможного поведения систем в будущем. Применение современных методик активного обучения (игр) и проектного метода позволяет повысить эффективность образовательного процесса, преодолеть часть проблем, связанных с фрагментарностью («клиповостью») мышления современных студентов и повысить их заинтересованность в учебном процессе.

Статья написана на основе учебно-методического пособия [7], подготовленного в соответствии с планом работ по реализации дорожной карты ННГУ на 2013–2014 гг. (Задача 1.2. Внедрение современных педагогических технологий в учебный процесс. Мероприятие 1.2.1. Формирование учебно-методических материалов для проектно-ориентированного обучения (project based learning) по разным направлениям обучения).

Список литературы

1. Докука С.В. Клиповое мышление как феномен информационного общества // *Общественные науки и современность*. 2013. № 2. С. 169–176.
2. Монахов Д.Н. Эффективная визуализация информации как средство борьбы с «клиповым» мышлением // *Психология обучения*. 2014. № 3. С.135–142.
3. Шеметова Т.Н. Клиповое Интернет-сознание как тип праалогичного мышления // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2013. № 4–2. С. 254–259.
4. Теория поколений в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rugenerations.ru/tag/поколение-у/> (дата обращения 14.03.2015).
5. Бут Свини Л., Медоуз Д. Игры для развития системного мышления. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014. 302 с.
6. Карпов Ю. Имитационное моделирование систем. Введение в моделирование с AnyLogic 5. СПб.: БХВ-Петербург, 2005. 400 с.
7. Мичасова О.В. Имитационное моделирование экономических систем: проектно-ориентированный подход. Учебно-методическое пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2014. 186 с. – URL: <http://www.unn.ru/books/resources.html> (дата обращения 14.03.2015).
8. Грудзинская Е.Ю., Марико В.В. Мастерская активного обучения: Методическое пособие. Часть 1. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. 79 с.
9. Медоуз Д. Азбука системного мышления. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2011. 343 с.
10. Мичасова О.В. Применение проектно-ориентированных методов в обучении бакалавров Бизнес-информатики // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2014. № 3–4. С. 145–148.
11. Кузнецов Ю.А. Опыт Нижегородского университета по подготовке специалистов в области математических методов в экономике // *Вестник ННГУ. Серия: Инновации в образовании*. 2011. № 3–3. С. 63–72.
12. Кузнецов Ю.А., Круглов Е.В. О динамике мотивации и качества образования абитуриентов // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2012. № 5–1. С. 11–16.
13. Кузнецов Ю.А., Мичасова О.В. Проектно-ориентированный метод обучения и система подготовки экономистов-математиков на механико-математическом факультете ННГУ // *Качество образования. Проблемы и перспективы: Сборник статей / Под ред. А.В. Петрова*. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2007. Вып. 2. С. 37–48.
14. Кузнецов Ю.А., Семенов А.В. Инновационная модель подготовки экономистов в области математики и экономико-математического моделирования // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2012. № 4–1. С. 71–75.

**APPLICATION OF THE PROJECT METHOD AND ACTIVE LEARNING TECHNIQUES
TO DEVELOP STUDENTS' SYSTEMS THINKING**

O.V. Michasova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
National Research University «Higher School of Economics», Nizhni Novgorod Branch

The paper discusses some techniques and strategies of active learning (group work, management games and exercises, case studies, etc.) which have been implemented in the framework of the course «Modeling of economic systems», which is taught in the bachelor program «Business Informatics». The main purpose of this course is not only to teach students the theoretical aspects of modeling and work with specialized software, but also to develop a systems approach, critical thinking and analytical skills. This goal can be achieved, primarily, by using special management games, aimed at systems thinking development, and the project-oriented method that teaches students to analyze available information, to systematize and generalize it, and also to work independently and in a team.

Keywords: simulation, management game, systems thinking, project-oriented teaching methods.

УДК 372.8

АЛГОРИТМ КОНСТРУИРОВАНИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА НА ОСНОВЕ УЧЕБНОГО ФИЗИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

© 2016 г.

П.В. Казарин, С.В. Полушкина

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

polushkinas@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 10.12.2015**Статья принята к печати 20.01.2016*

Рассмотрены требования ФГОС к организации учебного процесса на основе системно-деятельностного подхода, описаны связанные с этими нормами новые возможности применения учебного физического эксперимента. Предложен алгоритм конструирования учебного процесса с использованием физического эксперимента, сочетающий дидактические и конкретно-методические этапы проектировочной деятельности учителя. Рассмотрен вариант использования алгоритма при изучении метода зеркальных отображений при обучении физике в средней школе. Приведен пример сочетания демонстрационного эксперимента и решения задач в курсе общей физики на основе описанного алгоритма конструирования учебного процесса.

Ключевые слова: школьный физический эксперимент, алгоритм деятельности учителя, новый образовательный стандарт, метод изображений.

ФГОС и новые требования к физическому эксперименту в учебном процессе

Современное образование в России перешло на Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС), концептуальной основой которого является системно-деятельностный подход [1]. Под деятельностным подходом в образовании понимается такой способ организации учебно-познавательной деятельности обучающихся, при котором они являются не пассивными получателями информации, а активными участниками учебного процесса. Отсюда и цели образования – не сумма «знаний, умений, навыков», а сформированные познавательные и личностные способности ученика. Происходит смещение приоритетов в образовании – объяснительно-иллюстративный и репродуктивный метод работы замещается, по возможности, проблемным или исследовательским методом. Функция учителя при деятельностном подходе проявляется в управлении процессом обучения. Учитель – не единственный источник знаний, а организатор, помощник, консультант. Такая форма обучения позволяет учащимся не получать знания в готовом виде, а добывать их самим в процессе собственной учебно-познавательной деятельности, в ходе которой они усваивают не только содержание, но и процесс получения нового познавательного результата. ФГОС задаёт требование к организации учебного процесса, в том числе на основе школьного эксперимента. Выделяется

новая роль эксперимента, как способа формирования умения учащихся добывать новые знания [2], как источника нового физического знания, формирования умений, новых навыков, средства обобщения и систематизации, средства контроля и т.д. Как итог это обеспечивает ученику способность к самостоятельному усвоению новых знаний и умений, в том числе умения учиться, делать осознанный выбор, решать реальные жизненные проблемы.

Таким образом, учителю необходимо так построить урок с использованием физического эксперимента, чтобы учащиеся на его основе могли не только получить новое знание, но и четко осознать весь познавательный путь, который им пришлось пройти для получения физического знания с целью его воспроизведения в дальнейшей самостоятельной деятельности.

Подбирая эксперимент, необходимый на уроке, 80% учителей, как показал опрос, руководствуются учебником, т.е. используют тот эксперимент, который в нём представлен. Руководствуясь готовыми разработками, описанными в параграфе учебника, учитель включает его в план урока. Например, при изучении движения тела по окружности учащимся предлагается рассмотреть точило (учебник А.В. Перышкина «Физика» 9 класс [3]), которое многие современные школьники никогда не видели. Выбранный таким образом эксперимент будет малосодержателен и, скорее всего, бесполезен для учащихся на уроке. Такой метод организации учебного процесса не отвечает новым требова-

ниям образовательного стандарта, так как учащиеся получают знания, не опираясь на собственную познавательную деятельность.

Для организации максимально эффективного процесса обучения с использованием физического эксперимента учитель должен выйти на определенный уровень педагогической деятельности. И.В. Гребеневым и О.В. Лебедевой выделены уровни профессиональной компетентности преподавателей, а именно: низкий (эмпирический), средний (конструктивный) и высокий (творческий). Высокий уровень компетентности учителя подразумевает, что учитель при конструировании учебного процесса, проанализировав содержание, которое должны усвоить учащиеся, определяет, нужен ли на данном этапе эксперимент, а если нужен, то какой эксперимент даст оптимальную возможность организации познавательной деятельности учащихся, направленной на усвоение этого содержания. Учитель, выбрав соответствующий эксперимент и вариант его проведения, планирует деятельность учащихся по усвоению существа увиденного явления, осмыслению фактов и получению выводов из увиденного, наблюдаемого процесса во время эксперимента [4].

Выход учителя на творческий уровень требует его высокой предметной квалификации, временных затрат и методических усилий, так как при конструировании учебного процесса учителю необходимо проанализировать все то содержание, которое должны усвоить учащиеся на уроке. Это обусловлено важнейшим принципом физики как учебного предмета, а именно принципом научности. В обучении физике он выражается в следовании в учебном процессе логике раскрытия структуры научных знаний, логике науки. Принцип научности имеет и собственно методическое значение: структура усваиваемого учащимися физического знания определяет основные характеристики конструируемого процесса обучения – цели, методы и средства обучения, в т.ч. и демонстрационный эксперимент [5].

Алгоритм деятельности преподавателя по эффективному использованию эксперимента

Нами разработан алгоритм конструктивной деятельности учителя по организации эффективной познавательной деятельности учащихся в учебном процессе на основе эксперимента. Этот алгоритм включает следующие этапы.

I. Этап предметных действий.

1. Определение предметных, научных основ изучаемого содержания.
2. Выделение физического содержания для изучения на уроке, формулировка экспериментальной основы изучаемого материала.
3. Определение перечня и уровня познавательных, в т.ч. экспериментальных, умений, усваиваемых учащимися на уровне самостоятельной деятельности в целях дальнейшего получения нового учебного результата.

II. Дидактический этап.

1. Определение типа урока и его места в теме, ведущего метода обучения, форм организации учебной деятельности.
2. Развитие результатов использованного ранее физического учебного эксперимента.
3. Определение возможного места демонстрационного и лабораторного эксперимента в уроке в соответствии с выбранными вариантами метода обучения.

III. Методический этап.

1. Выбор или создание нового учебного эксперимента, наиболее точно отражающего теоретическую модель изучаемого содержания.
2. Планирование деятельности учащихся по усвоению информации, осмыслению фактов и получению выводов из увиденного, наблюдаемого процесса во время эксперимента. Организация максимально возможной познавательной деятельности учащихся на основе учебного физического эксперимента.

IV. Рефлексивный этап.

1. Контроль за результатами учебной деятельности учащихся в ходе варьирования элементов, условий проведения эксперимента.
2. Определение уровня усвоения физических основ изучаемого содержания; уровня сформированности познавательных умений.

Как видно, предложенный алгоритм состоит из 4 этапов, сочетающих анализ научных основ предмета, дидактический анализ педагогической ситуации и конкретно-методические действия учителя. Описанная последовательность определяет пошаговый план действий учителя для эффективного включения физического эксперимента в учебный процесс.

Подобное выделение этапов, связанных с предметным содержанием и педагогической трансформацией предметного содержания, является актуальным и для зарубежной педагогики по методике преподавания естественнонаучных дисциплин. Так, например, в классической работе Л. Шульмана выделяются аналогичные компоненты профессиональной компетентности учителя:

- «general pedagogical knowledge» (общие педагогические знания);
- «content knowledge» (знание преподаваемого предмета);
- «teachers' pedagogical content knowledge» (знания о способах преподавания предмета) [6].

В предложенном нами алгоритме на первом этапе, этапе предметных действий, учителю предлагается выделить то физическое содержание, которое должно быть усвоено учащимися на уроке, и в соответствии с этим содержанием, определить цель урока. Только учитель, глубоко знающий предмет, сможет обоснованно сконструировать методику изучения конкретно предметного содержания.

В качестве второго этапа деятельности учителю необходимо определить ведущий метод обучения, тип урока и возможное место демонстрационного и лабораторного эксперимента на уроке в соответствии с выбранными вариантами метода обучения.

Наиболее важным является третий этап, который и позволяет учителю подняться на самый высокий, творческий уровень профессиональной компетентности. Проанализировав все существующие варианты экспериментов по выбранной теме, учитель должен выбрать тот эксперимент, который наиболее точно отражает теоретическую модель изучаемого содержания. Если, по мнению учителя, такой эксперимент отсутствует, то он должен разработать его самостоятельно. При подборе или разработке необходимого эксперимента учитель должен выполнять выдвинутые нами требования по организации школьных опытов [7]. Одно из требований подразумевает, что использование эксперимента на протяжении всех этапов урока (актуализация знаний, мотивация, изучение материала, рефлексия) позволит учащимся максимально эффективно усвоить изучаемый материал.

На завершающем этапе учитель производит контроль усвоения физических основ изучаемого содержания, вновь используя учебный эксперимент как основу деятельности учащихся.

Пример реализации алгоритма деятельности учителя. Метод электрических изображений

Весьма непростой задачей для учителя при реализации предложенного алгоритма является творческая работа по созданию собственного варианта учебного эксперимента. Многообразие экспериментов по каждому разделу физики в методических пособиях требует от учителя обоснованного выбора вариантов учебных де-

монстраций, которые описывают одно и то же физическое явление. Еще более сложной методической задачей является демонстрационное обеспечение разделов (тем) школьного курса физики, экспериментальная база которых освещена достаточно скудно.

Одной из таких тем является, на наш взгляд, метод зеркальных отображений в электростатике.

Как известно, основной задачей электростатики является расчёт электрических полей, создаваемых заряженными телами различной формы. При решении подобных задач прибегают к разным методам: вначале используют принцип суперпозиции (поле системы точечных зарядов и др.), а затем, при переходе к более сложным конфигурациям, знакомятся с другими методами, например, методом изображений [8].

Этот метод основывается на теореме единственности в электростатике: электрическое поле не изменится при замене в нём какой-либо эквипотенциальной поверхности на проводник аналогичной формы с потенциалом, равным потенциалу рассматриваемой эквипотенциальной поверхности.

При прохождении первого этапа нашего алгоритма в основе конструктивной деятельности учителя по созданию нового варианта учебного эксперимента лежит идея максимальной близости конструируемой установки теоретической модели изучаемого явления. В нашем случае это система силовых линий, моделирующая электрическое поле изучаемой системы заряженных тел (рис. 1). Возможна ли её экспериментальная реализация?

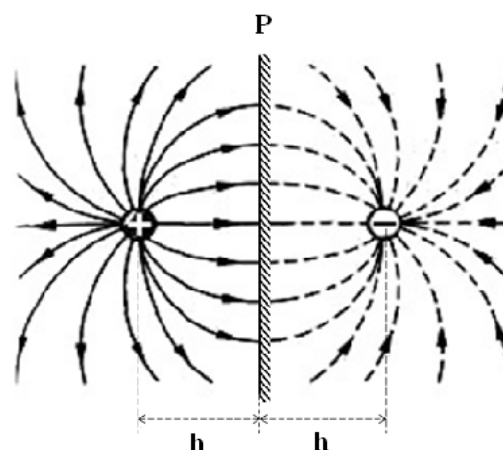

Рис. 1. Метод зеркальных отображений

Оказывается, что реализовать такую систему довольно просто. Воспользуемся парой электростатических «султанов». Сообщив «султанам» заряд противоположных знаков (напри-

мер, от кондукторов электрофорной машины), их размещают так, чтобы индикаторные полоски не соприкасались (рис. 2).

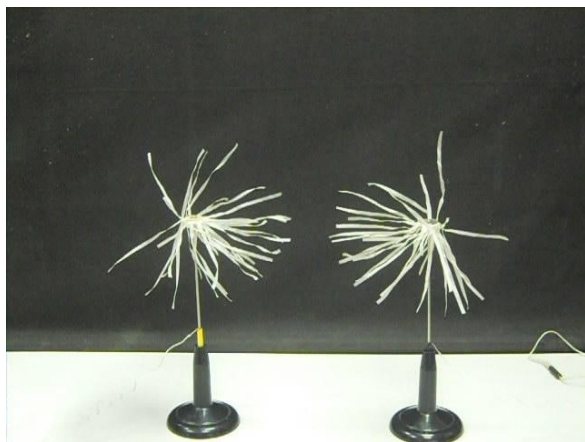

Рис. 2. Силовые линии электрического поля двух разноименно заряженных «султанов»

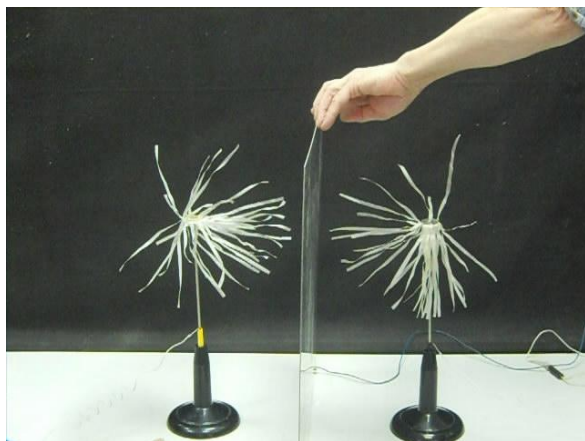

Рис. 3. Картина поля разноименных зарядов при наличии проводящей плоскости между ними

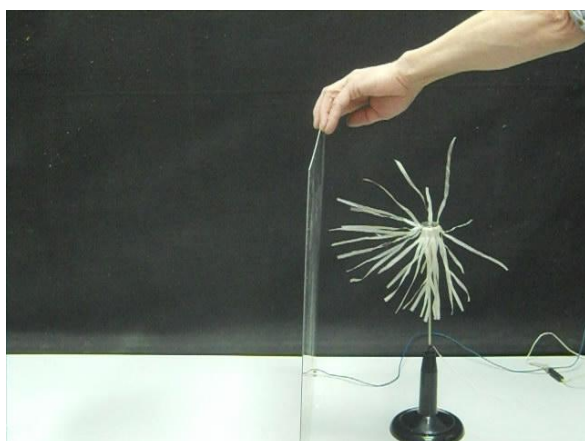

Рис. 4. Картина электрического поля заряда около проводящей плоскости

При решении задач второго и третьего этапа реализации нашего алгоритма учитель опреде-

ляет, что ведущим методом обучения будет эвристическая беседа, в основе которой лежит очевидная теперь модификация эксперимента, представленного на рис. 1. Для того чтобы перейти к задаче нашего урока, методу изображений, требуется сделать следующее дополнение – ввести металлический лист достаточных размеров в середину зазора между полосками «султанов» (рис. 3). Учителю необходимо вместе с учащимися определить значение потенциала в месте внесения листа и обсудить вопрос необходимости заземления листа.

Для выяснения сущности метода изображений обращается внимание на сохранение картины электрического поля, образованной данными зарядами. Сохраняя местоположение листа, один из заряженных «султанов» убирают, при этом изменение в картине поля не наблюдается – она остаётся прежней (рис. 4). Таким образом, в эксперименте показывается эквивалентность поля системы «заряд-лист» полю двух точечных зарядов в анализируемом полупространстве.

При переходе к этапу рефлексии для контроля уровня усвоения физических основ изученного содержания несколько изменяется ход опыта: к заряженному «султану» подносится металлический лист. Наблюдается перераспределение индикаторных полос в соответствии с линиями поля. К обратной стороне листа на равное расстояние помещается подобный «султан» с зарядом противоположного знака. Учитель должен обратить внимание учеников на полученную картину поля и задать вопрос об её изменении после удаления металлического листа. Ожидаемый ответ – «изменений не наблюдается».

Разработанный нами эксперимент по демонстрации поля точечного заряда, расположенного вблизи плоской проводящей поверхности, подтверждает продуктивность описанного алгоритма деятельности учителя и наглядно иллюстрирует применение метода изображений в электростатике. Можно утверждать, что эксперимент является ведущим методом обучения на этом уроке, поскольку познавательная деятельность учащихся основывается на нём в течение всего урока. Учащиеся не только наблюдают за ходом эксперимента, но и обсуждают его, предсказывают результаты, предлагают развитие демонстрации.

Предложенный нами алгоритм можно распространить на используемый в курсе общей физики метод изображений. Достаточно трудной является задача вычисления поля точечного заряда, расположенного вблизи проводящего шара (сферической поверхности) [9]. Само понятие фиктивного заряда, лежащее в основе

расчета при решении этой задачи, является сложным для восприятия. Тем более не очевидно, что этот фиктивный заряд используется в расчете напряженности реального поля. Преподаватель приходит к необходимости подкрепления абстрактных чертежей и расчетов наглядными экспериментами, отражающими вновь теоретические модели.

Известны и часто используются на лекциях демонстрации по визуализации электростатических полей с помощью взвеси крупинок диэлектрика в касторовом масле. Обычно демонстрируются поля простейших конфигураций зарядов. Данную технологию можно применить для наблюдения структуры поля точечного заряда, находящегося вблизи сферической проводящей поверхности нулевого потенциала и вычисляемого с помощью метода изображений.

При решении подобной задачи методом изображений поле в рассматриваемой области пространства заменяется полем, созданным в однородном пространстве двумя точечными зарядами, один из которых реальный, а второй вспомогательный – его «изображение». Величина и размещение вспомогательного заряда зависят от взаимного положения реального заряда и проводящего шара, а также его радиуса.

Предлагаемый эксперимент рассчитан на демонстрацию именно того обстоятельства, что поле точечного заряда, расположенного вблизи сферической проводящей поверхности, можно «сконструировать» из полей двух точечных зарядов (реального и вспомогательного), причем положение и величина вспомогательного заряда должны быть тщательно подобраны в ходе решения типовой задачи курса общей физики. Данные этой задачи берутся в соответствии с предлагаемой демонстрацией.

Основной сложностью при реализации такого эксперимента является необходимость создания двух разных по знакам точечных зарядов с определенным отношением величин зарядов. Указанная проблема решается посредством мегаомного резисторного делителя, нагруженного на источник высокого напряжения. Необходимые потенциалы с делителя подаются на электроды, погружённые в касторовое масло. Одновременно решается проблема фиксации точки нулевого потенциала [10].

Вначале на этапе постановки задачи показываем студентам поле точечного заряда, находящегося вблизи проводящей сферы, потенциал которой равен нулю. Фактически наблюдается сечение трехмерной картины плоскостью – вместо сферы используется проводящий цилиндр соответствующего радиуса (рис. 5).

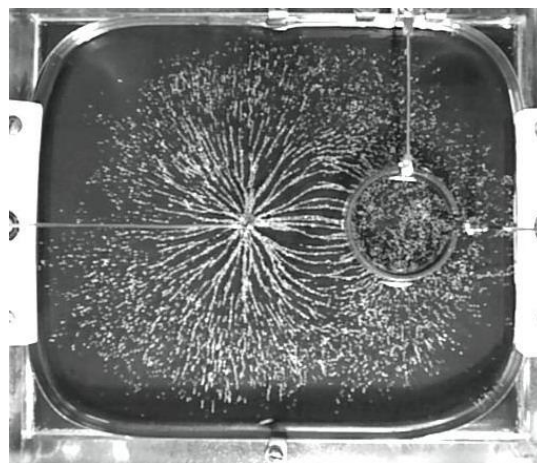

Рис. 5. Поле точечного заряда вблизи проводящей сферы

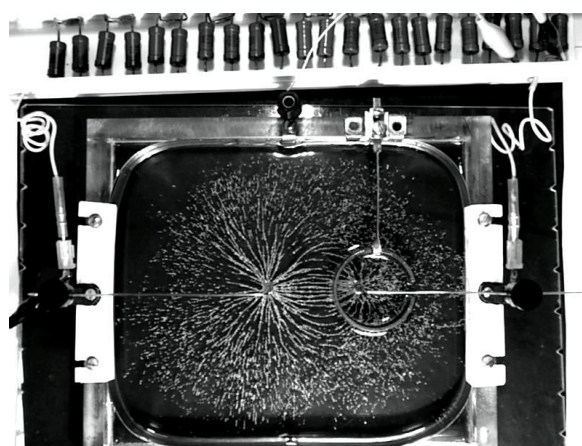
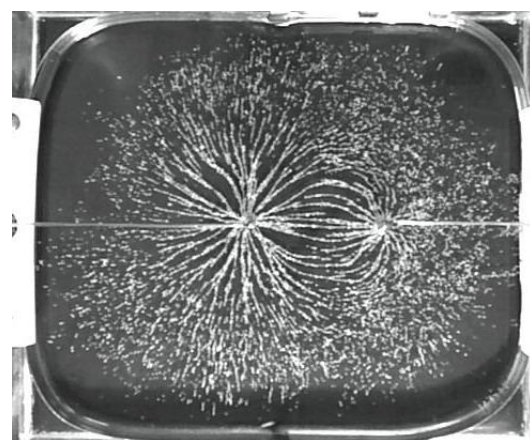

Рис. 6. Реконструкция поля точечного заряда вблизи проводящей сферы: а) картина силовых линий существующего и вспомогательного зарядов; б) «сконструированное» поле точечного заряда около проводящей сферы

Эта часть эксперимента несет мотивационный потенциал, реализуя проблемный элемент обучения, на основе которого студенты при решении задачи находят фиктивный, вспомогательный заряд-изображение и место его расположения. Убедиться в правильности полученно-

го решения студентам помогает следующая часть эксперимента. Выключив напряжение, цилиндр убирают и в заранее рассчитанную точку помещают электрод, на котором располагается вспомогательный заряд-изображение. Значительная вязкость касторового масла способствует тому, что при данных манипуляциях с электродами в кювете первоначальная картина силовых линий (область вне цилиндра) практически не изменяется. После включения высокого напряжения наблюдается «построение» новых силовых линий вблизи вспомогательного заряда (т.е. в области, которую первоначально занимал проводящий цилиндр) с сохранением первоначальной картины силовых линий (рис. 6а).

Последний этап эксперимента проводится в качестве рефлексии: проводящий цилиндр помещается на место, преподаватель обращает внимание студентов на то, что исходная картина силовых линий не нарушается (рис. 6б).

Таким образом, мы из полей двух точечных зарядов (существующего и вспомогательного) «конструируем» исходное поле – поле точечного заряда, расположенного вблизи сферической проводящей поверхности, что позволяет наглядно убедиться в реализации используемого метода при выполнении поэтапной экспериментальной иллюстрации в ходе решения поставленной задачи.

Заключение

Предложенный алгоритм позволяет школьным учителям, а также преподавателям вузов максимально эффективно конструировать учебный процесс с использованием эксперимента, что является обязательным требованием нового образовательного стандарта. Хотелось бы отметить, что, на наш взгляд,

использовать алгоритм для организации познавательной деятельности учащихся на основе эксперимента могут учителя не только физики, но и химии, биологии.

Список литературы

1. Федеральный государственный стандарт основного общего образования. – URL: <http://standart.edu.ru/catalog.aspx?Catalogd=2588> (дата обращения 10.09.2015).
2. Разумовский В.Г. Естественнонаучное образование и конкурентоспособность // Педагогика. 2013. № 7. С. 14–25.
3. Перишкин А.В., Гутник Е.М. Физика. 9 кл.: Учебник. М.: Дрофа, 2014. 319 с.
4. Лебедева О.В., Гребенев И.В. Проектирование и организация исследовательской деятельности учащихся в учебном процессе // Педагогика. 2013. № 8. С. 52–58.
5. Гребенев И.В., Чупрунов Е.В. Фундаментальная научная подготовка учителя как основа его профессиональной компетентности // Педагогика. 2010. № 8. С. 65–69.
6. Shulman L. Those who understand: Knowledge growth in teaching // Educational Researcher. 1986. 15(2). P. 4–14.
7. Полушкина С.В. Методические рекомендации по организации эффективного усвоения физического содержания на основе эксперимента // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 5–2. С. 163–165.
8. Калашников С.Г. Электричество: Уч. пособие. М.: Наука, 1985. 576 с.
9. Иродов И.Е. Задачи по общей физики. М.: Наука, 1979. 368 с.
10. Казарин П.В., Степанов Н.С., Услугин Н.Ф. Лекционный эксперимент по наблюдению структуры электростатического поля точечного заряда вблизи сферической проводящей поверхности // Труды XVIII научной конференции по радиоп физике, посвященной Дню радио. Н. Новгород: ННГУ, 2014. С. 173–174.

THE ALGORITHM FOR DESIGNING THE LEARNING PROCESS BASED ON THE CLASSROOM PHYSICS EXPERIMENT

P.V. Kazarin, S.V. Polushkina

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article describes the requirements of the Federal State Educational Standard to the organization of the learning process based on the systems-activity approach and the new possibilities of using classroom physics experiments related to the norms of the Standard. An algorithm for designing the learning process with the use of physics experiments is proposed. The algorithm combines didactic and specific methodological steps of the teacher's design activities. We consider an option of using the algorithm in the study of the mirror images method when teaching physics in high school. An example is given of combining the demonstration experiment and problem solving in the general physics course, based on the described algorithm for designing the learning process.

Keywords: school physics experiment, algorithm of the teacher's work, new educational standard, method of images.

УДК 372.147

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА ПРИ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ УЧЕБНОГО ВОЕННОГО ЦЕНТРА ГРАЖДАНСКОГО ВУЗА

© 2016 г.

А.В. Симонов, А.В. Антонюк

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

Lesik0911@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.12.2015

Статья принята к печати 21.01.2016

Предлагается вариант реализации междисциплинарного подхода при подготовке студентов учебного военного центра гражданского вуза за счет разработки и внедрения в учебный процесс учебных тактических задач. Данный вариант в сочетании с активными методами и средствами обучения позволяет подготовить будущего офицера в объеме, удовлетворяющем квалификационным требованиям к выпускнику учебного военного центра.

Ключевые слова: деятельностный подход, активные методы обучения, учебный военный центр, учебная тактическая задача, должность предназначения.

В настоящее время нормативная документация, регламентирующая образовательную деятельность в РФ, ориентирована на компетентностный подход, на формирование, в первую очередь, *профессиональных компетенций*.

К сожалению, сложившаяся в настоящее время предметная или дисциплинарная система обучения в вузе приводит к определенным противоречиям между разрозненным представлением знаний и умений в рамках отдельных учебных дисциплин и необходимостью сформировать у выпускника профессиональную компетентность как интегральную характеристику, обеспечивающую успешную реализацию профессиональной и социальной деятельности.

Для студентов, обучающихся в учебном военном центре (УВЦ) гражданского вуза, а в дальнейшем – профессиональных военнослужащих, это противоречие еще более актуально в силу сложности, многогранности и значимости воинского труда как особого вида государственной службы. Ежедневно офицеру приходится решать комплекс задач, связанных с несением боевого дежурства, организацией боевой подготовки, подготовкой к ведению боя, содержанием, эксплуатацией и ремонтом вооружения и военной техники, организацией и ведением войскового хозяйства, службы войск, воспитанием подчиненных и др.

Указанные противоречия могут быть устранены, в первую очередь, за счет интеграции содержания образования, сознательно-формирования и усиления в учебном процессе междисциплинарных и межпредметных связей.

В настоящее время в вузах МО РФ одной из форм организации таких комплексных занятий, использующих тесные междисциплинарные связи, является использование учебных тактических и учебных комплексных тактических задач (УТЗ и УКТЗ) [1; 2; 3]. Вместе с тем в руководящих документах по организации учебно-воспитательного процесса в УВЦ и на военных кафедрах гражданских вузов [4; 5] и в известной нам литературе использование такой формы подготовки студентов не регламентируется, а также отсутствуют методические указания по разработке УТЗ для студентов УВЦ. Поэтому обоснование методических подходов к конструированию и реализации такой формы междисциплинарной подготовки студентов УВЦ является актуальной учебной и методической проблемой.

Под учебной тактической задачей будем понимать совокупность объединенных единым замыслом, согласованных по учебным и воспитательным целям, формам, методам, средствам, времени и местности учебных занятий, обеспечивающих требуемый уровень практической подготовленности выпускников вуза [3].

В основе построения и функционирования УТЗ лежат, конечно же, виды и модели профессиональной деятельности выпускника, которые определены функциональными обязанностями по должностям предназначения офицера – выпускника УВЦ и заданы в квалификационных требованиях [6].

Анализ служебной деятельности выпускников УВЦ, их должностного предназначения с учетом перспектив по службе показывает, что

«ключевым» для офицера является его умение организовать *подготовку и ведение боя подразделения*. При реализации этого вида деятельности выполняются следующие действия:

- уяснение поставленных вышестоящим командиром задач;
- оценка обстановки (по составляющим, с производством тактических расчетов и оценкой их результатов);
- принятие решения на бой и постановка боевых задач подчиненным;
- планирование боя (разработка, оформление боевых документов);
- организация взаимодействия с подразделениями других видов и родов войск;
- подготовка техники и личного состава к бою;
- организация и несение боевого дежурства;
- ведение боя в различных условиях и др.

Естественно, что все эти составляющие должны быть в структуре УТЗ, а их содержание должно фокусировать в себе знания и умения, полученные студентами по различным дисциплинам военной подготовки. Кроме того, анализ показывает, что данные вопросы охватывают практически все квалификационные требования по тактическим, тактико-специальным и общевойсковым дисциплинам [6], а также ряд значимых компетенций согласно ФГОС [6] в целом по специальности, особенно по модулям специализаций.

Имеющийся опыт подготовки военных специалистов позволил сформулировать основополагающие требования к построению и функционированию УТЗ.

На наш взгляд, самое главное из них заключается в том, что УТЗ должна повышать эффективность и качество подготовленности выпускников УВЦ к их профессиональной деятельности на должностях предназначения в войсках по сравнению с вариантом прохождения разрозненных, слабо связанных между собой по целям, учебно-воспитательной информации, формам, методам, средствам обучения отдельных учебных дисциплин.

Выполнение указанного главного требования может быть достигнуто при реализации следующих частных требований к построению УТЗ:

- обеспечить овладение студентами наибольшим числом видов профессиональной деятельности в отведенное учебное время за счет рационального отбора наиболее важных видов деятельности, построения их моделей, создания единой исходной тактической обстановки;

- обеспечить более прочное овладение обучающимися формами и способами подготовки и ведения боевых действий;

- реализовать в ходе учебных занятий формы и методы активного обучения с преимуществом игровых методов на фоне проблемных ситуационных задач и тактических эпизодов;

- использовать опыт войн, военных конфликтов, боевой подготовки своих войск и войск зарубежных стран;

- обеспечить формирование и развитие личностных качеств офицера – выпускника вуза, необходимых для выполнения основных видов деятельности на должности предназначения;

- иметь возможность при необходимости совершенствоваться и развивать ее без существенных переходных процессов и сбоев в организации и ведении учебного процесса;

- обеспечить соответствие уровня подготовленности студентов педагогическим целям системы.

Изложенные выше методологические подходы к построению и функционированию УТЗ позволили сформировать ее основные параметры применительно к УВЦ ННГУ.

Во-первых, для полной реализации междисциплинарного подхода, необходимо планировать эту форму подготовки на завершающем этапе обучения студентов (в последнем семестре подготовки) и только в виде практических занятий.

Во-вторых, содержание УТЗ должно включать в себя всю полноту моделей деятельности выпускника («ключевые», наиболее важные этапы деятельности – обязательно) с опорой на использование изученных к этому времени учебных дисциплин. Например, практическая отработка этапа принятия решения на бой требует от студента знаний и умений из различных областей военного дела: тактики, боевого применения техники, военной истории, технической подготовки, повседневной деятельности войск, огневой подготовки, военной топографии и многих других.

В-третьих, основным видом занятий (формой обучения), применяемых в ходе УТЗ, должно быть групповое упражнение, целью которого является привитие обучающимся умений и навыков планирования, организации боевых действий, их обеспечения и управления войсками. На групповом упражнении все студенты действуют в одной и той же роли, выполняя функции определенного должностного лица [3]. В УВЦ ННГУ основные должности для отработки вопросов УТЗ – командир и начальник штаба подразделения.

Таблица 1

**Структура и основное содержание учебной тактической задачи
«Подготовка и ведение боя подразделением»**

№ п/п	Тема занятия, отводимое время	Краткое содержание (изучаемые вопросы)	Обеспечивающие дисциплины	Разрабатываемые студентами документы
1.	Занятие № 1. Подготовка карты командира подразделения к работе – 4 часа	Подбор, склеивание карты, нанесение реквизитов и обстановки на карту	«Тактика», «УПМВ», «Военная топография»	Карта командира
2.	Занятие № 2. Уяснение боевой задачи командиром подразделения – 4 часа	Уяснение боевой задачи, расчет времени, отдача предварительных распоряжений	«Тактика», «УПМВ», «Военная история», «ОВП», «Боевое применение»	Карта командира, Расчет времени на подготовку к боевым действиям, Предварительное распоряжение
3.	Занятие № 3. Оценка обстановки командиром подразделения – 4 часа	Расчет реализуемых зон обнаружения и поражения подразделения	«Тактика», «УПМВ», «Военная топография», «Боевое применение», «Военно-техническая подготовка»	Карта командира, Профили местности
4.	Занятие № 4. Оценка обстановки командиром подразделения – 4 часа	Расчет огневых возможностей, возможностей по прикрытию, по накоплению ракет	«Тактика», «УПМВ», «Боевое применение», «Военно-техническая подготовка»	Карта командира, Сетевые графики накопления ракет
5.	Занятие № 5. Оценка обстановки командиром подразделения – 4 часа	Расчет и оценка маневренных возможностей	«Тактика», «Боевое применение», «Военно-техническая подготовка», «Военная топография», «ОВП»	Карта командира, Схема марша, Приказ на марш
6.	Занятие № 6. Принятие решения командиром подразделения на бой – 10 часов	Разработка и доклад элементов решения на бой	«Тактика», «УПМВ», «Военная история», «Боевое применение», «Военно-техническая подготовка», «Военная топография», «ОВП»	Карта командира, Схема марша, Пояснительная записка к решению на бой, Боевые задачи подчиненным подразделениям
7.	Занятие № 7. Несение боевого дежурства в подразделении – 6 часов	Заступление подразделения на боевое дежурство, действия дежурных сил при переводе в готовность и по самолету-нарушителю	«Тактика», «Боевое применение», «Военно-техническая подготовка», «УПМВ», «ОВП»	Карта командира, Приказ командира о заступлении на боевое дежурство, Журнал несения боевого дежурства и др.
8.	Занятия № 8–11. Ведение боя в различных условиях обстановки – 22 часа	Ведение боя в простых условиях, в условиях огневого подавления, по различным типам целей	«Тактика», «Боевое применение», «Военно-техническая подготовка», «УПМВ», «ОВП»	Карта командира, Отчетные карточки стрельб

Примечания: УПМВ – дисциплина «Управление подразделениями в мирное время»; ОВП – дисциплина «Общевойсковая подготовка».

В силу вышеизложенного, групповое упражнение позволяет реализовать деятельностный подход к подготовке студентов, в рамках которого основными являются преимущественно активные методы обучения [7]: деловые и профессиональные игры, работа в микрогруппах (в штабах, в составе учебно-боевых расчетов), метод анализа конкретных ситуаций, «мозгового штурма» и др.

В-четвертых, основными методическими документами для проведения УТЗ должны быть, на наш взгляд, следующие:

- замысел ее проведения (карта и пояснительная записка);
- основное задание для обучающихся, включающее общую и частную обстановку (тактический фон), исходные и справочные данные для

принятия решений, задания на самостоятельную работу по каждому занятию;

- комплект учебно-методических материалов для проведения групповых упражнений;
- образцовые боевые документы;
- перечень тестов и контрольных заданий для оценки усвоения знаний и умений обучающихся.

На основе вышеприведенных рассуждений в УВЦ ННГУ была разработана и реализована учебная тактическая задача «Подготовка и ведение боя подразделением» в объеме 62 часов, структура и основное содержание которой приведены в таблице 1.

Анализ данных, приведенных в таблице 1, показывает, что каждое занятие в ходе УТЗ позволяет формировать интегральные умения и навыки по различным видам деятельности должностных лиц подразделения в ходе подготовки и ведения боя.

Текущий контроль качества и степени усвоения учебного материала в ходе УТЗ проводится в форме комплексного анализа результатов выполнения практических работ (вводных) в ходе каждого занятия.

В ходе решения учебной тактической задачи студенты разрабатывают, оформляют и защищают боевые документы (пояснительная записка к решению командира подразделения на противовоздушный бой, приказ на марш, карта командира, схема марша и др.) по критериям, принятым в войсках.

Полученные оценки за боевые документы суммируются с оценками, полученными за каждое занятие. По сумме баллов, полученных за все работы в ходе УТЗ, составляется итоговый рейтинг успеваемости студента, который выполняет мотивирующую и стимулирующую функции.

Для оценки эффективности функционирования системы подготовки необходимо иметь «обратную связь» с заказчиком по военно-учетной специальности (например, путем получения отзывов на выпускников из войск).

Так, за период 2013–2015 гг. в УВЦ поступило более 20 отзывов на выпускников, в которых отмечается, что практически все молодые офицеры – бывшие студенты ННГУ успешно начинают военную службу, не испытывая особых затруднений в своем профессиональном становлении. Всего в полученных отзывах содержится 92% отличных и хороших оценок и только 8% удовлетворительных, т.е. преобладающая оценка военно-профессиональной подготовки, деловых и нравственных качеств выпускников УВЦ ННГУ – «высокая» и «достаточная».

Таким образом, разработанные и реализованные в учебном процессе УВЦ гражданского вуза учебные тактические задачи, интегрирующие в себе практические вопросы различных дисциплин военной подготовки, максимально приближают военную подготовку студента к реальной служебной деятельности, обогащают его войсковым опытом, позволяют своевременно корректировать содержание обучения и воспитания.

Список литературы

1. Федеральный закон РФ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
2. Приказ Министра обороны Российской Федерации от 15 сентября 2014 г. № 670 «О мерах по реализации отдельных положений статьи 81 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации"» // Российская газета. № 298. 30.12.2014.
3. Благодеров А.В. Организация и ведение учебно-воспитательного процесса, методической и научной работы в вузе и его подразделениях. Основы построения системы учебных оперативно-тактических (тактических, тактико-специальных) задач (конспект лекций). Уч.-метод. пособие. Тверь: ВКА ПВО им. Маршала Советского Союза Жукова Г.К., 1994. 58 с.
4. Постановление Правительства РФ от 6 марта 2008 г. № 152 «Об обучении граждан Российской Федерации по программе военной подготовки в федеральных государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования» // Российская газета. № 56. 15.03.2008.
5. Приказ Министра обороны РФ и Министерства образования и науки РФ от 10 июля 2009 г. № 666/249 «Об организации деятельности учебных военных центров, факультетов военного обучения и военных кафедр при федеральных государственных учреждениях высшего профессионального образования». Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 44. 02.11.2009.
6. Квалификационные требования по военно-учетной специальности выпускников учебного военного центра при федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», ВУС «Эксплуатация и ремонт радиотехнических средств наведения зенитных ракетных комплексов противовоздушной обороны ВВС»: Уч.-метод. пособие. Н. Новгород: ННГУ. 2008, 13 с.
7. Симонов А.В., Антонюк А.В. Применение активных методов обучения при изучении дисциплин тактико-специальной подготовки на примере учебного военного центра ННГУ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3. Ч. 4. С 189–192.

**IMPLEMENTATION OF INTERDISCIPLINARY APPROACH IN PREPARING STUDENTS
AT THE MILITARY TRAINING CENTER OF A CIVILIAN INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION**

A. V. Simonov, A. V. Antonyuk
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The authors propose an option for implementing interdisciplinary approach in preparing students of the military training center of a civilian institution of higher education through the development and use of tactical tasks in the learning process. The proposed form of training, combined with active learning methods and tools, makes it possible to prepare future officers who will meet the qualification requirements for the military training center graduates.

Keywords: activity approach, active learning methods, system, military training center, tactical problem, intended position.

АВТОРЫ

- Акутина Светлана Петровна** – проф. каф. общей педагогики и педагогики профессионального образования ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал); д.пед.н., доц.; 607220, Нижегородская область, Арзамас, ул. К. Маркса, 36; сл. тел. (83147) 4-15-53; e-mail: priem@agz.unn.ru
- Антонюк Алесь Владимирович** – подполковник, к.воен.н.; доц. учебного военного центра при ННГУ им. Н.И. Лобачевского; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23, корп. 1; сл. тел. (831) 465-93-75; e-mail: Lesik0911@yandex.ru
- Апыхтина Анастасия Юрьевна** – студ. 4-го курса бакалавриата Института экономики и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; моб. тел. 8-910-790-21-86; e-mail: robinzara@mail.ru
- Борисова Светлана Павловна** – ст. преп. каф. финансов и кредита Института экономики и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского; к.э.н.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; моб. тел. +7-910-791-63-51; e-mail: borisova-sp@yandex.ru
- Вильданов Вадим Кадирович** – ст. преп. каф. математического моделирования экономических процессов Института экономики и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского; к.ф.-м.н.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 465-88-27; e-mail: vildanov@iee.unn.ru
- Вишневский Сергей Юрьевич** – проф. каф. социологии и технологий управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; д.соц.н.; 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19, каб. ГУК-100; моб. тел. 8-922-292-93-08; e-mail: soc_stu@e1.ru
- Вишневский Юрий Рудольфович** – зав. каф. социологии и технологий управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; д.филос.н., проф.; 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19; сл. тел. (343) 229-56-89
- Горбунова Мария Лавровна** – и.о. зав. каф. мировой экономики и региональных рынков ННГУ им. Н.И. Лобачевского; д.э.н.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; моб. тел. 8-920-045-55-22; e-mail: gorbunova@iee.unn.ru
- Гришунина Инна Александровна** – ст. преп. каф. финансов и кредита Института экономики и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского; к.э.н.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; моб. тел. +7-951-917-63-28; e-mail: grishunina@yandex.ru
- Деревянченко Елена Анатольевна** – зав. каф. немецкого языка и межкультурной коммуникации Омского госуд. педагогического университета; доц., к.пед.н.; 644099, Омск, ул. Интернациональная, 6; сл. тел. (3812) 23-67-52; e-mail: derevyanchenko@omgru.ru
- Дружиловская Эмилия Сергеевна** – ст. преп. каф. бухгалтерского учета Института экономики и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского; к.э.н.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 433-13-96; e-mail: druzhilovskaya@yandex.ru
- Ефимова Оксана Юрьевна** – асп. Волжского госуниверситета водного транспорта; 603600, Н. Новгород, ул. Нестерова, 5а; моб. тел. 8-952-455-72-83; e-mail: economic.transport.nnov@gmail.com
- Зайцева Елена Анатольевна** – зав. каф. связей с общественностью, маркетинга и коммуникации Нижегородского госуд. технического университета им. Р.Е. Алексеева; доц., к.э.н.; 603950, Н. Новгород, ул. Минина, 24; сл. тел. (831) 257-86-82; e-mail: zayceva-e@mail.ru
- Зборовский Гарольд Ефимович** – проф. каф. социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; д.филос.н., проф., заслуж. деятель науки РФ; 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19, ауд. И-311; сл. тел. (343) 375-48-22; e-mail: garoldzborovsky@gmail.com
- Кабалина Вероника Ивановна** – зав. каф. управления человеческими ресурсами Школы бизнеса и делового администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; к.и.н., проф.; 105187, Москва, ул. Кирпичная, 33, комн. 627; сл. тел. (495) 772-95-84; e-mail: vkabalina@hse.ru, veronika.kabalina@gmail.com

- Казачова Анна Юрьевна** – доц. каф. философии и социологии Калужского госуниверситета им. К.Э. Циолковского; к.соц.н.; 248016, Калуга, ул. Территория Машзавода, 2; моб. тел. 8-953-318-51-02; e-mail: kazakova.a.u@yandex.ru
- Казарин Петр Васильевич** – ст. преп. каф. общей физики ННГУ им. Н.И. Лобачевского; к.пед.н.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23, корп. 3; сл. тел. (831) 462-32-75; e-mail: kazarin-ptr@rambler.ru
- Козырьков Владимир Павлович** – зав. каф. общей социологии и социальной работы ННГУ им. Н.И. Лобачевского; д.соц.н., проф.; 603000, Н. Новгород, Университетский пер., 7, к. 219; моб. тел. 8-960-193-56-31; e-mail: kozir3@yandex.ru
- Куклина Марина Владимировна** – магистрант каф. финансового менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Нижегородский филиал); 603155, Н. Новгород, ул. Б. Печерская, 25/12; моб. тел. 8-908-166-09-44; e-mail: marena_kuklina@yandex.ru
- Липин Александр Сергеевич** – студ. 5-го курса Института информационных технологий, математики и механики ННГУ им. Н.И. Лобачевского; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; e-mail: mmes@mm.unn.ru
- Мальцев Константин Геннадьевич** – проф. каф. общей социологии и социальной работы ННГУ им. Н.И. Лобачевского; д.филос.н., к.полит.н.; 603000, Н. Новгород, Университетский пер., 7, к. 201; сл. тел. (831) 433-83-49; e-mail: Maltsevaannav@mail.ru
- Маркова Светлана Евгеньевна** – асп. каф. математического моделирования экономических процессов Института экономики и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 465-88-27; e-mail: mmer@iee.unn.ru
- Мигунова Арина Владимировна** – доц. каф. общей социологии и социальной работы ННГУ им. Н.И. Лобачевского; к.соц.н.; 603000, Н. Новгород, пер. Университетский, 7, к. 201; сл. тел. (831) 433-83-49; e-mail: migunova_arina@mail.ru
- Мичасова Ольга Владимировна** – доц. каф. математического моделирования экономических процессов Института экономики и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского; к.ф.-м.н.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; доц. каф. экономической теории и эконометрики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Нижегородский филиал); 603155, Н. Новгород, ул. Б. Печерская, 25/12; сл. тел. (831) 465-88-27; e-mail: michasova@iee.unn.ru
- Наконечный Николай Иванович** – гл. механик, нач. отдела АО «Газпромнефть-МНПЗ»; 109429, Москва, Капотня, 2-й квартал, 1, корп. 3; сл. тел. (495) 734-92-00; e-mail: info@mnpz.ru
- Новикова Дарья Сергеевна** – асс. каф. экономики фирмы Института экономики и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 240-09-66; e-mail: Novikovadary@gmail.com
- Овчинников Вячеслав Николаевич** – асп., асс. каф. мировой экономики и региональных рынков ННГУ им. Н.И. Лобачевского; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; моб. тел. 8-915-948-60-26; e-mail: robinzara@mail.ru
- Осипова Ольга Сергеевна** – доц. каф. общего и стратегического менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Нижегородский филиал); к.соц.н.; 603000, Н. Новгород, ул. Родионова, 136; сл. тел. (831) 436-16-71; e-mail: Chernyavskaya-OS@yandex.ru
- Полушкина Светлана Владимировна** – асс. каф. кристаллографии и экспериментальной физики ННГУ им. Н.И. Лобачевского; 603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, корп. 3; сл. тел. (831) 462-33-13; e-mail: polushkinas@mail.ru
- Птицына Наталья Алексеевна** – доц. каф. социальной работы и прикладной психологии Ивановского госуниверситета; к.пед.н.; 153025, Иваново, ул. Ермака, 7-а; моб. тел. 8-910-693-86-52; e-mail: narticyuna@yandex.ru
- Рил ван Аллард** – проф. каф. экономики фирмы Института экономики и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 240-09-66; проф. каф. инновационного менеджмента и маркетинга школы менеджмента Университета Рэдбауда; зам. декана по исследованиям и руководитель института научных исследований в области менеджмента при Университете Рэдбауда, школы менеджмента г. Неймеген, Нидерланды; Р.О. Вох 9108, 6500 НК Nijmegen; e-mail: a.vanriel@fm.ru.nl

- Серафимов Михаил Михайлович** – доц. каф. гуманитарно-правовых дисциплин Дзержинского филиала ННГУ им. Н.И. Лобачевского; к.соц.н.; 606000, Нижегородская область, Дзержинск, ул. Жуковского, д. 2; моб. тел. 8-752-777-10-01; e-mail: m.serafimov@yandex.ru
- Симонов Алексей Валентинович** – полковник, нач. учебного военного центра при ННГУ им. Н.И. Лобачевского; к.воен.н., доц.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23, корп. 1; сл. тел. (831) 465-93-75
- Суворова Любовь Васильевна** – доц. каф. финансов и кредита Института экономики и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского; к.э.н., доц.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 430-28-54; e-mail: suvorova.l.v@mail.ru
- Суворова Татьяна Евгеньевна** – магистрант каф. финансового менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Нижегородский филиал); 603155, Н. Новгород, ул. Б. Печерская, 25/12; моб. тел. 8-951-917-26-51; e-mail: suvorova.t.e@mail.ru
- Трифонов Юрий Васильевич** – зав. каф. информационных технологий и инструментальных методов в экономике ННГУ им. Н.И. Лобачевского; д.э.н., проф.; 603000, Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 60; сл. тел. (831) 430-21-23; e-mail: kei@ef.unn.ru
- Трофимов Олег Владимирович** – зам. директора по научной работе, магистратуре и аспирантуре, зав. каф. экономики фирмы Института экономики и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского; проф., д.э.н.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 240-09-66; e-mail: ovt@iee.unn.ru
- Филипова Александра Геннадьевна** – проф. каф. социальных наук Дальневосточного федерального университета; д.соц.н., доц.; 690950, Владивосток, ул. Суханова, 8; моб. тел. 8-914-651-77-93; e-mail: alexgen77@list.ru
- Чеглакова Людмила Михайловна** – доц. каф. управления человеческими ресурсами Школы бизнеса и делового администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; к.соц.н.; 105187, Москва, ул. Кирпичная, 33, комн. 629; сл. тел. (095) 772-95-84; e-mail: lcheglakova@hse.ru
- Чилипенюк Юлия Юрьевна** – зав. каф. общего и стратегического менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Нижегородский филиал); к.соц.н., доц.; 603000, Н. Новгород, ул. Родионова, 136; сл. тел. (831) 436-16-71; e-mail: YuChil@rambler.ru
- Шестерикова Наталия Васильевна** – доц. каф. информационных технологий и инструментальных методов в экономике ННГУ им. Н.И. Лобачевского; к.э.н.; 603000, Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 60; сл. тел. (831) 430-21-23; e-mail: Invsh@rambler.ru
- Шуклина Елена Анатольевна** – проф. Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; д.соц.н., проф.; 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19; моб. тел. +7-922-206-45-88; e-mail: shuklina_elen@mail.ru
- Щелина Тамара Тимофеевна** – декан психолого-педагогического факультета, проф. каф. общей педагогики и педагогики профессионального образования ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал); д.пед.н., проф.; 607220, Нижегородская область, Арзамас, ул. К. Маркса, 36; сл. тел. (83147) 4-66-50; e-mail: priem@arz.unn.ru
- Яшина Надежда Игоревна** – зав. каф. финансов и кредита Института экономики и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского; д.э.н., проф.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; моб. тел. +7-910-383-62-24; e-mail: sitnicof@mail.ru